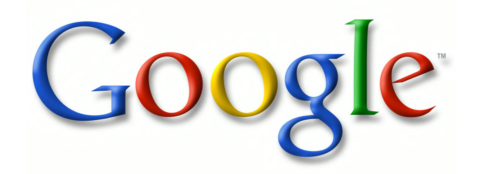
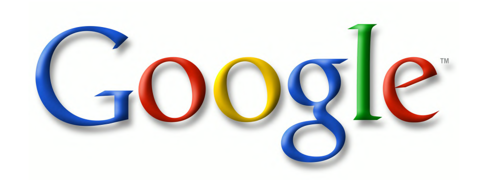
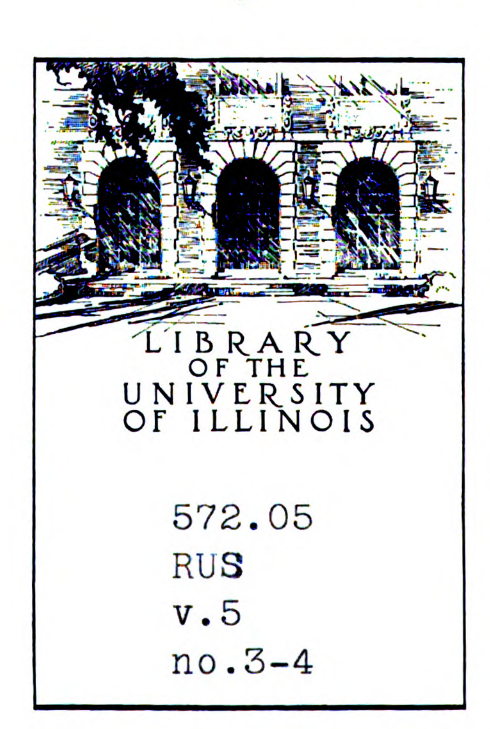

Google

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

Годъ 5-й. Кн. XIX—XX.

Русскій Антропологическій Журналъ

Изданіе Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

Основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ (30 марта 1900 г.) предсѣдателя Отдѣла, проф. **Д. Н. Анучина.**

подъ редакціей
Секретаря Антропологическаго Отдѣла
А. А. Ивановскаго.

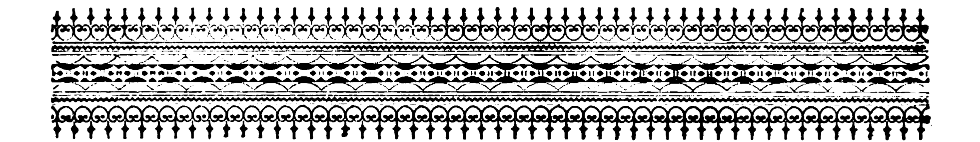
1904 г., №№ 3 и 4.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Москва, Пятницкая ул., с. д.
1905.

Печатано по постановленію Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Гербертъ Спенсеръ (1820—1903) и предтечи дарвинизма.

I.

Условія наслѣдственности и приспособленія опредѣляютъ природу личности, со всѣми ея особенностями, преимуществами и недостатками. Этого не слѣдуетъ забывать, говоря о Гербертѣ Спенсерѣ, какъ о человѣкѣ и мыслителѣ. Усопшій философъ, какъ чистокровный отпрыскъ великобританской расы, въ своей генеалогіи стоялъ почти особнякомъ среди умственныхъ вождей викторіанской эпохи, которые всѣ—съ Карлейлемъ во главѣ—были шотландскаго происхожденія. Любопытно также, что психическій типъ матери почти не отразился на Спенсерѣ. Ей онъ обязанъ развѣ своимъ нѣжнымъ физическимъ сложеніемъ. Отецъ Спенсера, педагогъ по профессіи, обладалъ самостоятельнымъ умомъ, всюду раскрывавшимъ причину явленій, — черта, столь характерная и для сына. Въ сильной діалектикѣ, свойственной аргументаціи автора «Системы», ясно сказывается наслѣдіе отца, педагогическіе взгляды котораго возродились въ «Искусствѣ воспитанія».

Въ раннемъ дѣтствѣ Спенсеръ своимъ слабымъ здоровьемъ внушалъ опасенія. Его школьное воспитаніе подвигалось медленно. На седьмомъ лишь году онъ усвоилъ искусство грамоты. Лѣниваго, невнимательнаго ребенка, ненавидѣвшаго заучиваніе, любившаго стоять на своемъ, считали умственно отсталымъ, неспособнымъ... Но вдали отъ школьной рутины, его природныя способности росли вольготно. Рисованіе съ натуры, составленіе гербаріевъ, коллекцій жуковъ и бабочекъ, руководимые отцомъ физическіе и химическіе опыты давали обильную пищу юному, пытливому уму.

Въ 1833 г. Гербертъ, достигнувъ 13-лѣтняго возраста и окрѣпши нравственно и тѣлесно, перешелъ на воспитаніе къ священнику Ѳомѣ Спенсеру, который приходился ему роднымъ дядей. Это былъ человѣкъ съ сильнымъ, безпристрастнымъ умомъ и съ независимымъ характеромъ, принимавшій дѣятельное участіе въ возникшемъ тогда демократическомъ движеніи чартистовъ. Отношенія между учителемъ и ученикомъ не оставляли желать

лучшаго. Но когда, спустя три года, Θома Спенсеръ пожелалъ опредѣлить племянника въ университетъ, Гербертъ рѣшительно возсталъ противъ его замысла. До него дошли, вѣроятно, кое-какіе слухи о тогдашнихъ академическихъ порядкахъ, которые ему должны были показаться далеко не привлекательными. Сверхъ того, ему не далась грамматика греческой и латинской рѣчи. Его мозгъ рѣшительно отказывался отъ механическаго заучиванія правилъ и исключеній. Его сердце не лежало къ классицизму. Во всемъ онъ улавливалъ общія начала и логическія основы, а въ области математики и механики въ немъ уже тогда проявлялись недюжинныя способности.

Это преобладаніе въ Спенсерѣ практическаго и техническаго направленія ума стало положительно очевиднымъ, когда 17-лѣтній юноша, пробывши 3 мѣсяца въ качествѣ учителя начальной школы, совершенно неожиданно для всѣхъ, поступилъ на должность инженера при постройкѣ желѣзнодорожной линіи Лондонъ-Бирмингэмъ. Цѣлыхъ полтора года онъ велъ провѣрку машинъ, изготовлялъ планы, чертилъ карты, и, кромѣ обычныхъ обязанностей инженера, ему былъ порученъ надзоръ за строительными работами по линіи. Возникла необходимость озаботиться расширеніемъ запаса математическихъ знаній. Какъ результатъ самостоятельныхъ опытовъ, молодой инженеръ выпустилъ рядъ статей по спеціальнымъ техническимъ вопросамъ. Къ тому же времени относится одно изъ изобрѣтеній Спенсера — инструментъ, подъ названіемъ велосиметра, назначенный для опредѣленія скорости локомотивовъ. Позже, въ 1846 г., онъ выработалъ проектъ новаго типа пильной и стругальной машины, которая даже была патентована, но, насколько извѣстно, не нашла практическаго осуществленія.

Въ то время должность инженера при желѣзной дорогѣ принадлежала къ наименѣе надежнымъ и плохо обезпеченнымъ. Приходилось подумать о чемъ-нибудь болѣе опредѣленномъ. Въ періоды тѣхъ продолжительныхъ перерывовъ своей служебной дѣятельности, которые вызывались постоянными кризисами и крахами тогдашнихъ желѣзподорожныхъ предпріятій, Спенсеръ, пользуясь изобиліемъ свободнаго времени, успѣлъ значительно расширить и углубить свои знанія, и такимъ путемъ было положено основаніе той обширной эрудиціи, которой впослѣдствіи оказалась проникнутой «система синтетической философіи». Съ особеннымъ усердіемъ онъ изучалъ ботанику, рисовалъ перомъ съ натуры, разрабатывалъ вопросы техники, лѣпилъ бюсты. Обстоятельства сложились такъ, что къ 1844 г. Спенсеръ вновь очутился въ излюбленной роли инженера, которую онъ окончательно сложилъ съ себя въ 1846 г., рѣшивъ испытать счастье въ качествѣ журналиста.

Первые шаги казались успѣшными. Уже въ слѣдующемъ, 1847 г., Гербертъ Спенсеръ выступаетъ однимъ изъ редакторовъ еженедѣльнаго финансово-экономическаго журнала «Economist». Къ 1850 г. ему удалось выпустить въ свѣтъ свой первый крупный трудъ по философіи общества— «Social Statics». Это изслѣдованіе обратило на себя вниманіе. Ему же до

тѣхъ поръ почти неизвѣстный авторъ обязанъ знакомствомъ съ Гёксли, Тиндалемъ, Джономъ Стюартомъ Миллемъ. Спустя два года послѣ обнародованія «Social Statics», Спенсеръ забросилъ журналистику.

Назрѣли въ немъ проблемы эволюціонизма.

Содержаніе и объемъ этихъ проблемъ намѣчены въ знаменитомъ «Проспектѣ», выпущенномъ въ 1860 году.

Планъ Спенсера заключался въ томъ, чтобы на почвѣ закона эволюціи создать обширную философскую систему, долженствовавшую объединять собою всѣ отрасли знанія въ одно всеобъемлющее міровозрѣніе. Этотъ гигантскій трудъ, который по окончательному расчету, подробно изложенному въ 33 пунктахъ «Проспекта», долженъ былъ обнимать собою десять томовъ, Спенсеръ, со свойственнымъ ему оптимизмомъ, первоначально предполагалъ исполнить въ двадцать лѣтъ. Но когда въ ноябрѣ 1896 г. вышелъ въ свѣтъ третій томъ «Соціологіи» — единственный еще недостававшій отдѣлъ въ «Системѣ синтетической философіи», — то оказалось, что вмѣсто двухъ десятковъ лѣтъ на эту колоссальную задачу пошло безъ малаго четыре десятка. Спенсеръ слишкомъ довѣрялъ своей физической выносливости. Въ 1853 г. умственное переутомленіе, оставшееся послѣ «Основъ психологіи», кончилось тяжелымъ нервнымъ разстройствомъ, отъ котораго Спенсеру уже не пришлось поправиться. У него съ тѣхъ поръ развилась упорная безсонница, и этотъ роковой недугъ дѣлалъ его временами неспособнымъ къ творческой работѣ.

Въ довершеніе всего матеріальная сторона изданія уже вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ первыхъ выпусковъ «First Principles» оказалась далеко не обезпеченной. «Психологія» за девять лѣтъ разошлась въ количествѣ 500 экземпляровъ... Нѣсколько лучшую участь имѣли «Social Statics», но выпускать эту книгу вторымъ изданіемъ все-же представлялось большимъ рискомъ. «Воспитаніе», отпечатанное въ 1861 г. всего въ 500 экземплярахъ, расходилось крайне слабо. Желая, съ своей стороны, хоть сколько-нибудь распространить свое изслѣдованіе среди педагоговъ, Спенсеръ рѣшилъ разослать нѣкоторое количество экземпляровъ, въ дешевыхъ переплетахъ, желающимъ, по первому требованію. Поступило всего двѣнадцать заявленій. Являясь въ одномъ лицѣ авторомъ и издателемъ, — все изданіе предполагалось выпустить по подпискѣ, — Спенсеръ отъ своихъ изданій не только не получалъ никакихъ доходовъ, но и терпѣлъ большіе убытки, которые въ 1867 г., послѣ обнародованія «Началъ Біологіи», выразились круглою цифрою въ 24.000 германскихъ марокъ, а убытки отъ изданія «Описательной Соціологіи», благодаря бозучастному отношенію публики, достигли слишкомъ 80.000 марокъ. Стюартъ Милль и другіе друзья поспѣшили заявить о своей готовности нести всю матеріальную отвѣтственность за начатое изданіе. Но Спенсеръ, отклонивъ ихъ помощь, объявилъ въ циркулярѣ, разосланномъ подписчикамъ, о наступившей необходимости прекратить печатаніе дальнѣй-

шихъ выпусковъ. Въ этотъ критическій моментъ профессоръ Эдвардъ Ливингстонъ Яуменъ, много способствовавшій популяризаціи Спенсера въ Соединенныхъ Штатахъ, собралъ подпиской 7.000 долларовъ и предложилъ ихъ въ такой деликатной формѣ, что Спенсеръ въ концѣ-концовъ принялъ эту сумму, назначивъ ее на подготовку и научную разработку матеріаловъ по соціологіи, для чего, какъ оказалось, необходимо было постоянное содѣйствіе трехъ ученыхъ секретарей. Начиная съ 1875 г., когда имя Спенсера получило уже обширную извѣстность, въ матеріальномъ положеніи философа стала наступать перемѣна къ лучшему.

Самостоятельность мышленія и необычайная твердость въ осуществленіи намѣченныхъ задачъ — коренныя черты Герберта Спенсера. Это — типъ практическаго философа. Въ немъ рѣзко выдается склонность къ научному спору, какъ наслѣдіе его родичей-пуританцевъ. Его изложеніе, отличаясь вообще большою подробностью, мѣстами нѣсколько растянуто — особенность, раздѣляемая большинствомъ писателей англосаксонской крови. Какъ натурфилософъ, Спенсеръ широко пользовался результатами спеціальныхъ отраслей науки. Въ отличіе отъ Дарвина, этого опытнаго и всесторонняго наблюдателя-натуралиста, онъ выступалъ въ качествѣ самостоятельнаго изслѣдователя лишь въ области ботаники и техники: свои «Основы Біологіи» онъ подвергалъ предварительной редакціи со стороны Гёксли, какъ спеціалиста-анатома и біолога. Съ другой стороны, обширность эрудиціи рѣзко отличаетъ автора «Системы» отъ Конта, допускающаго грубыя неточности въ элементарныхъ вопросахъ біологіи.

Скромность въ признаніи предѣловъ познаваемости, по замѣчанію одного изъ историковъ англійскаго позитивизма, столь же замѣчательна въ характерѣ Спенсера, сколь несокрушима была смѣлость его положеній въ области познаваемаго.

II.

Въ предисловіи къ первому изданію «Происхожденія видовъ», вышедшему въ ноябрѣ 1859 г., Дарвинъ въ числѣ своихъ предшественниковъ называетъ также Герберта Спенсера.

Обстоятельство это имѣетъ свою исторію...

Въ мартовской тетради журнала «Leader» за 1852 г. появилась небольшая статья, подъ заглавіемъ «The Development Hypothesis» (Гипотеза развитія), въ которой Спенсеръ сопоставляетъ теорію творенія съ теоріей эволюціи, и въ результатѣ этого сравненія, основаннаго на эмбріологическихъ и другихъ данныхъ, онъ въ концѣ-концовъ приходитъ къ заключенію, что т. наз. *виды непостоянны* и что они *подвержены измѣненіямъ*, которыя, по его мнѣнію, зависятъ отъ условій среды.

Эту статью имѣлъ въ виду Дарвинъ, упоминая о Спенсерѣ въ предисловіи къ «Происхожденію видовъ». Попытку Спенсера онъ называетъ удачной и сухо признаетъ всю убѣдительность его доводовъ.

Но этимъ и ограничивается то, что мы слышимъ о Спенсерѣ въ знаменитой книгѣ Дарвина... Въ читателѣ остается впечатлѣніе, что *до Дарвина*, точнѣе до обнародованія «Происхожденія видовъ», Спенсеръ по вопросу объ эволюціи организмовъ не заявлялъ печатно никакихъ существенно новыхъ мыслей, кромѣ тѣхъ общихъ положеній, на которыя ссылается Дарвинъ и которыя, какъ извѣстно, подкрѣпляютъ лишь прежнія гипотезы Ламарка и Исидора Сентъ-Илера. «Principles of Biology», т.-е. то сочиненіе, въ которомъ обычный читатель встрѣчается съ біологическимъ міровозрѣніемъ Спенсера, появилось въ печати первымъ изданіемъ въ 1867 г., значитъ, спустя восемь лѣтъ *послѣ* книги Дарвина. Отсюда естественно могло возникнуть *мнѣніе, что эволюціонизмъ Спенсера развился какъ бы на почвѣ дарвинизма*. Тэнъ говоритъ о Спенсерѣ, какъ объ ученикѣ Дарвина, распространившемъ начала дарвинизма и на другія явленія природы и общественной жизни.

Но на самомъ дѣлѣ отношенія между философіей Дарвина и Спенсера представляются въ совершенно иномъ свѣтѣ. Стоитъ только вспомнить, какимъ образомъ въ Спенсерѣ пробудилась идея эволюціи, какъ она въ немъ росла и упрочилась и въ какой формѣ она вылилась въ эпоху, предшествовавшую дарвинизму въ собственномъ смыслѣ этого слова. Достаточно одного того, что много раньше «Происхожденія видовъ» существовалъ въ печати рядъ работъ Спенсера, посвященныхъ біологическому эволюціонизму, но оставшихся неизвѣстными какъ Тэну, такъ, повидимому, и самому Дарвину. Въ этихъ своихъ изслѣдованіяхъ, о которыхъ Дарвинъ въ 1859 г. не оговаривается ни полсловомъ, хотя они были обнародованы въ періодъ между 1852 и 1857 г.г., Спенсеръ не только выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ эволюціонной мысли, но и *приводитъ положительныя данныя для объясненія загадки происхожденія видовъ*. Въ нихъ, въ этихъ замѣчательныхъ въ исторіи философіи трактатахъ до-Дарвиновой эпохи, и скрываются основы и корни того ученія Спенсера, которое позже получило болѣе совершенное, высшее выраженіе въ «Principles of Biology». Въ нихъ Спенсеръ еще свободенъ отъ вліянія дарвинизма, ибо таковаго къ тому времени еще не существовало.

Однажды, въ 1839 г., въ бытность свою желѣзнодорожнымъ инженеромъ, Спенсеръ, наблюдая за земляными работами, случайно наткнулся на остатки какихъ-то ископаемыхъ. Находка эта заставила его заняться геологіей. Онъ познакомился съ «Началами» сэра Чарльза Ляйэля и въ изложеніи знаменитаго геолога впервые обратилъ вниманіе на идею эволюціи органическаго міра.

Сама мысль, впрочемъ, въ то время уже не была новостью. Гёте въ Германіи, Э. Жоффруа Сентъ-Илеръ во Франціи и Эразмъ Дарвинъ (дѣдъ автора «Происхожденія видовъ») въ Англіи почти одновременно— въ 1749—1795 г.г. — высказались за возможность возникновенія одныхъ ви-

довъ изъ другихъ. Но взгляды эти въ то время не имѣли успѣха. Жанъ Ламаркъ вновь обратилъ всеобщее вниманіе на вопросъ эволюціи организмовъ, выступая въ своей «Философской зоологіи» съ гипотезой, что всѣ виды, не исключая человѣка, произошли отъ другихъ видовъ. По его мнѣнію, виды животнаго царства непостоянны и измѣнчивы во времени, а причину измѣняемости онъ видѣлъ въ непосредственномъ воздѣйствіи жизненныхъ условій и въ употребленіи или неупотребленіи органовъ, которые обладаютъ свойствомъ приспособляться ко всевозможнымъ измѣненіямъ этихъ условій.

Глубокое впечатлѣніе на Спенсера произвели эмбріологическія открытія Вольфа и Бэра, давшія рѣшительный толчокъ развитію въ немъ эволюціонной мысли.

Еще задолго до Гете тотъ самый Каспаръ Фридрихъ Вольфъ, которому принадлежитъ открытіе метаморфоза растеній, выяснилъ съ полною убѣдительностью, что какъ растительные, такъ и животные организмы и ихъ отдѣльные органы зарождаются не въ той окончательной формѣ, которая свойственна имъ во взросломъ состояніи, а *развиваются путемъ постепеннаго преобразованія изъ болѣе простыхъ, однородныхъ зачатковъ*. Онъ убѣдился, что главнѣйшія системы органовъ появляются первоначально каждая въ видѣ листа или пластинки, которая постепенно превращается въ полуцилиндръ и, въ концѣ-концовъ, принимаетъ форму *трубки*. Мало того: *органы животнаго организма развиваются одинъ за другимъ въ совершенно опредѣленномъ порядкѣ*. «Получается такое впечатлѣніе»,—пишетъ К. Ф. Вольфъ,—«какъ будто бы *въ различные періоды и въ нѣсколько пріемовъ по очереди* образуются по одному и тому же типу (т.-е. по типу трубки) различныя системы, изъ которыхъ впослѣдствіи составляется организмъ животнаго. Системы эти кажутся сходными между собою, хотя онѣ по существу весьма различны. Раньше всѣхъ остальныхъ системъ закладывается и принимаетъ опредѣленную, своеобразную форму нервная система. Вслѣдъ за нею образуется по тому же типу то мясистое вещество, которое составляетъ главную массу зародыша. Затѣмъ возникаетъ сосудистая система, а за нею, въ видѣ четвертой системы, зарождается пищеварительный каналъ, который, развиваясь по тому же основному типу, вполнѣ уподобляется первымъ тремъ системамъ, какъ законченное, замкнутое цѣлое».

Въ этихъ замѣчательныхъ положеніяхъ, выражающихъ собою сущность новаго *эволюціоннаго* ученія Каспара Фридриха Вольфа, уже вполнѣ ясно обрисовывается принципъ *дифференціаціи* и перехода однородныхъ явленій въ состояніе разнородности. Въ силу принципа дифференцировки только и становится мыслимымъ развитіе столь сложныхъ, по своей формѣ, органовъ взрослаго организма изъ ряда простыхъ зачатковъ, обладающихъ первоначально одними и тѣми же свойствами. Господствовавшая до Вольфа

теорія творенія допускала, что зародышъ съ самаго начала содержитъ въ себѣ, въ малыхъ размѣрахъ, все будущее животное со всѣми его органами въ ихъ окончательной формѣ. Мысль же о метаморфозѣ считалась чѣмъ-то неслыханнымъ.

У Вольфа законъ дифференцировки или совершенствованія является, однако, въ общемъ еще гипотезой, основанной пока лишь на процессѣ развитія одного органа (именно кишечника) и перенесенной путемъ аналогіи и обобщенія на всѣ остальныя системы органовъ. Окончательная разработка этой гипотезы выпала на долю нашего академика Карла Эрнста фонъ-Бэра, которому въ результатѣ многолѣтнихъ работъ удалось съ удивительною точностью выяснить возникновеніе зародышевыхъ листковъ и ходъ ихъ преобразованія въ отдѣльные органы животнаго организма. К. Э. фонъ-Бэръ не сомнѣвался, что тѣ же начала, которыя лежатъ въ основѣ развитія индивидуальнаго зародыша, должны имѣть значеніе, какъ общій законъ эволюціи, и поэтому онъ считалъ себя въ правѣ высказать, въ видѣ общей истины, то положеніе, что *сущность органическаго развитія сводится къ переходу состоянія однородности въ состояніе разнородности.*

Законъ Бэра, съ которымъ Спенсеръ познакомился около 1850 года, послужилъ исходною точкою всего дальнѣйшаго развитія его эволюціонной теоріи.

Спенсеръ убѣдился, что въ той формулировкѣ закона зародышеваго развитія, которая этому закону была дана Бэромъ, выражено одно изъ основныхъ условій эволюціи — *начало дифференціаціи.* Ему уже тогда стало ясно, что какъ дифференціація, такъ и самый законъ эволюціи должны играть роль основныхъ началъ во всевозможныхъ другихъ областяхъ органическаго и неорганическаго міра, въ предѣлахъ общественной жизни, науки и духовной дѣятельности, особенно же въ *процессѣ происхожденія видовъ.*

О такомъ своемъ убѣжденіи Спенсеръ впервые заявилъ въ той замѣчательной по ея содержанію журнальной статьѣ, подъ заглавіемъ «The Development Hypothesis», которая вышла въ свѣтъ за *семь лѣтъ до обнародованія Дарвиномъ «Происхожденія видовъ».*

Спенсеръ доказываетъ здѣсь прежде всего, что виды обязаны своимъ происхожденіемъ естественному *развитію.* Немыслимымъ ему уже тогда казалось допустить, чтобы каждый изъ тѣхъ «десяти милліоновъ видовъ», на которые распадается міръ организмовъ, былъ созданъ отдѣльно, самъ по себѣ, непосредственно, какъ результатъ особаго творческаго акта. Развитіе одного вида изъ другого и происхожденіе всѣхъ существующихъ видовъ изъ одного общаго корня онъ считалъ гораздо болѣе правдоподобнымъ. Впрочемъ, Спенсеръ тутъ же ссылается на факты. Въ пользу того, что виды со-временемъ претерпѣваютъ измѣненія, онъ приводитъ данныя изъ жизни культурныхъ растеній, домашнихъ животныхъ и различныхъ расъ и по-

родъ человѣка. Ему извѣстно, что потомки одних и тѣхъ же производителей часто гораздо болѣе расходятся между собою, чѣмъ представители различныхъ видовъ. Съ другой стороны, между видами, родами и разновидностями трудно провести строгую границу. Это также говоритъ за измѣнчивость видовъ. Кромѣ того, Спенсеръ указываетъ на тѣ измѣненія, которыя происходятъ въ нашихъ органахъ въ зависимости отъ степени ихъ жизнедѣятельности; онъ отмѣчаетъ послѣдствія односторонняго развитія отдѣльныхъ органовъ подъ вліяніемъ привычныхъ движеній въ томъ смыслѣ, какъ это наблюдалось уже Ламаркомъ. Спенсеру въ это время уже были извѣстны тѣ замѣчательныя эмбріологическія явленія, открытіе которыхъ связано съ именемъ К. Ф. Вольфа и К. Э. фонъ-Бэра: на нихъ онъ также ссылается въ доказательство того, что весь міръ организмовъ возникаетъ путемъ постепенныхъ измѣненій и преобразованій.

Но гдѣ *причины* этихъ измѣненій?

Спенсеръ на это отвѣчаетъ вполнѣ опредѣленно въ той же статьѣ. По его мнѣнію, *измѣненія внѣшнихъ условій* совершенно удовлетворительно объясняютъ всѣ тѣ явленія измѣнчивости видовъ, какія мы наблюдаемъ въ животномъ и растительномъ царствѣ. Если,—продолжаетъ Спенсеръ,—перенести животное въ новыя условія жизни, то тотчасъ же начинаютъ развиваться опредѣленныя *измѣненія структуры его органовъ*. Измѣненія эти имѣютъ цѣлью *приспособленіе даннаго организма къ условіямъ новой среды*. А сами жизненныя условія въ высшей степени непостоянны, измѣняясь въ зависимости отъ астрономическихъ, геологическихъ и метеорологическихъ процессовъ, дѣйствующихъ хотя и крайне медленно, но за-то безпрерывно въ теченіе длинныхъ періодовъ времени.

Такимъ образомъ, въ этомъ замѣчательномъ очеркѣ Спенсеръ впервые развиваетъ вполнѣ обоснованную *гипотезу происхожденія однихъ видовъ изъ другихъ на эволюціонныхъ началахъ*. Орудіями эволюціи въ этой гипотезѣ являются: измѣнчивость структуры, непостоянство условій среды и приспособляемость организмовъ ко всевозможнымъ измѣненіямъ этихъ условій.

Эмбріологическая теорія Бэра здѣсь пока еще не находитъ прямого приложенія. Но несомнѣнно, что Спенсеръ уже въ то время былъ вполнѣ убѣжденъ въ ея глубокомъ значеніи. Осенью того же 1852 г., въ которомъ вышла «Гипотеза развитія», Спенсеръ въ статьѣ о «Философіи слога» сознательно и открыто примѣняетъ эту теорію къ проблемѣ развитія рѣчи и письма. «Разнородность» въ смыслѣ Бэра,—заключаетъ онъ,—характерна для совершенствованія рѣчи въ той же степени, какъ она свойственна вообще высшимъ произведеніямъ природы и человѣческаго духа. Признакомъ высшаго развитія служитъ не состояніе однородности, а разнородность частей, составляющихъ данное явленіе (дифференціація) и въ то же время ихъ взаимная зависимость (интеграція). Законъ дифференцировки и интеграціи

Спенсеръ пытается ввести въ область *психической жизни*. Въ «Art of Education» онъ въ 1854 г. доказываетъ, что и *воспитаніе* подвержено общимъ законамъ эволюціи или развитія; оно должно итти шагъ за шагомъ, начиная съ простѣйшаго и кончая наиболѣе сложнымъ. Какъ всѣ другія явленія природы подлежатъ постепенному росту и усовершенствованію, такъ и *умъ* человѣка прогрессивно измѣняется въ смыслѣ перехода изъ состоянія однородности въ состояніе разнородности.

Вторая половина 1855 г. и весь 1856 г. обозначаютъ собою періодъ переутомленія, покоя и отдыха творческихъ силъ. Это явилось какъ бы реакціей послѣ того чрезмѣрнаго умственнаго напряженія, котораго потребовала обработка перваго изданія «Principles of Psychology». Но уже начало 1857 г. принесло съ собою новый подъемъ силъ, и въ теченіе этого одного года проблема о происхожденіи видовъ была доведена Спенсеромъ до той ея формы, къ которой ему впослѣдствіи (т.-е. послѣ обнародованія теоріи Дарвина) не осталось прибавить что-либо, съ его точки зрѣнія, существенно новое.

Необходимо было послѣ установленія въ общихъ чертахъ тѣхъ основныхъ началъ, отъ которыхъ зависитъ процессъ эволюціи органовъ, выяснить *сущность* этихъ началъ и ихъ біологическое значеніе.

Спенсеръ остановился прежде всего на дѣйствіи окружающихъ условій. Въ статьѣ о «законахъ и причинахъ прогресса», вышедшей въ апрѣлѣ 1857 г., онъ пытается показать, какой могущественный факторъ представляетъ изъ себя *среда* и какъ сильно и разносторонне отзываются ея условія на жизни животныхъ и растеній. Представимъ себѣ,—пишетъ Спенсеръ,—всѣ разнообразныя послѣдствія для фауны и флоры одного такого событія, какъ поднятіе земной коры, которое связало бы острова Остъиндскаго архипелага между собою и съ Австраліей въ одинъ общій материкъ: мѣста, бывшія прежде покрытыя болотами и водою, представятся сушею; болотныя растенія погибнутъ, и вмѣстѣ съ ними исчезнутъ всѣ животныя, которымъ они служили единственною пищею; измѣнятся также температура и климатъ; мѣстности, бывшія до тѣхъ поръ въ одинаковыхъ географическихъ условіяхъ, теперь будутъ рѣзко отличаться, такъ что близкія между собою животныя или растительныя породы сразу окажутся подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ условій, между тѣмъ какъ другія породы, которыя до этой катастрофы были отдѣлены другъ отъ друга цѣлыми океанами, непосредственно столкнутся между собою; травоядныя животныя внезапно окажутся въ сообществѣ опасныхъ хищниковъ: они вынуждены будутъ измѣнить свои привычки, чтобы успѣшно защищаться или спастись бѣгствомъ, и эти новыя привычки, въ свою очередь, отзовутся на структурѣ организма.

На такомъ конкретномъ примѣрѣ Спенсеръ поясняетъ т.-наз. *законъ усугубленія дѣйствій*, который говоритъ, что каждая сила влечетъ за

собою не одно измѣненіе, а цѣлую сумму измѣненій, каждая причина—совокупность дѣйствій. Ясно, что, благодаря этому закону, внѣшняя среда получаетъ глубокое значеніе въ процессѣ возникновенія новыхъ видовъ и породъ.

Но разъ внѣшнія условія непостоянны, организмы должны обладать особыми свойствами, въ силу которыхъ они могли бы приспособиться къ измѣненіямъ среды. Въ чемъ заключаются эти свойства? По какимъ законамъ совершается это непрерывное приспособленіе? И въ какомъ видѣ процессъ приспособленія отзывается на самомъ организмѣ?

По мнѣнію Спенсера, которое было высказано имъ въ томъ же 1857 г. въ статьѣ, носящей характерное заглавіе «The ultimate Laws of Physiology», частицы какой бы то ни было однородной органической матеріи относятся крайне различно къ воздѣйствію внѣшнихъ силъ, а потому это воздѣйствіе отражается на частицы въ весьма неодинаковой степени. Отсюда—естественное непостоянство частицъ однородныхъ веществъ. А это непостоянство, въ свою очередь, служитъ причиною ихъ крайне легкой *видоизмѣняемости подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій*. Способность къ видоизмѣненію — характерный признакъ органическихъ матерій и организмовъ. Видоизмѣняясь, организмы пріобрѣтаютъ способность существовать въ наступившихъ новыхъ условіяхъ. Подъ вліяніемъ воздѣйствій среды они претерпѣваютъ рядъ *функціональныхъ приспособленій*. И всѣ функціональныя приспособленія отличаются особымъ свойствомъ: они передаются, въ силу закона наслѣдственности, на потомковъ.

Спенсеръ уже тогда особенно ударялъ на фактѣ *наслѣдственности приспособленій*. Ему представлялось не подлежащимъ сомнѣнію, что, благодаря наслѣдственной передачѣ, эти приспособленія постепенно все болѣе *упрочиваются и усугубляются въ потомствѣ*, находящемся подъ дѣйствіемъ тѣхъ же жизненныхъ условій. Въ результатѣ же медленнаго, но постояннаго процесса приспособленія съ теченіемъ времени должны возникать все болѣе сложные и болѣе дифференцированные типы организмовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Спенсеръ въ то время уже вполнѣ ясно сознавалъ, что, на-ряду съ условіями среды, въ процессѣ происхожденія видовъ должны имѣть огромное значеніе тѣ начала дифференціаціи, на которыя указываютъ эмбріологическія открытія Вольфа и Бэра. Если, аргументируетъ Спенсеръ, присмотримся къ ходу развитія индивидуальнаго организма, то это развитіе, этотъ процессъ совершенствованія, которому организмъ подверженъ съ момента зачатія до наступленія взрослаго возраста, представляется какъ постепенный переходъ однородности его строенія въ состояніе разнородности. То же самое имѣетъ мѣсто въ жизни *всей* природы, въ совокупности всѣхъ жизненныхъ проявленій. Данныя палеонтологіи, на которыя при этомъ ссылается Спенсеръ, показываютъ, что нынѣ существующія животныя и растенія представляютъ бо̀льшую разнородность, чѣмъ фауна

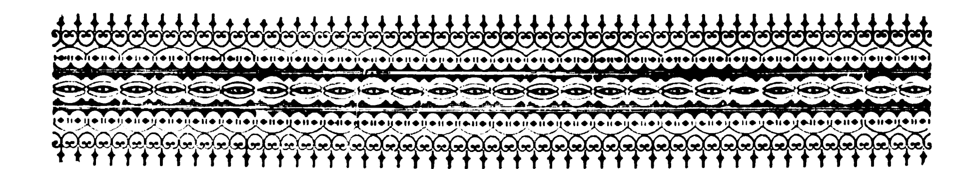
и флора прежнихъ геологическихъ эпохъ. Такъ, напр., среди позвоночныхъ мы первоначально находимъ рыбъ, какъ наиболѣе однородныхъ въ своемъ строеніи представителей этого типа организмовъ. Въ послѣдующія эпохи наступаетъ дифференцировка: появляются пресмыкающіяся, гады, птицы, наконецъ, млекопитающія. Чѣмъ позже организмы выступаютъ на арену эволюціи, тѣмъ разнороднѣе, сложнѣе становится ихъ строеніе. Это подтверждается также на млекопитающихъ: сумчатыя, какъ наиболѣе низкій типъ, старше всѣхъ остальныхъ въ своей генеалогіи; высшимъ, по своей организаціи, представителемъ млекопитающихъ является человѣкъ, который выступаетъ въ эволюціи позже всѣхъ прочихъ организмовъ.

Законъ дифференціаціи, какъ мы видѣли, признавался Спенсеромъ уже въ срединѣ 50-хъ годовъ, какъ одно изъ основныхъ началъ эволюціи органическихъ видовъ.

Но еще въ 1857 г., въ статьѣ о «трансцедентальной физіологіи», опубликованной въ октябрьскомъ выпускѣ «National Review», Спенсеръ существенно расширяетъ предѣлы дѣйствія дифференцирующаго начала, доказывая, что принципъ дифференціаціи въ эволюціи всегда идетъ рука объ руку съ принципомъ *интеграціи*. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ общей истины, онъ высказываетъ положеніе, что всякое состояніе однородности повсюду представляется одновременно, какъ состояніе *непостояннаго равновѣсія*. Это положеніе, которое впослѣдствіи сыграло столь многозначительную роль въ «Началахъ Біологіи», нашло опредѣленное отраженіе и сознательную оцѣнку уже въ ту сравнительно раннюю эпоху философіи Спенсера.

Не менѣе, чѣмъ за два года до обнародованія «Происхожденія видовъ», въ періодъ времени отъ 1852 до 1857 г., теорія эволюціи организмовъ, ихъ видовъ, породъ и разновидностей представлялась въ философіи Спенсера вполнѣ законченной и обоснованной по существу. Его мысли, изложенныя въ краткихъ журнальныхъ статьяхъ псевдонимнымъ авторомъ, тогда остались почти незамѣченными. Но уже въ то время теорія эволюціи въ философіи Спенсера обнимала собою всѣ тѣ начала и истины, которыя впослѣдствіи легли въ основу дарвинизма. «Естественный отборъ» въ 1859 г. не могъ быть большою неожиданностью для Спенсера, послѣ того, какъ та же мысль, въ иныхъ лишь выраженіяхъ, была выдвинута имъ еще въ срединѣ 50-хъ годовъ для *объясненія* загадки происхожденія видовъ. Впрочемъ, авторъ системы синтетической философіи всегда охотно и открыто признавалъ заслуги своего знаменитаго земляка, вполнѣ раздѣлявшаго его увѣренность во всеобъемлющемъ значеніи эволюціоннаго начала.

Р. Вейнбергъ.

Финны Финляндіи.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ вкратцѣ изложить результаты моихъ антропологическихъ изслѣдованій надъ финнами Финляндіи. Свои изслѣдованія я производилъ въ г. Выборгѣ и его окрестностяхъ. Рабочее населеніе, въ которомъ я, главнымъ образомъ, черпалъ свои наблюденія,— по большей части пришлое: тутъ собираются представители со всѣхъ концовъ Финляндіи — отъ Торнео до С.-Михеля.

Измѣрено мной 283 человѣка, а обработано только 250 человѣкъ (150 муж. и 100 жен.), въ возрастѣ отъ 20 до 50 лѣтъ; остальные 33 человѣка пришлось оставить въ цѣляхъ сохраненія однородности матеріала: тутъ были лица старше 50 и моложе 20 лѣтъ [1]).

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію антропологическаго матеріала, я считаю необходимымъ сказать, хотя бы нѣсколько словъ, о прошломъ обитателей Финляндіи. Древняя исторія финновъ принадлежитъ къ числу самыхъ трудныхъ этническихъ загадокъ, которую тщетно старались разгадать Ретціусъ, Кастренъ, Шёгренъ, Альквистъ, Европеусъ, Бэръ, Веске, Богдановъ и др. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта разгадка необходима: въ ней лежитъ отвѣтъ о прошломъ не только населенія Финляндіи, но и Россіи, а, можетъ-быть, даже всей Европы. Этому вопросу посвящена огромная литература. Въ настоящей статьѣ я не имѣю возможности останавливаться на ней подробно, а коснусь ея только постольку, поскольку это необходимо для нашихъ чисто-антропологическихъ цѣлей.

Являются ли финны коренными обитателями Суоми или они появились здѣсь позднѣе, уже въ историческую эпоху, и что собственно должно понимать подъ словомъ «финны», — вотъ вопросы, на которые необходимо прежде всего отвѣтить. Начнемъ съ послѣдняго вопроса: что должно понимать подъ словомъ «финны»? Этотъ вопросъ, который можетъ показаться съ перваго взгляда страннымъ, имѣетъ огромное значеніе. Въ немъ — главнѣйшія противорѣчія всей литературы о финнахъ. Одни авторы подъ этимъ

---

[1]) Этимъ обстоятельствомъ объясняется и нѣкоторая разница въ цифрахъ съ моимъ предварительнымъ подсчетомъ, опубликованнымъ въ изслѣдованіи *А. А. Ивановскаго*: „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“.

словомъ подразумѣваютъ «собственно финновъ» или западныхъ финновъ, жителей Финляндіи, другіе этимъ именемъ обозначаютъ финскую семью народовъ, финское племя, чаще называемое «финно-угорскимъ». Ясно, какъ различны должны быть выводы въ томъ и другомъ случаѣ, особенно если принять во вниманіе, что и понятіе «финно-угры», въ свою очередь, крайне неопредѣленное. «Семейство финское, — говоритъ проф. Богдановъ,— заключаетъ въ себѣ народы съ самыми противоположными краніологическими свойствами: здѣсь встрѣчаемъ мы и короткоголовыхъ, и длинноголовыхъ... Не составляетъ ли, — спрашиваетъ онъ, — семейство финское смѣси различныхъ племенъ, имѣющихъ различное происхожденіе и слившихся только въ бытовомъ и этническомъ отношеніи?»

Какіе же народы входятъ въ составъ этой финно-угорской семьи? Есть нѣсколько классификацій: Гартмана, Ф. Мюллера, Оск. Пешеля, Кастрена, Бэра и др. Наиболѣе полными и близкими другъ къ другу являются двѣ послѣднія — Кастрена и Бэра.

По Кастрену:

Финское семейство:
- I Угорскіе финны . .
  - a. Остяки.
  - b. Вогулы.
  - c. Венгерцы.
- II Волжскіе финны . .
  - a. Черемисы.
  - b. Мордва.
- III Пермская вѣтвь . .
  - a. Пермяки.
  - b. Зыряне.
  - c. Вотяки.
- IV Финская вѣтвь . .
  - a. Карелы.
  - b. Емь.
  - c. Воть.
  - d. Эсты и ливы.

По Бэру «финское семейство» раздѣляется:

- I Западные финскіе народы.
  - 1. Лопари.
  - 2. Финны.
    - a. Емь.
    - b. Карелы.
    - c. Ижорцы.
  - 3. Воть.
  - 4. Эсты.
  - 5. Ливы.
- II Восточные финны.
  - 1. Зыряне.
  - 2. Пермяки.
  - 3. Вотяки.
  - 4. Вогулы.
  - 5. Остяки.
- III Волжскіе финны.
  - 1. Мордва.
  - 2. Черемисы.
  - 3. Чуваши.
  - 4. Венгры.

Одного взгляда на эти таблицы достаточно, чтобы видѣть, какъ осторожно слѣдуетъ обращаться съ этой группой и какъ необходимъ самый серьезный пересмотръ ея.

Насколько мнѣ извѣстно, только одинъ Retzius считалъ финновъ аборигенами Европы; всѣ другіе авторы согласно утверждаютъ, что это — пришлый элементъ; разногласія только въ томъ, откуда они появились, гдѣ и когда поселились и въ какихъ отношеніяхъ были къ другимъ племенамъ, населявшимъ Восточную Европу.

Кастренъ искалъ прародину «финскихъ народовъ» у подножій Алтая. «Финскіе языки, — писалъ онъ въ письмѣ къ Европеусу, — болѣе или менѣе сродни съ языками всѣхъ народовъ, живущихъ въ Алтайскихъ горахъ или отсюда вышедшихъ. Изъ этого сродства языковъ можно вывести положительное заключеніе, что финны нѣкогда жили на Алтаѣ». То же говоритъ и В. Н. Майновъ: «По даннымъ языка, а также и по находкамъ, сдѣланнымъ въ разное время въ курганахъ чудскихъ и могильникахъ, видно, что было время, когда всѣ нынѣшніе финны жили гдѣ-то у подошвы Алтая». Ратцель говоритъ, что «въ области средней Оби и Барабинской степи слѣдуетъ изъ лингвистическихъ соображеній искать первичную родину мадьяръ». Путь, которымъ шли финскіе народы изъ Азіи въ Европу, по этимъ авторамъ, лежалъ черезъ Уралъ, вѣрнѣе всего въ его сѣверной части, а оттуда уже «финно-угры» разбрелись по всей Восточной Европѣ (и, можетъ быть, даже до самыхъ Альпъ), пока не были разъединены и оттѣснены новыми пришельцами — славянами. Другого взгляда держится Европеусъ. Считая утвержденіе Альквиста о томъ, что «происхожденіе финновъ и всего финско-венгерскаго племени изъ Алтая есть аксіома», ошибочнымъ, онъ думаетъ, что «скорѣе можно полагать, что предки финско-венгерскаго племени пришли на сѣверъ черезъ среднюю и западную Европу или, вѣрнѣе, черезъ Турцію, Италію, Францію, сѣверную Германію и Скандинавію». Въ основѣ утвержденія Европеуса лежитъ взглядъ его о долихоцефаліи финскихъ череповъ, находки которыхъ были встрѣчаемы около Босфора, во Франціи, Бельгіи, Помераніи и южной части Швеціи. Главная мысль, которую старается доказать авторъ, та, что «на великомъ пространствѣ русско-финско-скандинавскаго сѣвера нѣкогда господствовало сильное племя угровъ, и что не финны были вытѣснены русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но венгры добровольно переселились оттуда въ Паннонію, чтобы овладѣть наслѣдствомъ короля Аттилы, прадѣда Альмуса, главнаго ихъ воеводы на походѣ съ сѣвера». Примиряющимъ въ этомъ отношеніи будетъ мнѣніе проф. Ключевскаго, который говоритъ, что «взаимное отношеніе славянъ и финновъ не оставило памятниковъ ни завоевательныхъ нашествій, ни оборонительныхъ возстаній. Славянскіе переселенцы не вторгались въ край финновъ крупными массами, а какъ-бы просачивались тонкими струями, занимая обширныя пространства, какія оставались между разбросанными финскими поселками».

Какъ бы то ни было, очевидно, что уже въ IV в., а не въ VI, какъ думаетъ большинство авторовъ, финскіе народы населяли Восточную Европу, по крайней мѣрѣ ея сѣверъ, и были въ числѣ другихъ народовъ покорены готами. Затѣмъ они были постепенно оттѣсняемы славянами на западъ въ мѣста своего теперешняго обитанія, куда они пришли около конца VII-го или начала VIII-го столѣтія[1]).

Была ли уже населена страна — нынѣшняя Финляндія — до прибытія туда настоящихъ своихъ обитателей? На основаніи многихъ данныхъ приходится отвѣчать утвердительно. Во всякомъ случаѣ только населеніе здѣсь появилось позднѣе эпохи полированнаго камня, такъ какъ до этой эпохи, по словамъ Реклю, «страны, извѣстныя подъ именемъ Финляндіи, были необитаемы по причинѣ повсемѣстнаго распространенія льдовъ». Кто же были предшественниками финновъ? Точныхъ указаній на это нѣтъ; большинство авторовъ ограничивается указаніемъ на то, что это были не лопари, не финны, не скандинавы, не славяне... Было бы ошибочно думать, что тогда, въ моментъ перваго заселенія Финляндіи, существовалъ финскій народъ — финны — въ современномъ значеніи этого слова. Это были маленькія народности, чуждыя и враждебныя другъ другу. Появлялись они, повидимому, небольшими группами и притомъ въ извѣстной послѣдовательности. Первыми пришли лопари. Какъ широко было разселеніе и вліяніе лопарей, — опять вопросъ, о которомъ можно много спорить. Одни говорятъ, что они занимали только сѣверную Финляндію; другіе — что лопари были распространены по всей Финляндіи, но только оставались тамъ очень недолго; третьи, какъ, напр., Штейндаль, думаютъ, что лопари занимали нѣкогда всю сѣверную Европу до самыхъ Альпъ, но что это были другіе, не нынѣшніе лопари, которыхъ, согласно Вирхову, должно считать деградированнымъ племенемъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ физическихъ условій. За лопарями пришли емь, карелы, воть, эсты и др. Враждуя между собой, эти народности поддерживали сношенія больше съ иноземцами, чѣмъ другъ съ другомъ. Среди этихъ иноземныхъ вліяній прежде всего должно отмѣтить скандинавское вліяніе, которое должно быть отнесено, по словамъ Реклю, къ очень раннимъ періодамъ; затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о германскомъ вліяніи, которое нѣкоторые авторы считаютъ очень значительнымъ. Вотъ что, напр., говоритъ Ратцель: «Большое число древнихъ германскихъ словъ, заимствованныхъ финскимъ языкомъ, свидѣтельствуетъ, что было такое время, когда, задолго до соприкосновенія со шведами, финны подверглись вліянію финскихъ сосѣдей». Позднѣе начинается вліяніе шведовъ и славянъ,—вліяніе, поддерживаемое, главнымъ образомъ, опустошительными войнами.

---

[1]) Подъ словомъ „финны“ я разумѣю здѣсь, конечно, западныхъ финновъ нынѣшнихъ обитателей Финляндіи.

Эти войны, общность враговъ и другія историческія событія постепенно сближали различныя группы финскаго народа, пока, наконецъ, въ 1323 г., вмѣстѣ съ установленіемъ политическихъ границъ, не была провозглашена единая финская народность, единая, конечно, только въ политическомъ смыслѣ. На самомъ дѣлѣ сліяніе шло очень медленно, — такъ еще въ XVI ст. тавасты не разъ дѣлали опустошительные набѣги на земли кареловъ, которые, конечно, отвѣчали тѣмъ-же. Время дѣлало свое дѣло. Мало-по-малу вражда остывала, различія сглаживались. Но слѣды смѣшаннаго состава сохранились и понынѣ. Единая въ политическомъ смыслѣ финская народность состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ: тавастовъ, кареловъ, саволаксовъ, эстероботнійцевъ и мн. др. Чаще всего финновъ раздѣляютъ только на тавастовъ и кареловъ, считая остальныя группы за продукты смѣшенія. Такъ, Гартманъ считаетъ саволаксовъ помѣсью тавастовъ и кареловъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ; Г. Ретціусъ считаетъ саволаксовъ помѣсью кареловъ съ русскими и т. д. Если прибавить значительный процентъ шведовъ, нѣмцевъ и русскихъ, вѣковое общеніе съ которыми не могло не оставить замѣтныхъ слѣдовъ, будетъ ясно, что современное населеніе Финляндіи представляетъ довольно сложную смѣсь, состоящую изъ нѣсколькихъ родственныхъ и чуждыхъ народностей. Границы распространенія тавастовъ и кареловъ точно не опредѣлены. Въ общихъ чертахъ ихъ можно намѣтить такъ: тавасты занимаютъ западную часть Финляндіи, главнымъ образомъ, бассейнъ Пейпе, именно юго-западную часть Вазасской губ., всю Або-Бьернборгскую, Тавастгусскую и Нюландскую; карелы занимаютъ, главнымъ образомъ, бассейны Ладоги и Саймы, а также сосѣднія губ. Архангельскую, Олонецкую и Новгородскую.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, населеніе Финляндіи подраздѣляется такимъ образомъ:

Финновъ (тавасты и карелы) . .	2,169,000.
Шведовъ чистыхъ.	341,500.
Русскихъ „	7,000.
Нѣмцевъ „	1,790.
Лапландцевъ „	1,150.
Цыганъ „	1,551.

Всего два съ половиной милліона человѣкъ.

При антропологической характеристикѣ финновъ необходимо считаться со всѣми вышеизложенными вліяніями, подъ которыми создалась финская народность. Особенно нужно быть осмотрительнымъ при раздѣленіи финновъ на составныя группы. Пока не будутъ изучены болѣе или менѣе полно всѣ народности, входящія въ составъ «финновъ», такое раздѣленіе всегда будетъ произвольнымъ. Очень нужно быть осторожнымъ и при раздѣленіи на тавастовъ и кареловъ, разница между которыми, по общему признанію,

скорѣе психическаго, чѣмъ физическаго свойства, тѣмъ болѣе, что основаніемъ для раздѣленія служитъ только указаніе на мѣсто жительства субъекта. При шаткости границъ между тавастами и карелами едва ли это можетъ быть очень убѣдительнымъ.

Чтобы избѣжать указанныхъ недостатковъ, я буду свой антропометрическій матеріалъ разсматривать параллельно въ двухъ направленіяхъ. Въ виду смѣшаннаго состава (по губерніямъ) моихъ наблюденій, сначала я буду говорить о финнахъ вообще, а потомъ, въ видѣ провѣрочнаго опыта, буду разбивать на тавастовъ и кареловъ, чтобы опредѣлить, насколько эти группы являются обособленными и насколько онѣ вліяютъ на антропологическую характеристику финновъ вообще, при чемъ, при раздѣленіи на тавастовъ и кареловъ, я принужденъ руководствоваться тѣми же шаткими данными о распредѣленіи по губерніямъ, правда, провѣренными опросомъ, насколько это было для меня возможнымъ по условіямъ работы. Къ сожалѣнію, число измѣренныхъ тавастовъ и кареловъ у меня не одинаково: первыхъ — 50 муж. и 38 жен., вторыхъ — 100 муж. и 62 жен.

Начнемъ съ описательныхъ признаковъ; именно разсмотримъ цвѣтъ волосъ и глазъ. Какъ расположились мои наблюденія по **цвѣту волосъ**, видно изъ табл. 1-ой: у мужчинъ — 39% свѣтлыхъ волосъ и 61% темныхъ, при чемъ наибольшее число наблюденій падаетъ на цвѣтъ темно-

Табл. 1.

	Финны.				Карелы.				Тавасты.			
	муж.		жен.		муж.		жен.		муж.		жен.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Бѣлокурый . .	12	8,00	11	11,00	8	8,00	5	8,06	4	8,00	6	15,78
Свѣтло-русый .	40	26,67	29	29,00	25	25,00	17	27,42	15	30,00	12	31,56
Рыжій	7	4,66	—	—	2	2,00	—	—	5	10,00	—	—
Темно-русый .	63	42,00	47	47,00	43	43,00	32	51,61	20	40,00	15	39,48
Черный. . . .	28	18,67	13	13,00	22	22,00	8	12,90	6	12,00	5	13,16
Свѣтлый . . .	59	39,33	40	40,00	35	35,00	22	35,48	24	48,00	18	47,36
Темный. . . .	91	60,67	60	60,00	65	65,00	40	64,52	26	52,00	20	52,64

русый, именно 42%, настоящихъ бѣлокурыхъ — 8%, черноволосыхъ — 18% и свѣтло-русыхъ — 27%. У женщинъ на свѣтлые волоса падаетъ 40%, на темные — 60%; слѣдуетъ отмѣтить еще присутствіе у мужчинъ 5% рыжихъ волосъ, которые совершенно отсутствуютъ у женщинъ.

Переходя къ разсмотрѣнію **цвѣта глазъ**, я долженъ оговориться, что цвѣтъ глазъ отмѣчался мной нѣсколько отлично отъ инструкціи Антропологическаго Отдѣла Общ. Люб. Ест., Антр. и Этногр., именно, въ виду обилія у финновъ синихъ глазъ различныхъ оттѣнковъ, я ввелъ рубрики «свѣтло-синихъ» и «темно-синихъ» глазъ, изъ которыхъ первые отнесъ

къ свѣтлому типу, а вторые, сопровождаемые почти всегда темнымъ цвѣтомъ волосъ, — къ темному типу. Изъ табл. 2-ой видно, что у мужчинъ наибольшій % наблюденій падаетъ на свѣтло-синіе глаза (31%), затѣмъ слѣдуютъ темно-синіе (23%), т.-е. синій цвѣтъ даетъ всего 54%. Необходимо отмѣтить присутствіе (3%) зеленыхъ глазъ и полное отсутствіе черныхъ. При дѣленіи на основныя группы имѣемъ 65% свѣтлыхъ глазъ и 35% темныхъ. У женщинъ наибольшій % даютъ сѣрые глаза (25%), голубые — 23%, а синіе — только 14%; есть чисто-черные глаза (2%); всего — 65% свѣтлыхъ и 35% темныхъ глазъ.

Табл. 2.

	Финны.				Карелы.				Тавасты.			
	муж.		жен.		муж.		жен.		муж.		жен.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Голубые . . .	26	17,33	23	23,00	16	16,00	11	17,74	10	20,00	12	31,57
Свѣтло-синіе .	47	31,33	14	14,00	29	29,00	10	16,12	18	36,00	4	10,52
Сѣрые	21	14,00	25	25,00	14	14,00	17	27,42	7	14,00	8	21,05
Зеленые . . .	4	2,66	3	3,00	2	2,00	1	1,61	2	4,00	2	5,26
Темно-синіе . .	34	22,67	22	22,00	24	24,00	13	20,96	10	20,00	9	23,68
Свѣтло-каріе .	9	6,00	5	5,00	7	7,00	4	6,45	2	4,00	1	2,63
Темно-каріе . .	9	6,00	6	6,00	8	8,00	4	6,45	1	2,00	2	5,26
Черные	—	—	2	2,00	—	—	2	3,22	—	—	—	—
Свѣтлые . . .	98	65,33	65	65,00	61	61,00	39	62,90	37	74,00	26	68,42
Темные	52	34,67	35	35,00	39	39,00	23	37,09	13	26,00	12	31,57

По типамъ цвѣтности мои наблюденія расположатся такъ (табл. 3):

Табл. 3.

		Абсолют. числа.				Проценты.		
		Число наб.	Свѣтлый.	Темный.	Смѣшан.	Свѣтлый.	Темный.	Смѣшан.
Финны.	Муж.	150	58	51	41	38,67	34,00	27,33
	Жен.	100	35	32	33	35,00	32,00	33,00
Карелы.	Муж.	100	34	38	28	34,00	38,00	28,00
	Жен.	62	19	22	21	30,65	35,48	33,87
Тавасты.	Муж.	50	24	13	13	48,00	26,00	26,00
	Жен.	38	16	10	12	42,10	26,33	31,57

И у мужчинъ, и у женщинъ наибольшее число наблюденій падаетъ на свѣтлый типъ — 39% у муж. и 35% у жен.; темный типъ даетъ 34% у муж. и 32% у жен.; смѣшанный — 27% у муж. и 33% у жен., т.-е. у мужчинъ темный типъ нѣсколько преобладаетъ надъ смѣшаннымъ, а у

женщинъ онъ на $1^0/_0$ меньше смѣшаннаго, что указываетъ на склонность женщинъ къ болѣе свѣтлому типу. Но въ общемъ цифры отдѣльныхъ типовъ очень близки между собой, и установить доминирующее вліяніе того или другого типа очень трудно. Конечно, нѣкоторый перевѣсъ свѣтлаго типа даетъ право думать о вліяніи свѣтлыхъ оттѣнковъ, но въ то же время должно констатировать почти одинаковое вліяніе и темныхъ элементовъ и значительный $^0/_0$ смѣшенія того и другого. Все это ясно указываетъ на смѣшанный характеръ современнаго населенія Финляндіи. Теперь отмѣтимъ еще присутствіе рыжеволосаго типа. Какъ упоминалось, рыжій цвѣтъ волосъ даетъ $5^0/_0$ наблюденій, — процентъ не настолько ничтожный, чтобы его можно было не замѣтить, тѣмъ болѣе, что на этотъ фактъ не разъ обращалось вниманіе. Рыжій цвѣтъ волосъ, сопровождаемый зелеными глазами, служитъ, по Топинару, признакомъ древней расы, простиравшейся съ дальняго востока до береговъ Рейна. Кромѣ того, есть указанія, что за Алтаемъ жили въ древнія времена народы, отличавшіеся рыжими волосами и зелеными глазами, и что эти народы встрѣчались потомъ въ восточной и западной Европѣ. Д-ръ Елисѣевъ также отмѣчаетъ этотъ фактъ для финновъ и указываетъ, что этотъ рыжеволосый типъ часто встрѣчается между скандинавами-нѣмцами и русскими. Много рыжеволосыхъ также среди вотяковъ и зырянъ Архангельской губ.

Прежде чѣмъ опредѣлять, какой изъ составныхъ группъ финскаго народа болѣе присущъ этотъ типъ, разсмотримъ цвѣтность тавастовъ и кареловъ вообще. Изъ табл. 1-ой видно, что у кареловъ-мужчинъ наибольшій $^0/_0$ наблюденій ($43^0/_0$) падаетъ на темнорусый цвѣтъ волосъ, на свѣтлорусый — $25^0/_0$, на черный — $22^0/_0$ и бѣлокурый — $8^0/_0$, — ясное преобладаніе темныхъ оттѣнковъ, именно $35^0/_0$ свѣтлаго и $65^0/_0$ темнаго. Отмѣтимъ еще $2^0/_0$ рыжихъ волосъ. У женщинъ тоже преобладаніе темнаго цвѣта: $35^0/_0$ свѣтлаго и $64{,}5^0/_0$ темнаго. У тавастовъ-мужчинъ наибольшій $^0/_0$ наблюденій также падаетъ на темно-русый цвѣтъ ($40^0/_0$), при незначительномъ $^0/_0$ крайнихъ цвѣтовъ: бѣлокураго — $8^0/_0$, чернаго — $12^0/_0$. Но здѣсь довольно значителенъ $^0/_0$ волосъ свѣтло-русыхъ ($30^0/_0$) и рыжихъ ($10^0/_0$). При основномъ подраздѣленіи имѣемъ $47^0/_0$ свѣтлыхъ и $52^0/_0$ темныхъ волосъ, у женщинъ — $47^0/_0$ свѣтлыхъ, $53^0/_0$ темныхъ волосъ. Слѣдовательно, тавасты, какъ мужчины, такъ и женщины, имѣютъ въ своей средѣ значительно большее число свѣтловолосыхъ, нежели карелы. Табл. 2-ая даетъ представленіе о цвѣтѣ глазъ. У кареловъ-мужчинъ наибольшее число наблюденій падаетъ на цвѣта свѣтло-синій ($29^0/_0$) и темно-синій ($24^0/_0$), а всего $61^0/_0$ свѣтлыхъ и $39^0/_0$ темныхъ глазъ. Кромѣ того, разсматривая эту таблицу, легко замѣтить, что и эти $39^0/_0$ темнаго цвѣта далеко не являются «темными» въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ состоятъ изъ $24^0/_0$ темно-синихъ глазъ, $7^0/_0$ свѣтло-карихъ, и только $8^0/_0$ принадлежатъ темно-каримъ глазамъ; черные отсутствуютъ совершенно. У женщинъ наибольшій $^0/_0$

наблюденій дали сѣрые глаза (24%) и темно-синіе (21%), — преобладаетъ также свѣтлый типъ—63% при 37% темнаго. У тавастовъ-мужчинъ такъ же, какъ и у кареловъ, наибольшій % наблюденій даютъ свѣтло-синіе глаза (36%), а темно-синіе даютъ одинаковое число наблюденій съ голубыми глазами (20%), а не превосходятъ послѣдніе, какъ это мы видѣли у кареловъ, гдѣ на 24% темно-синихъ только 16% голубыхъ глазъ. Вообще темные цвѣта у тавастовъ выражены слабо: свѣтло-карихъ — 4%, темно-карихъ — 2%, черныхъ нѣтъ совсѣмъ. При группировкѣ на основные цвѣта имѣемъ 74% свѣтлыхъ и 26% темныхъ глазъ. У женщинъ наибольшее число наблюденій падаетъ на голубые глаза (31,5%), сѣрые же даютъ только 21%, всего — 68% свѣтлыхъ и 32% темныхъ глазъ.

По типамъ цвѣтности картина такова (табл. 3): у карелъ-мужчинъ свѣтлаго типа — 34%, темнаго — 38% и смѣшаннаго — 28%; у женщинъ свѣтлаго—31%, темнаго—32% и смѣшаннаго — 37%. У тавастовъ-мужчинъ свѣтлаго — 48%, темнаго и смѣшаннаго по 26%; у женщинъ свѣтлаго — 42, темнаго — 31,5% и смѣшаннаго — 26%, т.-е. тавасты, какъ мужчины, такъ и женщины, оказываются значительно свѣтлѣе кареловъ. Теперь нѣсколько словъ о рыжеволосомъ типѣ. Какъ мы уже видѣли, рыжихъ волосъ у карелъ 2%, а у тавастовъ — 10%, зеленыхъ глазъ у карелъ — 2%, у тавастовъ—4%. Очевидно, что рыжеволосымъ типомъ болѣе богаты тавасты. Какъ же разсматривать этотъ типъ? Какъ примѣсь чуждаго рыжеволосаго элемента къ бѣлокурому, какъ типичному для финновъ? Или считать его вообще присущимъ нѣкоторымъ народамъ финно-угорской группы и въ частности тавастамъ? Для окончательнаго рѣшенія въ ту или другую сторону у насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что этотъ типъ присущъ финно-угорскимъ народамъ, и что тавасты сумѣли сохранить его во время всего своего огромнаго пути отъ подножій Алтая до береговъ Финскаго залива.

Теперь посмотримъ, насколько мои данныя о типахъ цвѣтности совпадаютъ съ данными о финнахъ другихъ авторовъ, а также насколько близки мои финны съ другими народами финно-угорской семьи.

Большинство авторовъ относитъ финновъ къ т. наз. «бѣлокурой расѣ», хотя всѣ согласно указываютъ на значительную примѣсь темныхъ элементовъ. Что касается характеристикъ — отдѣльно — кареловъ и тавастовъ, то онѣ сводятся болѣе или менѣе къ слѣдующимъ: тавасты — ядро народнаго типа — имѣютъ синіе глаза, — отъ блѣдно-голубого до темно-синяго и свѣтлорусые или льняные волосы; карелы имѣютъ сѣровато-синіе или каріе глаза и темно-русые волосы. Обращаясь къ цифрамъ, мы найдемъ большее разнообразіе. Такъ, д-ръ Елисѣевъ считаетъ финновъ болѣе свѣтловолосыми. По его изслѣдованіямъ, свѣтлые волосы даютъ 92%, а темные — только 8%. Но его цифры едва ли можно считать вѣрными, тѣмъ болѣе, что онъ самъ оговаривается, что его цифра темноволосаго типа скорѣе мала, чѣмъ

велика. При группировкѣ по типамъ цвѣтности Елисѣевъ даетъ такія цифры: свѣтлаго — 87,5%, темнаго — 12,5%. Также значительно свѣтлѣе оказываются финны-тавасты Ретціуса: у нихъ — 88% свѣтлаго типа, 8% смѣшаннаго и 4% темнаго. При сравненіи съ другими народностями финно-угорской семьи, мои финны ближе всего подходятъ къ вогуламъ (46% св., 31% смѣш., 23% тем.) и вотякамъ (31% св., 42 см. и 27 тем.) Маліева и лопарямъ Кельсіева (35% св., 52 см., 13 тем.). Только у этихъ народовъ въ сравненіи съ моими финнами очень значителенъ % смѣшаннаго типа. Зыряне, мордва, ливы, остяки, башкиры, пермяки, самоѣды, черемисы, чуваши, эсты — всѣ слишкомъ темны въ сравненіи съ финнами, которые, такимъ образомъ, стоятъ довольно одиноко въ этой родственной семьѣ. Больше общаго у нихъ съ восточными сосѣдями — славянами. Мои финны очень близки къ бѣлоруссамъ Рождественскаго (40, 37, 23), великоруссамъ Тверской губ. Галая (40, 32, 28), малоруссамъ Черниговской губ. Бѣлодѣда (36, 42, 22). [1]) Изъ этого сравненія видно, что какъ финны, такъ и ихъ сосѣди не даютъ въ настоящее время рѣзкихъ различій въ типахъ цвѣтности. Но есть основаніе предполагать, что у всѣхъ у нихъ темная окраска есть уже вторичный признакъ, чуждый имъ, что можно заключить по огромному преобладанію у всѣхъ этихъ народовъ свѣтлыхъ глазъ надъ темными волосами. Откуда взялся этотъ темный элементъ, какому народу принадлежалъ онъ, — сказать трудно. Можетъ быть, это былъ аборигенный народъ Вост. Европы, вліяніе котораго и сказалось и на финнахъ, и на славянахъ.

Разсматривать зависимость цвѣтности отъ возраста я не буду. Она представлена на табл. 4-й. Изъ этой таблицы видно, что въ каждомъ типѣ

Табл. 4.

Возрастъ.	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
20 — 25	15	25,86	10	19,60	6	14,63	15	42,85	10	31,25	8	24,25
26 — 30	8	13,79	8	15,69	6	14,63	5	14,29	6	18,75	4	12,12
31 — 35	7	12,07	7	13,73	7	17,08	6	17,15	4	12,50	1	3,03
36 — 40	6	10,35	7	13,73	8	19,51	3	8,57	2	6,25	5	15,15
41 — 45	7	12,07	13	25,49	10	24,39	3	8,57	6	18,75	11	33,33
46 — 50	15	25,86	6	11,76	4	9,76	3	8,57	4	12,50	4	12,12
	58		51		41		35		32		33	

колебанія слишкомъ значительны, чтобы установить какую-нибудь правильную зависимость.

[1]) Всѣ цифровыя данныя заимствованы мною изъ труда *А. А. Ивановскаго:* „Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи“.

Переходя къ измѣрительнымъ признакамъ, начнемъ съ роста. Средній ростъ муж.—1666 mm., при амплитудѣ въ 275 mm. (между 1550 и 1825), которая составляетъ 15% максимальной величины и 16,5% средняго роста. На табл. 5-й ростъ расположенъ по нормамъ Брока. Низкій

Табл. 5.

		Число набл.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абсолют. чис.						Проценты.					
							Малый.	Н.-средн.	В.-средн.	Высокій.	Низкій.	Высокій.	Малый.	Н.-средн.	В.-средн.	Высокій.	Низкій.	Высокій.
Финны.	Муж.	150	1550	1825	275	1665,7	21	40	47	42	61	89	14,00	26,67	31,33	28,00	40,67	59,33
	Жен.	100	1440	1625	225	1544,9	—	44	35	21	44	56	—	44,00	35,00	21,00	44,00	56,00
Карелы.	Муж.	100	1550	1825	275	1657,94	19	28	29	24	47	53	19,00	28,00	29,00	24,00	47,00	53,00
	Жен.	62	1440	1665	225	1547,72	—	27	22	13	27	35	—	43,55	35,48	20,97	43,55	56,45
Тавасты.	Муж.	50	1570	1820	250	1681,54	2	12	18	18	14	36	4,00	24,00	36,00	36,00	28,00	72,00
	Жен.	38	1450	1630	180	1540,50	—	17	13	8	17	21	—	44,74	34,21	21,05	44,74	55,26

ростъ даетъ 41%, высокій — 59%. Средній ростъ женщинъ — 1545 mm., при min. 1440 и max. 1665; слѣд., разность = 225 mm., т.-е. 14% средняго роста. На низкій ростъ [1]) падаетъ 44%, на высокій — 56%. Средній ростъ карелъ-муж. — 1558 mm., при амплитудѣ колебаній въ 275 mm. Малый ростъ даетъ 47%, высокій — 53%. У женщинъ средній ростъ — 1548 mm., при разности въ 222 mm. Низкій ростъ даетъ 43,5%, высокій—56%. У тавастовъ-муж. средній ростъ—1681,5 mm., при колебаніи въ 250 mm. Низкій ростъ даетъ 28%, высокій — 72%. Сравнивая эти послѣднія цифры съ данными, найденными для кареловъ, видимъ, что тавасты-муж. значительно высокорослѣе: ихъ средняя роста превосходитъ среднюю кареловъ на 23 mm. У жен.-тавастокъ средній ростъ — 1540,5 mm., при амплитудѣ колебанія въ 180 mm.; на низкій ростъ падаетъ 45%, на высокій — 55%. Сравнивая съ ростомъ карельскихъ женщинъ, видно, что онѣ нѣсколько превосходятъ тавастокъ. Средняя этихъ послѣднихъ уступаетъ на 7,5 mm. Разсматривать подробно, изъ какихъ индивидуальныхъ величинъ сложились наши среднія, я не буду. Видѣть это можно изъ табл. 6-й (для мужчинъ) и 7-й (для женщинъ), гдѣ всѣ величины роста расположены въ ряды съ интервалами въ 10, 20 и 40 mm.

[1]) Ростъ женщинъ я считалъ: малый—до 1400 mm., ниже средняго—1401—1530, выше средняго—1531—1580 и высокій—1581 и бол.

Табл. 6.

	Ряды черезъ 10 mm.		Ряды черезъ 20 mm.		Ряды черезъ 40 mm.	
	Абс.	%	Абс	%	Абс.	%
1550 — 1560	6	4,00				
1561 — 1570	3	2,00	9	6,00	14	9,34
1571 — 1580	1	0,66				
1581 — 1590	4	2,66	5	3,34		
1591 — 1600	7	4,66				
1601 — 1610	9	6,00	16	10,67	34	22,67
1611 — 1620	10	6,66				
1621 — 1630	8	5,33	18	12,00		
1631 — 1640	7	4,66				
1641 — 1650	6	4,00	13	8,67	33	21,00
1651 — 1660	14	9,33				
1661 — 1670	6	4,00	20	13,33		
1671 — 1680	12	8,00				
1681 — 1690	11	7,33	23	15,33	34	22,67
1691 — 1700	4	2,66				
1701 — 1710	7	4,66	11	7,34		
1711 — 1720	11	7,33				
1721 — 1730	6	4,00	17	11,33	28	18,76
1731 — 1740	6	4,00				
1741 — 1750	5	3,33	11	7,33		
1751 — 1760	1	0,66				
1761 — 1770	3	2,00	4	2,67	4	2,67
1771 — 1780	—	—				
1781 — 1790	—	—	—	—		
1791 — 1800	1	0,66				
1801 — 1810	—	—	1	—	3	2,00
1811 — 1820	1	0,66				
1821 — 1825	1	0,66	2	1,34		

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію зависимости роста отъ цвѣтности. У мужчинъ средняя ариѳметическая для свѣтлаго типа — 1672, для темнаго — 1662 и для смѣшаннаго — 1661 mm. Слѣдовательно, самыми высокорослыми являются представители свѣтлаго типа, затѣмъ идутъ — темнаго и, наконецъ, смѣшаннаго. Еще убѣдительнѣе это доказываетъ намъ табл. 8-я, гдѣ по цвѣтности разсматривается ростъ, разбитый по нормамъ Брока. Тутъ легко видѣть, какъ въ свѣтломъ типѣ постепенно увеличивается % наблюденій отъ малаго роста (12%) къ высокому (31%), тогда какъ въ двухъ другихъ типахъ наибольшій % наблюденій даетъ ростъ выше средняго. У женщинъ картина нѣсколько иная: самымъ высокимъ ростомъ обладаетъ темный типъ (средн. ариѳм. — 1553 mm.), затѣмъ идетъ свѣтлый (1548) и, наконецъ, смѣшанный (1534). Всѣ эти среднія для отдѣльныхъ типовъ цвѣтности отстоятъ очень недалеко отъ средняго роста, который, какъ уже говорилось, равняется 1545 mm. Разбирать индивидуальныя колебанія роста по цвѣтности въ этой краткой статьѣ я также не имѣю возможности; перейдемъ прямо къ тавастамъ и кареламъ. Нагляд-

Табл. 7.

	Ряды чрезъ 10 mm.		Ряды чрезъ 20 mm.		Ряды чрезъ 40 mm.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1440—1450	3	3.00	4	4.00		
1451—1460	1	1.00			12	12 00
1461—1470	4	4.00	8	8.00		
1471—1480	4	4.00				
1481—1490	5	5.00	10	10.00		
1491—1500	5	5 00			28	28.00
1501—1510	6	6.00	18	18.00		
1511—1520	12	12.00				
1521—1530	4	4.00	8	8.00		
1531—1540	4	4.00			23	23.00
1541—1550	10	10.00	15	15.00		
1551—1560	5	5.00				
1561—1570	13	13.00	16	16.00		
1571—1580	3	3.00			20	20.00
1581—1590	3	3.00	4	4.00		
1591—1600	1	1.00				
1601—1610	7	7.00	10	10.00		
1611—1620	3	3.00			13	13.00
1621—1630	2	2.00	3	3.00		
1631—1640	1	1.00				
1641—1650	—	—	4	4.00		
1651—1665	4	4.00				

Табл. 8.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Малый	7	12,07	7	13,73	7	17,07						
Ниже средн. .	17	29,31	12	23,53	11	26,83	15	42,86	11	34,38	18	54,85
Выше средн. .	16	27,59	19	37,26	12	29,27	12	34,28	15	46,87	8	24,24
Высокій . . .	18	31,03	13	25,49	11	26,83	8	22,86	6	18,75	7	21,21
Низкій. . . .	24	41,38	19	37,26	18	43,90	15	42,86	11	34,38	18	54,55
Высокій . . .	34	58,62	32	62,74	23	56,10	8	56,24	21	65,62	15	45,45
Средняя .	1672		1662		1661		1548		1553		1534	

ную зависимость роста отъ цвѣтности можно видѣть на табл. 9-й, гдѣ для каждаго изъ типовъ цвѣтности ростъ подраздѣленъ по нормамъ Брока. Начнемъ съ тавастовъ. У мужчинъ въ свѣтломъ типѣ картина такова: малый ростъ даетъ 4% наблюденій, н. средняго — 29%, в. средняго — также 29%, высокій — 37,5%, т.-е. числа наблюденій послѣдовательно увеличиваются отъ малаго роста къ высокому. Средняя для

этого типа — 1684 mm. Въ темномъ типѣ: малый ростъ и н. средняго даютъ по 8%, в. средняго — 46% и высокій — 38%. Слѣдовательно, здѣсь ростъ также долженъ быть признанъ высокимъ; за это говоритъ и незначительный % наблюденій, падающій на ростъ низкій и ниже средняго и почти одинаковое количество наблюденій, падающихъ на двѣ слѣдующія рубрики. Средняя вполнѣ подтверждаетъ это,—она равняется 1683 mm. Въ смѣшанномъ типѣ наибольшій % наблюденій даетъ ростъ выше средняго (38%); ниже средняго и высокій даютъ по 31%; малый ростъ отсутствуетъ совсѣмъ. Средняя равняется 1674 mm. Что же мы можемъ заключить изъ анализа этой таблицы? Во-первыхъ, то, что самыми высокими будутъ тавасты свѣтлаго типа, затѣмъ идутъ темнаго и, наконецъ, смѣшаннаго; во-вторыхъ, что эти типы у тавастовъ не равноцѣнны: преобладающимъ является свѣтлый типъ, хотя процентъ темнаго и смѣшаннаго типа также значителенъ. У женщинъ самымъ высокимъ ростомъ

Табл. 9.

		Карелы.						Тавасты.					
		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшанн.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшанн.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Малый	Муж.	6	17,64	6	15,78	7	25,00	1	4,17	1	7,69	—	—
	Жен.												
Н.-средн.	Муж.	10	29,42	11	28,95	7	25,00	7	29,16	1	7,69	4	30,76
	Жен.	8	42,12	7	31,81	12	57,12	7	43,75	4	40,00	6	50,00
В.-средн.	Муж.	9	26,46	13	34,21	7	25,00	7	29,16	6	46,14	5	38,46
	Жен.	7	36,85	9	40,90	6	28,56	5	31,25	6	60,00	2	16,66
Высокій.	Муж.	9	26,46	8	21,05	7	25,00	9	37,50	5	38,45	4	30,76
	Жен.	4	21,06	6	27,27	3	14,28	4	25,00	—	—	4	33,32
Средняя.	Муж.	1663,5		1655		1655		1684		1683,38		1674	
	Жен.	1553		1560.5		1529		1541.5		1536		1542.5	

обладаетъ смѣшанный типъ (средняя — 1542,5), затѣмъ свѣтлый (1541,5) и, наконецъ, темный (1536 mm.). У муж.-кареловъ въ свѣтломъ типѣ maximum наблюденій падаетъ на ростъ н.-средняго (29%), на малый — 18%, и на в.—средняго и высокій — по 26%. Средняя равняется 1663,5 mm. Въ темномъ типѣ наибольшій % наблюденій даетъ ростъ в.-средняго (34%); малый даетъ 16%, н.-средняго — 29% и высокій — 21%; средняя — 1655 mm. Въ смѣшанномъ типѣ на всѣ рубрики роста падаетъ по 25% общаго числа наблюденій. Значитъ, самымъ высокимъ ростомъ и здѣсь обладаетъ свѣтлый типъ. У жен.-карелокъ самымъ высокимъ ростомъ обладаютъ представительницы темнаго типа (средняя — 1560,5 mm.), затѣмъ свѣтлаго (1553 mm.) и, наконецъ, смѣ-

шаннаго, съ очень малой средней въ 1529 mm. Значитъ, здѣсь высокорослость сопутствуетъ темному типу, тогда какъ у тавастокъ — свѣтлому. На предыдущей таблицѣ мы видѣли, что у финскихъ женщинъ вообще высокорослымъ является темный типъ. Теперь намъ ясно, что это явленіе обусловлено значительнымъ присутствіемъ, вѣрнѣе, преобладаніемъ карелокъ (62 противъ 38).

Изъ сопоставленія всѣхъ данныхъ о мужчинахъ мы видимъ, что самые высокіе элементы финской народности принадлежатъ къ свѣтлому типу, причемъ этотъ послѣдній многочисленнѣе и значительно выше ростомъ у тавастовъ, чѣмъ у кареловъ. Кромѣ того, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ ростъ типовъ темнаго и смѣшаннаго не особенно рѣзко отличается отъ свѣтлаго, а это, въ связи съ близкими цифрами, падающими на каждый изъ типовъ цвѣтности, говоритъ еще разъ за смѣшанный характеръ какъ обѣихъ этихъ группъ, такъ, конечно, и всей народности.

Теперь нѣсколько словъ о ростѣ женщинъ сравнительно съ ростомъ мужчинъ. Какъ извѣстно, ростъ женщинъ меньше роста мужчинъ, и въ среднемъ разница эта достигаетъ до 12 сант. (по Топинару). Посмотримъ, каковы эти отношенія у насъ. Средній ростъ муж. — 1666 mm., жен. — 1545 mm., разница — 121 mm. (т.-е. равна теоретической). Значитъ, финскія женщины не представляютъ исключенія изъ общаго правила. При дѣленіи на тавастовъ и кареловъ зависимость будетъ такова: у кареловъ средній ростъ мужчинъ — 1658 mm., у женщинъ — 1548 mm., разность — 110 mm.; у тавастовъ средній ростъ мужчинъ — 1681,5 mm., женщинъ — 1540,5 mm., разность — 141 mm. Слѣдовательно, у кареловъ, гдѣ ростъ мужчинъ долженъ быть обозначенъ не особенно высокимъ въ рубрикахъ роста, женщины менѣе отличаются отъ мужчинъ, чѣмъ у тавастовъ, гдѣ ростъ мужчинъ значительно выше.

Намъ остается разсмотрѣть еще зависимость роста отъ возраста. На каждый возрастъ падаетъ слишкомъ незначительное число наблюденій, и мы наши наблюденія разобьемъ по пятилѣтіямъ и десятилѣтіямъ (табл. 10). Мы видимъ картину правильнаго паденія роста съ возрастомъ — отъ 1716 mm. въ первомъ десятилѣтіи до 1647 въ послѣднемъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что съ увеличеніемъ возраста амплитуда колебанія роста постепенно уменьшается: въ возрастѣ отъ 20 — 30 лѣтъ она равна 255 mm., въ 40 — 50 лѣтъ она опускается до 185 mm.

При расположеніи по пятилѣтіямъ роста женщинъ, картина получается довольно неправильная: въ возрастѣ 20 — 25 лѣтъ средняя роста — 1553 mm.; 26 — 30 л. — 1548; 36 — 40 л. — 1554 mm.; 41 — 45 л. — 1528 и 46 — 50 л. — 1542 mm. При расположеніи по десятилѣтіямъ наблюдается опять вполнѣ правильная картина паденія роста съ возрастомъ: 1-е десятилѣтіе — 1551 mm., 2-е — 1547 и 3-е — 1533 mm.

Табл. 10.

	Мужчины.					Женщины.				
Возрастъ.	Чис. наб.	Min.	Max.	Разн.	Средняя.	Чис. наб.	Min.	Max.	Разн.	Средняя.
20—25	31	1585	1825	220	1702.5	33	1470	1665	195	1553
26—30	22	1570	1800	230	1689.5	15	1440	1665	225	1548
31—35	21	1550	1770	220	1656	11	1490	1585	95	1542
36—40	21	1580	1770	190	1646	10	1460	1660	200	1554
41—45	30	1555	1720	165	1642	20	1450	1615	165	1528.5
46—50	25	1570	1740	170	1652	11	1465	1610	155	1542
20—30	53	1570	1825	255	1716	48	1440	1665	225	1551
31—40	42	1550	1800	250	1651	21	1460	1660	200	1547
41—50	55	1555	1740	185	1647	31	1450	1615	165	1533

Посмотримъ, какова картина у кареловъ и тавастовъ отдѣльно. Въ виду слишкомъ незначительнаго числа наблюденій я и здѣсь не буду разсматривать колебанія роста для каждаго года отдѣльно. Возьмемъ табл. 11, гдѣ ростъ расположенъ по 5 и 10-лѣтіямъ. У тавастовъ-мужчинъ самымъ высокимъ ростомъ обладаетъ возрастъ отъ 20—25 лѣтъ—1724 mm, затѣмъ ростъ постепенно понижается—1693, 1669, 1663; въ возрастѣ 41—45 л. неожиданно поднимается до 1683 mm. и въ 46—50 л. снова падаетъ до 1645,5 mm. По десятилѣтіямъ—вполнѣ правильное пониженіе съ увеличеніемъ возраста: въ 1-е десятилѣтіе средній ростъ—1715, во 2-е—1666 и въ 3-е—1663 mm. Съ паденіемъ роста падаетъ и амплитуда колебаній съ 210 до 150 mm. У жен.-тавастокъ картина другая: 1-е десятилѣтіе имѣетъ въ среднемъ ростъ—1542 mm., 2-е—1545 и 3-е—1533 mm., т.-е. наибольшаго развитія ростъ достигаетъ въ возрастѣ отъ 31 до 40 лѣтъ. Кромѣ того, здѣсь наблюдается слѣдующее явленіе; наибольшему росту (въ десятилѣтіе отъ 31 до 40 л.) соотвѣтствуетъ наименьшая амплитуда колебанія, т.-е. обратное тому, что мы видѣли у мужчинъ.

У муж.-кареловъ картина такая же, какъ и у тавастовъ: наибольшимъ ростомъ (1689 mm.) обладаетъ возрастъ отъ 20—25 л.; затѣмъ идетъ постепенное пониженіе—1685, 1650, 1634 и 1627; въ послѣднее пятилѣтіе нѣсколько поднимается—1656 mm. По десятилѣтіямъ цифры средняго роста таковы: 1688,5; 1642,5 и 1642. У женщинъ-карелокъ также наблюдается постепенное паденіе роста съ увеличеніемъ возраста: 1-е десятилѣтіе имѣетъ въ среднемъ ростъ 1560 mm., 2-е—1549 и 3-е—1533.

Слѣдовательно, картина постепеннаго паденія роста съ увеличеніемъ возраста, какую мы констатировали для финновъ вообще, повторилась при разложеніи на двѣ составляющія народности и должна быть признана до-

Табл. 11.

	Карелы.							Тавасты.					
	Возрастъ.	Чис. наб.	Min.	Max.	Разн.	Сумма.	Средняя.	Чис. наб.	Min.	Max.	Разн.	Сумма.	Средняя.
Мужчины	20—25	19	1655	1825	170	32034	1680,63	12	1660	1820	160	20685	1723,75
Женщины		17	1470	1665	195	26395	1552,64	16	1485	1630	145	24859	1553,68
Мужчины	26—30	17	1570	1800	230	28705	1688,52	5	1610	1680	70	8465	1693,00
Женщины		9	1440	1665	225	14155	1572,77	6	1465	1560	90	9065	1510,80
Мужчины	31—35	14	1550	1770	220	23100	1650,00	7	1600	1735	135	11685	1669,23
Женщины		6	1505	1580	75	9245	1540,83	5	1490	1585	85	7715	1543,00
Мужчины	36—40	12	1580	1695	115	19605	1633,75	9	1610	1770	160	14965	1662,74
Женщины		8	1460	1660	200	12436	1554,50	2	1480	1620	140	3100	1550,00
Мужчины	41—45	22	1555	1720	165	35852	1627,36	8	1630	1720	90	13464	1693,00
Женщины		11	1450	1615	165	16770	1524,54	9	1450	1615	165	13800	1533,33
Мужчины	46—50	16	1570	1740	170	26498	1656,12	9	1570	1700	130	14810	1645,55
Женщины		11	1465	1610	145	16958	1541,81	—	—	—	—	—	—
Мужчины	20—30	36	1570	1825	255	60789	1688,58	17	1610	1820	210	29150	1714,71
Женщины		26	1440	1665	225	40550	1559,61	22	1465	1630	165	33924	1542,00
Мужчины	31—40	26	1550	1800	250	42705	1542,50	16	1600	1770	170	26650	1665,62
Женщины		14	1460	1660	200	21681	1548,64	7	1430	1620	140	10815	1545,00
Мужчины	41—50	38	1555	1740	185	62400	1642,11	17	1570	1720	150	28274	1663,17
Женщины		22	1450	1615	165	33728	1533,09	9	1450	1615	165	13800	1533,33

вольно постоянной и характерной. Но чѣмъ объяснить эту картину? Чѣмъ объяснить такую высокорослость пятилѣтія отъ 20 — 25 лѣтъ, когда, собственно, ростъ еще не заканчиваетъ своего развитія, и такое пониженіе роста въ послѣднее пятилѣтіе отъ 45 — 50 лѣтъ? Ростъ финновъ въ 20 — 25 лѣтъ въ среднемъ — 1702,5, въ 45 — 50 лѣтъ — 1652 mm., т.-е. пониженіе выражается въ 50,5 mm. Старческое самопониженіе роста тутъ не можетъ быть принято въ расчетъ, — оно ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ достигать размѣровъ въ 5 сант. Можетъ-быть, это—вліяніе фабрики? Многіе изъ изслѣдованныхъ мной — фабричные. Къ сожалѣнію, я ничего не знаю ни о родѣ ихъ занятій, ни о продолжительности пребыванія ихъ на фабрикѣ.

О ростѣ финновъ писалось, вѣрнѣе, упоминалось довольно часто, и мнѣнія, по большей части, расходятся кореннымъ образомъ. Главная причина — въ различіи точекъ зрѣнія. Одни авторы, какъ я уже имѣлъ случай сказать, подъ словомъ «финны» подразумѣваютъ всѣ финскія, вѣрнѣе, «финно-угорскія» народности, а другіе — только «западныхъ финновъ». Но и тамъ, гдѣ такого различія въ точкахъ зрѣнія нѣтъ, мнѣнія все-таки не сходятся очень близко. Ограничусь только наиболѣе характерными примѣрами. Ростъ моихъ финновъ, съ средней въ 1666 mm., должно назвать «выше средняго», понимая подъ «среднимъ», согласно Топинару, ростъ въ 1650 mm.; отдѣльно ростъ кареловъ равняется 1658 mm., тавастовъ — 1681,5 mm. Сначала сравнимъ эти цифры съ ростомъ родственныхъ народностей «финно-угорской» группы, а затѣмъ и съ ростомъ сосѣдей. З. Топеліусъ говоритъ, что, между финнами чаще всего встрѣчается средній ростъ». По словамъ д-ра Елисѣева, «въ общемъ финнъ средняго роста и не переходитъ его; средняя скорѣе ниже, чѣмъ выше». По его цифрамъ, карелъ выше таваста: средній ростъ для перваго — 1670 mm., для второго—1632 mm. Финны-тавасты (по Ретціусу) имѣютъ въ среднемъ ростъ — 1679 mm.; финны сѣв. Финляндіи (по Sommier) — 1727 mm., карелы Финляндіи (по Ретціусу) — 1720, эсты (по Грубе) — 1643, вотяки (по Маліеву) — 1619, зыряне (по Налимову) — 1628, лопари (по Sommier) — 1578, мордва (по Майнову) — 1643, черемисы (Маліевъ) — 1615, вогулы (Рождественскій) — 1583, остяки (по Чугунову) — 1595. Изъ этого сопоставленія видно, что мои финны уступаютъ ростомъ только финнамъ сѣв. Финляндіи (Sommier) и кареламъ Финляндіи (Retzius'a), но тутъ дѣло можетъ быть объяснено случайнымъ подборомъ, что, при незначительномъ числѣ наблюденій, весьма возможно (первый имѣлъ 11 человѣкъ, второй — 28). Что касается остальныхъ (родственныхъ) народностей, то мои финны значительно высокорослѣе ихъ. Больше сходства съ восточными сосѣдями. Вотъ для сравненія нѣсколько цифръ: великоруссы Новгородской губ. (Крумбмиллеръ) — 1661 mm., Тверской (Галай)—1660, болгары (Weisbach) 1680, малороссы Харьковской губ. (Эркертъ) — 1645, Черниговской губ.

(Бѣлодѣдъ) — 1666, поляки Варшавской губ. (Элькиндъ) — 1640, бѣлоруссы (Эйхгольцъ) — 1652 [1]). Ближе всего ростъ моихъ финновъ подходитъ къ великоруссамъ Новгородской губ. и малороссамъ Черниговской.

Что касается роста женщинъ, то данныхъ для сравненія значительно меньше: финки-тавастки (по Ретціусу) — 1552, зырянки (по Налимову) — 1538, мордвинки (по Майнову) — 1546, черемиски (по Маліеву) — 1523, остячки (по Sommier) — 1441, бѣлорусски (Рождественскій) — 1539, великорусски Рязанской губ. (Воробьевъ) — 1530, Тверской (Галай) — 1528, малорусски Воронежской (Кожуховъ) — 1529. Сравнивая съ этими данными ростъ нашихъ финнокъ съ средней въ 1545 mm., видимъ, что онѣ обладаютъ очень значительнымъ ростомъ и уступаютъ только финкамъ Ретціуса.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію головного указателя (табл. 12).

Табл. 12.

		Число наблюд.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абсолют. числа.								Проценты.							
							Долихоцеф.	Субдолихоц.	Мезоцефал.	Суббрахиц.	Брахицеф.	Долихоцеф.	Мезоцефал.	Брахицеф.	Долихоцеф.	Субдолихоц.	Мезоцеф.	Суббрахиц.	Брахицеф.	Долихоцеф.	Мезоцефал.	Брахицеф.
Финны.	Муж.	150	69,00	89,00	20,53	80,42	14	18	37	51	30	32	37	81	9,33	12,00	24,67	34,00	20,00	21,33	24,67	54,00
	Жен.	100	73,19	90,58	17,39	81,87	4	3	22	43	28	7	22	71	4,00	3,00	22,00	43,00	28,00	7,00	22,00	71,00
Карелы.	Муж.	100	69,00	89,53	20,53	80 90	8	9	26	31	26	17	26	57	8,00	9,00	26,00	31,00	26,00	17,00	26,00	57,00
	Муж.	62	73,19	89,77	16,58	81,62	3	3	17	21	18	6	17	39	4,84	4,84	27,42	33,87	29,03	9,68	27,42	62,90
Тавасты.	Жен.	50	72,28	89,01	16,73	79,48	6	9	11	20	4	15	11	24	12,00	18,00	22,00	40,00	8,00	30,00	22,00	48,00
	Жен.	38	74,47	90,58	16,11	82,27	1	—	5	22	10	1	5	32	2,63	—	13,16	57,89	26,32	2,63	13,16	84,21

Среднее ариѳметическое мужчинъ равно 80,42, т.-е. мои финны являются суббрахицефалами или — при соединеніи крайнихъ группъ — брахицефалами, хотя, конечно, не высокими; амплитуда колебанія — 20,53, т.-е. составляетъ 24,04% максимальной величины (89,53). Такіе значительные размѣры колебаній головного указателя служатъ еще новымъ показателемъ смѣшанности современнаго населенія Финляндіи. Наша амплитуда колебаній почти въ $2^1/_2$ раза превышаетъ тотъ предѣлъ колебаній, какой допускаетъ Брока для чистыхъ расъ. Долихоцефаловъ среди мужчинъ — 21%, мезоцефаловъ — 25% и брахицефаловъ — 54%. Средній головной указатель женщинъ равняется 81,87; размѣръ колебаній — 17,39, или 19,3% макси-

---

[1]) Среднія цифры какъ этого размѣра, такъ и другихъ, разсматриваемыхъ ниже, заимствованы изъ вышеуказаннаго труда А. А. Ивановскаго.

мальной величины, т.-е. женщины представляютъ ту же картину смѣшенія, какъ мужчины, нѣсколько только болѣе компактную. Распредѣленіе по нормамъ Брока подтверждаетъ это и подчеркиваетъ большую брахицефаличность женщинъ: долихоцефаловъ среди нихъ—7%, мезоцефаловъ—22% и брахицефа- ловъ — 71%.

Не разсматривая индивидуальныхъ колебаній, попробуемъ выяснить, насколько смѣшанный характеръ головнаго указателя зависитъ отъ состава моихъ финновъ изъ тавастовъ и кареловъ, другими словами, посмотримъ, насколько раздѣленіе на эти двѣ группы приблизитъ нашъ матеріалъ къ наиболѣе чистому виду. Сначала разсмотримъ карелъ. По среднему головному указателю (80,90) мужчины являются брахицефалами, вѣрнѣе, субрахицефалами, нѣсколько большими, чѣмъ финны вообще; разность колебаній (min.—69,00, max.—89,53)—20,53, т.-е. карелы сохраняютъ полностью тотъ смѣшанный характеръ, какой мы наблюдали у финновъ до раздѣленія. При дѣленіи на три основныхъ группы Брока имѣемъ: долихоцефаловъ— 17%, мезоцефаловъ — 26% и брахицефаловъ — 57%. Средній головной указатель тавастовъ-мужчинъ равняется 79,48, т.-е. тавасты принадлежатъ къ типичнымъ мезоцефаламъ; амплитуда колебанія — 18,7% maximum'а,—значитъ, тавасты являются также конгломератомъ нѣсколькихъ этническихъ элементовъ, хотя и болѣе компактнымъ, чѣмъ карелы. Долихоцефаловъ среди нихъ — 30%, мезоцефаловъ — 22% и брахицефаловъ — 48%. Нѣкоторый перевѣсъ долихоцефаловъ надъ мезоцефалами ясно говоритъ за большую длинноголовость тавастовъ въ сравненіи съ карелами.

У женщинъ картина обратная: тавастки являются болѣе короткоголовыми (82,27), чѣмъ карелки (81,62). Это особенно ярко выступаетъ при группировкѣ по нормамъ Брока: среди карелокъ долихоцефаловъ — 10%, мезоцефаловъ—27% и брахицефаловъ — 63%; среди тавастокъ долихоцефаловъ—3%, мезоцефаловъ—13% и брахицефаловъ—84%.

Вопросъ о головномъ указателѣ финновъ дебатировался въ антропологической литературѣ, какъ извѣстно, неоднократно. Одни авторы утверждали, что финны-долихоцефалы нѣкогда занимали всю Вост. Европу и что къ нимъ должно быть отнесено курганное племя Россіи, а, можетъ-быть, и всей Европы; другіе, оспаривая это мнѣніе, полагали, что курганное племя принадлежитъ славянамъ или, вѣрнѣе, варяго-руссамъ, а финны—короткоголовый народъ—близкіе родственники монголовъ, есть пришлый элементъ и т. д. Измѣреній надъ живыми финнами произведено пока очень мало; ихъ мы находимъ только у Retzius'а и Елисѣева. У послѣдняго цифры приведены въ редукціи на черепъ. По Retzius'у, карелы Финляндіи имѣютъ въ среднемъ головной указатель равнымъ 81,19, тавасты-мужчины—82,26, женщины—83,28,—цифры, нѣсколько отличныя отъ моихъ, особенно по отношенію къ тавастамъ: у меня они болѣе длинноголовы,

чѣмъ карелы, а у Retzius'a—наоборотъ. Измѣреній надъ финскими черепами гораздо больше. Здѣсь мы имѣемъ прежде всего финскіе черепа изъ анатомическаго музея Королевскаго института въ Стокгольмѣ (Гус. Ретціуса), черепа изъ анатомическаго музея Гельсингфорскаго университета, черепа, собранные и обработанные гг. Hällsten'омъ, Weymarn'омъ и Kyrklund'омъ, а также много измѣреній единичныхъ череповъ. Цифры головного указателя очень разнообразны: Ретціусъ даетъ 83,62, Гартманъ для тавастовъ—отъ 77 до 89, для кареловъ—отъ 69 до 90, Велькеръ—76,00, Вирховъ—80,3, Елисѣевъ—80,5—84,00. По этимъ цифрамъ можно считать финновъ и долихоцефалами, и брахицефалами. Если мои данныя ради однородности также привести къ редукціи на черепъ (вычитаніемъ 2 единицъ), то мы будемъ имѣть въ среднемъ для финновъ вообще 78,42, а отдѣльно для кареловъ—78,99 и для тавастовъ—77,48, т.-е. карелы будутъ мезоцефалами, а таваcты отойдутъ къ субдолихоцефаліи. Этотъ выводъ нельзя считать неожиданнымъ. Хотя большинство авторовъ и относитъ финновъ къ брахицефаламъ, однако всѣ согласно констатируютъ среди нихъ значительный процентъ длинноголовости, который иногда спускается, какъ это мы видимъ у Велькера, даже до 76,00; словомъ, отрицать долихоцефалію у финновъ можно только въ пылу полемики, точно такъ же, какъ и настаивать на доминирующемъ ея вліяніи.

Посмотримъ, каковы размѣры головы у другихъ народовъ финно-угорской семьи: вогулы—77,91, вотяки—81,94, пермяки—82,20, зыряне—87,20, лопари—84,00, латыши—80,50, остяки—79,26, черемисы—79,05, мордва—83,26, эсты—79,26, мадьяры—84,40. Изъ сопоставленія этихъ цифръ видно, что долихоцефалія присуща въ нѣкоторыхъ размѣрахъ всѣмъ этимъ народамъ, которые должны быть отнесены къ суббрахицефаламъ или къ невысокимъ брахицефаламъ. Выяснить вопросъ о томъ, является ли долихоцефалія пріобрѣтенной финнами отъ другой, можетъ-быть, доисторической аборигенной расы, или она вообще свойственна финскому семейству, нельзя въ нѣсколькихъ словахъ. Для этого, прежде всего, должны быть изучены всѣ финно-угрскіе народы, а также всѣ ихъ сосѣди, какъ настоящіе, такъ особенно и прежніе. До сихъ поръ мы только знаемъ, что большинство древнѣйшихъ череповъ Европы, и въ частности Россіи, длинноголовы, но кому они принадлежатъ, до сихъ поръ остается загадкой. Большинство авторовъ вмѣстѣ съ проф. А. Богдановымъ признаетъ такое послѣдовательное замѣщеніе племенъ: сначала жило длинноголовое курганное племя, древнѣйшее туземное и не финское, затѣмъ явились финны, начавшіе селиться между первобытнымъ племенемъ и вытѣснять его, наконецъ, третье—славянское—народонаселеніе подвергло той же участи финское племя, т.-е. вытѣснило его и стерло.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію зависимости головного указателя отъ цвѣтности, возраста и роста. Какъ головной указатель распредѣляется

Табл. 13.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс	%	Абс.	%
Долихоцеф. .	2	3,45	7	13,73	5	12,20	2	5,72	1	3,12	1	3,03
Субдолихоц.	7	12,07	7	13,73	4	9,76	1	2,86	1	3,12	1	3,03
Мезоцефалы.	15	25,86	13	25,49	9	21,95	6	17,14	7	21,88	9	27,28
Суббрахиц. .	23	39,65	11	21,56	17	41,46	20	57,14	13	40,63	10	30,30
Брахицеф. .	11	18,97	13	25,49	6	14,63	6	17,14	10	31,25	12	36,36
Долихоцеф. .	9	15,52	14	27,46	9	21,96	3	8,58	2	6,24	2	6,06
Мезоцеф. .	15	25,86	13	25,49	9	21,95	6	17,14	7	21,88	9	27,28
Брахицеф. .	34	58,62	24	47,05	23	56,09	26	74,28	23	71,88	22	66,66
Средняя . .	80.71		80.26		80.24		81.52		81.95		81.25	

по цвѣтности, можно видѣть изъ табл. 13-ой. У мужчинъ свѣтлый типъ даетъ долихоцефаловъ 15,5%, мезоцефаловъ — 26% и брахицефаловъ— 59%; темный—долихоцефаловъ—27%, мезоцефаловъ—25% и брахицефаловъ—47%; смѣшанный—долихоцефаловъ—22%, мезоцефаловъ—22% и брахицефаловъ—56%, т.-е. во всѣхъ типахъ наибольшій процентъ наблюденій падаетъ на брахицефалію, при чемъ большій процентъ даетъ свѣтлый типъ; понятно, что онъ дастъ и наибольшую величину въ среднемъ: свѣтлый—80,71, темный—80,26 и смѣшанный—80,24. У женщинъ картина такова: въ среднемъ свѣтлый типъ даетъ 81,52, темный—81,95, смѣшанный—81,25. Слѣдовательно, женщины болѣе короткоголовы, чѣмъ мужчины, при чемъ самый высокій указатель даетъ темный типъ. Въ табл. 13-ой прежде всего бросаются въ глаза близкія величины указателей для отдѣльныхъ типовъ цвѣтности. Трудно установить какую-нибудь зависимость головнаго указателя отъ цвѣтности. Посмотримъ, можетъ-быть, дѣло будетъ яснѣе, если разсматривать головной указатель отдѣльно у кареловъ и тавастовъ. У мужч.-кареловъ (табл. 14) цифры таковы: въ свѣтломъ типѣ долихоцефаловъ—12%, мезоцефаловъ—23% и брахицефаловъ—65%; въ темномъ долихоцефаловъ—21%, мезоцефаловъ—26% и брахицефаловъ— 53%; въ смѣшанномъ долихоцефаловъ—18%, мезоцефаловъ—28% и брахицефаловъ—54%; въ среднемъ свѣтлый типъ—81,26, темный—80,77 и смѣшанный—80,67, т.-е. наиболѣе брахицефаличнымъ является свѣтлый типъ, а долихоцефаличнымъ—смѣшанный. У мужч.-тавастовъ въ свѣтломъ типѣ цифры идутъ послѣдовательно такъ: 21%, 29% и 50,00% (въ среднемъ—79,94); въ темномъ: 46%, 23% и 31% (въ среднемъ—78,80); въ смѣшанномъ: 31%, 8% и 61% (въ среднемъ—79,32). Слѣдовательно, здѣсь также наиболѣе короткоголовымъ является свѣтлый типъ, но наиболѣе длинноголовый здѣсь — темный типъ. У женщинъ-карелокъ въ среднемъ свѣтлый типъ имѣетъ 80,80, темный — 82,06 и смѣшанный — 80,96,—картина обратная той, какую мы видѣли у мужчинъ, именно наиболѣе длин-

Табл. 14.

		Карелы.						Таваcты.					
		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Долихоцеф. .	Муж.	1	2,94	4	10,52	3	10,71	1	4,17	3	23,07	2	15,38
	Жен.	2	10,53	—	—	1	4,76	—	—	1	10,00	—	—
Субдолихоц.	Муж.	3	8,82	4	10,52	2	7,14	4	16,66	3	23,07	2	15,38
	Жен.	1	5,26	1	4,54	1	4,76	—	—	—	—	—	—
Мезоцефал.	Муж.	8	23,52	10	26,32	8	28,56	7	29,16	3	23,07	1	7,69
	Жен.	4	21,06	6	27,27	7	33,33	2	12,50	1	10,00	2	16,66
Субрахиц.	Муж.	12	35,28	9	23,68	10	35,71	11	45,83	2	15,38	7	53,83
	Жен.	9	47,37	8	36,36	4	19,05	11	68,75	5	50,00	6	50,00
Брахицеф.	Муж.	10	29,42	11	28,95	5	17,85	1	4,17	2	15,38	1	7,69
	Жен.	3	15,79	7	31,81	8	38,10	3	18,75	3	30,00	4	33,32
Долихоцеф.	Муж.	4	11,76	8	21,05	5	17,85	5	20,83	6	46,14	4	30,76
	Жен.	3	15,79	1	4,54	2	9,52	—	—	1	10,00	—	—
Мезоцеф.	Муж.	8	23,52	10	26,32	8	28,56	7	29,16	3	23,07	1	7,69
	Жен.	4	11,76	6	27,27	7	33,33	2	12,50	1	10,00	2	16,66
Брахицеф.	Муж.	22	64,70	20	52,64	15	53,56	12	50,00	4	30,76	8	61,42
	Жен.	12	63,18	15	68,17	12	57,12	14	87,50	8	80,00	10	83,32
Средняя.	Муж.	—	81,26	—	80,77	—	80,67	—	79,94	—	78,80	—	79,32
	Жен.	—	80,80	—	82,06	—	80,96	—	82,36	—	81,73	—	82,74

ноголовымъ является свѣтлый типъ, а короткоголовымъ — темный. У тавастокъ свѣтлый типъ—82,36, темный—81,73 и смѣшанный—82,74, т.-е. наиболѣе долихоцефаличнымъ, какъ и у мужчинъ, является темный типъ, но наиболѣе брахицефаличный—смѣшанный.

Табл. 15.

		20—25		26—30		31—35		36—40		41—45		46—50	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Долихоцефалы	—	—	1	4,54	2	9,52	6	28,57	2	6,67	3	12,00
	Субдолихоц.	2	6,45	3	13,64	2	9,52	1	4,76	5	16,67	5	20,00
	Мезоцефалы .	9	29,03	6	27,27	4	19,05	5	23,81	10	33,33	3	12,00
	Субрахицеф.	13	41,94	5	22,73	9	42,86	5	23,81	9	30,00	10	40,00
	Брахицефалы	7	22,58	7	31,82	4	19,05	4	19,15	4	13,33	4	16,00
Женщины.	Долихоцефалы	1	3,03	1	6,67	—	—	2	20,00	—	—	—	—
	Субдулихоц.	1	3,03	—	—	—	—	—		1	5,00	1	9,09
	Мезоцефалы.	9	27,28	3	20,00	1	9,09	3	30,00	5	25,00	1	9,09
	Суббрахицеф.	15	45,45	7	46,66	6	54,55	2	20,00	9	45,00	4	36,36
	Брахицефалы.	7	21,21	4	26,67	4	36,36	3	30,00	5	25,00	5	45,46

На табл. 15-ой показана зависимость головного укатателя отъ возраста. У мужчинъ въ 1-мъ пятилѣтіи наибольшій процентъ даютъ суббрахицефалы (42%), во 2-мъ — брахицефалы (32%), въ 3-мъ — суббрахицефалы (43%), въ 4-мъ—долихоцефалы (28%), въ 5-мъ—мезоцефалы (33%) и въ 6-мъ—опять суббрахицефалы (40%). Провести строгую зависимость нельзя,—картина, какъ видимъ, довольно неопредѣленная. Можно только отмѣтить полное отсутствіе долихоцефаліи въ возрастѣ отъ 20—25 лѣтъ и почти постепенное увеличеніе ея съ повышеніемъ возраста. У женщинъ картина обратная: долихоцефалія чаще наблюдается въ молодомъ возрастѣ и совершенно отсутствуетъ въ послѣднемъ десятилѣтіи и, наоборотъ, % брахицефаліи постепенно увеличивается съ возрастомъ. Та же неопредѣленность наблюдается и при разсмотрѣніи отдѣльно для кареловъ и тавастовъ.

Табл. 16.

	Мужчины.								Женщины.							
	Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Долихоцефалы.	1	4,76	5	12,50	5	10,64	3	7,14	—	—	1	2,27	2	5,71	1	4,76
Субдолихоцеф.	2	9,53	8	20,00	4	8,51	4	9,52	—	—	2	4,55	1	2,86	—	—
Мезоцефалы. .	7	33,33	6	15,00	8	17,02	16	38,10	—	—	7	15,91	8	22,86	7	33,33
Суббрахицефал.	7	33,33	14	35,00	17	36,17	13	30,95	—	—	18	40,91	16	45,71	9	42,86
Брахицефалы .	4	19,05	7	17,50	13	27,66	6	14,29	—	—	16	36,36	8	22,86	4	19,05
Средняя . .	80,72		79,86		81,08		80,11		—		82,67		81,56		80,71	

О зависимости головного указателя отъ роста даетъ представленіе табл. 16-ая. У мужчинъ малаго роста—14% долихоцефаловъ, 33% мезоцефаловъ и 52% брахицефаловъ (въ среднемъ—80,72); ростъ ниже средняго даетъ 32,5% долихоцефаловъ, 15% мезоцефаловъ и 52,5% брахицефаловъ (въ среднемъ — 79,86); выше средняго — 19% долихоцефаловъ, 17%—мезоцефаловъ и 64%—брахицефаловъ (въ среднемъ—81,08); высокій ростъ—17% долихоцефаловъ, 38%—мезоцефаловъ и 45%—брахицефаловъ (въ среднемъ—80,11). Слѣдовательно, колебанія по росту очень незначительны. Но во всякомъ случаѣ очень характернымъ является тотъ фактъ, что наименьшій показатель даетъ ростъ ниже средняго, а наибольшій—ростъ выше средняго, а крайнія группы роста занимаютъ среднее мѣсто. Соединяя въ двѣ группы, высокаго и низкаго роста, мы получимъ для перваго—80,62, для второго—80,15, т.-е. цифры весьма близкія. Это даетъ намъ право, въ связи съ прочими признаками, утверждать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ чистой расой и установить для современнаго населенія Финляндіи два типа—высокорослаго брахицефала и низкорослаго брахицефала, при чемъ высокорослый брахицефалъ обладалъ, повидимому,

свѣтлымъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, а низкорослый былъ значительно темнѣе. Кромѣ того, есть полное основаніе предполагать и присутствіе долихоцефальнаго производителя (14%), который, повидимому, былъ невысокъ ростомъ (ниже средняго) и имѣлъ темный цвѣтъ волосъ и глазъ.

У женщинъ картина болѣе опредѣленная. Тутъ мы видимъ постепенное пониженіе головного указателя съ увеличеніемъ роста. Малаго роста, какъ уже упоминалось, не наблюдается среди моихъ финнокъ; ростъ ниже средняго даетъ средній головной указатель—82,67, выше средняго—81,56, высокій—80,71, т.-е. мы видимъ здѣсь склонность высокаго роста къ долихоцефаліи, на что не разъ указывалось другими авторами (Анучинъ, Вейсбахъ и др.).

Не останавливаясь на подробномъ разсмотрѣніи наибольшаго продольнаго и наибольшаго поперечнаго діаметровъ, я укажу здѣсь только на отношеніе ихъ къ росту. Изъ табл. 17-ой мы видимъ, что абсолютныя величины наибольшаго продольнаго діаметра постепенно увеличиваются съ повышеніемъ роста (отъ 187,5 у малаго роста до 191,8 у

Табл. 17.

Наибольшій продольный діаметръ по росту.

Ростъ.	Мужчины.				Женщины.			
	Число наблюден.		Абсолют. средняя.	Относит. средняя.	Число наблюден.		Абсолют. средняя.	Относит. средняя.
	Абс.	%			Абс.	%		
Малый	21	14,00	187,5	11,88	—	—	—	—
Ниже средняго	40	26,67	188,9	11,62	44	44,00	183,7	11,96
Выше средняго	47	31,33	190,2	11,40	35	35,00	181,1	11,63
Высокій. . . .	42	28,00	191,8	11,07	21	21,00	184,2	11,37
Низкій . .	61	40,67	188,4	11,70	44	44,00	183,7	11,96
Высокій. .	89	59,33	191,3	11,23	56	56,00	182,4	11,53

Наибольшій поперечный діаметръ по росту.

Ростъ.	Мужчины.				Женщины.			
	Число наблюден.		Абсолют. средняя.	Относит. средняя.	Число наблюден.		Абсолют. средняя.	Относит. средняя.
	Абс.	%			Абс.	%		
Малый	21	14,00	151,2	9,54	—	—	—	—
Ниже средняго	40	26,67	150,09	9,28	44	44,00	148,0	9,88
Выше средняго	47	31,33	154,5	9,23	35	35,00	147,7	9,46
Высокій. . . .	42	28,00	153,5	8,85	21	21,00	148,6	9,17
Низкій . .	61	40,67	151,01	9,37	44	44,00	148	9,88
Высокій. .	89	59,33	154,1	9,05	56	56,00	148	9,36

высокаго), а относительныя величины также постепенно уменьшаются (отъ 11,88 до 11,07). Почти та же картина и у женщинъ; у нихъ правильность нарушается только абсолютной величиной наибольшаго продольнаго діаметра въ ростѣ выше средняго (ниже средняго—183,7, выше средняго—181,1 и высокій—184,2). Та же зависимость наблюдается и у наибольшаго поперечнаго діаметра, хотя здѣсь встрѣчается уклоненіе въ ростѣ выше средняго, у котораго наибольшій поперечный діаметръ мужчинъ выше слѣдующей группы, а у женщинъ—ниже предыдущей группы. Относительныя величины и здѣсь сохраняютъ полную послѣдовательность.

Посмотримъ, какова зависимость головного указателя отъ роста отдѣльно у кареловъ и тавастовъ (табл. 18). У мужч.-кареловъ въ среднемъ цифры

Табл. 18.

		Карелы.								Тавасты.							
		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Долихоцефалы	1	5,26	4	14,28	1	3,45	2	8,33	—	—	1	8,33	4	22,22	1	5,55
	Субдолицефал.	2	10,52	5	17,84	1	3,45	1	4,16	—	—	3	25,00	3	16,66	3	16,66
	Мезоцефалы.	5	26,31	6	21,42	5	17,93	10	41,66	2	100,00	—	—	3	16,66	6	33,32
	Суббрахицеф..	7	36,84	8	28,56	10	35,86	6	25,00	—	—	6	50,00	7	38,88	7	38,88
	Брахицефалы.	4	24,04	5	17,84	12	41,36	5	20,83	—	—	2	16,66	1	5,55	1	5,55
	Средняя.	80,80		79,60		82,56		80,50		79,89		80,46		78,68		79,58	
Женщины.	Долихоцефалы	—	—	1	3,70	1	4,54	1	7,69	—	—	—	—	1	7,69	—	—
	Субдолихоцеф.	—	—	2	7,41	1	4,54	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Мезоцефалы.	—	—	4	14,82	7	31,81	6	46,14	—	—	3	17,64	1	7,69	1	12,50
	Суббрахицеф..	—	—	8	29,64	10	45,45	3	23,07	—	—	10	58,82	6	46,14	6	75,00
	Брахицефалы.	—	—	12	44,44	3	13,64	3	23,07	—	—	4	23,53	5	38,48	1	12,50
	Средняя.	—		83,32		80,81		80,27		—		82,24		82,84		81,41	

таковы: для малаго роста—80,80, ниже средняго—79,60, выше средняго—82,56 и для высокаго—80,50, т.-е. можно отмѣтить нѣкоторую склонность высокаго роста къ большей брахицефаліи, что является нѣкоторымъ исключеніемъ и было, между прочимъ, констатировано д-ромъ Воробьевымъ для великоруссовъ Рязанской губ. У тавастовъ средній головной указатель при маломъ ростѣ—79,89, ниже средняго—80,46, выше средняго—78,68 и въ высокомъ—79,58, т.-е. ,наоборотъ, видимъ, что высокому росту болѣе свойственна долихоцефалія. Но въ общемъ цифры такъ близки, что почти полностью повторяютъ прежнюю картину. Женщины также не представляютъ замѣтныхъ исключеній изъ того, что мы видѣли у финнокъ вообще.

Переходя къ размѣрамъ лица, я остановлюсь прежде всего на полной лицевой линіи (табл. 19). Средняя величина у мужчинъ—183,42 или

Табл. 19.

		Чис. наблюд.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абс. числа. Малая [1].	Средняя.	Большая.	Проценты. Малая.	Средняя.	Большая.
Финны.	Мужчины. . .	150	160	202	42	183,42	14	72	64	9,33	48.00	42,66
	Женщины . .	100	146	192	46	171,66	48	45	7	48,00	45,00	7,00
Карелы.	Мужчины. . .	100	162	202	42	183,36	11	48	41	11,00	48,00	41,00
	Женщины . .	62	146	190	44	171,16	31	27	4	50,00	43,55	6,38
Тавасты.	Мужчины. . .	50	160	200	40	183,54	3	24	23	6,00	48,00	26,00
	Женщины . .	38	154	192	38	172,47	17	18	3	44,74	47,36	7,89

11,01% средняго роста, при чемъ размѣры колебанія довольно значительны— отъ 160 до 202 mm. Средняя величина у женщинъ—171,66 или 11,11% средняго роста. Разница между мужчинами и женщинами (половая разница) равняется 11,76 mm., которую слѣдуетъ признать очень небольшой. Отдѣльно для кареловъ — 183,36 у мужчинъ и 171,16 у женщинъ; у тавастовъ — 183,54 у мужчинъ и 172,47 у женщинъ,—величины, какъ видимъ, очень близкія, и только едва замѣтно лицо таваста длиннѣе лица карела. У женщинъ эта разница замѣтна болѣе. Если длина лица въ 182,6 mm. у великоруссовъ можетъ «льстить національному чувству, давая лишній поводъ къ опроверженію сложившагося о насъ въ Европѣ мнѣнія и проведенія болѣе рѣзкой черты различія между нами и татарами», то величина въ 183,42 mm. даетъ большее право финнамъ опровергать мнѣніе о близкомъ родствѣ ихъ съ тюрками и монголами.

Большинство авторовъ признаетъ финновъ длиннолицыми; только одни считаютъ наиболѣе длиннолицыми кареловъ, а другіе — тавастовъ. Такъ, Ретціусъ для карела даетъ 189 mm., а для таваста — только 176 mm. Д-ръ Елисѣевъ, наоборотъ, считаетъ лицо таваста значительно длиннѣе карела. Вотъ еще нѣсколько цифръ для сравненія: вогулы—177, вотяки— 177, лопари—181, латыши—185, зыряне—192, мордва—189, пермяки— 173, остяки—181, бѣлоруссы—186, великоруссы—182 и малоруссы—180. Значитъ, мои финны являются значительно длиннолицыми, какъ среди своихъ сородичей, такъ и среди своихъ восточныхъ сосѣдей—славянъ.

Не останавливаясь на индивидуальныхъ колебаніяхъ лицевой линіи, перейдемъ къ зависимости ея отъ роста (табл. 20). Для малаго роста абсо-

[1]) По нормамъ А. А. Ивановскаго.

Табл. 20.

		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.	
		Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.
Мужчины.	Малая . . .	3	14,29	5	12,50	5	10,64	1	2,38
	Средняя . .	13	61,90	20	50,00	21	44,68	18	42,86
	Большая . .	5	23,81	15	37,50	21	44,68	23	54,76
Женщины.	Малая . . .	—	—	24	54,55	19	54,28	5	23,81
	Средняя . .	—	—	18	40,90	15	42,86	12	57,14
	Большая . .	—	—	2	4,55	1	2,86	4	19,05

лютная длина лица—180,09, для ниже средняго—182,00, выше средняго—184,00 и высокаго — 185,78, т.-е. абсолютная длина лица постепенно, вполнѣ правильно увеличивается съ повышеніемъ роста. То же и у женщинъ: при ростѣ ниже средняго— 169,81, выше средняго — 171,03 и при высокомъ—176,57. Относительная величина даетъ обратную картину (табл. 21): для малаго роста — 11,40, ниже средняго — 11,19, выше средняго—

Табл. 21.

Ростъ.	Мужчины.			Женщины.		
	Число наблюд.	Абсолют. длина.	Относит. длина.	Число наблюд.	Абсолют. длина.	Относит. длина.
Малый.	21	180.09	11.40	—	—	—
Ниже средняго. .	40	182.00	11.19	44	169,81	11,33
Выше средняго. .	47	184.00	10,98	35	171.03	10.98
Высокій	42	185.78	10,70	21	176.57	10.89
Низкій.	61	181.34	11.26	44	169.81	11.33
Высокій	89	184,84	10,81	56	173,11	10,95

10,98 и для высокаго 10,70; у женщинъ: для роста ниже средняго—11,33, выше средняго — 10,97 и для высокаго — 10,89, т.-е. съ увеличеніемъ роста относительная величина падаетъ. Это вполнѣ подтверждаетъ выводы А. Г. Рождественскаго о соотношеніи роста и величины головы въ вертикальной проекціи.

По типамъ цвѣтности колебанія лицевой линіи таковы (табл. 22): свѣтлый типъ мужчинъ (средняя) — 184,91, темный — 181,69, смѣшанный—183,46; у женщинъ: свѣтлый типъ—175,14, темный—169,68, смѣшанный—169,76. Преобладающая величина свѣтлаго типа можетъ быть объяснена значительной высокорослостью этого типа, чего нельзя сказать о смѣшанномъ типѣ у мужчинъ, который, какъ мы видѣли, уступаетъ въ ростѣ темному типу. То же исключеніе наблюдается и въ относительныхъ величинахъ длины лица: свѣтлый —11,06, темный—10,93 и смѣшанный—

Табл. 22.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Малая	3	5,17	6	11,76	5	12,19	11	31,43	19	59,38	18	54,55
Средняя	26	44,83	26	50,98	20	48,78	20	57,14	10	31,25	15	45,45
Большая	29	50,00	19	37,26	16	39,03	4	11,43	3	9,37	—	—
Средняя	184,91		181,69		183,46		175,14		169,68		169,76	

11,04. Останавливаться на зависимости длины лица отъ возраста я не буду; она представлена на табл. 23-ей.

Табл. 23.

	Мужчины.			Женщины.		
	Чис. наб.	Сумма.	Средня.	Чис. наб.	Сумма.	Средня.
20—25	31	5706	184,06	33	5700	172,72
26—30	22	4048	184,00	15	2590	172,66
31—35	21	3855	183.57	11	1928	175,27
36—40	21	3806	181,24	10	1726	172,60
41—45	30	5486	182,20	20	3392	169,60
46—50	25	4612	184,48	11	1830	166,36
20—30	53	9754	184,04	48	8290	172,70
31—40	42	7661	182,40	21	3654	174,00
41—50	55	10098	183,60	31	5222	168,45

Лицевой указатель (табл. 24) равенъ въ среднемъ у мужчинъ — 76,79, у женщинъ — 77,14, т.-е. лицо женщинъ нѣсколько шире лица мужчинъ. У мужч. - кареловъ среднiй лицевой указатель — 76,56, у женщинъ—77,15, у мужч.-тавастовъ—77,27, у женщинъ—77,12. Найденныя цифры вполнѣ соотвѣтствуютъ литературнымъ даннымъ. Большинство авторовъ, отмѣчая нѣкоторую скуластость финновъ вообще, согласно утверждаютъ, что таваcты отличаются наиболѣе широкимъ лицомъ, тогда какъ лицо карела болѣе овально. Къ сожалѣнiю, большинство авторовъ не приводитъ цифръ. Единственныя цифровыя данныя (Ретцiуса) показываютъ для карела — 73,66, для таваста — 79,41. Приведу нѣсколько цифръ для сравненiя: вогулы—75,77, вотяки—78,70, зыряне—76,45, остяки—79,60, пермяки — 81,00, бѣлоруссы — 76,22, великоруссы — 76,73, малоруссы — 78,12. Изъ этого сравненiя видно, что если мои финны (мезопрозопы) и обнаруживаютъ нѣкоторую склонность къ широколицости, однако не больше, чѣмъ ихъ восточные сосѣди.

Табл. 24.

		Число наблюденій.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абс. числа. Малый до 70,00.	Средній 70,01—80,00.	Большой 80,01 и бол.	Проценты. Малый	Средній.	Больш.
Финны.	Мужчины.	150	65,65	90,12	24,47	76,79	7	112	31	4,66	74,67	20,67
	Женщины.	100	68,78	89,04	20,29	77,14	2	77	21	2,00	77,00	21,00
Карелы.	Мужчины.	100	65,65	88,89	23,24	76,56	5	77	18	5,00	77,00	18,00
	Женщины.	62	69,15	89,04	19,89	77,15	1	49	12	1,61	79,04	19,35
Таврасты.	Мужчины.	50	68,36	90,12	21,76	77,27	2	35	13	4,00	70,00	26,00
	Женщины.	38	68,75	87,01	18,26	77,12	1	28	9	2,63	73,63	23,73

Посмотримъ теперь, какова зависимость между лицевымъ указателемъ и головнымъ. Малый лицевой указатель чаще всего (57%) встрѣчается у мезоцефаловъ и совершенно отсутствуетъ у долихоцефаловъ; средній (52%) и большой (64,5%) указатели чаще наблюдаются у брахицефаловъ, т.-е. замѣтна значительная склонность короткоголовыхъ къ хамэпрозопіи, хотя имъ присуща въ значительной степени и лептопрозопія. Почти та же картина и у женщинъ. По типамъ цвѣтности рѣзкой разницы лицевой указатель не обнаруживаетъ (табл. 25): для свѣтлаго типа—76,25, для темнаго—77,63

Табл. 25.

	Мужчины. Свѣтлый. Абс.	%	Темный. Абс.	%	Смѣшан. Абс.	%	Женщины. Свѣтлый. Абс.	%	Темный. Абс.	%	Смѣшан. Абс.	%
Лептопрозопы	2	3.45	1	1.96	4	9.76	1	2.86	1	3.12	—	—
Мезопрозопы	48	82.76	35	70.59	28	68.29	28	80.00	25	78.13	24	72.72
Хамэпрозопы	8	13.79	14	27.45	9	21.95	6	17.14	6	18.75	9	27.28
Средняя	—	76.25	—	77.63	—	76.77	—	76.08	—	77.40	—	77.99

и смѣшаннаго—76,77, т.-е. самыми широколицыми оказываются представители темнаго типа; у женщинъ: свѣтлый типъ—76,08, темный—77,40 и смѣшанный—77,99; слѣдовательно, у женщинъ хамэпрозопія болѣе свойственна смѣшанному типу и менѣе всего свѣтлому. Не останавливаясь на зависимости лицевого указателя отъ возраста (она представлена на табл. 26-ой), я скажу еще нѣсколько словъ о соотношеніи его съ ростомъ. Изъ

Табл. 26.

		20—25		26—30		31—35		36—40		31—45		46—50	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Лептопрозопы	1	3,23	—	—	2	9,52	2	9,52	2	6.67	—	—
	Мезопрозопы.	25	80,64	20	90,91	14	66,67	11	52,38	22	73.33	20	80,00
	Хамэпрозопы.	5	16,13	2	9,09	5	23,81	8	38,10	6	20,00	5	20,00
Женщины.	Лептопрозопы	—	—	1	6,67	1	9,09	—	—	—	—	—	—
	Мезопрозопы.	26	78,79	12	80,00	10	90,91	7	70.00	14	70,00	8	72,73
	Хамэпрозопы.	7	21,21	2	13,33	—	—	3	30,00	6	30,00	3	27,27

табл. 27-ой видно, что малый лицевой указатель даетъ 9,5% въ низкомъ ростѣ, 7,5%—въ ростѣ ниже средняго и по 2% въ ростѣ выше средняго

Табл. 27.

		Малый.		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Лептопрозопы .	2	9,52	3	7,50	1	2,12	1	2,38
	Мезопрозопы. .	17	80,96	23	57,50	37	78,72	35	83,33
	Хамэпрозопы. .	2	9,52	14	35,00	7	19,15	6	14,29
Женщины.	Лептопрозопы .	—	—	1	2,27	—	—	1	4,76
	Мезопрозопы. .	—	—	33	75,00	27	77,14	17	80,95
	Хамэпрозопы. .	—	—	11	22,73	8	22,86	3	14,29

и высокомъ; средній лицевой указатель даетъ 81% въ маломъ ростѣ и 83% въ высокомъ; наконецъ, большой лицевой указатель—9,5% въ маломъ ростѣ и 14% въ высокомъ, т.-е. низкому росту болѣе свойственна лептопрозопія, а высокому—хамэпрозопія, что вполнѣ сходится съ выводами д-ра Воробьева, который констатировалъ «возрастаніе съ увеличеніемъ роста абсолютныхъ и убываніе относительныхъ величинъ всѣхъ главнѣйшихъ измѣреній черепа и лица». Обращая вниманіе въ табл. 27-ой на огромный процентъ въ низкомъ ростѣ мезопрозоповъ и одинаковое съ лептопрозопами количество хамэпрозоповъ, можно смѣло сказать, что низкому росту далеко не чужда широколицость. У женщинъ, какъ видно изъ таблицы, наблюдаются обратныя отношенія: лептопрозоповъ болѣе въ высокомъ ростѣ, а хамэпрозоповъ въ маломъ; но значительный процентъ мезопрозоповъ въ высокомъ ростѣ нѣсколько возстановляетъ обычную картину.

Носовой указатель (табл. 28) равенъ въ среднемъ у мужчинъ—66,67, у женщинъ—66,66. Такимъ образомъ, женщины показываютъ по носовому указателю полное сходство съ мужчинами. Отдѣльно для ка-

Табл. 28.

		Число набл.	Minimum.	Maximum.	Разность.	Средняя.	Абс. числа Малый.	Средний.	Большой	Проценты. Малый.	Средний.	Большой
Финны.	Мужчины .	150	46,66	100,00	53,34	66,67	101	43	6	67,33	28,67	4,00
	Женщины .	100	45,72	90,90	45,18	66,66	71	28	1	71,00	28,00	1,00
Карелы.	Мужчины .	100	46,66	100,00	53,34	65,27	75	22	3	75,00	22,00	3,00
	Женщины.	62	51,85	90,90	39,05	67,38	40	21	1	64,52	33,87	1,61
Тавасты.	Мужчины .	50	48,57	91,67	43,10	69,41	26	21	3	52,00	42,00	6,00
	Женщины.	38	45,72	83,72	38,10	65,48	31	7	—	81,58	18,42	—

реловъ и тавастовъ цифры получаются такія: у кареловъ-мужчинъ—65,27, у женщинъ—67,38; у тавастовъ-мужчинъ—69,41, у женщинъ—65,48, т.-е. карелы-мужчины оказываются болѣе узконосы, чѣмъ тавасты, у женщинъ—наоборотъ. Слѣдовательно, мои финны должны быть отнесены къ узконосымъ народамъ (по классификаціи А. А. Ивановскаго, какъ имѣющіе отъ 50 до 74%,—у меня 67% лепториновъ). Этотъ выводъ не противорѣчитъ литературнымъ даннымъ. Финская миѳологія, искусство и большинство ученыхъ описываютъ носъ финна длиннымъ и довольно правильнымъ, но отмѣчается рѣзкая разница между карелами и тавастами: первымъ приписываютъ носъ прямой, длинный и красивый, а вторымъ—неправильный, широкій, а, по Гартману, даже съ приподнятымъ кверху концомъ (курносый). Къ сожалѣнію, ни одинъ авторъ не приводитъ цифровыхъ данныхъ, и вездѣ приходится вѣрить на слово. Единственная величина дана д-ромъ Елисѣевымъ и то въ такой неопредѣленной формѣ: «носовой указатель финновъ вывелъ равнымъ въ среднемъ около 70» (цифра довольно близкая къ моей). Сравнивая носовой указатель моихъ финновъ съ другими народностями, легко видѣть, что они не представляютъ никакого исключенія какъ среди сородичей, такъ и среди своихъ сосѣдей: бѣлоруссы — 69,26, великоруссы—68,23, малоруссы— 67,77, мордва — 66,70, зыряне — 64,73, латыши—63,78, остяки—74,13.

Не останавливаясь на отношеніи носового указателя къ цвѣтности (табл. 29), возрасту (табл. 30) и росту (табл. 31), я только кратко укажу, что лепторины обладаютъ большой брахицефаліей (53% у мужчинъ и 73% у женщинъ), среднимъ лицевымъ указателемъ (мезопрозоповъ — 79% у мужчинъ и 83% у женщинъ) и, повидимому, болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ

Табл. 29.

	Мужчины.						Женщины.					
	Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.		Свѣтлый.		Темный.		Смѣшан.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Малый	38	65,52	34	66,67	29	70,73	27	77,14	19	59,37	25	75,76
Средній.	18	31,03	15	29,41	10	24,39	7	20,00	13	40.63	8	24,24
Большой	2	3,45	2	3.92	2	4,88	1	2,86	—	—	—	—
Средняя.	—	66,61	—	67,47	—	65,75	—	65,83	—	68,29	—	65,97

Табл. 30.

		20 — 25.		26 — 30.		31 -- 35.		36 — 40.		41 — 40.		46 — 50.	
		Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Мужчины.	Малый . . .	22	70,97	13	59,09	16	76,19	14	66.67	20	66,67	16	64,00
	Средній. . .	8	25,80	9	40,91	5	23,81	6	28,57	8	26.66	7	28,00
	Большой . .	1	3,23	—	—	—	—	1	4,76	2	6,67	2	8,00
Женщины	Малый . . .	26	78,79	12	80,00	8	72,73	6	60,00	15	75,00	4	36,36
	Средній. . .	7	21,21	3	20,00	3	27,27	4	40,00	4	20,00	7	63.64
	Большой . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	5,00	—	—

Табл. 31.

		Мужчины.								Женщины.							
		Ма ый		Ниже средн.		Выше средн.		Высокій.		Малый.		Ниже сред".		Выше средн.		Высокій.	
		Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.	Абс.	%.
Финны.	Малый . . .	17	80,95	27	67,50	29	61,70	28	66,67	—	—	34	77,27	22	62,86	15	71,43
	Средній . .	4	19.05	10	25,00	15	31.92	14	33,33	—	—	9	20,46	13	37,14	6	28,57
	Большой . .	—	—	3	7,50	3	6,38	—	—	—	—	1	2,27	—	—	—	—
Карелы.	Малый. . .	16	84,19	19	67,83	21	75,17	19	79 17	—	—	19	71,53	13	59,09	8	61,42
	Средній. . .	3	15,79	7	25,00	7	24,13	5	20,83	—	—	7	25.94	9	40,90	5	38,45
	Большой. .	—	—	2	7,14	1	3,45	—	—	--	—	1	3,70	—	—	—	—
Тавасты.	Малый. . .	1	50,00	8	66,66	8	44,43	9	49,98	—	—	15	88.23	9	69,21	7	87,50
	Средній. . .	1	50.00	3	25,00	8	44,43	9	49.98	—	—	2	11,76	4	30,76	1	12,50
	Большой. .	—	—	1	8,33	2	11,10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

волосъ и глазъ. Наоборотъ, болѣе широконосые субъекты являются болѣе широколицыми и принадлежатъ къ болѣе темному типу.

Послѣ бѣглаго обзора главнѣйшихъ антропологическихъ признаковъ я постараюсь кратко нарисовать преобладающій, такъ сказать, средній типъ

современнаго финна. Выше я не разъ подчеркивалъ большую смѣшанность современнаго населенія Финляндіи, и потому понятно, что этотъ средній типъ выраженъ у нихъ не рѣзко опредѣленными, а сглаживающимися, легкими чертами. Типъ этотъ характеризуется русыми волосами (то свѣтлаго, то темнаго оттѣнка), свѣтлыми глазами (чаще всего свѣтло-синими), ростомъ выше средняго или даже, можно сказать, высокимъ, умѣренной брахицефаліей (суббрахицефалы), мезопрозопіей и лепториніей. Приблизительно также должны быть охарактеризованы и женщины: онѣ имѣютъ русые волосы нѣсколько болѣе свѣтлаго оттѣнка, чѣмъ мужчины; свѣтлые глаза (чаще всего сѣраго и голубого цвѣта); роста выше средняго; имѣютъ нѣсколько большую, чѣмъ мужчины, брахицефалію и мезонрозопію и нѣсколько меньшую лепторинію.

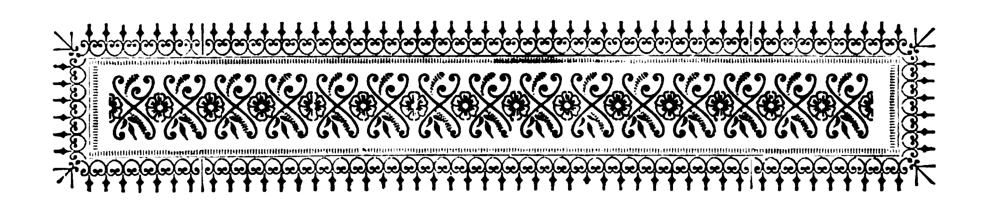
Если этотъ средній типъ, безусловно сложный, множественный, разбить на составныя части, насколько это позволяетъ мой матеріалъ, то мы получимъ слѣдующія группы: во-первыхъ, высокорослаго брахицефала съ свѣтлыми волосами и глазами, съ длиннымъ лицомъ лептопрозопа и лепторина; во-вторыхъ, темнаго типа брахицефала, роста средняго, съ широкимъ лицомъ и носомъ; въ-третьихъ, коротколицаго долихоцефала темнаго типа, роста ниже средняго, съ довольно узкимъ носомъ, и, наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить (5%) низкорослаго, рыжеволосаго брахицефала, съ довольно широкимъ лицомъ и носомъ. Не разбирая подробно эти намѣчающіяся группы, посмотримъ, какъ онѣ распредѣлятся при раздѣленіи нашего матерьяла на кареловъ и тавастовъ.

Первыхъ, на основаніи моихъ данныхъ, можно охарактеризовать, какъ темнорусыхъ, свѣтлоглазыхъ брахицефаловъ, выше средняго роста, среднелицыхъ и узконосыхъ; кромѣ того, для нихъ слѣдуетъ еще отмѣтить низкорослыхъ брахицефаловъ (47%) съ темными волосами и свѣтлыми глазами (смѣшаннаго типа), мезопрозоповъ и лепториновъ. Среднимъ типомъ для таваста является высокорослый брахицефалъ съ свѣтлыми глазами и волосами, съ довольно массивнымъ лицомъ и носомъ; кромѣ того, наблюдается высокорослый долихоцефалъ темнаго типа, среднелицый и средненосый и низкорослый, рыжеволосый брахицефалъ съ довольно широкимъ лицомъ и носомъ.

Изъ этой краткой характеристики мы можемъ сдѣлать, во-первыхъ, тотъ выводъ, что современное населеніе Финляндіи по своему физическому типу представляетъ довольно пеструю картину безъ ясныхъ, опредѣленныхъ контуровъ, во-вторыхъ, что дѣленіе на кареловъ и тавастовъ, представляющихъ нѣкоторое различіе, не прибавляетъ этой картинѣ опредѣленности, а оставляетъ то же впечатлѣніе крупно-кристаллической смѣси, которая заставляетъ предполагать присутствіе еще другихъ, можетъ-быть, многихъ этническихъ группъ, которыя также участвовали въ созданіи типа современнаго финна. Я не буду разбираться во всѣхъ тѣхъ факторахъ, подъ

вліяніемъ которыхъ складывался этотъ множественный типъ,—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Признавая для финновъ характернымъ типъ высокорослаго, свѣтловолосаго и свѣтлоглазаго брахицефала, мы могли бы, согласно большинству авторовъ, средне-рослаго, темноволосаго брахицефала искать среди вліяній восточныхъ сосѣдей-славянъ, а низко-рослаго долихоцефала темнаго типа искать въ той длинноголовой расѣ, которая, можетъ-быть, была предшественницей финновъ въ Вост. Европѣ и т. д.; все-таки мы не смогли бы теперь придать должную опредѣленность нашей картинѣ, расчленить ее на всѣ составныя части. Это будетъ возможнымъ только тогда, когда подробно будутъ изучены всѣ народности, входящія въ составъ единаго, въ политическомъ смыслѣ, финскаго народа, когда будетъ тщательно пересмотрѣна и твердо установлена финно-угорская семья народовъ и подробно изучены всѣ ея сосѣди.

А. Колмогоровъ.

О формахъ Apertura pyriformis и ихъ географическомъ распространеніи.

Края грушевиднаго отверстія на черепахъ не всегда бываютъ одинаковы у различныхъ народностей. Топинаръ, изслѣдовавъ различные черепа, устанавливаетъ четыре формы Apertura pyriformis. Первая форма, которую онъ называетъ классической, свойственна черепамъ европейскихъ народовъ и въ особенности басковъ. Отличительныя черты ея заключаются въ томъ, что она похожа на перевернутыя карточныя черви, средняя часть которыхъ и стороны основанія образованы изъ spina и incisura nasalis; край ея, образуя основаніе для fossa nasalis, на всемъ протяженіи острый.

Вторая форма Apertura pyriformis имѣетъ нижній край тупой и круглый, при уменьшающемся spina nasalis извнутри наружу. Острые края удаляются въ обѣ стороны; на мѣстѣ же ихъ прежняго распространенія образуется родъ платформы. Эту форму Топинаръ находитъ свойственной африканскимъ неграмъ.

Иногда боковой край Apertura pyriformis въ нижней своей части раздвояется на двѣ губы, образуя пространство на-подобіе треугольниковъ, которое служитъ продолженіемъ бокового края грушевиднаго отверстія. Въ иныхъ случаяхъ оно едва замѣтно, въ другихъ получаетъ развитіе и занимаетъ мѣсто между fossa nasalis и передней частью верхней челюсти. Топинаръ замѣтилъ такія поперечныя продолженія у полинезійскихъ и меланезійскихъ череповъ.

Четвертая форма Apertura pyriformis, по Топинару, заключается въ слѣдующемъ: нижняя плоскость носовой полости наклонена впередъ, и вмѣстѣ съ плоскостью fossa nasalis и передней плоскостью верхней челюсти онѣ образуютъ родъ кривой плоскости на-подобіе того, какъ у человѣкоподобныхъ обезьянъ. Топинаръ различаетъ въ этой формѣ два случая: въ первомъ наклонъ — умѣренный, во второмъ — болѣе сильный. Работая надъ высшими и низшими расами, Топинаръ пришелъ къ слѣдующему выводу: острая форма носового отверстія ствойственна почти всѣмъ бѣлымъ расамъ; въ противоположность высшимъ у низшихъ расъ встрѣчается дѣленіе ниж-

няго края на двѣ и даже на три губы, сглаживаніе переднихъ губъ и ихъ исчезаніе; это и есть признакъ низшаго характера, встрѣчающійся у негровъ и болѣе или менѣе напоминающій соотвѣтствующее образованіе у большей части обезьянъ.

У европейскихъ череповъ съ выраженнымъ прогнатизмомъ было замѣчено, что нижній край носового отверстія сильно сглаживается, и съ каждой стороны появляется по двѣ губы, которыя образуютъ fossae praenasales. Эта особенность, а также и другія, свойственныя, по Топинару, низшимъ расамъ, встрѣчаемыя и среди европейскаго населенія, были объясняемы нѣкоторыми нѣмецкими авторами атавизмомъ.

У древне-баварскаго населенія Ранке нашелъ низшій признакъ очень рѣдкимъ, у современнаго же населенія сѣверо-восточной Баваріи онъ очень частъ. На основаніи этого Ранке заключаетъ, что fossae praenasales теряютъ свое значеніе, какъ признакъ низшей расы.

Колльманъ высказывается противъ такого заключенія. Онъ различаетъ два главныхъ черепныхъ типа, изъ которыхъ одинъ представляется съ узкимъ лептопрозопическимъ лицомъ, съ мало выраженной скуластостью, круглымъ отверстіемъ широко открытыхъ глазничныхъ впадинъ, высокимъ носовымъ хребтомъ и длиннымъ узкимъ носомъ; второй типъ — съ болѣе широкими, чѣмъ высокими, глазничными впадинами, съ широкимъ и короткимъ носомъ, съ сильно выступающими скулами и съ вполнѣ широкимъ хамэпрозопическимъ лицевымъ черепомъ. Колльманъ замѣтилъ, что у послѣдняго типа чаще бываетъ обезьяноподобные признаки, чѣмъ у перваго (т.-е. съ высокимъ лицомъ), и одинъ изъ этихъ признаковъ есть форма носового отверстія, какъ по отношенію къ ея высотѣ, такъ и существованію fossa praenasalis. Поэтому, замѣчаетъ онъ, обезьяноподобные признаки не могутъ быть мѣрой культурнаго развитія; fossae praenasales суть питекоидный признакъ, встрѣчаются ли онѣ у негровъ или у нѣмцевъ средней Германіи.

Мингазини, объясняя различіе каждаго обезьяноподобнаго признака путемъ ихъ развитія, высказывается противъ ихъ филогенетическаго значенія. Онъ такъ же, какъ и Топинаръ, различаетъ четыре формы Apertura pyriformis, при чемъ каждой формѣ даетъ соотвѣтствующее названіе.

Первая форма, имѣющая со всѣхъ сторонъ острый край и обыкновенная для европейскихъ череповъ, заслуживаетъ, по его мнѣнію, названія forma antropina.

Вторую форму — forma infantilis — онъ находитъ сходной съ встрѣчаемой на черепахъ дѣтскаго возраста. Для этой формы характерны слѣдующія образованія: боковые края Apertura pyriformis—острые и въ большинствѣ случаевъ въ верхней части довольно близки другъ къ другу, въ нижней же, напротивъ, удаляясь, они переходятъ въ слегка притупленный и немного выгнутый впередъ въ этомъ возрастѣ нижній край Apertura pyriformis.

Когда ко всему этому прибавить незначительное образованіе spina nasalis anterior и косое направленіе processus alveolaris верхнечелюстной кости къ плоскому базису fossa nasalis, это и есть характерное образованіе Apertura pyriformis въ дѣтскомъ возрастѣ. Разница, которая отличаетъ forma infantilis взрослыхъ отъ дѣтей, состоитъ только въ болѣе сильномъ ея развитіи и въ болѣе косомъ положеніи processus alveolaris верхнечелюстной кости. Образуется forma infantilis у взрослыхъ вслѣдствіе недоразвитія части кости, ограничивающей Apertura pyriformis снизу.

Иногда случается, какъ замѣтилъ Мингазини, что край, долженствующій ограничить Apertura pyriformis снизу, нѣсколько отступаетъ назадъ и вмѣсто того, чтобы слиться съ боковымъ краемъ, продолжается на задней сторонѣ concha inferior; между тѣмъ боковой край Apertura pyriformis направляется самостоятельно, пока не сольется съ spina nasalis anterior: ясно, что имѣется форма истинной ямочки fossa praenasalis, ограниченной двумя острыми краями; чѣмъ выше они поднимаются, тѣмъ глубже ямочки. Такая Apertura pyriformis составляетъ третью форму и носитъ названіе fossa praenasalis. Эту особенность Топинаръ нашелъ у низшихъ меланезійскихъ череповъ, при чемъ глубина fossa praenasalis въ одномъ случаѣ достигала до одного сантиметра и допускала введеніе указательнаго пальца.

По мнѣнію Мингазини, послѣдняя форма носового отверстія есть не что иное, какъ видоизмѣненіе forma antropina путемъ раздѣленія нижняго ограничивающаго края на два, что легко объясняетъ тотъ фактъ, что эту форму Ранке нашелъ болѣе частой у современнаго населенія сѣверо-восточной Баваріи, чѣмъ у древнихъ баварцевъ. Четвертой формѣ Мингазини заимствуетъ у Sergi названіе clivus nasoalveolaris (предпочитая названію «обезьяній желобъ» Топинара), у которой отсутствіе или атрофія spina nasalis anterior заставляетъ ее приближаться къ подобному образованію у гориллы. [1])

Работа Thomas Dwight'a [2]) касается только одного изъ признаковъ, а именно fossa praenasalis. По его мнѣнію, fossa praenasalis ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признакомъ обезьяноподобнымъ, а встрѣчается чаще у людей и иногда достигаетъ очень высокаго развитія; наибольшее же приближеніе къ ней находятъ не у обезьянъ, а у морского тюленя. Не считая этотъ признакъ ни регрессивнымъ, ни прогрессивнымъ, онъ относитъ его къ случайнымъ, вызваннымъ родствомъ между далеко отстоящими животными, на-подобіе родства между конечностями ихтіозавра и плавательными перьями кита, вызваннаго однородностью внѣшнихъ дѣйствій.

---

[1]) *Dr. G. Mingazzini.* Ueber die verschidenen Formen der Apertura pyriformis. „Archiv für Anthropologie", 1891.

[2]) *Thomas Dwight.* Fossa praenasalis. „Archiv für Anthropologie", 1892.

Въ настоящей статьѣ я постараюсь изложить то, что мнѣ пришлось замѣтить при просмотрѣ коллекцій череповъ Антропологическаго музея Московскаго университета.

Даже при бѣгломъ взглядѣ на черепа, взятые изъ далеко удаленныхъ другъ отъ друга мѣстностей и принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ, можно замѣтить довольно значительныя варіаціи нижняго края Apertura pyriformis. Отъ остраго края, ограничивающаго со всѣхъ сторонъ носовое отверстіе, при сильно развитомъ spina nasalis anterior, черезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ формъ можно перейти къ далеко удаленной формѣ Apertura pyriformis съ полнымъ отсутствіемъ spina nasalis anterior и нижняго ограничивающаго края, каковой замѣняется желобомъ, образующимся на днѣ носовой полости и, при сильно выраженномъ прогнатизмѣ, продолжающимся на переднюю часть верхней челюсти къ зубнымъ ячейкамъ. Изъ цѣлаго ряда такихъ формъ можно выдѣлить тѣмъ не менѣе слѣдующіе. пять типовъ [1]).

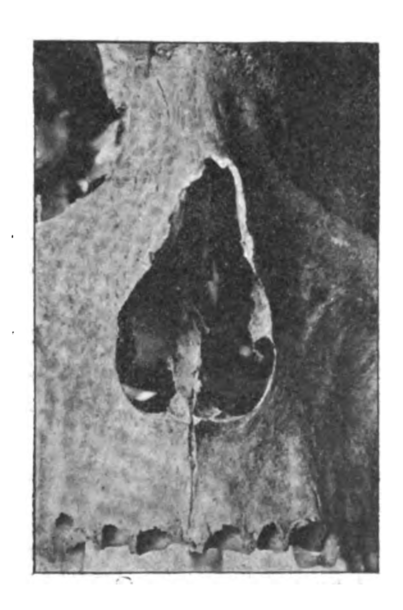

Рис. 1. Forma antropina (черепъ вырытъ во дворѣ Московскаго университета).

1-й типъ. Forma antropina имѣетъ видъ перевернутыхъ карточныхъ червей съ острымъ краемъ на всемъ ея протяженіи и сильно развитымъ spina nasalis anterior, иногда выступающимъ далеко наружу (рис. 1).

2-й типъ. Forma infantilis имѣетъ ту характерную особенность, что нижній край Apertura pyriformis всегда бываетъ притупленъ и закругленъ. Общій же видъ носового отверстія при этой формѣ сильно варьируетъ въ зависимости отъ большаго или меньшаго развитія spina nasalis. Онъ или приближается, при сильномъ развитіи spina, къ формѣ карточныхъ червей, имѣя при этомъ большое сходство съ forma antropina (рис. 2), или же имѣетъ, при недоразвитіи spina nasalis, форму треугольника (рис. 3), основаніемъ котораго служитъ тупой и притупленный край, отграничивающій нижнюю плоскость носовой полости отъ наружной передней части верхней челюсти, при чемъ въ первомъ случаѣ образуется со дна носовой полости уступъ, опредѣляющій форму носового отверстія снаружи, во

---

[1]) Названія первыхъ четырехъ типовъ взяты изъ вышеуказанной работы Mingazzini.

второмъ этого уступа нѣтъ, и нижній край Apertura pyriformis лежитъ непосредственно на переднемъ краѣ нижней носовой плоскости. Первая варіація formae infantilis приближается по типу, какъ упомянуто выше, къ f. antropina, различіе состоитъ въ тупомъ и притупленномъ нижнемъ краѣ носового отверстія; она встрѣчается у субъектовъ съ вполнѣ развитымъ черепнымъ скелетомъ, тогда какъ вторая варіація f. infantilis имѣется на черепахъ, не вышедшихъ еще изъ дѣтскаго возраста, или же на черепахъ, не имѣющихъ достаточной массивности костей, повидимому, женскихъ.

3-й типъ. Fossae praenasales имѣютъ форму полулунныхъ ямочекъ, ограниченныхъ двумя губами, идущими одна отъ spina nasalis anterior по

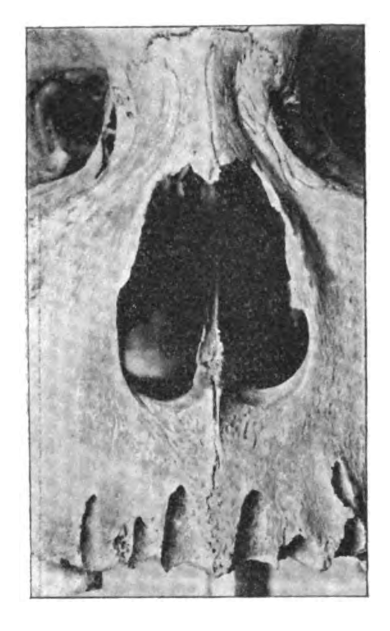

Рис. 2. Forma infantilis, близкая къ формѣ antropina (черепъ калмыка Астраханской губ.).

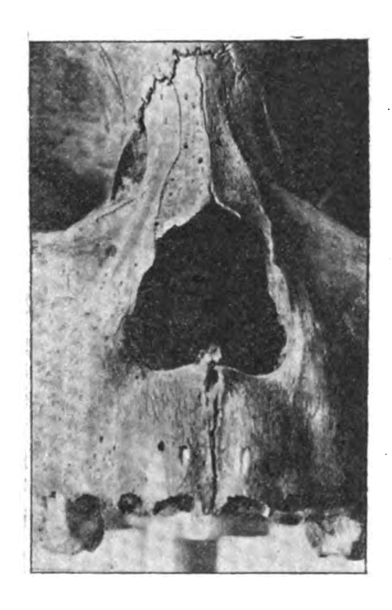

Рис. 3. Forma infantilis, характерная для дѣтскихъ череповъ (ороченскій черепъ).

дну носовой полости къ внутреннему краю носового отростка верхней челюсти, другая направляется отъ бокового края Aper. pyrif. нѣсколько книзу и впередъ и, дугообразно изгибаясь, соединяется съ spina nasalis anterior, ограничивая такимъ образомъ съ первой губой ямочное образованіе полулунной формы (рис. 4 и 5). Губы бываютъ различной высоты и болѣе или менѣе округлены. Иногда онѣ рѣзко ограничиваютъ полулунныя ямочки, иногда же настолько сглаживаются, что представляютъ только чуть замѣтные слѣды ихъ прежняго направленія, и ямочныя углубленія могутъ быть замѣчены только наощупь. Просматривая многочисленные черепа съ fossa praenasalis древняго населенія Россіи, а также черепа австралійцевъ и жи-

4*

телей Зондскаго архипелага, нельзя не найти нѣкотораго разнообразія въ формахъ fossa praenasalis среди тѣхъ и другихъ. Можно было наблюдать въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при сглаживаніи какой-либо одной губы и при закругленности или полномъ развитіи другой, переходныя формы къ f. infantilis и f. antropina. У европейскихъ племенъ нижняя губа, при незначительной глубинѣ fossa praenasalis, является нерѣдко сильно сглаженной, тогда какъ вторая, имѣя большое развитіе, ясно ограничиваетъ нижнюю часть носового отверстія, имѣя при этомъ большое сход-

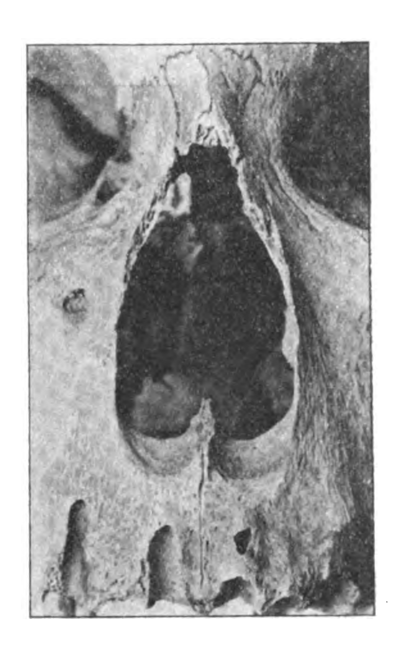

Рис. 4. Fossa praenasalis съ рѣзко ограничивающими губами (нѣмецкій черепъ изъ м. Biberstein около Берлина).

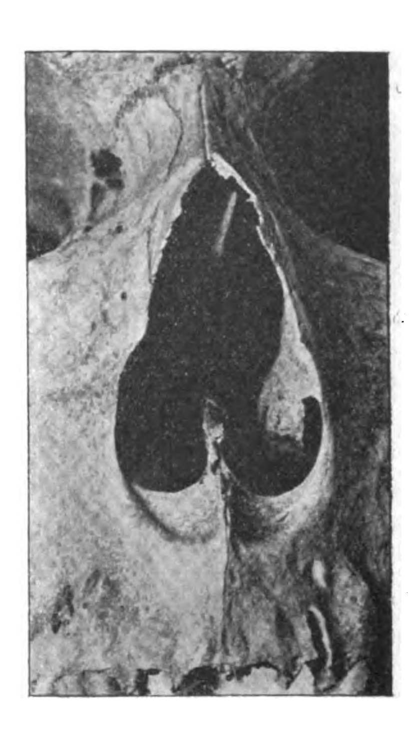

Рис. 5. Fossa praenasalis съ нѣсколько округленными нижними губами (черепъ киргиза изъ г. Орска).

ство съ острымъ краемъ f. antropina. Мингазини считаетъ даже fossa praenasalis за частный случай formae antropinae, но, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, fossa praenasalis имѣетъ большее сходство съ четвертымъ типомъ (clivus nasoalveolaris) носового отверстія, чѣмъ съ f. antropina.

У племенъ азіатскихъ, а еще болѣе австралійскихъ въ общемъ fossae praenasales встрѣчаются въ формахъ, болѣе рѣзко выраженныхъ, при большей глубинѣ, съ рѣзко ограниченными губами, чѣмъ у европейскихъ череповъ. Крайнюю степень развитія предносовыхъ ямокъ имѣетъ одинъ черепъ съ Сандвичевыхъ острововъ. Обѣ fossae развиты неодинаково:

	Правая.	Лѣвая.
Ширина (спереди назадъ)	11 mm.	16 mm.
Длина	14 „	25,5 „
Глубина	1 „	5,5 „
Окружность	42 „	84 „

Лѣвая значительно превосходитъ правую. Губы у обѣихъ fossae praenasales имѣютъ заостренные края, за исключеніемъ небольшого пространства спереди, гдѣ онѣ нѣсколько закруглены. Обѣ fossae заходятъ на внутренюю сторону носового отростка верхней челюсти, направляясь къ concha inferior. Лѣвая fossa praenasalis поднимается значительно выше и оканчивается приблизительно на уровнѣ foramina infraorbitalia. На днѣ обѣихъ fossae praenasales имѣется сѣть небольшихъ желобковъ, оставленныхъ въ видѣ знаковъ кровеносными сосудами, соприкасавшимися съ костью въ данномъ мѣстѣ.

При сильномъ развитіи въ глубину fossa praenasalis и при большемъ или меньшемъ сглаживаніи губъ, ограничивающихъ эти углубленія, мы будемъ имѣть на черепѣ признакъ, переходный къ четвертому типу Apertura pyriformis — clivus nasoalveolaris (рис. 6). Топинаръ различаетъ два вида желоба. Мингазини, не указывая различій въ данной формѣ, сохраняетъ общее названіе clivus nasoalveolaris, данное Sergi, такъ что становится не совсѣмъ яснымъ, обѣ ли формы обезьяньяго желоба по Топинару онъ соединяетъ подъ общимъ именемъ clivus или какую-либу одну изъ нихъ. При просмотрѣ коллекцій череповъ Антропологическаго музея Московскаго университета, можно было замѣтить двѣ различныя формы желоба, ведущаго изъ носовой полости къ альвеолярнымъ ячейкамъ. Одна форма, довольно круто спускаясь изъ носовой полости наружу, имѣетъ въ удаленной части возвышеніе, раздѣляющее нижнюю плоскость носовой полости отъ желоба и обусловливающее крутизну послѣдняго. Обособленность

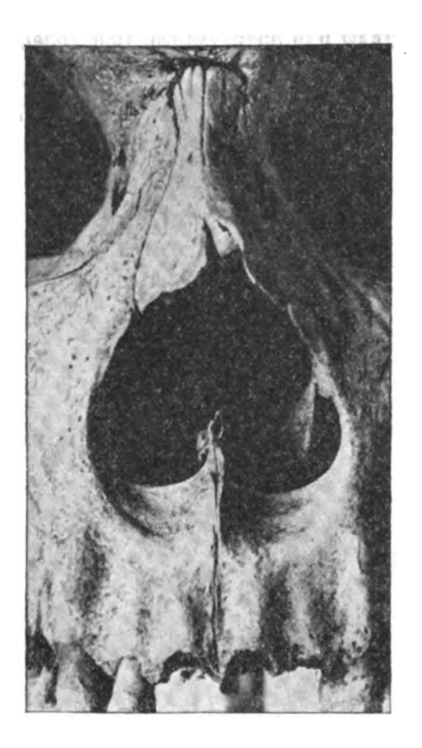

Рис. 6. Переходная форма отъ fossa praenasalis къ clivus nasoalveolaris; губы настолько сглажены, что едва замѣтны; съ лѣвой стороны замѣтны слѣды трехъ губъ, съ правой третья губа замѣтна неясно (черепъ теленгета).

этой формы заставляетъ выдѣлить ее съ самостоятельный типъ подъ названіемъ clivus nasoalveolaris (рис. 7).

Вторая форма желоба рѣзко отличается отъ первой полнымъ отсутствіемъ возвышенія, создающаго преграду между внутренней носовой полостью и наружнымъ склономъ, а потому имѣетъ болѣе пологій скатъ, и нижняя плоскость носовой полости непосредственно переходитъ въ желобъ, который, при отсутствіи или атрофіи spina nasalis anterior, представляетъ поразительное сходство съ подобнымъ же образованіемъ у гориллы или орангутанга. Обособленное положеніе, какое занимаетъ эта форма

Рис. 7. Clivus nasoalveolaris (черепъ изъ кургана около ст. Павловой, Оренбургской губ.).

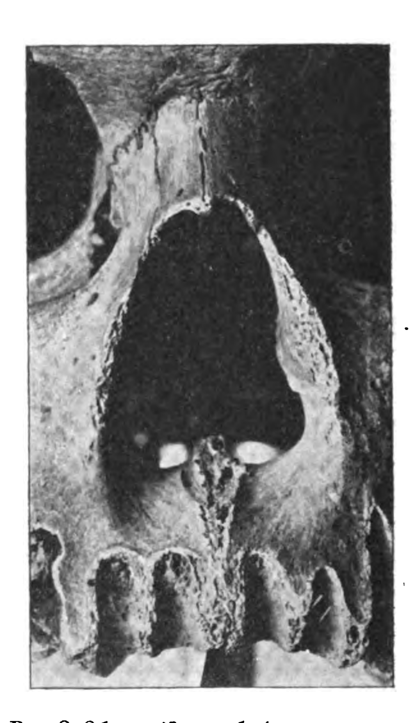

Рис. 8. Обезьяній желобъ (черепъ туземца Нов. Каледоніи).

по отношенію къ остальнымъ типамъ, а также тотъ фактъ, что она, рѣдко встрѣчаясь на материкахъ, за исключеніемъ Австраліи, довольно обыкновенна на островахъ Океаніи,—все это заставляетъ выдѣлить ее изъ остальныхъ типовъ въ самостоятельный пятый типъ и оставить характерное названіе, данное Топинаромъ, — «обезьяній желобъ» (рис. 8).

Всѣ вышеупомянутыя формы съ ихъ характерными особенностями были найдены на черепахъ просмотрѣнныхъ мною коллекцій. Преобладающее количество череповъ относится къ мѣстностямъ, находящимся въ предѣлахъ Россійской имперіи, и только 211 принадлежатъ къ западной и

и южной Европѣ и 40—странамъ Новаго Свѣта. Изъ приводимой ниже таблицы видно, изъ какихъ мѣстностей взяты черепа, въ какомъ количествѣ и какъ часто встрѣчены у нихъ различныя формы Apertura pyriformis.

Табл. 1.

Названія мѣстностей.	Число черепов.	% различныхъ формъ.					
		Forma antropina.	Forma infantilis.	Fossa praenasalis.	Clivus nasoalveolaris.	Обезьяній желобъ.	Forma non antropina.
Архангел., Вологод. и Вятск. губ.	23	96	—	4	—	—	4
Петербургская губ.	348	95,7	1,7	2	0,6	—	4,3
Эстлянд., Лифлянд. и Курлянд. губ.	41	95	5	—	—	—	5
Тамбов., Симбир., Саратов., Самар., Тульск., Орлов., Пензен. и Калужск. губ.	65	93,9	1,5	1,5	3,1	—	6,1
Новгородская губ.	76	89,9	—	6,5	3,6	—	10,1
Москов., Тверск., Владимір., Нижегород., Костром., Смолен. и Рязан. губ.	661	89,7	3	4,1	3,2	—	10,3
Курск. и Харьков. губ.	30	86,7	3,3	10	—	—	13,3
Западн. и Южн. Европа. . . .	211	86,7	2,8	8,1	1,9	0,5	13,3
Казанская губ.	65	83,1	—	7,7	9,2	—	16,9
Уфим., Пермск. и Оренбургск. губ.	122	80	3,3	12,6	4,1	—	20
Финляндія.	14	79	—	14	7	—	21
Кіев., Полтав., Черниговъ., Минская и Могилев. губ. . . .	292	78,4	6,2	8,9	6,2	0,3	21,6
Средняя Азія.	280	75	8,9	12,2	3.9	—	25
Астраханская губ.	76	73,6	5,3	5,3	15,8	—	26,4
Америка.	11	63,6	9,1	9,1	18,2	—	36.4
Урало-алтайскія племена . . .	337	51,3	11,3	18,7	14,0	4,7	48,7
Ява, Нов. Британія, Нов. Каледонія, Нов. Гвинея, Сандвич. о-ва, малайцы, папуасы. . .	29	3,4	6,9	6,9	13,8	69,0	96,5

Въ вышеприведенной таблицѣ мѣстности расположены въ нисходящемъ порядкѣ по проценту forma antropina. Нетрудно замѣтить, что наибольшее распространеніе f. antropina свойственно губерніямъ, расположеннымъ на сѣверо-западѣ Евр. Россіи, за исключеніемъ Финляндіи; нѣсколько меньшій процентъ встрѣчается въ центральныхъ губерніяхъ и въ западной и южной Европѣ; затѣмъ, по мѣрѣ удаленія къ югу и востоку въ предѣлахъ Евр. Россіи, процентъ f. antropina все болѣе и болѣе понижается; еще болѣе онъ понижается въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ, въ Астраханской губ. и въ мѣстностяхъ, заселенныхъ урало-алтайскими племенами. Американскіе черепа имѣютъ средній процентъ f. antropina между средне-азіатскими и урало-алтайскими племенами, и всего менѣе встрѣчается f. antropina на островахъ азіатско-австралійскаго средиземнаго моря, па материкѣ Австраліи и Сандвичевыхъ островахъ.

Forma infantilis въ предѣлахъ Россіи наиболѣе часто встрѣчается на черепахъ урало-алтайскихъ племенъ и средне-азіатскихъ, всего рѣже— въ центральныхъ губерніяхъ Евр. Россіи и въ Петербургской, и совершенно не было ея встрѣчено въ Казанской и Новгородской губ., Финляндіи, въ Вологодской, Архангельской и Вятской губ. Замѣчается уменьшеніе и исчезаніе этой формы по сѣверо-западному направленію.

Fossa praenasalis, противоположно forma antropina, имѣетъ склонность увеличиваться отъ европейскихъ племенъ къ средне-азіатскимъ. У австралійцевъ и жителей Великаго океана появленіе ея также составляетъ нерѣдкость. Въ предѣлахъ Россіи замѣтно исчезаніе fossa praenasalis отъ востока къ западу. Возьмемъ для примѣра мѣстности, лежащія приблизительно на одной широтѣ и расположенныя въ восточно-западномъ направленіи. У урало-алтайскихъ племенъ на 337 череповъ fos. praenasalis составляетъ 18,7%; въ Уфимской, Пермской и Оренбургской губ., лежащихъ на западѣ отъ первыхъ, изъ 122 чер. на нее приходится 12,6%; въ Новгородской губ. изъ 76 чер. fos. praenasalis составляетъ 6,5%, въ Петербургской—изъ 348 чер. только 2% и, наконецъ, въ Прибалтійскомъ краѣ изъ 41 чер. ни одного случая съ fossa praenasalis обнаружено не было. Если принять, что монгольская раса имѣетъ большій процентъ распространенія fossa praenasalis въ сравненіи съ европейскими племенами, то такое уменьшеніе fossa praenasalis отъ востока къ западу можно объяснить вліяніемъ монгольскаго нашествія, потому что среди древнихъ череповъ Россіи могло попасть значительное количество монгольскихъ. На западѣ, въ прибалтійскихъ губерніяхъ, fossa praenasalis исчезаетъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Ранке не нашелъ этой особенности у древняго населенія Баваріи, лежащей еще далѣе на западѣ. Такимъ образомъ примѣнить объясненіе присутствія fossa praenasalis у современнаго населенія средней Германіи атавизмомъ, какъ то дѣлаетъ германская школа, для древняго населенія Россіи едва ли возможно.

Clivus nasoalveolaris встрѣчается гораздо рѣже въ сравненіи съ fossa praenasalis (139 случаевъ clivus nasoalveolaris противъ 213 fossa praenasalis изъ общаго числа 2681 чер.), но такъ же, какъ и у послѣдней, замѣчается правильность уменьшенія числа случаевъ этой формы отъ востока къ западу, что видно изъ сопоставленія урало-алтайскихъ племенъ съ Уфимской, Пермской и Оренбургской, съ Новгородской и съ Петербургской губ., гдѣ процентъ понижается по мѣрѣ удаленія къ западу отъ 14 къ 4,1; 3,6 и 0,6%. Въ Прибалтійскомъ краѣ, сѣверныхъ губерніяхъ, въ Курской и Харьковской губ. clivus nasaolveolaris совершенно обнаружено не было.

О географическомъ распространеніи обезьяньяго желоба сказать что-либо положительное трудно, такъ какъ форма эта въ просмотрѣнныхъ мною коллекціяхъ встрѣчалась сравнительно рѣдко.

Табл. 2.

	Общее число череповъ.	Обезьяній желобъ.	Clivus nasoalveolaris.
Жит. о. Явы, Нов. Брит., Нов. Каледон,,Нов.Гвинеи, Сандвич. остр.и др.	29	20	4
Орочены.	19	6	2
Неизвѣстной мѣстн. Вост. Сибири.. .	6	3	1
Остяки..	5	1	—
Лопари.	4	1	—
Болгары	31	1	—
Курганы Полтавской губ.	41	1	2
Вогулы.	61	1	2
Айны.	6	1	5
Теленгеты.	98	3	18

Изъ табл. 2-й видно, насколько часто встрѣчается обезьяній желобъ въ сравненіи съ clivus nasoalveolaris. Въ однихъ племенахъ замѣтно преобладаніе на сторонѣ обезьяньяго желоба, въ другихъ — обратно, на сторонѣ clivus nasoalveolaris.

Возвращаемся къ 1-ой таблицѣ и разбиваемъ весь собранный матеріалъ на отдѣльныя группы такимъ образомъ, что въ I группу войдутъ мѣстности, въ которыхъ процентъ forma antropina найденъ не менѣе 85,01, во II—отъ 75,01 до 85%, въ III—отъ 50,01 до 75% и въ IV—менѣе 25,01%; въ такомъ случаѣ процентъ найденныхъ различныхъ формъ носового отверстія по группамъ распредѣлится слѣдующимъ образомъ:

Табл. 3.

Формы Aperturae pyriformis.	I группа.		II груп.		III груп.		IV груп.		Общее число череповъ.
	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	
Forma antropina.	1325	91,1	391	79,3	446	63,4	1	3,4	2163
Forma infantilis.	36	2,5	22	4,5	68	9,6	2	6,9	128
Fossa praenasalis.	61	4,2	48	9,7	102	14,5	2	6,9	213
Clivus nasoalveolaris.	32	2,19	31	6,3	72	10,2	4	13,8	139
Обезьяній желобъ.	1	0,01	1	0,2	16	2,3	20	69,0	38
Общее число череповъ	1455	—	493	—	704	—	29	—	2681

Изъ таблицы видно, что процентъ forma antropina постепенно понижается по мѣрѣ перехода изъ одной группы въ другую; другія же формы носового отверстія измѣняются не одинаково. Clivus nasoalveolaris и обезьяній желобъ увеличиваются въ противовѣсъ уменьшенію f. antropina, чѣмъ подтверждаютъ полную противоположность своего распространенія. Forma infantilis и fossa praenasalis занимаютъ среднее мѣсто: съ одной стороны, въ первыхъ трехъ группахъ, увеличиваясь противоположно forma antropina, онѣ имѣютъ сходство съ clivus nasoalveolaris и обезьяньимъ жело-

бомъ, съ другой—при одинаковомъ процентѣ въ IV группѣ и при нѣкоторомъ пониженіи въ сравненіи съ предшествующей, имѣютъ большее сходство съ forma antropina. Такимъ образомъ всѣ формы въ большей или меньшей степени встрѣчаются въ процентахъ, дополняющихъ другъ друга. Замѣтенъ антагонизмъ между формой antropina, съ одной стороны, и формой infantilis, fossa praenasalis, clivus nasoalveolaris и обезьяньимъ желобомъ—съ другой; но такой антагонизмъ у послѣднихъ формъ выраженъ не въ равной степени: всего менѣе, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, онъ замѣтенъ въ формѣ infantilis, немногимъ болѣе у fossa praenasalis, а у clivus nasoalveolaris и еще болѣе у обезьяньяго желоба онъ выраженъ очень сильно. Общее свойство всѣхъ послѣднихъ формъ—исчезать отъ востока къ западу въ предѣлахъ Россіи—дѣлаетъ возможнымъ соединить каждый ихъ процентъ, указывающій на степень частоты данной формы, въ одинъ общій, который можно видѣть въ табл. 1-ой, подъ рубрикой формы «non antropina». Такое соединеніе показываетъ, что наибольшій процентъ формъ «non antropina» имѣютъ мѣстности, заселенныя урало-алтайскими племенами (48,7%); по мѣрѣ того, какъ мы переходимъ далѣе къ западу, во 1) черезъ губерніи Уфимскую, Пермскую, Оренбургскую, во 2) Казанскую, въ 3) Московскую и окружающія ея губерніи, въ 4) Новгородскую къ Петербургской, частота упомянутыхъ формъ уменьшается черезъ 20%; 16,9; 10,1% къ 4,3% для Петербургской губ.

Въ Астраханской (26,4%) и въ Кіевской съ окружающими ее губерніями (21,6%) замѣчается чрезмѣрное повышеніе частоты формъ «non antropina», легко объяснимое значительной примѣсью монгольскихъ череповъ. Упомянутыя мѣстности носятъ наибольшіе слѣды вліянія монгольскаго нашествія. Кіевъ въ 1240 г. подвергся разгрому Батыя, а сосѣднія мѣстности, составляющія современную Кіевскую и окружающія ее губерніи, были пунктомъ временной остановки полчищъ Батыя, двигавшихся въ Венгрію и Трансильванію. Это обстоятельство не могло не повліять на увеличеніе монгольскихъ череповъ среди древняго населенія Россіи, и нѣтъ ничего удивительнаго, что среди коллекціи кіевскихъ череповъ часть ихъ принадлежитъ къ монгольскимъ. Астраханская губ., съ 1380 по 1554 г. находившаяся подъ властью хановъ Золотой орды, а позднѣе Астраханскаго царства, не могла также не имѣть въ значительной степени среди древняго населенія монгольскихъ череповъ.

Московская съ окружающими ее губерніями и Казанская также подверглись въ довольно сильной степени вліянію монгольскаго ига. Въ ихъ предѣлахъ было основано татарами два царства: одно — Касимовское въ началѣ XV вѣка, находившееся въ предѣлахъ нынѣшней Рязанской губ., другое—Казанское, существовавшее съ 1438 по 1552 г., столицей котораго былъ городъ Казань. Но въ этихъ мѣстностяхъ незамѣтно самостоятельныхъ центровъ сгущенія процента формъ «non antropina», какъ въ Кіевской

и въ Астраханской губ., быть-можетъ, вслѣдствіе растворенія особенностей монгольскихъ племенъ въ массѣ русскаго населенія или же вслѣдствіе большей ослабленности монгольскаго нашествія, совершенно исчезавшаго на сѣверѣ. Вслѣдствіе той или иной причины частота формъ «non antropina» въ данныхъ мѣстностяхъ подчинена общему уменьшенію ея отъ востока къ западу. Но нельзя сказать, чтобы временная осѣдлость монголовъ около центра Московскаго государства и Казанскаго царства не оставила послѣ себя слѣдовъ на распространеніи формъ Apertura pyriformis, выразившихся въ пониженіи процента частоты «non antropina» къ югу и къ сѣверу отъ временной осѣдлости монголовъ. На югѣ Тамбовская, Симбирская, Саратовская и т. д. губерніи имѣютъ процентъ формъ «non antropina» 6,1 противъ 10,3% для Московской и окружающихъ ее губерній и противъ 16,9% для Казанской; на сѣверѣ противъ тѣхъ же чиселъ Архангельская, Вологодская и Вятская губ. имѣютъ частоту, выразившуюся только 4%.

Большая часть коллекцій череповъ Антропологическаго музея Московскаго университета имѣетъ только обозначеніе мѣстности, откуда были взяты черепа, и у сравнительно небольшой части имѣются указанія на принадлежность череповъ тому или иному племени. Присоединяя къ послѣднимъ еще черепа, просмотрѣнныя Мингазини въ музеяхъ Анатомическаго, Психіатрическаго и Антропологическаго институтовъ въ Римѣ, будемъ имѣть цѣлый рядъ разныхъ племенъ и народовъ, расположенныхъ по степени частоты встрѣчаемой среди нихъ forma antropina.

Табл. 4.

Названіе племенъ и народовъ. *)	% частоты.					
	Число череповъ.	Forma antropina.	Forma infantilis.	Fossa praenasalis	Clivus nasoalveolaris.	Обезьяній желобъ.
Иранцы	10	90	—	10	—	—
Евреи.	16	87,5	—	19,5	—	—
Запад. и южн. Европа.	126	87,3	3,9	7,2	0,8	0,8
Цыгане	43	85,9	2,4	4,7	7	—
Итальянцы душ.-больн. (М.). . . .	141	83,7	4,2	6,4	5,7	—
Швейцарцы (М.)	23	78,3	—	21,7	—	—
Австрійцы (М.).	65	76,9	3,1	12,3	7,7	—
Итальянцы-преступники (М.) . . .	69	75,4	8,7	15,9	—	—
Китайцы, дунгане, корейцы. . . .	40	75	5	12,5	7,5	—
Итальянцы (М).	273	74	9,9	8,4	7,7	—
Финское племя	109	67,9	10,1	15,6	0,9	5,5
Африканскіе (М.).	29	65,5	6,9	27,6	—	—
Монгольское племя.	170	61,2	7,7	8,2	18,8	4,1
Тюрко-татарское илемя	186	43	14	28,5	14,5	—
Папуасы (М.)	6	33,3	50	—	16,7	—
Американцы (М.).	38	31,6	18,4	23,7	2,63	—

*) Буква М въ скобкахъ послѣ названія народности показываетъ, что данныя заимствованы у Mingazzini.

Для болѣе удобнаго разсмотрѣнія степени частоты различныхъ формъ Apertura pyriformis по племенамъ, разобьемъ только-что приведенный матеріалъ по группамъ, сходнымъ съ 3-й таблицей, за исключеніемъ IV-ой группы, которая теперь будетъ заключать въ себѣ племена, имѣющія forma antropina не менѣе 25,01 % и не болѣе 50%; племенъ, имѣющихъ forma antropina менѣе 25%, совершенно не встрѣчается, почему и нѣтъ группы, соотвѣтствующей IV-ой группѣ 3-й таблицы.

Табл. 5.

Формы Aperturae pyriformis.	I группа.		II группа		III группа.		IV группа.		Общее число череповъ.
	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	Число череповъ.	%	
Forma antropina......	170	87,1	268	79,3	399	68,7	94	40,9	931
Forma infantilis......	6	3,1	16	4,7	53	9,1	36	15,6	111
Fossa praenasalis.....	14	7,2	38	11,3	62	10,7	62	27	176
Clivus nasoalveolaris...	4	2,1	16	4,7	54	9,3	38	16,5	112
Обезьяній желобъ.....	1	0,5	—	—	13	2,2	—	—	14
Общее число череповъ...	195	—	338	—	581	—	230	—	1344

При указанномъ распредѣленіи матеріала въ табл. 5-ой, мы встрѣчаемся съ той же особенностью формъ Apertura pyriformis, какъ и въ 3-ей таблицѣ, т.-е. противоположно уменьшенію forma antropina частота остальныхъ формъ Apertura pyriformis увеличивается. Въ III-ей группѣ fossa praenasalis имѣетъ небольшое уменьшеніе процента (10,7%) при сравненіи со II-ой (11,3%), легко объяснимое значительнымъ присутствіемъ въ этой группѣ (273 чер. изъ 581) итальянскихъ череповъ, имѣющихъ процентъ fossa praenasalis (8,4%) меньшій, чѣмъ у финскаго племени (15,6%) или у африканскихъ череповъ (27,6%). Обезьяній желобъ, хотя и обнаруживаетъ групповое увеличеніе – 0,5% для I-ой и 2,2% для III-ей группъ, но совершенно отсутствуетъ во II-ой и IV-ой группахъ, что объясняется для II-ой группы присутствіемъ подавляющаго количества европейскихъ череповъ (298 изъ общаго числа 338), которымъ обезьяній желобъ свойственъ въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ (см. 3-ью табл.— 0,01% изъ 1.455 чер.); отсутствіе же обезьяньяго желоба въ IV-ой группѣ можно объяснить тѣмъ, что папуасскіе черепа, входящіе въ составъ этой группы и которые должны бы были имѣть извѣстный процентъ обезьяняго желоба, были изслѣдованы Мингазини, который не дѣлаетъ различія между clivus nasoalveolaris и обезьяньимъ желобомъ.

На основаніи таблицы, показывающей распредѣленіе различныхъ формъ Apertura pyriformis по племенамъ, можно вывести слѣдующія заключенія: forma antropina свойственна преимущественно европейскимъ племенамъ,

встрѣчаясь среди нихъ въ количествѣ 75%; у внѣевропейскихъ племенъ forma antropina встрѣчается въ значительно меньшей степени и тѣмъ меньше, чѣмъ племя далѣе удалено отъ материка Европы. Монгольскія племена имѣютъ около половины череповъ съ forma antropina, при чемъ на ея количество, повидимому, оказываетъ существенное вліяніе степень брахицефаліи племени: чѣмъ болѣе выражена брахицефалія, тѣмъ меньшій процентъ череповъ наблюдается съ формою antropina.

Forma infantilis, противоположно f. antropina, всего болѣе выражена у племенъ, далеко удаленныхъ отъ Европы, — папуасовъ и американцевъ; затѣмъ слѣдуютъ монгольскія племена, у которыхъ на 10 череповъ обязательно встрѣчается одинъ черепъ съ «дѣтской формой»; изъ европейскихъ народовъ къ послѣднимъ въ значительной степени приближаются итальянцы.

Fossa praenasalis имѣетъ большее разнообразіе въ распространеніи среди племенъ и народовъ, но и здѣсь мы должны отмѣтить maximum частоты у тюрко-татарскаго племени, африканскихъ череповъ и американцевъ.

Clivus nasoalveolaris имѣетъ распространеніе болѣе ограниченное, чѣмъ другія формы Apertura pyriformis, и, если сравнительно рѣдко онъ попадается у европейцевъ, то значительную частоту пріобрѣтаетъ по мѣрѣ того, какъ forma antropina уступаетъ свое мѣсто другимъ видамъ формъ носового отверстія.

Интересную зависимость между отдѣльными формами Apertura pyriformis можно прослѣдить въ таблицѣ краніологическихъ индексовъ — по головному, носовому и лицевому показателямъ, найденнымъ на черепахъ разныхъ племенъ и разныхъ мѣстностей.

Табл. 6.

	Головной указ.	Носовой указ.	Лицевой указ.	Число череповъ.
Forma antropina.	79,96	47,81	50,98	239
Forma infantilis..	79,74	48,43	52,22	130
Fossa praenasalis.	81,27	46,99	52,48	224
Clivus nasoalveolaris.	81,98	48,22	52,28	150
Обезьяній желобъ.	77,51	49,99	51,16	38
Черепа съ обезьяноподобными признаками.	80,84	48,10	52,26	542

Формѣ antropina соотвѣтствуютъ черепа болѣе длинноголовые, съ болѣе узкимъ носомъ и узкимъ лицомъ въ сравненіи съ черепами, имѣющими другія формы Apertura pyriformis. Головной показатель въ формѣ antropina имѣетъ большую величину, чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Въ дѣйствительности онъ долженъ быть менѣе, т.-е. болѣе долихоцефалическій,

чѣмъ указанный въ таблицѣ, такъ какъ 79,96 есть среднiй показатель изъ 239 наблюденiй, изъ которыхъ болѣе половины (130 чер.) принадлежатъ черепамъ монгольской расы и изъ череповъ монгольской расы 77 принадлежатъ тюрко-татарскому племени, имѣющему крайнiя степени брахицефалiи. Этотъ фактъ, само собою разумѣется, не могъ не повлiять извѣстнымъ образомъ на увеличенiе головного показателя, свойственнаго формѣ antropina. Отсюда становится яснымъ сходство forma antropina по головному показателю съ черепами, имѣющими обезьяноподобные признаки. Но это сходство ни болѣе, ни менѣе, какъ чисто внѣшнее, такъ какъ, если мы будемъ сравнивать далѣе носовой, лицевой показатели, прогнатизмъ лицевого скелета, то найдемъ несходство, выраженное въ довольно рѣзкихъ формахъ.

Если мы примемъ во вниманiе справеливость доводовъ, что головной показатель, характеризующiй черепа съ формой antropina, въ таблицѣ болѣе брахицефаличенъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ у европейскихъ народовъ, то головной показатель у формы infantilis не долженъ существенно отличаться отъ перваго, а выражать довольно близкое съ нимъ сходство. Бóльшее развитiе носа въ ширину и болѣе широкое лицо, вслѣдствiе развитiя скуловыхъ дугъ,— вотъ характерные отличительные признаки формы infantilis отъ формы antropina.

Въ первыхъ двухъ формахъ мы видѣли близкое сходство головныхъ показателей; приступая къ характеристикѣ fossa praenasalis, мы имѣемъ дѣло съ брахицефалическимъ черепомъ съ сильно развитыми скуловыми дугами, короткимъ лицемъ и узкимъ носомъ. Если по головному и лицевому показателямъ эта форма имѣетъ рѣзкое отличiе отъ формы antropina, то по носовому обѣ формы довольно близки другъ къ другу.

Clivus nasoalveolaris по головному и лицевому показателямъ близко стоитъ къ fossa praenasalis, чѣмъ отличается отъ формы antropina; по носовому онъ имѣетъ отличiе вслѣдствiе развитiя носа болѣе въ ширину, чѣмъ въ высоту, и это отличiе дѣлаетъ еще болѣе рѣзкой границу, отдѣляющую clivus nasoalveolaris отъ forma antropina.

Черепа съ обезьяньимъ желобомъ имѣютъ крайнюю степень долихоцефалiи, съ чрезвычайно развитымъ въ ширину носовымъ отверстiемъ и узкимъ лицомъ.

Сравнивая индексы череповъ формы antropina съ формой infantilis, получаемъ разности 0,22, 0,62 и 1,24, которыя будутъ до извѣстной степени показывать сходство и отдаленность взятыхъ индексовъ. Произведя такимъ образомъ сравненiя каждой формы со всѣми другими, получимъ цѣлый рядъ разностей, приведенныхъ въ табл. 7-ой (нули обозначаютъ, какая форма Apertura pyriformis сравнивается съ остальными). Меньшiя разности должны показывать нѣкоторую близость, бóльшiя же — отдаленность и несходство краніологическихъ индексовъ. При сравненiи одной какой-либо формы съ другой, должны получиться три разности; напр.,

Табл. 7.

	Forma antropina.	Forma infantilis.	Forma praenasalis.	Clivus naso-alveolaris.	Обезьяній желобъ.
Головной указатель	0,00	0,22	1,31	2,02	2,45
Носовой "	0,00	0,62	0,82	0,41	2,18
Лицевой "	0,00	1,24	1,50	1,30	0,18
Сумма разностей	—	2,08	3,63	3,73	4,81
Головной указатель	0,22	0,00	1,53	2,24	2,23
Носовой "	0,62	0,00	1,44	0,21	1,56
Лицевой "	1,24	0,00	0,26	0,06	1,06
Сумма разностей	2,08	—	3,23	2,51	4,85
Головной указатель	1,31	1,53	0,00	0,71	3,76
Носовой "	0,82	1,44	0,00	1,23	3,00
Лицевой "	1,50	0,26	0,00	0,20	1,32
Сумма разностей	3,63	3,23	—	2,14	8,08
Головной указатель	2,02	2,24	0,71	0,00	4,47
Носовой "	0,41	0,21	1,23	0,00	1,77
Лицевой "	1,30	0,06	0,20	0,00	1,12
Сумма разностей	3,73	2,51	2,14	—	7,36
Головной указатель	2,45	2,23	3,76	4,47	0,00
Носовой "	2,18	1,56	3,00	1,77	0,00
Лицевой "	0,18	1,06	1,32	1,12	0,00
Сумма разностей	4,81	4,85	8,08	7,36	—

сравнивая форму antropina съ формой infantilis, мы найдемъ разности 0,22, 0,62, 1,24, которыя указываютъ на приближенность и удаленность головного, носового и лицевого показателей у сравниваемыхъ формъ. Сумма этихъ разностей (2,08) дастъ намъ число, характеризующее сходство между сравниваемыми формами. Найдя такимъ образомъ разности и ихъ суммы, мы получимъ десять разныхъ чиселъ, выражающихъ большее или меньшее сходство между показателями всѣхъ формъ Apertura pyriformis.

Числа выражаютъ сходство	между	и
2,08	for. antropina	for. infantilis
2,14	fossa praenas.	clivus nasoalv.
2,51	for. infantilis	clivus nasoalv.
3,23	for. infantilis	fossa praenas.
3,63	for. antropina	fossa praenas.
3,73	for. antropina	clivus nasoalv.
4,81	for. antropina	обезьяній желобъ.
4,85	for. infantilis	обезьяній желобъ.
7,36	clivus nasoalv.	обезьяній желобъ.
8,08	fossa praenas.	обезьяній желобъ.

Просматривая найденныя и размѣщенныя въ восходящемъ порядкѣ числа, можно видѣть, что съ формой, обыкновенно встрѣчаемой среди европейскаго населенія, большое сравнительное сходство составляетъ «дѣтская форма» носового отверстія. Обѣ формы образуютъ какъ бы само-

стоятельную группу съ мезоцефалическимъ показателемъ, съ увеличивающимся въ ширину носовымъ отверстіемъ и съ сильно замѣтнымъ измѣненіемъ лицевого скелета отъ длиннаго и узкаго къ короткому и болѣе широкому.

Второе по порядку число — 2,14 — соотвѣтствуетъ сходству между fossa praenasalis и clivus nasoalveolaris. Это какъ бы вторая группа, отличающаяся отъ первой всего только на 0,06 сходства; но если мы возьмемъ двѣ формы изъ той и другой группы, то разность будетъ во много разъ больше; этотъ фактъ еще болѣе указываетъ на нѣкоторую обособленность упомянутыхъ группъ. Вторая группа характеризуется брахицефалическими черепами съ сильно увеличивающимися въ ширину носовыми отверстіями и съ довольно устойчивымъ лицевымъ скелетомъ.

При просмотрѣ слѣдующихъ четырехъ чиселъ мы найдемъ постепенно увеличивающееся несходство между сравниваемыми формами, относящимися къ упомянутымъ двумъ группамъ, при чемъ оказывается, что forma infantilis имѣетъ большее сходство съ clivus nasoalveolaris, чѣмъ съ fossa praenasalis, а форма antropina ближе стоитъ къ fossa praenasalis, чѣмъ къ clivus nasoalveolaris.

Переходя теперь къ сравненію обезьяньяго желоба съ другими формами, нельзя не замѣтить рѣзкаго различія въ полученномъ рядѣ чиселъ: изъ первыхъ четырехъ формъ самое большое несходство между формой antropina и clivus nasoalveolaris, выражаемое числомъ 3,73; при сравненіи формы antropina съ обезьяньимъ желобомъ получается еще болѣе рѣзкое несходство, достигающее до 4,81; другія формы обнаруживаютъ еще бо́льшія различія съ обезьяньимъ желобомъ, имѣющія свой maximum при сравненіи обезьяньяго желоба съ fossa praenasalis. Такое сравненіе указываетъ на нѣкоторую обособленность обезьяньяго желоба, вызванную, быть-можетъ, изолированнымъ положеніемъ племенъ, имѣющихъ данную особенность и живущихъ на островахъ Великаго океана.

Угловыя измѣренія съ цѣлью выясненія прогнатизма череповъ съ разными формами Apertura pyriformis были произведены надъ 183 экземплярами. Брался лицевой уголъ Клокэ и ячеисто-челюстной. Уголъ Клокэ измѣрялся въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Точками приложенія служили центръ ушного отверстія, альвеолярный отростокъ и точка, лежащая нѣсколько выше надпереносья (а не самое надпереносье, какъ у угла Клокэ), чтобы избѣгнуть уменьшенія прогнатизма вслѣдствіе большого развитія у нѣкоторыхъ индивидуумовъ надбровныхъ дугъ и лобныхъ пазухъ. Точками приложенія для опредѣленія ячеисто-челюстного угла были: середина ушного отверстія, альвеолярный отростокъ и точка, лежащая на продолженіи crista nasalis во внутреннюю носовую полость; эта точка легко опредѣляется плоскостью, граничащей часть crista nasalis, находящуюся внутри носовой полости, отъ наружной, и находится на пересѣченіи плоскости съ crista nasalis.

Измѣренія ячеисто-челюстного угла способствуютъ выясненію прогнатизма части верхней челюсти, выступающей впередъ изъ-за носового отверстія. Spina nasalis anterior верхней точкой приложенія для этого угла не могла быть вслѣдствіе уменьшенія прогнатизма измѣряемой части при чрезмѣрномъ развитіи spina у нѣкоторыхъ индивидуумовъ.

Полученные результаты угловыхъ измѣреній можно видѣть изъ 8-ой таблицы.

Табл. 8.

	Разныя племена.				Теленгеты.				Всѣ черепа.			
	Число черепов.	Лицевой уголъ.	Ячеисто-челюстной уголъ.	Высота ячеис.-челюстной части въ mm.	Число черепов.	Лицевой уголъ.	Ячеисто-челюстной уголъ.	Высота ячеис.-челюстной части въ mm.	Число черепов.	Лицевой уголъ.	Ячеисто-челюстной уголъ.	Высота ячеис.-челюстной части въ mm.
Forma antropina. . .	17	65°28′	53°39′	15,9	25	67°5′	57°7′	15,7	42	66°16′	55°23′	15,8
Forma infantilis . . .	11	64°	51°42′	15	17	68°6′	55°42′	16,1	28	66°	53°42′	15,5
Fossa praenasalis . .	37	62°30′	51°6′	16,8	30	64°30′	53°30′	16,3	67	63°30′	52°18′	16,5
Clivus nasoalveolaris.	17	61°24′	51°	16	12	64°35′	50°	15,3	29	62°59′	50°30′	15,6
Обезьяній желобъ. .	15	64°12′	45°36′	14,2	2	67°	46°	13,5	17	65°36′	45°48′	13,8

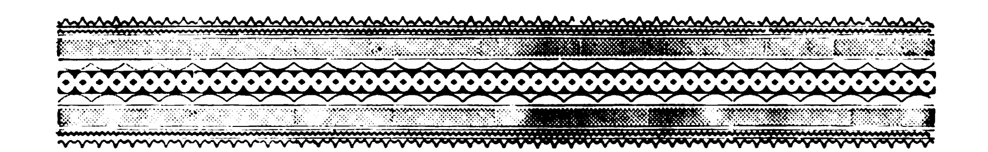
Наибольшій лицевой уголъ свойственъ черепамъ съ формой antropina; близкій къ нему, но нѣсколько меньшій встрѣчается на черепахъ съ формой infantilis, за исключеніемъ теленгетовъ, у которыхъ онъ превышаетъ на одинъ градусъ уголъ первой формы. Среди череповъ теленгетовъ съ формой infantilis находилось нѣсколько череповъ особей, не достигшихъ еще вполнѣ возмужалаго возраста и съ не вполнѣ развитымъ лицевымъ скелетомъ, уменьшившимъ прогнатизмъ измѣряемыхъ череповъ, вслѣдствіе чего превышеніе угла f. infantilis 68°6′ надъ f. antropina 67°5′ является вполнѣ естественнымъ. Слѣдующія формы носового отверстія — fossa praenasalis и clivus nasoalveolaris — имѣютъ лицевой уголъ, уменьшающійся по мѣрѣ перехода отъ первыхъ формъ къ послѣдующимъ, и только форма «обезьяній желобъ» имѣетъ вездѣ сравнительно мало выраженный лицевой прогнатизмъ.

Наибольшей правильностью въ степени частоты по формамъ Apertura pyriformis отличается ячеисто-челюстной прогнатизмъ, постепенно увеличиваясь отъ f. antropina до обезьяньяго желоба включительно, причемъ при переходѣ къ обезьяньему желобу мы встрѣчаемся съ болѣе рѣзкой границей, отдѣляющей угловое измѣреніе clivus nasoalveolaris отъ обезьяньяго желоба.

У обезьяньяго желоба получаетъ сильное развитіе впередъ ячеисто-челюстная часть верхней челюсти, въ среднемъ имѣя изъ 17 случаевъ, при высотѣ въ 13,8 mm., угловое измѣреніе въ 45°48′.

Угловыя измѣренія такъ же, какъ и измѣненія головного показателя, дѣлаютъ яснымъ, что каждая форма Apertura pyriformis не есть явленіе случайное, вызванное отдаленнымъ внѣшнимъ сходствомъ или какими-либо иными причинами, а всѣ онѣ находятся между собою въ генетической связи, быть-можетъ, существовавшей въ далеко отдаленныя времена или же подновляемой и въ недавнее время, благодаря обильному кровосмѣшенію между различными племенами всего земного шара.

Арк. Абрамовъ.

Рибенсдорфъ.

Года два тому назадъ въ польской прессѣ Россіи и Германіи промелькнула замѣтка о томъ, что прусское правительство заслало своихъ агентовъ въ русско-нѣмецкія колоніи на Кавказѣ, на Волгѣ, въ Польшѣ и т. п. и приглашало нѣмецкихъ колонистовъ переселиться обратно въ Германію на земли, скупленныя правительствомъ и гакатистами у поляковъ. Все это стояло въ тѣсной связи съ польскими дѣлами, которыя всколыхнули общественное мнѣніе Германіи. Фактъ этотъ или даже предположеніе возможности его невольно наводитъ на вопросъ, способны ли приглашенные явиться насадителями и распространителями германскихъ идей въ своей старой родинѣ, или они окончательно потеряны для пангерманизма и уже скорѣе русскіе, чѣмъ нѣмцы.

Съ другой стороны, послѣ 150 лѣтъ существованія нѣмецкихъ и швейцарско-нѣмецкихъ колоній естественно поставить вопросъ о томъ, принесли ли призванные колонисты Россіи пользу, научили ли они ея коренное населеніе болѣе усовершенствованному способу хозяйства и земледѣлія, дали ли они ему высшую культуру, или всѣ эти попытки русскаго правительства въ теченіе многихъ лѣтъ не принесли никакого результата. Пресса и спеціальная литература отвѣчала на этотъ вопросъ различно. Одни съ страстностью и положительно отрицали какую-бы то ни было пользу отъ нѣмецкихъ колоній [1]), другіе признавали за колонистами большую заслугу [2]). Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ является вполнѣ законнымъ и при безпристрастномъ освѣщеніи очень интереснымъ въ вопросѣ колонизаціи вообще и въ дѣлѣ колонизаціи Россіи въ частности.

Населеніе всѣхъ нѣмецкихъ колоній въ Россіи не чисто нѣмецкое. Подъ видомъ нѣмцевъ у насъ сходили и швейцарцы (часть волжскихъ колоній), и

[1]) Памятная книжка Воронежской губ. 1894 г., статья Былова; Велицынъ— Нѣмцы въ Россіи.

[2]) Проф. Совѣтовъ, напр., въ своихъ трудахъ о системахъ земледѣлія указываетъ на то, что подъ вліяніемъ колонистовъ ногайцы оставили кочевую жизнь и стали культурнымъ элементомъ.

мадьяры, и латыши, и датчане и т. д. Можно только сказать, что главная составная часть большинства колоній состояла изъ нѣмцевъ, которые быстро онѣмѣчили остальныхъ своихъ спутниковъ, принадлежавшихъ къ другимъ европейскимъ народамъ. Особенно быстрому онѣмѣченію способствовало отсутствіе пасторовъ, говорившихъ только на нѣмецкомъ, латышскомъ и иногда эстонскомъ языкахъ.

Колонизація Россіи нерусскими элементами имѣетъ свою исторію. Стоитъ вспомнить призваніе варяговъ, появленіе большого числа нѣмцевъ при Шлитте въ 1547 г., образованіе «нѣмецкихъ слободъ», привлеченіе иностраннаго элемента Петромъ Великимъ и т. д. Въ этомъ движеніи необходимо различать три эпохи. Первая охватываетъ періодъ до Екатерины II, вторая—царствованіе ея, Александра I и Николая I-го; третья эпоха относится къ тремъ послѣднимъ царствованіямъ. Сперва шли въ Россію мастеровые: тутъ были и столяры, и литейщики, и плотники и т. д. (судя по списку спутниковъ Шлитте): въ нихъ больше всего нуждалось государство, растущее и развивающееся въ военномъ отношеніи. Особенно богато частыми переселеніями съ запада въ Россію царствованіе Петра. Достаточно сказать, что въ Петербургѣ при Петрѣ было до 10.000 иностранцевъ; весь Невскій былъ покрытъ иновѣрческими церквами; Москва имѣла свою «нѣмецкую» слободу, и даже маленькій Воронежъ, пробужденный кипучей дѣятельностью Петра, имѣлъ свою «нѣмецкую» слободу съ двумя лютеранскими церквами. Св. Митрофанъ въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи считалъ необходимымъ предостеречь свою паству отъ соблазна колоніи «лютерской ереси», — настолько сильно было вліяніе иностранной колоніи въ то время. Съ пріобрѣтеніемъ прибалтійскихъ и финскихъ губерній въ имперіи стали появляться и свои нѣмцы и шведы, уже русскіе подданные. Второй періодъ начинается съ начала царствованія Екатерины II. Она не озаботилась объ образованіи массъ народа путемъ обученія. Ея мысли освободить народъ отъ крѣпостного права оставались невыполненными. Ей хотѣлось, однако, научить своихъ подданныхъ болѣе высокой культурѣ. При этомъ она забывала, что порабощенный народъ не могъ сознательно относиться къ своимъ нуждамъ. Она рѣшила попросту дать своимъ подданнымъ примѣръ и пригласила для этого болѣе культурныхъ и прилежныхъ нѣмцевъ. Она имѣла въ виду [1]) «единую общую, совершенную пользу, какъ всего государства, такъ и каждаго особь подданнаго». Правда, поселенные даже на границѣ и болотахъ Ингерманландіи, среди великорусскаго населенія и среди пустынныхъ степей, которыя колонисты должны были распахать, послѣдніе съ самаго же начала пользовались сравнительнымъ благосостояніемъ. Коренному русскому населенію они оставались, однако, вполнѣ чуждыми. Сѣверный великоруссъ, промышленникъ, мало склонный къ земледѣлію, порабощенный

[1]) Указъ.

крѣпостнымъ правомъ, относился къ своимъ сосѣдямъ-колонистамъ съ удивленіемъ, глядѣлъ на нихъ, какъ на явленіе случайное и къ нему отношенія не имѣющее. Южное населеніе, само по себѣ не коренное въ этихъ мѣстахъ, а пришлое, бѣглое изъ разныхъ частей сѣверной и западной Руси, состояло изъ разнородныхъ элементовъ.

Не касаясь колонизаціи Кавказа и Приволжья, мы остановимся подробнѣе на колонизаціи славянскимъ (великорусскимъ и малорусскимъ) элементомъ юго-восточной Россіи. Изслѣдователи воронежской старины[1]) рисуютъ этотъ притокъ населенія въ слѣдующемъ видѣ. Въ 1389 г. страна эта (сѣверная часть области Войска Донскаго и Воронежской губ.) называлась «Полемъ» и представляла изъ себя пустыню. («Похожденіе митрополита Пимена въ Царьградъ»). Еще въ 1476 г. венеціанскій посолъ Кантарини и московскій посолъ Маркъ Руфъ, идя изъ Перми въ Москву, не нашли въ этой области ни одного намека на человѣческое жилье. Въ 1574 г. первый турецкій посолъ въ Россію, князь мангунскій, Ѳеодоритъ Камалъ, отправленный въ Москву съ посломъ въ Константинополѣ, дворяниномъ Алексѣевымъ, терпѣлъ на пути отъ Азова голодъ въ этой пустынѣ. Однако, въ сѣверной части были христіанскія поселенія еще въ XIV в. Такъ, митрополитъ Ѳеогностъ (1334 — 1353) и Алексѣй (1360) обращаются къ христіанамъ Червленнаго Яра (рѣка въ Бобровскомъ у.) съ посланіями. Въ то время предѣлъ этотъ былъ утвержденъ за рязанскимъ епископомъ. Заселеніе собственно Воронежскаго края началось не ранѣе конца XVI в. съ С. на Ю.-З., послѣ построенія г.г. Воронежа и Валуекъ. Къ сѣверу отъ него существовалъ рядъ карауловъ для наблюденія за татарами; еще раньше (по Хопру, Дону, Быстрой, Тихой Соснѣ и Воронежу), но до исхода XVI в. правильная линія не достигала предѣловъ Воронежской губ. Въ 1586 г. былъ основанъ г. Воронежъ, разграбленный до основанія черезъ 4 года. Въ 1637 г. было рѣшено московскимъ правительствомъ расширить пограничную линію остроговъ (города: Верхососенскъ, Усереда, Ольшанскъ, Коротоякъ, Урывъ, Костенскъ, Усмань). Одновременно съ этой правительственной колонизаціей шло и добровольное заселеніе страны. Въ 80-хъ годахъ XVI ст. на югъ направилась такая большая волна великороссовъ съ сѣвера, что это явленіе вызвало жалобы помѣщиковъ на оскудѣніе ихъ земель. Къ этому движенію примкнуло движеніе раскольниковъ (на Донъ, Медвѣдицу и Хоперъ). Кромѣ этихъ двухъ волнъ, въ новый край направлялись еще и московскіе бѣгуны, дезертиры изъ придворной пѣхоты. 23 октября 1682 г. былъ даже присланъ въ Острогожскъ приказъ такихъ бѣгуновъ, переодѣтыхъ обыкновенно въ мужицкое платье, ловить и отсылать

[1]) „Воронежская Бесѣда“, 1861 г. (Н. Второвъ); Памятная книжка Воронежской г. 1903 г. (В. Тевяшовъ. Основаніе Острогожска и заселеніе Острогожскаго края и др.).

въ Москву. Первое появленіе малороссовъ въ краѣ относится къ 1640 г. Въ 1652 г. городъ Острогожскъ былъ заселенъ черкасами и стрѣльцами изъ центра. Наплывъ малороссовъ особенно усилился послѣ разгрома Слободской Украйны турками и татарами. Въ 1682 г. гетманъ Самойловичъ просилъ въ Москвѣ черезъ Мазепу разрѣшенія поселить 20.000 такихъ малороссовъ на свободныхъ земляхъ Слободскихъ полковъ, съ условіемъ подчиненія ихъ ему, гетману. Правительство этого условія не приняло, но переселенію не мѣшало. Несмотря на быстрый и усиленный притокъ населенія, земли было занято мало. Между тѣмъ правительству особенно было важно этотъ цѣнный путь въ Турцію обезпечить и использовать его неизмѣримыя природныя богатства. Очень яркую картину зазыва и приглашенія на пустопорожнія земли рисуетъ авторъ разсказа «Липовыя пущи» въ журналѣ «Основы» [1]): «Заселеніе слободы этой совершалось по зазыву, обыкновенному въ это время. На ярмаркахъ, на храмовыхъ праздникахъ, на многолюдныхъ свадьбахъ и вездѣ, гдѣ собирались толпы народа, являлись дворчане осадчаго и громогласно призывали поселянъ на «слободу». Для того, чтобы обратить на себя всеобщее вниманіе, они наряжались въ кунтуши самаго яркаго краснаго цвѣта съ золотыми галунами поперекъ груди на-подобіе петель. Въ рукахъ они держали высокій крестъ, на которомъ развѣвалась цвѣтная короговка. Всякъ съ перваго взгляда признавалъ въ нихъ окличниковъ и прислушивался къ ихъ крикамъ. Они кричали: «На слободу, на слободу, добрые люди! У нашего пана богатѣютъ селяне днями, а не годами, ходятъ въ саетахъ (тонкое англійское сукно), серебромъ коней куютъ, сами золотыми подковками въ танцахъ побрякиваютъ!» Чѣмъ больше преувеличивалъ окличникъ благоденствіе селянъ своего пана, тѣмъ больше слушатели развѣшивали уши, хотя, разумѣется, знали, что это только игра словъ. «А сколько лѣтъ льготы отъ чинша (оброка)?» спрашивали главы семействъ. — «Столько,—отвѣчалъ окличникъ, — сколько минуло его старшему сыну, а минуло ему семь лѣтъ». — «Поздоровь его, Боже, — говорили селяне, — семь лѣтъ слобода хорошая, за такую слободу не жаль принести добрый ралецъ осадчему (ральцемъ называлась добровольная часть отъ рала, приносимая поселянами землевладѣльцу въ день Рождества Христова и, смотря по расположенности къ нему народа, увеличиваемая или уменьшаемая)». Узнавъ, въ чемъ дѣло, гдѣ осаживается слобода, какія будутъ земли, пастбища и водопой, поселяне распространяли слухъ объ этомъ въ своей округѣ, и вскорѣ начинали появляться на пустынной почвѣ сперва курени, а потомъ и хаты, и хутора. Первые явившіеся на мѣсто выбирали лучшія мѣста, а потомъ «громадскіе мужи» наблюдали, чтобы всѣмъ былъ выходъ къ водѣ. Они вообще слѣдили за всѣмъ. Власть ихъ была велика (сборы податей, надзоръ и т. д.). Черезъ 100 лѣтъ здѣсь было уже сравнительно

---

[1]) Заимствуемъ это описаніе цѣликомъ.

густое населеніе (часть въ рукахъ казацкаго старшины, часть въ крѣпостной зависимости). Въ концѣ XVII ст. былъ здѣсь уже возможенъ наборъ въ стрѣльцы. Особенно сильный притокъ явился съ появленіемъ Петра I въ краѣ (1694 г.). Въ 1705 г. были набраны добровольцы изъ Ливенъ. Въ 1709 г. сюда были переселены 3.000 плѣнныхъ шведовъ; затѣмъ началось снова появленіе сѣверныхъ элементовъ—ярославцевъ и др., и кіевлянъ.

Въ географической послѣдовательности заселеніе шло съ С. на Ю.-З. (XVI в. — Воронежъ и Валуйки; въ XVII в. на правой сторонѣ Дона до Тихой Сосны основаны: Задонскъ, Нижнедѣвицкъ, Коротоякъ и Бирюгъ; по р.р. Айдару и Богучару были разбросаны казачьи городки, разрушенные послѣ бунта Булавина). Къ югу отъ Тихой Сосны, по правую сторону Дона, начали заселяться съ начала XVIII в. Сперва, какъ мы видѣли, населеніе—изъ центра, съ С., великорусское, затѣмъ — малороссы съ съ XVII в. съ Ю. и З. Лишь время Петра положило основаніе иностранной колонизаціи края. Впрочемъ, съ уходомъ Петра это иноземное населеніе разсыпалось быстро въ разныя стороны. Стоило подвинуться Петру съ своими верфями изъ Воронежа къ впаденію Воронежа въ Донъ, какъ всѣ эти пришельцы передвинулись съ своими мастерскими на югъ. Смерть Петра сразу прекратила это движеніе. Русскіе нѣмцы, жители прибалтійскихъ губерній, мало распространялись въ глубь имперіи; изъ-за границы больше не являлись компактныя массы иностранцевъ до царствованія Екатерины II.

Правильная колонизація инороднымъ и иностраннымъ элементомъ пустопорожнихъ земель относится также къ царствованію Петра (1719 г.), который издалъ первый указъ, урегулировавшій поселеніе грузинъ въ крѣпости Святого Креста. При Аннѣ Іоанновнѣ были поселены «грузинцы», т.-е. грузины и армяне въ Украйнѣ, и съ того времени началась правильная земледѣльческая колонизація разныхъ частей Россіи иностраннымъ и инородческимъ элементомъ. До Петра въ Россію являлись отдѣльные иностранцы, преимущественно ремесленники: литейщики, столяры, ружейные мастера и т. д. По большей части, это были нѣмцы, но этотъ элементъ не являлся колонизующимъ, такъ какъ, получивъ выгоду, онъ уходилъ на родину. Правильная земледѣльческая нѣмецкая колонизація началась при Екатеринѣ II. Въ концѣ XVIII ст. началось массовое переселеніе нѣмцевъ изъ Германіи въ Россію. Доступъ былъ облегчаемъ. Екатерина Великая приглашала нѣмецкихъ колонистовъ въ Россію, но первое ея приглашеніе осталось почти безъ вниманія. Лишь на второе приглашеніе явились толпы искателей счастья. Цѣлью императрицы было желаніе дать своимъ подданнымъ живой примѣръ лучшаго земледѣлія. Въ 1763 г. былъ предоставленъ имъ выборъ мѣста поселенія. Колонисты сохраняли свою вѣру, освобождались отъ воинской повинности и не платили 30 лѣтъ податей, если распахивали цѣлину. Каждая колонія имѣла свое управленіе и свой судъ. Проѣздъ уплачивало правительство; оно же и давало ссуду (на выплату) для перваго устройства и

обзаведенія колонистовъ (на 10 лѣтъ безъ %). Каждая семья получала 30 десятинъ, но безъ права перепродажи и раздѣла. Туземное русское населеніе не всегда относилось дружелюбно къ поселенію чуждаго ему элемента. Напротивъ, какъ это имѣло мѣсто при основаніи колоніи Рибенсдорфъ, губернское управленіе и населеніе объявило, что земель для колонистовъ вовсе нѣтъ. Въ такихъ случаяхъ иногда большую роль играли отдѣльныя личности. Часто отдѣльные помѣщики приглашали изъ Германіи поселиться на своей землѣ цѣлыя деревни. Семилѣтняя война, послѣ которой въ Германіи стало много неимущаго элемента и наступило общее обѣднѣніе, способствовала выселенію нѣмцевъ въ Россію. Въ Германіи образовались толпы искателей счастья. Преступники, надоѣвшіе нѣмецкому правительству, бѣжали въ Россію; крестьяне и ремесленники наполняли кадры будущихъ русскихъ колонистовъ. Такимъ образомъ, образовались приволжскія колоніи, колоніи на югѣ Россіи и въ Польшѣ. Движеніе это продолжалось и въ слѣдующія царствованія (до Николая I).

Подобнымъ образомъ была основана и колонія Рибенсдорфъ (Riebensdorf или Rybensdorf по церковнымъ нѣмецкимъ книгамъ). Названіе это происходитъ отъ «рыба» или «рыбное», такъ какъ мѣстность славилась въ старину своими рыбными богатствами (въ р. Соснѣ, протекающей черезъ колонію недалеко отъ впаденія въ Донъ, въ 8 верстахъ). Предки теперешнихъ колонистовъ были приведены въ Россію отдѣльнымъ агентомъ. Черезъ Москву и Тулу они добрались до Воронежа. Здѣсь спросили у мѣстныхъ властей, есть ли для пришельцевъ мѣсто. Администрація отвѣтила отрицательно; тогда два помѣщика, Тевяшовъ и Лисаневичъ, пригласили колонистовъ поселиться на своихъ земляхъ. Первоначально колонисты эти шли въ Приволжье, но такъ какъ составъ ихъ былъ очень пестрый, то изъ партіи выдѣлились предки колонистовъ Рибенсдорфа, такъ какъ они стыдились прійти на мѣсто со «всякой сволочью». Тѣмъ охотнѣе они приняли предложеніе помѣщиковъ и основались въ Воронежской губ. Всѣ они *происходили изъ графства Равенсбургъ (Баденъ), изъ деревушки Зульцфельдъ*. Часть, 54 семьи, основалась у Тевяшова въ колоніи Рибенсдорфъ; другая часть осѣла у Лисаневича въ Богучарскомъ уѣздѣ (около 20 семействъ), въ колоніи Калачи. Скоро, впрочемъ, послѣдняя колонія разбѣжалась и вернулась въ Германію. Согласно документу на оберточной бумагѣ, найденной случайно въ табачной лавочкѣ въ Острогожскѣ, колонистовъ въ Рибенсдорфѣ было 209 душъ. Наступила осень 1865 г. Зиму колонисты провели въ Острогожскѣ. Большинство колонистовъ были ремесленники: здѣсь были ткачи, суконщики, ткачи по шелку и т. д. Во время пути по Россіи къ нимъ пристало 11 семей — всего до 65 семей, но послѣднія скоро покинули колонію. Многіе изъ пришельцевъ въ первый же годъ бѣжали домой, другіе предпочли городъ и переселились въ Воронежъ и Острогожскъ, гдѣ быстро обрусѣли. Главная часть или, какъ послѣ оказалось,

вся колонія состояла изъ швабовъ изъ вышеупомянутой деревушки Зульцфельдъ. (По нѣкоторымъ сообщеніямъ пасторовъ колоніи, въ числѣ пришельцевъ были будто датчане, венгерцы и другіе нѣмцы, что при провѣркѣ оказалось невѣрнымъ). Въ 1766 г. весной правительство построило имъ избы въ 7 верстахъ отъ Острогожска. На лѣвомъ берегу

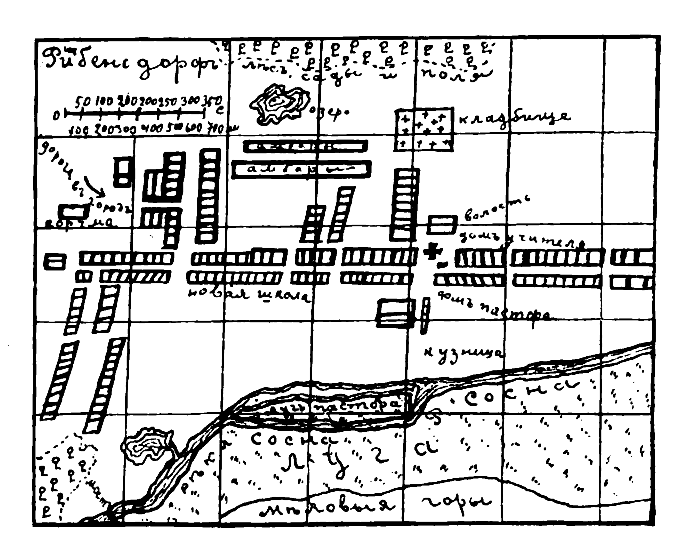

Рис. 1. Планъ Рибенсдорфа.

Сосны они получили нѣсколько сотъ десятинъ пахоты, луговъ и лѣса; остальная часть угодій лежала на правомъ берегу рѣки. Правая сторона колоніи лежитъ на плодородной почвѣ, лѣвая — на неплодородной, мѣловой подпочвѣ; всего у колонистовъ 4000 десятинъ, т.-е. по 60 десятинъ на семью. Въ 1798 г. черезъ губернатора колонисты получили еще землю,

Рис. 2. Общій видъ Зульцфельда.

на которой построили предмѣстье, названное по имени императора Павловскомъ. Послѣднее существуетъ и понынѣ, но не могло развиться самостоятельно.

Три года спустя послѣ основанія колоніи, Гмелинъ (Reisen in Russland, Bd. I, стр. 146—147) нашелъ въ ней по большей части земле-

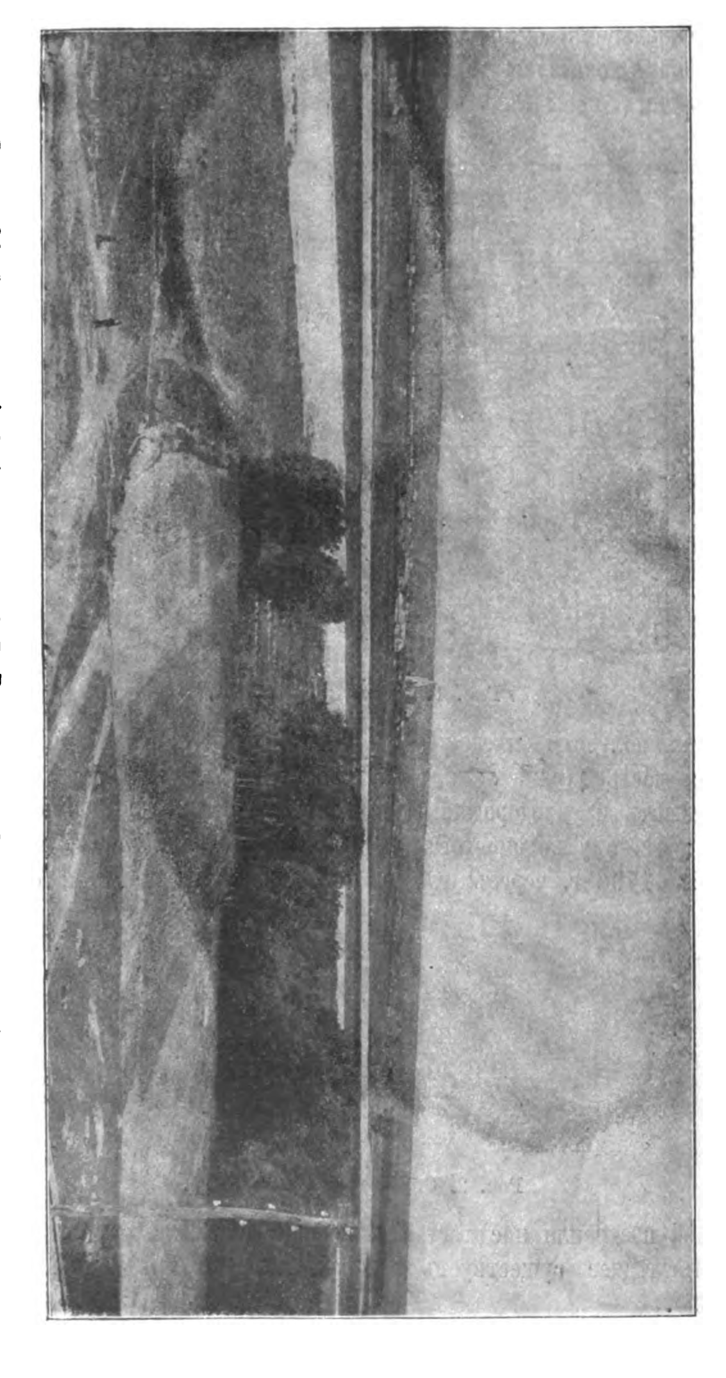

Рис. 3. Общій видъ колоніи Рибенсдорфъ съ Ю.-В. Внизу полотно Харьк.-Балашовской жел. дор.

пащцевъ, три ткача, одного пекаря, одного бондаря, четырехъ сапожниковъ, одного трубочиста, 2-хъ портныхъ, одного мельника и одного мясника. Черезъ 15 лѣтъ (по рукописи «Описанія Острогожскаго суда») черезъ колонію тянулась широкая улица, дѣлившая ее на двѣ равныя половины. Поперечная улица вела къ рѣкѣ. Въ колоніи было 52 дома и церковь. При расположеніи колоніи и выборѣ мѣста поселенія поселенцы руководились планомъ, по которому расположена была ихъ родная деревушка Зульцфельдъ. Уже взглядъ на фотографіи колоніи и рисунокъ съ общаго вида Зульцфельда убѣждаетъ насъ въ томъ. На заднемъ планѣ колоніи и Зульцфельда поды-

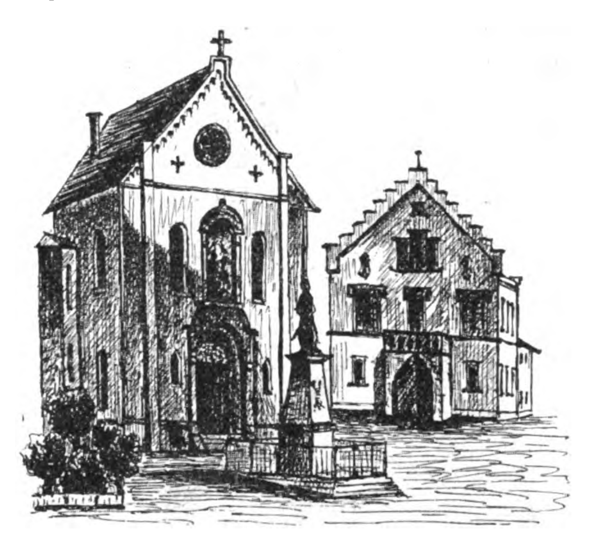

Рис. 4. Церковь въ Зульцфельдѣ.

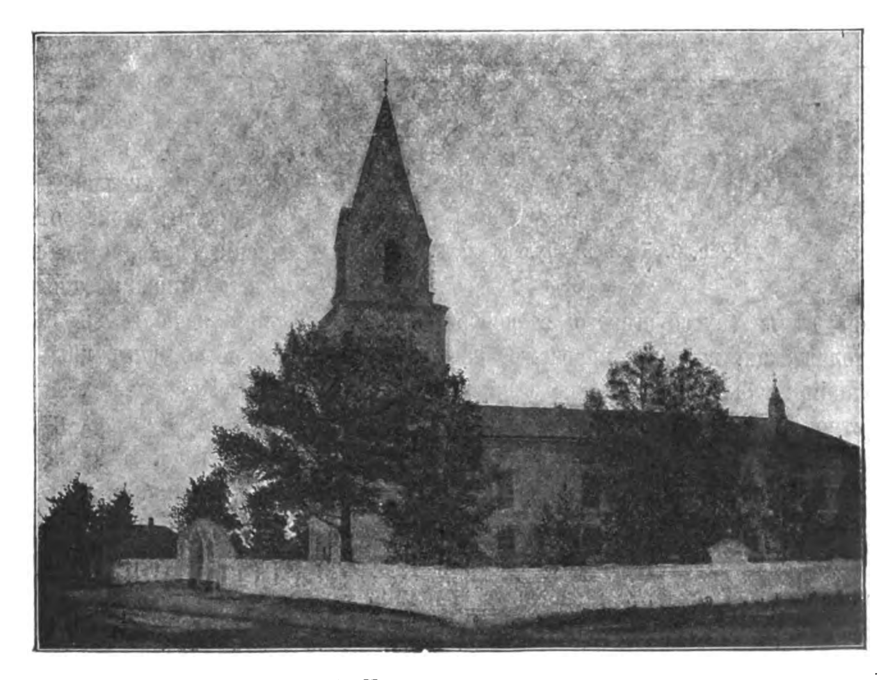

Рис. 5. Церковь въ Рибенсдорфѣ.

маются покатые склоны холмовъ. Рибенсдорфъ и Зульцфельдъ вытянулись въ длину; въ обоихъ случаяхъ то же расположенiе лѣса и луговъ довершаютъ внѣшнее сходство. Дома прежняго времени отстояли другъ отъ друга въ нѣкоторомъ разстоянiи и были построены изъ дерева и рѣдко изъ кирпича и фаферка (деревянныхъ переплетовъ, заполненныхъ кирпичемъ,—ср. нѣмецкiя деревенскiя постройки въ Вюртембергѣ и Баденѣ). Крыши были крыты черепицей или дранью. Окна были большiя и свѣтлыя, на улицу. Съ виду колонiя того времени была похожа на чисто нѣмецкую деревню и вовсе не напоминала русскаго селенiя. Пахали колонисты бранденбургскими и вюртембергскими плугами. Съ самаго начала, впрочемъ, они набросились не на земледѣлiе, а на разведенiе табака, который продавали въ Москву, Харьковъ и даже Петербургъ. Въ уѣздный городъ Острогожскъ они возили огурцы и фрукты, которыхъ окрестное русское населенiе почти не разводило. Колонистки приготовляли сыръ, напоминающiй голландскiе сорта. Мужья всѣ поголовно курили табакъ изъ трубочекъ, похожихъ на голландскiя. Въ религiозномъ отношенiи колонисты всѣ были одной протестанской вѣры (аугсбургскаго вѣроисповѣданiя), и лишь одна семья была католическая, которая, впрочемъ, перешла въ протестанство, такъ какъ въ колонiи не было католическаго патера. Въ 1770 г. русское правительство построило имъ деревянную церковь, купило имъ церковную утварь и назначило пастора съ содержанiемъ въ 180 рублей въ годъ. Въ 1801 г. деревянную церковь замѣнили каменной, которая простояла до 1881 г. Въ 1881 г. начали строить теперешнюю каменную церковь, которая до сего времени является самой красивой постройкой въ колонiи. Говорили колонисты на своемъ швабскомъ нарѣчiи. Сначала они не понимали ни слова по-русски и вовсе не старались научиться русскому языку. Въ 1859 г. мѣстный пасторъ писалъ въ своемъ донесенiи, что въ языкъ колонистовъ вкрались и русскiя слова, но въ совершенно невѣрномъ значенiи;

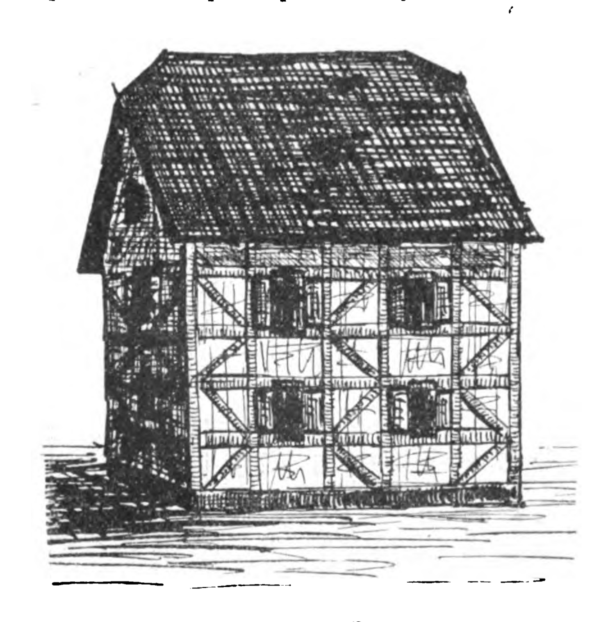

Рис. 6. Домъ въ Зульцфельдѣ.

такъ, «долину» и «прудъ» они употребляли въ обратномъ значеніи этихъ словъ. Выговоръ у нихъ—носовой и нараспѣвъ. Одежда была вначалѣ чисто нѣмецкаго - швабскаго покроя, но постепенно стала походить на одежду русскаго мелкаго мѣщанства и купечества. Одежда женщинъ и дѣвушекъ ничѣмъ не отличалась другъ отъ друга. Изъ этого же донесенія видно, что бороды колонисты не брѣютъ, а стригутъ очень негладко, и

Рис. 7. Малороссійская хата въ сосѣдней деревнѣ.

«многіе изъ нихъ не знаютъ, какой видъ имѣетъ бритва». Прическа мужчинъ похожа на прическу русскихъ мѣщанъ и крестьянъ. Обувь русскаго образца: высокіе сапоги бутылками — признакъ благосостоянія. Лаптей колонисты въ то время еще не носили. Пожаръ, уничтожившій всю колонію, измѣнилъ ея физіономію. Планъ ея остался, правда, прежній, обусловленный направленіемъ рѣки, но всѣ избы были построены вполнѣ по малороссійскому типу.

Маленькая колонія быстро увеличилась, такъ что фамиліи: Дейчъ, Дрееръ, Адамъ, Гептингъ, Киби, Кимертъ, Карстенъ и т. д. были представлены въ десяткахъ особей. Каждый поселенецъ получилъ землю безъ права перепродажи. При выселеніи уходившіе передавали свою землю, кому хотѣли, но имѣли право въ любое время вернуться и потребовать свою землю обратно. Только 10-лѣтняя давность и стыдъ передъ общиной не допускали подобныхъ случаевъ. Такъ какъ всѣ документы и акты сгорѣли, до 1870 г. это правило было въ полной силѣ. Съ самаго же начала всѣ приняли русское подданство, хотя русское правительство ихъ вовсе къ тому не принуждало, а, напротивъ, оставляло право ухода за ними.

Земледѣліе въ чуждомъ имъ климатѣ не сразу далось колонистамъ; сначала они принялись за разведеніе тутоваго дерева. Но климатъ оказался слишкомъ суровымъ, и только на кладбищѣ до сихъ поръ стоитъ одинокое тутовое де-

Рис. 8. Улица въ Зульцфельдѣ.

рево, — остатокъ прежняго величія. Большинство, впрочемъ, предпочитало заниматься своимъ ремесломъ, которому научилось на родинѣ. Однако развитіе ремеслъ въ крѣпостное время, когда каждый мало-мальски зажиточный помѣщикъ имѣлъ въ своей дворнѣ и столяровъ, и маляровъ, и ткачей и т. д., показало колонистамъ, что ихъ таланты здѣсь не нужны. Первое время колонистамъ жилось тяжело. Въ 1798 г. пастору удалось упросить императрицу Екатерину II сложить съ колоніи недоимку въ 24,000 рублей (за выкупные платежи). Съ того времени благосостояніе начало расти. Въ 1838 г. колонисты назначили своему пастору жалованье въ 400 рублей въ годъ; одновременно онъ былъ назначенъ губернскимъ проповѣдникомъ. Школу колонисты построили тотчасъ послѣ постройки церкви. Учителями были пасторъ и учитель-нѣмецъ. Русскому языку вовсе не учили. Въ 1859 году число колонистовъ увеличилось настолько, что назначенъ былъ второй учитель. Школу посѣщало 300 учениковъ. Назначеніе учителя зависѣло отъ пастора. Мини-

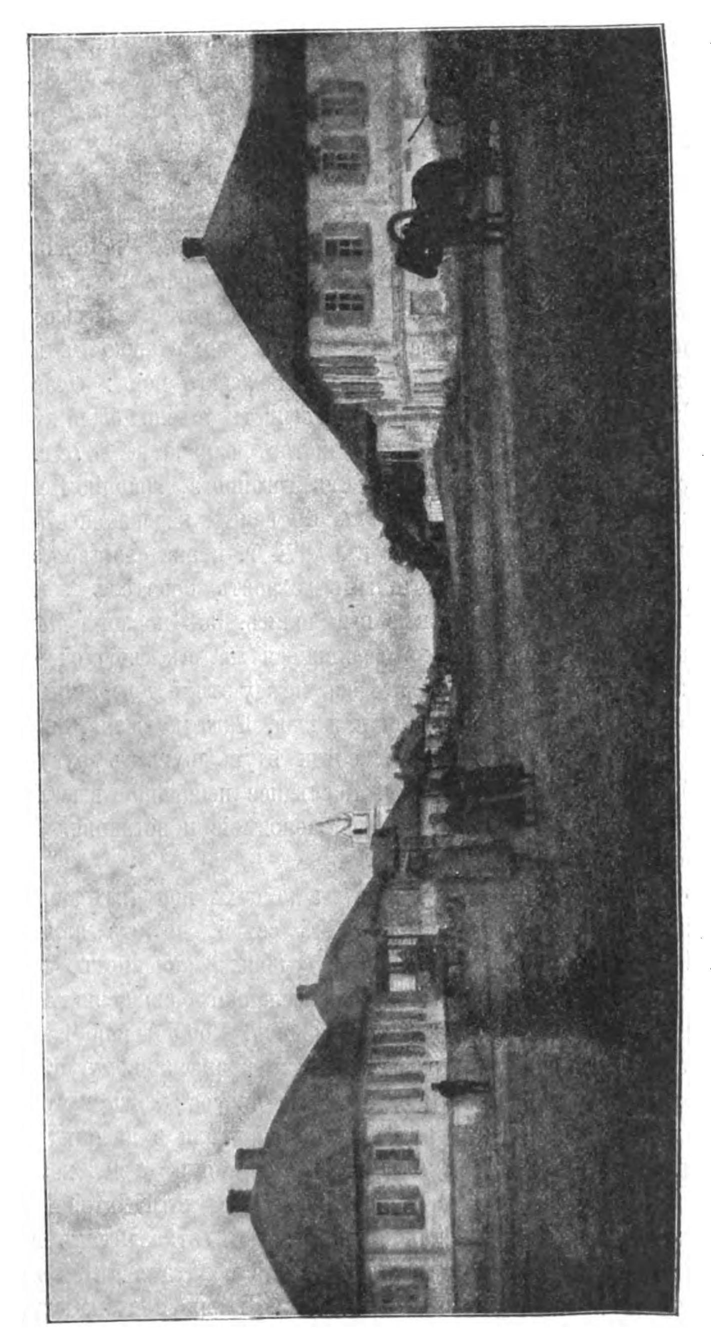

Рис. 9. Главная улица въ Рибенсдорфѣ.

стерство и русскія власти не вмѣшивались въ эти назначенія. Такимъ образомъ, безпрепятственно развилась и окрѣпла сильная компактная нѣмецкая община въ центрѣ Россіи. Народъ былъ крѣпкій, энергичный и прилежный. Однако, въ 1859 г. въ колонію проникаетъ сифилисъ отъ общенія съ русскими работниками, которыхъ имѣло каждое колонистское хозяйство. Съ того времени есть и случаи идіотизма и общей неразвитости. Климатъ колонисты выносили хорошо, и ничто не мѣшало нормальному росту колоніи. Въ 1848 г. (?) колонисты были принуждены думать о выселеніи. 30—35 семей отправилось на югъ и основало колонію въ 12 верстахъ отъ Ейска (Михаэльсталь, переименованная императоромъ Александромъ III въ Воронцовку). Правительство дало выселившимся по 30 десятинъ на семью. Гораздо большее выселеніе было въ 1866—67 гг. Были основаны три колоніи на берегу Азовскаго моря: Ольгенфельдъ, Руэталь и Маріенталь, но въ этотъ разъ колонисты должны были купить себѣ землю сами. Больше всего выселилось колонистовъ, однако, въ 1878 г. Они основали на Міусѣ, въ 70—60 верстахъ отъ Таганрога, колонію Петри-Паули и Нейгофнунгъ. Всего при этомъ ушло 60 семей, недовольныхъ внутренними распорядками въ колоніи. Уже въ 1874 г. правительство запросило, не считаютъ ли колонисты необходимымъ устроить передѣлъ земли. Богатѣи воспротивились, и недовольные выселились. Всѣ новыя колоніи называютъ рибенсдорфцы «Neuland»; выселившіеся же, въ свою очередь, называютъ Рибенсдорфъ — «Russland». Связь между этими дочерними колоніями и метрополіей осталась очень тѣсная и живая. Каждую осень, по окончаніи полевыхъ работъ, родные и прежніе сосѣди ѣдутъ другъ къ другу въ гости. Нерѣдки и браки между колонистами. Послѣднее небольшое выселеніе было въ 1881 г. Съ того времени наступило равновѣсіе и остановилось экспансивное движеніе колоніи.

Что касается религіи, то колонисты до сихъ поръ всѣ протестанты. Есть, правда, въ колоніи 5 православныхъ семей, но это явленіе чисто случайное. Именно, въ отсутствіе пастора умиралъ колонистъ. Такъ какъ онъ желалъ пріобщиться, то позвали православнаго священника, который совершилъ помазаніе и причастилъ умирающаго. Но больной выздоровѣлъ и имѣлъ затѣмъ много дѣтей, крещенныхъ по православному обряду. Всѣ эти семьи ходятъ въ православную церковь въ сосѣднемъ хуторѣ. Перешедши въ православіе, эти семьи вполнѣ обрусѣли и переняли все отъ сосѣднихъ хохловъ, начиная съ ихъ лѣни и кончая бѣднымъ хозяйствомъ. Переходовъ въ православіе до сихъ поръ не было, хотя матери, недовольныя тѣмъ, что пасторъ за лѣность и неразвитость откладывалъ комфирмацію дѣтей на годъ, грозили пастору, что онѣ обратятъ дѣтей въ православіе. Сектъ въ колоніи до сихъ поръ нѣтъ. Въ колоніяхъ на югѣ, однако, завелись уже секты. То обстоятельство, что колонія въ религіозномъ отношеніи сохранила свой обликъ вполнѣ, зависитъ отъ того, что она съ

самаго начала была одной вѣры. Большое вліяніе оказали также и пасторы, умѣвшіе жить съ своей паствой въ дружбѣ. Всѣ пасторы были русскіе нѣмцы. Пасторъ былъ центральною фигурою въ колоніи. Школа была въ его вѣдѣніи. Онъ сзывалъ молодежь (Pura un Maitla—Burschen und Mädchen-Mädel) на уроки пѣнія и священной исторіи и бесѣдовалъ съ нею. Это продолжалось и послѣ конфирмаціи, до женитьбы. Конфирмировались колонисты въ 15 лѣтъ. Одинъ изъ пасторовъ въ 50-хъ годахъ требовалъ даже отъ родителей, чтобы они посылали своихъ дѣтей регулярно въ школу. За каждый пропущенный по неуважительной причинѣ день виновные родители платили въ кассу 5 коп. Въ концѣ года ходилъ по колоніи сборщикъ и собиралъ эти штрафные пятачки, на которые затѣмъ (въ 1875 г.) была пріобрѣтена фисгармонія для школы. Это отмѣнили съ момента, когда ввели русскій языкъ, и въ школѣ явился русскій учитель. Кромѣ этого предпріятія, тотъ же пасторъ создалъ маленькую библіотеку, которая, однако, скоро прекратила свою дѣятельность, такъ какъ никто ничего не читалъ, хотя книгъ притекало изъ Москвы и Петербурга очень достаточно. Новая церковь—также дѣло рукъ пасторовъ. Они убѣдили колонистовъ давать ежегодно по одному пуду табака съ семьи. Все это продавалось и дало сумму въ 25,000 рублей. Строили колонисты сами цѣлыхъ три года. Въ началѣ постройки, однако, выселилась треть колонистовъ, такъ что теперь церковь на-половину пустуетъ. По духу своему пасторы остались своей паствѣ вполнѣ чужды. Нѣкоторые вели себя часто безтактно, особенно тогда, когда обрусѣніе колоніи было рѣшено, и наступало неизбѣжное при этомъ недовольство. Кромѣ этого, и языкъ пасторовъ былъ непонятенъ. Уроженцы Риги, Дерпта, русскіе нѣмцы, знакомые и говорящіе языкомъ библіи и классиковъ, пасторы не понимали по-швабски, и колонисты въ свою очередь не понимали высокопарнаго стиля пасторовъ. Темы проповѣдей были также мало понятны и недоступны колонисту.

Что касается внѣшнихъ обычаевъ съ нѣкоторой религіозной окраской, то колонисты переняли у православныхъ только поминки. На нихъ колонисты пропивали и проѣдали цѣлыя состоянія, такъ что пасторы принуждены были, наконецъ, выступить противъ этого пагубнаго для колоніи обычая.

Роднымъ языкомъ колонисты считаютъ нѣмецкій. Прежде они говорили только по-нѣмецки, теперь же дѣти до 7—8 лѣтъ говорятъ исключительно по-малороссійски, и только въ школѣ учатся нѣмецкому языку. Языкъ старшаго поколѣнія очень оригиналенъ: въ немъ масса французскихъ словъ съ очень страннымъ значеніемъ, напр.: morot—усталый (также и müde), expré (exprés) въ смыслѣ особенный, malade—въ смыслѣ удрученный, усталый, mariage—въ смыслѣ дружба, любовная связь. Особенно часто можно услышать фразу: Ti hen avar a «mariage», avar des wert bei Ehna pal ausanandar geh (Die haben aber eine Freundschaft, aber sie wird bei ihnen bald auseinander gehen). Въ настоящее время языкъ ко-

лонистовъ утратилъ свою оригинальность въ связи съ обрусѣніемъ школы. Школа вначалѣ была въ рукахъ самой колоніи. Первымъ учителемъ былъ сынъ учителя изъ Зульцфельда (какъ мнѣ сообщилъ пасторъ изъ Зульцфельда, который любезно доставилъ рядъ цѣнныхъ свѣдѣній о своей деревнѣ). Онъ былъ родоначальникомъ всѣхъ учителей въ колоніи до преобразованія школы по русскому образцу. Жалованья онъ получалъ только 60 руб. въ годъ отъ колоніи и пользовался 5 десятинами для своего посѣва. Внѣ школы онъ былъ такимъ же землепашцемъ, какъ и другіе колонисты; спеціальнаго образованія учителя не получали. Большинство изъ нихъ училось у пасторовъ или въ школахъ приволжскихъ колоній. Земство вовсе не заботилось о школѣ. Преподаваніе, однако, шло довольно успѣшно, если вѣрить донесеніямъ пасторовъ. Преподавали: ариѳметику, Законъ Божій, нѣмецкій и необязательно русскій яз. (для мальчиковъ). Но въ 1869/70 и, наконецъ, въ 1871 г. земство энергично потребовало веденія преподаванія на русскомъ языкѣ. Несмотря на протесты пастора, центральное лютеранское управленіе приказало подчиниться новому требованію. Нельзя сказать, что уровень знаній отъ введенія русскаго языка повысился; наоборотъ, русскіе учителя, враждебно встрѣченные населеніемъ, естественно, не вносили одушевленія въ дѣло, принятое ими на себя. Въ настоящее время въ школѣ 4 учителя — три изъ нихъ русскіе. Одинъ изъ нихъ, русскій нѣмецъ, учитъ нѣмецкому языку также по-русски. Пониманія между учениками и учителями нѣтъ, чему сильно препятствуетъ религіозное различіе. Несмотря на все это, колонистъ относится къ введенію русскаго языка довольно дружелюбно, и иногда только добродушно подсмѣивается надъ русскою лѣнью и неряшливостью. Выговоръ колонистовъ, несмотря на то, что говорятъ они по-русски съ дѣтства, твердый и не русскій. Въ жизни колоніи были моменты, когда колонисты искали сближенія съ русскими, но это сближеніе осталось безъ послѣдствій для обѣихъ сторонъ. Обрусѣнію способствовала близость Острогожска, куда колонисты возили свои продукты на базаръ. Вмѣсто церкви, бабы ѣхали въ воскресенье на базаръ продавать свои «kukumâr» (Gurken — франц. concombre), молоко и сыръ. Мужья сопро-

Рис. 10. Сельскій учитель въ Рибенсдорфѣ (третье поколѣніе послѣ переселенія, нынѣ вымершее).

вождали ихъ и пьянствовали. Въ городѣ колонисты сближались съ русскими. Пасторъ, недовольный тѣмъ, что ему приходится говорить въ пустой церкви, настоялъ, однако, на томъ, чтобы базаръ перенесли на понедѣльникъ. Съ Германіей у колоніи связи нѣтъ. Вначалѣ явился, правда, изъ Шварцвальда часовщикъ и женился здѣсь, но, получивъ землю, онъ скоро ушелъ назадъ въ Германію. Переписки съ Германіей никто не велъ. Только въ послѣднее время колонисты выписываютъ прямо изъ Германіи сельско-хозяйственныя машины. Такимъ образомъ, колонисты постепенно утратили свой языкъ и національность.

Рис. 11. Одежда пожилыхъ колонистовъ (третье, вымершее, поколѣніе).

Характеръ колонистовъ былъ раньше очень веселый. Въ настоящее время это — замкнутый, гордый, упрямый и тяжелый народъ. Пляски и пѣсни прекратились. Только на свадьбахъ и обрученіи, празднуемыхъ очень богато, и по воскресеньямъ водятъ русскій хороводъ. На Пасху играютъ въ «сборъ яицъ» (Eierlesen). Всѣ заняты этой игрой. Два парня ходятъ по деревнѣ и собираютъ яйца (до 150 штукъ), которыя затѣмъ кладутъ на улицѣ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга. Одинъ изъ нихъ долженъ собирать яица и складывать въ корзину, другой же за это

время бѣжитъ къ рѣкѣ и схватываетъ за уздцы лошадь, которую держатъ тамъ наготовѣ. Кто это продѣлаетъ скорѣй, является побѣдителемъ и имѣетъ право носить два дня вѣнокъ. На Троицу ставятъ передъ церковью ольху съ вѣнкомъ изъ вишневыхъ вѣтвей. Мальчики взлѣзаютъ на дерево и состязаются въ ловкости.

Матеріальная культура колонистовъ въ настоящее время мало отличается отъ русской, въ которой колонисты живутъ: главный общій отпечатокъ на нихъ и на ихъ сосѣдей налагаетъ ихъ занятіе земледѣліемъ. Благопріятный климатъ, достаточное количество снѣга и дождей (съ страшными

Рис. 12. Колонистъ въ зимней одеждѣ (нынѣ живущее поколѣніе, пожилое, четвертое со времени переселенія).

Рис. 13. Колонистка въ зимней одеждѣ (нынѣ живущее поколѣніе, среднихъ лѣтъ, четвертое со времени переселенія).

грозами) способствуютъ земледѣлію. Рѣка, богатая рыбой, разливается на широкое пространство, создавая тучные луга. Остальная земля — не степь, а богатый черноземъ. Неудобная мѣловая земля покрыта по берегу рѣки лѣсомъ. Въ колоніи такимъ образомъ есть все, необходимое для успѣха земледѣлія. Оно стояло раньше на болѣе высокой ступени, чѣмъ у русскихъ. Но апатичность, отсутствіе иниціативы у послѣднихъ во время крѣпостного права помѣшало имъ научиться у колонистовъ болѣе совершеннымъ пріемамъ хозяйства. Въ настоящее же время рибенсдорфцы сами

знаютъ не больше своихъ русскихъ сосѣдей. Только въ послѣднее время явился у нихъ двуконный плугъ-буккеръ. Русская борона, самой первобытной формы, употребляется колонистами не для боронeнія, но для набрасыванія земли на картофельные ряды. У сосѣдей картофель окапываютъ лопатами. Удобренія колонисты не признаютъ и вывозятъ навозъ только на ближнія поля, такъ какъ находятъ, что возить его не стоитъ далеко. Обработываютъ землю они болѣе тщательно, чѣмъ русскіе. Надѣлы у нихъ разбиты по разнымъ частямъ колоніи. Трехлѣтній сѣвооборотъ принятъ вездѣ. Главный сортъ зерна—пшеница (Wa-a-iza=Weizen). Сѣютъ также рожь (Korn — вмѣсто Roggen) и немного овса (Havar—Haver) и ячменя (Kerschta—Gersten) для себя. За то подсолнухъ и другія масличныя растенія покрываютъ цѣлыя поля. Много садятъ картофеля, который продаютъ и изъ котораго прежде гнали водку (раньше въ колоніи было нѣсколько кабаковъ, которые по приговору были закрыты въ виду развитія пьянства). Отъ русскихъ деревень колонія отличается невѣроятнымъ количествомъ огородовъ съ огурцами. Цѣлыя десятины у одного хозяина покрыты огурцами, и прилежныя хозяйки зарабатывали на огурцахъ по 300 рублей въ лѣто. Много сѣютъ арбузовъ и дынь, которые находятъ хорошій сбытъ въ Острогожскѣ. Въ настоящее время колонистъ садитъ табакъ и свекловицу только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Раньше же въ колоніи были собственные сахарные заводы. Табаку сажалъ раньше каждый колонистъ массу. Для себя онъ сажалъ отдѣльную гряду для своей трубки-Pfaifa (Pfeife), которую самъ дѣлалъ изъ тростника (Pfaifaröhrle). Обработывали табакъ очень просто. Растеніе срѣзалось, завертывалось въ трубки и сушилось. Эти сигары крошились и въ видѣ табака набивались въ трубки. Этого придерживаются старики и до сихъ поръ[1]). Молодежь же куритъ теперь простыя цыгарки. Съ уменьшеніемъ разведенія табака начали сѣять масличныя растенія и приготовлятъ патоку. Обѣ отрасли, однако, скоро заглохли вслѣдствіе конкурренціи. Садоводство процвѣтало въ прежніе годы.

Рис. 14. Типъ колонистки среднихъ лѣтъ (четвертое поколѣніе со времени переселенія).

---

[1]) Кромѣ трубки, стариковъ еще отличаетъ и крючковатый посохъ — Stockpriegal (Stockprügel).

Почва въ самой колоніи для него неблагопріятна; поэтому сады были посажены въ лѣсу, въ 3-хъ верстахъ отъ колоніи. Въ настоящее время сохранились отъ садовъ только жалкіе остатки, перемѣшанные лѣсными породами. Лѣсъ раздѣленъ на участки, которые принадлежатъ каждому колонисту. Лѣсовъ было раньше больше. Охота въ старину была богатая: водились лисицы, волки, куропатки, утки и дикія кошки. Недавно красовавшійся ольховый лѣсъ былъ вырубленъ, и на его мѣсто посажена верба. Главныя лѣсныя породы: дубъ, кленъ, ясень, ольха и карагачъ.

На-ряду съ земледѣліемъ колонистъ разводитъ большое количество скота. Онъ не сѣетъ травы для скота, а довольствуется естественными

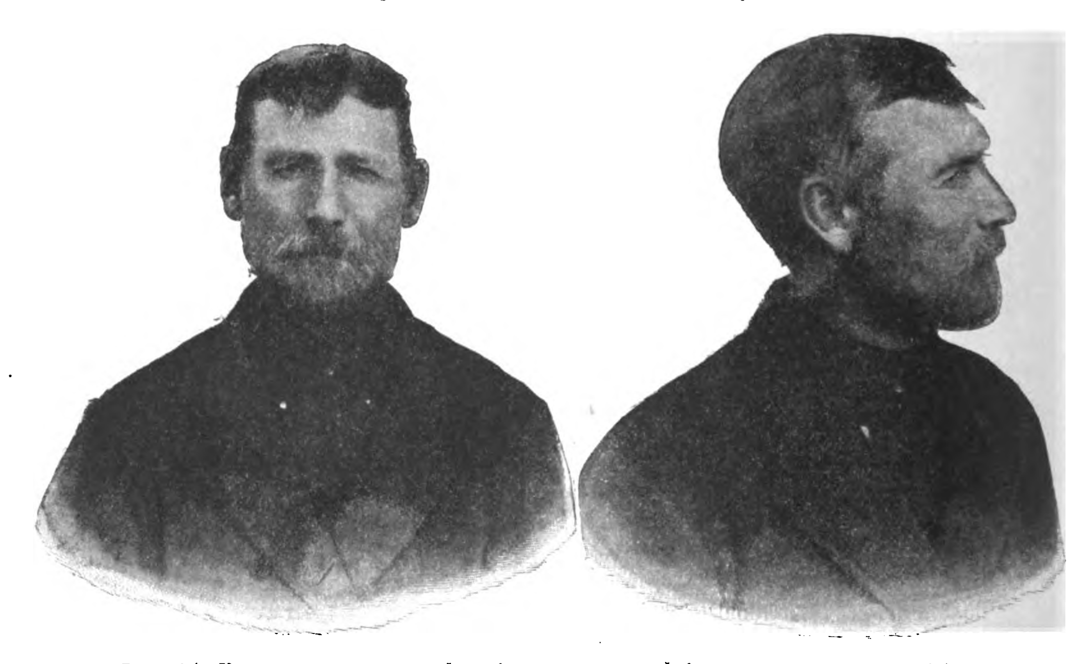

Рис. 15. Колонистъ среднихъ лѣтъ (четвертое поколѣніе со времени переселенія).

заливными лугами, тянущимися на далекое разстояніе съ перерывомъ холмами въ направленіи къ Харькову. Скотъ лучше, чѣмъ у русскихъ. Числомъ его также больше. Даже у самаго бѣднаго колониста, по крайней мѣрѣ, 2 коровы, 2—3 лошади и нѣсколько свиней. Скотъ—слабый и низкорослый, и земство было вынуждено поставить въ колоніи племенного быка и жеребца для улучшенія породы мѣстнаго скота. Молочные продукты находятъ сбытъ въ Острогожскѣ. Особенная спеціальность колонистокъ — сливочное масло. Русскіе сосѣди приготовляютъ масло только изъ топленаго молока. Масло это идетъ даже въ Ростовъ на Д. Въ настоящее время молочное хозяйство падаетъ. Свиней разводятъ колонисты много. Они продаютъ окорока и колбасы въ Воронежѣ и Острогожскѣ. Для этого у колонистовъ

есть общественная коптильня. Впрочемъ, торговля окороками также уменьшилась. Овцеводство переживаетъ подобную же судьбу. Впрочемъ, и до сихъ поръ у колонистовъ овецъ очень много. Овчины, окрашенныя въ черный, желтый или бѣлый цвѣтъ, идутъ на тулупы (Tulupie — вмѣсто Pelz). Мужчины носятъ короткіе, женщины—длинные тулупы. Шерсть перерабатываютъ на водяной мельницѣ (въ колоніи мельницы всѣ вѣтряныя) въ особое сукно, которое колонисты и малороссы носятъ очень охотно. На 1.100 душъ въ колоніи приходится 803 лошади, 726 штукъ рогатаго скота, 762 простыхъ овцы, 1.000 породистыхъ овецъ и 480 свиней — всего 3.771 голова скота.

Рис. 16. Чета молодыхъ колонистовъ (четвертое поколѣніе со времени переселенія).

Большой доходъ извлекаютъ колонисты изъ пчеловодства, которое, впрочемъ, было всегда очень первобытно. Первые колонисты поставили ульи въ лѣсу и въ садахъ и имѣли успѣхъ. Система ульевъ—колодочная. Пчелъ при сборѣ меда давили, одурманивъ предварительно дымомъ древеснаго гриба. Медъ, перемѣшанный съ пчелиными трупами, охотно покупали въ городѣ. Только одинъ колонистъ имѣетъ рамочные ульи, но его примѣръ остался безъ подражателей, такъ какъ колонисты всегда недовѣрчиво относятся ко всякому новшеству.

Дома колонистовъ похожи на малороссійскія хаты. Послѣ пожара въ 1850 г. не осталось ни одной старой постройки. Прежде кухня была въ центрѣ хаты, теперь же въ каждомъ домѣ пять комнатъ и кухня. Передъ нѣкоторыми домами есть палисадники на улицу; прежде такой садикъ изъ акацій красовался передъ каждой избой. Акація теперь исчезла почти совершенно. На улицу выходитъ 6 оконъ въ 3-хъ комнатахъ. Крыши покрыты соломой, перемѣшанной съ глиной и аккуратно обрѣзанной. Желѣзныхъ кровель въ колоніи 3—4; ими гордятся владѣльцы домовъ. Топятъ избы

соломой, стеблями подсолнуха и кизякомъ. Въ колоніи сейчасъ 120 домовъ; въ 1866 г. до выселенія было ихъ 267 (изъ нихъ 10 кирпичныхъ); въ 90-хъ годахъ домовъ было все еще 153.

Одежда колонистовъ отличается отъ малороссійской. Она скорѣе похожа на купеческую или мѣщанскую. Тулупы покрываютъ тонкимъ сукномъ. Кумача никто не носитъ, а носятъ самотканное сукно и холстъ. Атласъ, бархатъ и шелкъ колонистки покупаютъ въ неимовѣрномъ количествѣ. Вообще ихъ дѣвушки—первыя щеголихи округа. Все это тряпье складывается для приданаго дочерямъ. Впрочемъ, кромѣ этихъ тряпокъ, дочь не получаетъ почти ничего. Лишь иногда отдаютъ еще пару овецъ или корову, или же просто справляютъ свадьбу.

Рис. 17. Богатая дѣвушка-колонистка (пятое поколѣніе).

Пища колонистовъ почти та же, что и у малороссовъ. Въ будни они ѣдятъ борщъ, гречневую или пшенную кашу, или лапшу. Иногда бываетъ и мясо. Очень любятъ колонисты т. наз. Süsssauer, т.-е. фруктовый супъ, который русскимъ вовсе неизвѣстенъ. Пива колонисты не варятъ, такъ какъ не умѣютъ. Водку пьютъ они въ громадномъ количествѣ. Раньше у нихъ были даже свои водочные заводы.

Внутренее управленіе находилось до 1871 г. въ рукахъ самихъ колонистовъ. Выбирали старосту (Schulz'a), который являлся представителемъ колоніи. 6 выборныхъ надзирали за кассами, производили ревизіи и т. д. Большую роль игралъ пасторъ. Для поддержки матеріальнаго благосостоянія въ колоніи существовала Armenkasse, въ которую вносилъ каждый новый членъ при вступленіи 65 рублей. Изъ этихъ взносовъ образовался капиталъ въ 12.000 рублей, который раздавался изъ 6% годовыхъ. Податей уплачиваетъ каждый плательщикъ 52—53 рубля; несмотря на большія подати, поступленіе ихъ очень аккуратно. Это объясняется высокимъ благосостояніемъ, которое сохранилось, несмотря на частые недороды въ той мѣстности. Дѣла общины рѣшались въ домѣ старосты (Schulzahaus).

Въ 1871 г. у колонистовъ были отняты всѣ права, дарованныя Екатериной Великой. Колонисты были переименованы въ поселянъ-собственниковъ

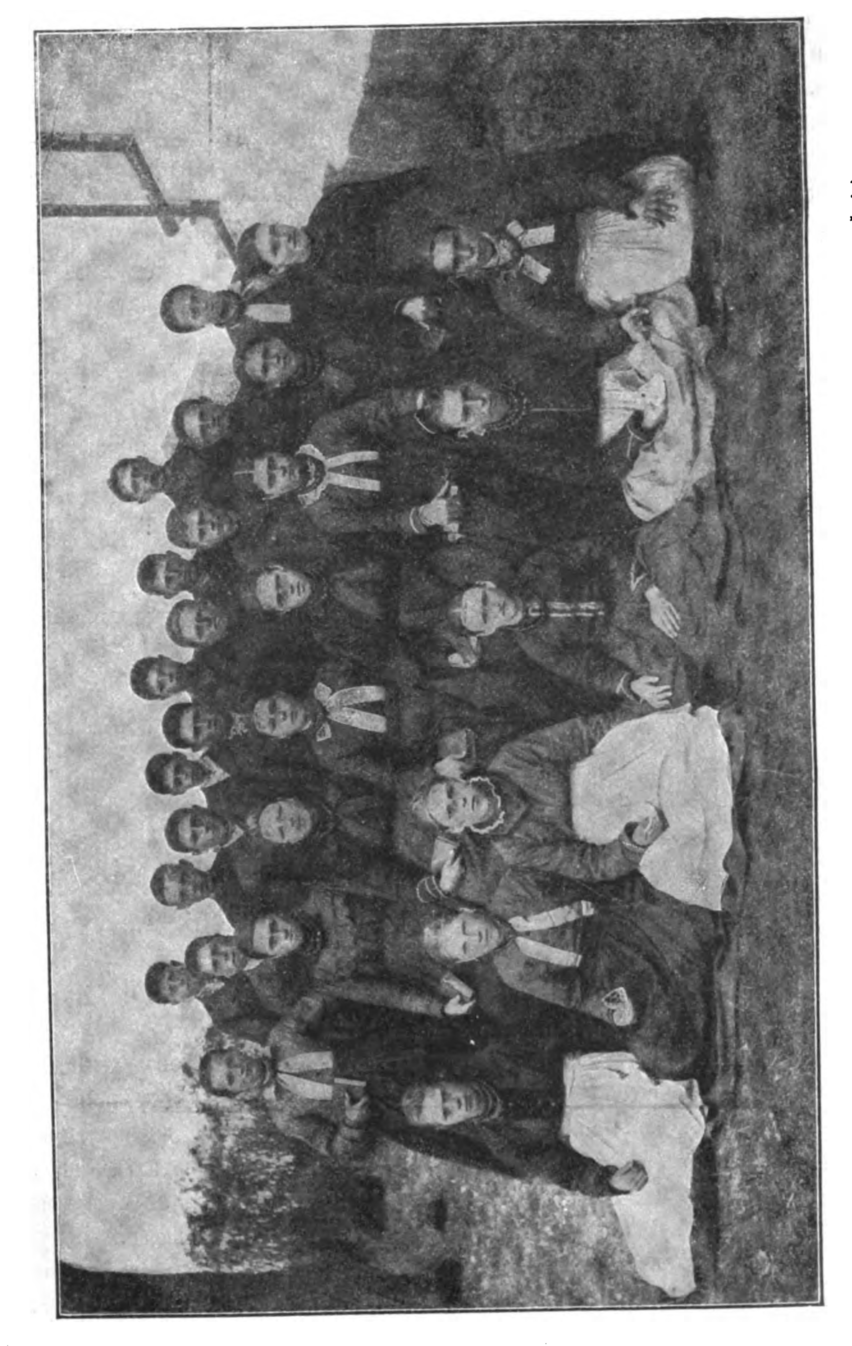

Рис. 18. Группа конфирмандовъ въ 1903 г. (дѣти 15-лѣтняго возраста, пятое поколѣніе).

или бывшихъ колонистовъ. При этомъ въ колоніи было сильное возмущеніе. Колонисты выбросили изъ своихъ помѣщеній портретъ императрицы и топтали его ногами, утверждая, что она ихъ заманила въ чужую страну и обманула. Они понимали слово манифеста «вѣчно» въ прямомъ смыслѣ, а не въ смыслѣ вѣкъ=100 лѣтъ. По новому закону колонисты сохранили прежнее право наслѣдованія и по прежнему не имѣли права продавать землю. Общественными деньгами колонисты распоряжались по своему усмотрѣнію. Религіозная свобода и обычаи были оставлены новымъ закономъ въ прежней силѣ. За-то колонія лишилась своего «надзирательнаго комитета» и своихъ представителей. Обрусѣніе съ этого момента пошло очень быстро. Молодежь

Рис. 19. Дѣти богатыхъ колонистовъ (пятое поколѣніе).

была привлечена къ отбыванію воинской повинности. Противъ колоніи на противоположномъ берегу былъ поставленъ полицейскій постъ, на обязанности котораго было наблюдать за колоніей. Съ этого же времени въ жизни колоніи большую роль играетъ земство, которое заботится о школѣ, даетъ улучшенный скотъ, выдаетъ субсидіи на разведеніе лѣса и травосѣяніе и способствуетъ распространенію хорошихъ земледѣльческихъ орудій.

Со времени введенія новаго положенія національныя особенности, языкъ исчезаютъ. Религіозныя воззрѣнія становятся шаткими. Пьянство увеличилось съ уменьшеніемъ вліянія пасторовъ. Нравственность до сихъ поръ довольно высока. Внѣбрачныхъ дѣтей до сихъ поръ въ колоніи не

было. Семимѣсячное рожденіе ребенка (послѣ свадьбы) являлось предметомъ насмѣшекъ и наставленій для дочерей. Вечеринокъ нѣтъ въ заводѣ. Признаковъ вырожденія, несмотря на многократное скрещиваніе родственной крови, замѣчается мало. Съ виду всѣ колонисты—здоровые люди, что видно на приложенныхъ фотографіяхъ. Съ горожанами-нѣмцами колонисты не заключаютъ браковъ. Больницы и врача въ колоніи нѣтъ. За все время существованія колоніи ссылкѣ подверглись только трое.

Для полноты картины дадимъ статистическія данныя о колоніи. Въ настоящее время въ колоніи 597 душъ мужского пола и 595 женскаго. Въ 1901 г. родилось 37 мальчиковъ и 36 дѣвочекъ, умерло 12 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ. Приростъ равнялся 51 душѣ. На Кубани и на Дону живетъ 1.265 мужчинъ и 1.116 женщинъ,—съ колонистами Рибенсдорфа 1.862 м. и 1.761 ж. Въ 1866 г. въ колоніи было 2.119 жителей, владѣвшихъ 3.801 десят. Въ колоніи было 267 домовъ. Школу посѣщалъ 371 ученикъ. Въ колоніи было 9 фабрикъ и 5 кабаковъ. Въ 90-хъ годахъ было всего 153 дома съ 24 десят. и 9 штуками скота на душу. 94% обрабатывали землю, 5% работали внѣ колоніи.

Съ 1767 по 1845 г. число колонистовъ не извѣстно; съ 1845 по 1892 г. число ихъ колебалось въ приходѣ Воронежъ — Острогожскъ — Рибенсдорфъ (до раздѣленія прихода на Воронежскій и Острогожско-Рибенсдорфскій) слѣдующимъ образомъ:

Годъ.	Муж.	Жен.	Всего	Годъ.	Муж.	Жен.	Всего
1846	643	608	1251	1870	—	—	—
1847	652	635	1287	1871	1152	1166	2318
1848	793	775	1568	1872	1140	1145	2285
1849	815	844	1659	1873	—	—	—
1850	867	941	1808	1874	1188	1251	2439
1851	822	810	1632	1875	1209	1278	2487
1852	809	794	1603	1876	1260	1296	2556
1853	809	762	1561	1877	—	—	—
1854	862	857	1719	1878	701	810	1511
1855	969	880	1849	1879	599	677	1276
1856	1109	1052	2161	1880	593	668	1261
1857	1210	1006	2216	1881	598	643	1241
1858	1146	1026	2172	1882	450	492	942
1859	1081	1036	2117	1883	614	648	1262
1860	1861	922	1983	1884	533	572	1105
1861	—	—	—	1885	571	614	1185
1862	1078	1001	2079	1886	542	589	1131
1863	1001	1009	2010	1887	565	611	1176
1864	997	985	1982	1888	574	632	1206
1865	—	—	—	1889	600	673	1273
1866	—	—	—	1890	530	644	1174
1867	1142	1193	2335	1891	553	661	1195
1868	—	—	—	1892	540	526	1066
1869	1089	1085	2174				

Число населенія въ самой колоніи:

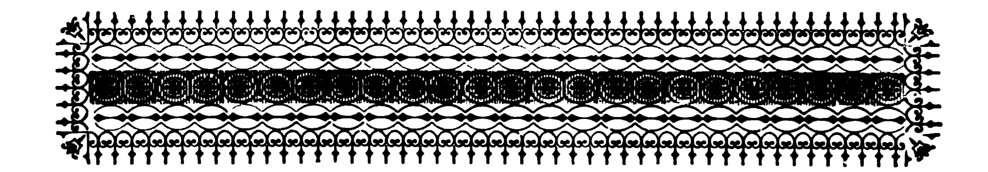
Годъ.	Муж.	Жен.	Всего.	Годъ.	Муж.	Жен.	Всего.
1846	573	—	—	1875	1174	1254	2428
1847	—	—	1110	1876	—	—	—
1848	704	685	1389	1877	1095	1183	2278
1849	730	756	1486	1878	701	810	1511
1850	901	829	1730	1879	599	677	1276
1851	740	—	—	1880	—	—	—
1852	—	—	1497	1881	563	625	1188
1853	—	—	—	1882	448	489	937
1854	—	—	1642	1883	446	465	911
1855	—	—	1685	1884	339	366	705
1856	—	—	1683	1885	428	466	884
1857	845	868	1713	1886	542	589	1131
1858	864	884	1748	1887	542	594	1136
1859	—	—	—	1888	543	585	1128
1860	889	822	1711	1889	543	601	1144
1861	-	—	—	1890	376	609	985
1862	771	799	1570	1891	526	655	1181
1863	778	806	1584	1892	530	517	1047
1864	775	804	1579	1893	?	?	?
1865	793	823	1616	1894	?	?	?
1866	—	—	2119	1895	?	?	?
1867	1111	1174	2285	1896	?	?	?
1868	—	—	—	1897	?	?	?
1869	1052	1053	2105	1898	?	?	?
1870	—	—	—	1899	1788[1]	1676[1]	—
1871	1114	1134	2248	1900	1769[1]	1652[1]	—
1872	1089	1171	2260	1901	—	—	—
1873	814	867	1681	1902	597	595	1192
1874	1172	1239	2411				

Таблица показываетъ ростъ населенія до 1877 г. Выселеніе на югъ рѣзко понижаетъ число населенія, и съ того времени число стремится къ постоянству. Постепенный ростъ этотъ указываетъ уже самъ по себѣ на хорошія, здоровыя условія, въ которыхъ развивалась колонія (подъ подсолнухомъ засѣвается 128 дес., подъ картофелемъ 156 дес. — въ 1902 г.). Кучка швабовъ дала сильный народецъ въ 2.000 душъ. Призванные въ Россію для насажденія культуры и обученія ей русскихъ, они за 150 лѣтъ пребыванія въ мѣстности дали въ общемъ очень мало своимъ сосѣдямъ. Сами они утратили постепенно свои качества, изъ-за которыхъ ихъ и пригласили въ Россію. На Кавказѣ, правда, утверждаютъ, колонисты способствовали осѣданію на землѣ бродячихъ ногайцевъ, но въ Воронежской губ. этой роли имъ не приходилось играть. На населеніе здѣсь они не могли уже съ самаго начала вліять потому, что населеніе задыхалось подъ гнетомъ крѣпостного права, лишавшаго его всякой инициативы. Сами они отъ общенія съ полуцивилизованнымъ населеніемъ Екатерининской эпохи не могли выиграть; наоборотъ, они постепенно огрубѣли и опустились, поте-

[1]) Съ колоніями на югѣ („Памятная книжка Воронежской губ.“, 1903).

рявъ съ самаго же начала всякую связь съ своей далекой родиной. Какъ замкнутая религіозная община, объединенная національными узами, колонія еще сохраняла свою индивидуальность. Въ настоящее же время, съ естественнымъ и искусственнымъ ходомъ обрусѣнія, колонія теряетъ и послѣднія свои отличительныя черты и неминуемо ассимилируется съ русскими сосѣдями. Это случится скоро, тѣмъ болѣе, что и культурное состояніе колонистовъ не выше окружающей среды. Система хозяйства, жилье, одежда почти не отличаетъ ихъ отъ сосѣдей. Несмотря на это, рибенсдорфцы остаются вѣтвью германскаго народа, и именно потому, что за 150 лѣтъ *не было ни одного смѣшаннаго брака* съ русскими, чему, конечно, способствовало и религіозное единство общины. Кромѣ того, народъ этотъ цѣликомъ вышелъ *изъ одной мѣстности и даже изъ одной деревушки*; его изученіе имѣетъ потому, помимо культурно-историческаго значенія, еще и слѣдующій интересъ. При помощи параллельныхъ антропометрическихъ измѣреній въ Рибенсдорфѣ (новой родинѣ) и въ Зульцфельдѣ (прежней родинѣ), на основаніи изученія краніологическаго матеріала изъ кладбищъ, можно будетъ выяснить и общій вопросъ *о вліяніи среды на измѣненія расы въ томъ случаѣ, когда нѣтъ кровосмѣшенія*. Для этого мною предприняты переговоры съ нѣмецкими антропологами (Клаачемъ и Гедингеромъ въ Штуттгартѣ), чтобы начать измѣренія въ Германіи. Мѣстный пасторъ въ Зульцфельдѣ обѣщалъ мнѣ свое содѣйствіе и прислалъ списокъ именъ лицъ, выселившихся въ Россію изъ Зульцфельда; этотъ списокъ подтверждаетъ данныя, заимствованныя мною изъ рукописей рибенсдорфскихъ пасторовъ. Не предрѣшая пока вопроса, который составитъ въ будущемъ вторую часть настоящей работы, мы прилагаемъ выше лишь рядъ фотографій, дающихъ понятіе о строеніи лица и черепа у 4-хъ последовательныхъ поколѣній, родившихся уже въ колоніи.

Б. Адлеръ.

Вогулы.

(Краніологическій очеркъ).

Матеріаломъ для настоящей статьи послужила краніологическая коллекція вогуловъ (56 очень хорошо сохранившихся череповъ), находящаяся въ Антропологическомъ музеѣ Московскаго университета и вывезенная въ 1886 г. изъ Сѣв.-Западной Сибири Н. Л. Гондатти.

Вогулы—небольшое, нынѣ уже вымирающее племя — живутъ по восточнымъ склонамъ Сѣвернаго Урала, по рр. Сосьвѣ и Лозьвѣ, впадающимъ въ Тавду, притокъ Оби. На западѣ вогулы граничатъ съ племенами пермяковъ и зырянъ, населяющихъ Пермскую губ., а съ востока и юга соприкасаются съ остяками, весьма близкими къ нимъ по языку, вѣрованіямъ, обычаямъ и, что особенно важно, по физическимъ признакамъ. Вмѣстѣ они составляютъ отдѣльную урало-алтайскую группу въ средѣ угро-финновъ. Эта группа была впервые выдѣлена акад. Кастреномъ, совершившимъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія путешествіе въ Сибирь съ цѣлью изученія языка остяковъ и, главнымъ образомъ, самоѣдовъ,—языка, весьма близкаго къ финскому. Какъ лингвистъ, онъ установилъ эту группу на чисто филологическихъ основаніяхъ, на данныхъ языка исключительно. На основаніи сходства языковъ западныхъ финновъ и финновъ нашего Заволжья, т.-е т. наз. угро-финновъ, съ языкомъ остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ, а этихъ послѣднихъ съ языкомъ сойотовъ, инородцевъ Саянскихъ горъ, онъ заключилъ о родствѣ всѣхъ этихъ племенъ, раскинувшихся на столь обширномъ пространствѣ отъ береговъ Балтійскаго моря до отроговъ Саянъ. Дальнѣйшее и болѣе глубокое изученіе духа и грамматическихъ формъ этихъ языковъ открыло ему сходство ихъ съ языкомъ монголовъ, кочующихъ у подножья Алтая, и дало поводъ высказать мнѣніе о первобытномъ родствѣ финновъ съ монголами и общую родину ихъ искать въ ущельяхъ Алтая. Такимъ образомъ, Кастренъ первый создалъ стройную и научно-обоснованную теорію родства и общаго происхожденія всѣхъ финскихъ племенъ, а также и теорію общности ихъ происхожденія съ монголами, помѣстивъ колыбель тѣхъ и другихъ на Алтайскихъ горахъ. «Онъ—единственный путе-

шественникъ, видѣвшій и изучавшій угро-финское племя на всемъ его протяженіи отъ Алтая на югѣ до Ледовитаго моря на сѣверѣ, отъ Енисея на востокѣ до Бѣлаго моря на западѣ. Изслѣдовать въ филологическомъ и этнографическомъ отношеніи цѣлое племя, разбросанное на огромномъ пространствѣ, найти слѣды его подъ оболочкою другихъ національностей и изучить смежные языки и нарѣчія, болѣе или менѣе имѣвшіе вліяніе на это племя, не обходя при этомъ ни одного изъ косвенныхъ вопросовъ (историческихъ, археологическихъ, миѳологическихъ) и съ каждымъ шагомъ обогащая науку новыми данными,—это подвигъ, котораго еще никто не совершалъ до Кастрена и который заслуживаетъ величайшей признательности ученаго міра»,—такъ говоритъ авторъ статьи, посвященной обзору археологическихъ изысканій въ Сибири въ «Извѣстіяхъ Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.».

Какъ указанная теорія, такъ и основанная на ней классификація были чисто лингвистическими. Физическіе признаки, если и принимались во вниманіе, то во всякомъ случаѣ только слегка и сами по себѣ не были предметомъ всесторонняго изученія,—имъ не было отведено въ этой теоріи подобающаго мѣста. Какъ филологъ, Кастренъ не могъ сдѣлать ничего другого. Физическая антропологія была въ его время совершенно неизвѣстна. Построить естественную классификацію человѣчества, основанную на строго положительныхъ методахъ точнаго знанія,—это еще дѣло будущаго. «Изученіе первобытныхъ племенъ, ихъ анатомическихъ особенностей,—говоритъ проф. Маліевъ въ своей рѣчи, обращенной къ 4-му съѣзду русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Казани,—обѣщаетъ всего болѣе разрѣшить одну изъ труднѣйшихъ задачъ антропологіи, уловить генетическую связь народовъ, опредѣлить степень родства между отдѣльными расами и такимъ образомъ, можетъ-быть, возсоздать естественное родословное древо человѣчества».

Наши историческія свѣдѣнія объ урало-алтайскихъ финскихъ племенахъ начинаются съ XI в.; именно въ перечнѣ народовъ древнѣйшей лѣтописи югра, т. е. нынѣшніе остяки и вогулы, обозначены крайнимъ сѣв.-восточнымъ поселеніемъ въ Заволочьи, т.-е. мѣстности, обнимающей бассейны Онѣги, С. Двины, Мезени и Печоры. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи югра и самоядь показана лежащею за новгородскими владѣніями на Печорѣ—югра къ сѣверу отъ самояди, и если допустить, что послѣдняя занимала области между Вычегдою и Печорою, то югорскія поселенія слѣдуетъ искать къ сѣверу отъ нихъ, по восточнымъ притокамъ Двины, Мезени и по Печорѣ, до тундръ Поморья. Это подтверждается и тѣмъ, что, если вѣрить лѣтописи, югра въ то время была знакома съ Сѣв. Ураломъ, т.-е. мѣстомъ своего нынѣшняго обитанія, только по слухамъ и характеризуетъ его, какъ страну, исполненную всякихъ чудесъ и лежащую къ сѣверу отъ нихъ (вѣрнѣе, конечно, къ сѣв.-востоку). По крайней мѣрѣ,

лѣтописецъ приводитъ разсказъ очевидца, побывавшаго въ Югорской землѣ и принесшаго оттуда самыя смутныя свѣдѣнія о Сѣв. Уралѣ. Что этотъ хребетъ былъ тогда мало извѣстенъ самой югрѣ, показываетъ баснословность разсказа о заморскихъ обитателяхъ, и такое выраженіе: «чюдо, его же нѣ есьмы слышали прежде сихъ лѣтъ», можно объяснить только тѣмъ, что сами югорцы получили первыя свѣдѣнія весьма незадолго до прихода къ нимъ того очевидца, разсказъ котораго приводитъ лѣтописецъ, т.-е. не ранѣе конца XI и начала XII в. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ столѣтій югра, подъ напоромъ новгородскихъ дружинъ, постепенно передвинулась за Уралъ, на берега Иртыша и Оби, гдѣ ее застаетъ XVI в. и гдѣ она была покорена уже московскими войсками. Память объ этомъ переселеніи и до сихъ поръ сохранилась у вогуловъ.

Обратимся теперь къ современному состоянію вопроса. Д-ръ Елисѣевъ въ своей статьѣ о финнахъ говоритъ: «Антропологія финновъ составляетъ краеугольный камень антропологіи Россіи, а съ ней и всей Европы» [1]). Если признать вѣрнымъ это положеніе, то нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что антропологія урало-алтайской группы этого племени составляетъ, въ свою очередь, краеугольный камень антропологіи финно-угровъ, а съ ними и всего финскаго племени. Только этимъ однимъ объясняется тотъ интересъ, съ которымъ всегда относились ученые изслѣдователи финскихъ племенъ къ этой сравнительно небольшой вѣтви ихъ, затерянной на берегахъ Оби, Иртыша и Енисея. Пока неоспоримо признавалась теорія азіатскаго происхожденія какъ арійскихъ, такъ и финно-угорскихъ племенъ, въ вогулахъ и остякахъ хотѣли видѣть родоначальниковъ всей финно-угорской семьи или, по крайней мѣрѣ, отрасль, сохранившую въ наибольшей чистотѣ и неприкосновенности типъ своихъ древнихъ предковъ. На это указывало, помимо всего прочаго, и ихъ географическое положеніе: будучи самою восточною вѣтвью финскихъ племенъ, они, какъ естественно было предположить, пришли послѣдними къ порогу Европы—Уральскому хребту, послѣдними покинувъ свою первобытную родину. Установленная Кастреномъ связь ихъ языка съ языкомъ саянскихъ инородцевъ и самоѣдовъ еще болѣе подкрѣпила это предположеніе и дѣлала, такимъ образомъ, еще болѣе вѣроятнымъ тотъ выводъ, что урало-алтайскіе финны составляютъ связующее звено между своими европейскими собратьями и ихъ азіатскими предками.

Къ этому интересному, чисто научному вопросу примѣшался, однако, и другой, съ нѣсколько инымъ характеромъ. Въ 40-хъ же годахъ прошлаго XIX столѣтія, нѣсколько ранѣе путешествія Кастрена, вогуловъ изучалъ молодой венгерскій ученый Регули, который нашелъ поразительное сходство ихъ языка съ языкомъ современныхъ мадьяръ или венгровъ. Отсюда, при существовавшихъ тогда въ наукѣ воззрѣніяхъ, естественно было вы-

---

[1]) „Протов. засѣд. Антропол. Отд. съ 4 дек. 1881 г. по 1886 г." Москва, 1886 г.

вести заключеніе о ближайшемъ родствѣ этихъ двухъ народовъ, а древніе источники, какъ русскіе, такъ и западно-европейскіе, еще болѣе, казалось, подкрѣпляли это мнѣніе, такъ какъ вполнѣ согласно утверждали, что угры или нынѣшніе венгры появились съ востока Россіи и на пути своемъ пересѣкли какія-то высокія горы. Горы эти, о которыхъ упоминаетъ преданіе, были отождествлены съ Уральскимъ хребтомъ, и такимъ образомъ венграмъ, какъ и всѣмъ современнымъ европейскимъ племенамъ, было приписано зауральское, азіатское происхожденіе. Эта теорія или, точнѣе говоря, гипотеза, какъ и всѣ вообще теоріи и гипотезы, касавшіяся генеалогіи расъ, была опять чисто филологическая. Родство языка двухъ народовъ признавалось совершенно достаточнымъ, чтобы разрѣшить всѣ эти темные вопросы. Но современная наука знаетъ примѣры, когда народъ терялъ свой языкъ, приходя въ соприкосновеніе съ болѣе культурными сосѣдями, или, по крайней мѣрѣ, настолько подчинялъ его другому, что заимствовалъ отъ него не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя грамматическія формы. Поэтому къ выводамъ лингвистики слѣдуетъ относиться весьма осторожно. Яркимъ примѣромъ этому служитъ занимающій теперь насъ финно-угорскій вопросъ. Въ эту группу финно-угровъ, какъ извѣстно, филологи объединили и мадьяръ, и настоящихъ финновъ, живущихъ въ Финляндіи, и прибалтійскихъ финновъ, т.-е. эстовъ, ливовъ и пр., и финновъ заволжскихъ, каковы: чуваши, черемисы, мордва, и восточныхъ, куда относятся пермяки, зыряне, вогулы и остяки, — словомъ, по справедливому замѣчанію проф. Богданова, «племена совершенно различныхъ краніологическихъ типовъ, трудно соединимыхъ съ антропологической точки зрѣнія». Тѣмъ не менѣе всю эту пеструю группу народовъ долго считали аборигенной расой Европы наравнѣ съ басками. Вначалѣ и физическая антропологія, казалось, поддерживала такое мнѣніе; по крайней мѣрѣ, Ретціусъ считалъ басковъ и финновъ короткоголовыми и причислялъ ихъ къ древнѣйшимъ обитателямъ Европы, всѣ же пришлые народы считалъ длинноголовыми. Но послѣдующія раскопки, равно какъ и измѣренія череповъ басковъ доказали, что первобытное населеніе Европы было длинноголовое, а, напротивъ, всѣ пришлыя племена, какъ-то арійцы, туранцы и пр.—короткоголовы. Такимъ образомъ финны были развѣнчаны изъ привиллегированнаго положенія исконныхъ обитателей Европы. Вскорѣ затѣмъ появилась монгольская теорія происхожденія финновъ Кастрена; монголы же, кстати замѣтить, тоже оказались, какъ извѣстно, всѣ короткоголовыми. Тогда, чтобы какъ-нибудь отстоять глубокую древность финской расы въ Европѣ, начались понемногу высказываться мнѣнія, что первоначальнымъ типомъ финновъ надо считать длинноголовый, современную же короткоголовость ихъ должно приписать позднѣйшимъ измѣненіямъ типа подъ вліяніемъ физическихъ условій. Въ это-то именно время долихоцефальныя племена вогуловъ и остяковъ обратили на себя всеобщее вниманіе финскихъ ученыхъ. Въ ихъ длинноголовости начали

видѣть тотъ спасительный якорь, который могъ бы еще удержать финновъ въ ихъ положеніи аборигеновъ Европы и отстранить отъ нихъ все болѣе и болѣе угрожающее имъ родство съ монголами, — родство, съ точки зрѣнія защитниковъ европейской самобытности финновъ, далеко не лестное для послѣднихъ. «Есть полная возможность, — говоритъ Европеусъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей этого направленія, — отрицать древнюю короткоголовость финновъ и мадьяръ, благодаря которой ихъ считаютъ ближайшими соотечественниками турокъ и монголовъ». Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, къ вопросамъ чисто научнаго характера примѣшались совсѣмъ уже не научные счеты мѣстничества и родственныхъ связей. Эта теорія Еврепеуса о древней долихоцефаліи финновъ настолько оригинальна, что мы позволимъ себѣ изложить ее хотя въ самыхъ общихъ чертахъ.

Основываясь на томъ фактѣ, что названія весьма многихъ мѣстностей въ сѣверной и средней Россіи не русскаго и даже не западно-финскаго происхожденія, но, какъ-будто, угорскаго, т.-е. финно-венгерскаго, Европеусъ вывелъ заключеніе, что финно-венгры, т.-е. древніе угры или югра нашихъ лѣтописей, нѣкогда заселяли все огромное пространство, «начиная отъ р. Оки на сѣверѣ до самаго Ледовитаго океана и отъ сѣверной части Уральскихъ горъ до Финляндіи и даже до сѣверной части Скандинавіи, а въ Россіи до окрестностей оз. Ильменя и до источниковъ р. Волги, за исключеніемъ родины (западныхъ) финновъ, т.-е. области около Онежскаго озера и южной части Ладожскаго, гдѣ нельзя отыскать ни одного названія съ угорскимъ окончаніемъ». За исключеніемъ этого, сравнительно небольшого, пространства въ области угорскихъ названій мѣстностей, по словамъ автора, въ средней и сѣверной Россіи нѣтъ никакихъ названій западно-финскаго происхожденія. «Все это, — продолжаетъ авторъ, — неоспоримо доказало неосновательность мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, будто бы во всей средней и сѣверной Россіи въ старину жили предки нашихъ собственно т. наз. финновъ. Тамъ жилъ гораздо болѣе могущественный народъ—угра, предки нынѣшнихъ венгровъ и остяковъ, которые еще въ историческое время составляли одинъ народъ. Слѣдовательно,—заканчиваетъ авторъ,—не финны вытѣснены русскими изъ средней и сѣверной Россіи, но венгры добровольно переселились оттуда въ Паннонію, чтобы овладѣть наслѣдствомъ короля Атиллы, прадѣда Альмуса, главнаго ихъ вождя въ походѣ на сѣверъ. Однимъ словомъ, намъ теперь открывается сильное государство, до сихъ поръ почти совершенно забытое, господствовавшее нѣкогда на великомъ пространствѣ русско-финско-скандинавскаго сѣвера и оставившее намъ богатый матеріалъ археологическихъ данныхъ въ безчисленныхъ курганахъ, городищахъ, каменныхъ грудахъ и т. д.» [1]).

---

[1]) *Европеусъ*. О народахъ средней и сѣверной Европы. „Журн. Мин. Народн. Просв.“, 1868 г., іюль.

Въ этихъ заключительныхъ словахъ и въ особенности въ разсужденіи о добровольномъ переселеніи венгровъ въ Паннонію лежитъ, на нашъ взглядъ, весь центръ тяжести этой финно-угорской теоріи. Впрочемъ, авторъ желаетъ подкрѣпить ее и нѣкоторыми антропологическими данными. Курганныя раскопки послѣдняго времени неоспоримо доказали, что въ нынѣшнихъ Московской, Владимирской, Ярославской и Тверской губерніяхъ въ до-русское время жилъ народъ съ длинноголовыми и длинночелюстными черепами, между тѣмъ какъ курганные черепа побережья Ладожскаго озера, т.-е. мѣстности не съ угорскими, а съ западно-финскими названіями, всѣ короткоголовы, какъ и черепа современныхъ западныхъ финновъ; археологическія находки также подтверждаютъ это несходство кургановъ угорскихъ и западно-финскихъ мѣстностей. «Все это доказываетъ,—говоритъ авторъ,—что длинноголовый народъ, жившій въ самыя послѣднія до-русскія времена, въ области однихъ только чисто угорскихъ названій мѣстностей, другими словами, во всей почти средней и сѣверной Россіи, не могъ быть другой, кромѣ угровъ, и, дѣйствительно, нынѣшняя вогульская и остяцкая югра—единственный длинноголовый народъ на сѣверѣ. Венгры, конечно, сколько извѣстно, въ настоящее время уже не длинноголовы; они преимущественно въ самое короткое время по переселеніи въ Паннонію, вслѣдствіе недостатка въ соплеменныхъ женщинахъ, смѣшивались съ народами индо-европейскаго племени и такимъ образомъ постепенно видоизмѣняли свой первоначальный типъ. Точно также коротноголовы и мордва, черемисы, зыряне и собственно финны». Все это объясняется авторомъ тѣмъ, что всѣ эти послѣднія племена, жившія по окраинамъ древняго распространенія всего финскаго племени, утратили свой первоначальный типъ, вслѣдствіе смѣшенія съ окружающими коротноголовыми народами, между тѣмъ какъ древняя югра, т.-е. вогулы и остяки, жившіе въ срединѣ, болѣе сохранили его въ чистомъ видѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, эта смѣлая теорія не осталась безъ возраженій. Противъ нея, во-первыхъ, возсталъ акад. Шифнеръ, а затѣмъ и проф. гельсингфорскаго университета Альквистъ. По его мнѣнію, въ средней Россіи, равно какъ и около Бѣлаго моря въ до-русскія времена жили т. наз. собственно финны.

Третья теорія происхожденія финно-угровъ принадлежитъ акад. Кеппену. Эта теорія, во-первыхъ, признаетъ кровное родство финно-угровъ и арійцевъ, основываясь, конечно, какъ и всѣ подобныя теоріи, на данныхъ языка; во-вторыхъ, родину этого аріо-финскаго племени, какъ его называетъ авторъ, теорія эта помѣщаетъ не въ Азіи, а въ Европѣ. «Въ томъ, что первобытная родина финно-угорскаго племени,—говоритъ авторъ,—находилась гораздо далѣе къ западу, чѣмъ предполагалъ Кастренъ, убѣждаетъ насъ еще то обстоятельство, что, по всѣмъ имѣющимся историческимъ преданіямъ, финны обитали въ Европѣ съ очень древнихъ временъ: пови-

димому, они составляли первобытное населеніе сѣверной и частью средней Европы. Замѣчательно еще то, что они въ прежнее время распространялись далѣе къ западу, чѣмъ нынѣ. Римскіе писатели упоминаютъ о нихъ съ береговъ Вислы; Кастренъ говоритъ даже, что слѣды ихъ были найдены въ Даніи, Германіи и Англіи, хотя и не приводитъ къ тому доказательствъ. Въ томъ же, что финны въ древнія времена занимали большую часть Скандинавіи, нѣтъ сомнѣнія, и понынѣ тамъ существуютъ очень любопытные остатки ихъ» [1]). Первою отдѣлившеюся отраслью общаго финно-угорскаго ствола были древніе угры или вогулы, остяки и мадьяры, т.-е. урало-алтайская группа Кастрена. Затѣмъ очень долгое время спустя, отдѣлились лопари и, наконецъ, еще позже началось дробленіе собственно финно-угровъ на вѣтви восточную (пермяки и зыряне), заволжскую (мордва, чуваши, черемисы) и западно-финскую. Всѣ эти положенія доказываются на основаніи большаго или меньшаго уклоненія языка каждой изъ этихъ вѣтвей отъ первоначальнаго общаго. Родину этого еще нераздѣленнаго (за исключеніемъ югры) финно-угорскаго племени Кеппенъ отыскиваетъ на основаніи общихъ всѣмъ этимъ племенамъ названій нѣкоторыхъ растеній и животныхъ, остроумно заключая, что такія имѣющія одинаковыя названія во всѣхъ финскихъ языкахъ растенія и животныя должны были встрѣчаться на мѣстѣ прежняго совмѣстнаго жительства этихъ племенъ, когда они, слѣдовательно, еще не успѣли отдѣлиться другъ отъ друга. Возсоздавая, такимъ образомъ, по даннымъ языка географію ихъ прародины, онъ приходитъ къ заключенію, что, вѣроятно, она находилась по среднему теченію Волги, оттуда же, какъ изъ центра, началось разселеніе всѣхъ этихъ племенъ. Часть ихъ (финны приволжскіе) осталась на старыхъ мѣстахъ, другая часть двинулась на востокъ къ Уральскому хребту (пермяки и зыряне), а третья направилась къ западу, къ берегамъ Балтійскаго моря и въ Скандинавію.

Что касается родства финно-угровъ съ арійцами, то оно также, по этой теоріи, выводится изъ сходства языковъ той и другой народности. Вотъ что говоритъ объ этомъ авторъ: «Обиліе расмотрѣнныхъ нами словъ, сходныхъ въ индо-европейскихъ и финно-угорскихъ языкахъ, исключаетъ рѣшительно возможность одного лишь случайнаго ихъ совпаденія и заставляетъ предположить, что племена, говорящія на этихъ языкахъ, въ весьма давнія времена находились въ тѣснѣйшей связи. Общепринятое предположеніе, что означенное сходство словъ и корней можетъ быть объяснено заимствованіемъ, оказывается несостоятельнымъ, такъ какъ большинство перечисленныхъ нами словъ выполняютъ два условія, при которыхъ заимствованіе становится крайне невѣроятнымъ: 1) они большею частью весьма распространены, попадаясь какъ у всѣхъ трехъ вѣтвей финновъ, такъ и у угровъ (остяковъ, вогуловъ и венгровъ); 2) очень многія слова выражаютъ

[1]) *Кеппенъ.* Матеріалы по вопросу о первоначальной родинѣ и первобытномъ родствѣ индо-европейцевъ и финно-угровъ. Спб., 1886 г., стр. 209.

самыя простыя понятія, напр., мѣстоименія и степени родства или же обозначаютъ предметы самые обыденные, какъ-то: воду, кожу и т. п. Весьма важно также и то, что сходныя слова большею частью встрѣчаются и въ санскритѣ, т.-е. отличаются своимъ древнимъ образованіемъ. Все это вмѣстѣ убѣждаетъ насъ въ томъ, что связь, существовавшая издавна между европейскимъ и финно-угорскимъ племенемъ, не можетъ быть сведена на одно лишь ближайшее сосѣдство. Связь эта, очевидно, кроется гораздо глубже. Слѣдуетъ предположить, что эти двѣ народности составляли нѣкогда одну нераздѣльную семью и обитали въ одной и той же мѣстности». Этою мѣстностью, по предположеніямъ автора, было, вѣроятно, среднее Поволжье. Къ этому онъ приходитъ на основаніи сходства въ названіяхъ растеній и животныхъ, которыя должны были попадаться на мѣстѣ первоначальнаго совмѣстнаго пребыванія этихъ племенъ. Отсюда часть ихъ двинулась къ югу (будущіе арійцы), именно къ Дону, отъ котораго уже начинается разселеніе собственно арійцевъ. Къ юго-востоку двинулась азіатская группа: армяне, иранцы, индусы, къ сѣверо-западу — европейская группа: кельты, германцы, славяне. Другая часть аріо-финновъ (будущіе угро-финны) направилась къ востоку и остановилась на Уралѣ, гдѣ отчасти смѣшалась съ туземнымъ урало-алтайскимъ населеніемъ, преимущественно предками нынѣшнихъ самоѣдовъ. Отсюда уже начинается ихъ дальнѣйшее разселеніе.

Не только для лингвиста и антрополога интересны эти урало-алтайскія племена. Изученіе ихъ нравовъ, обычаевъ, вѣрованій полно глубокаго интереса и для этнографа, и для историка первобытной культуры. Оттиснутыя своими болѣе сильными сосѣдями въ тундры Сибири, они до сихъ поръ сохранили почти нетронутымъ тотъ складъ жизни, который нѣкогда, во времена доисторическія, переживала вся Европа. Остяки и вогулы, по словамъ изучавшаго ихъ проф. Маліева, находятся на самой низкой ступени развитія и не вышли изъ Тайлоровскаго періода анимизма. Они до сихъ поръ обоготворяютъ различныя силы природы, хотя номинально и считаются православными. «Высшимъ существомъ они считаютъ бога-тора. Живетъ ли этотъ торъ на солнцѣ или есть само солнце, этого себѣ они уяснить не могутъ; о будущей жизни имѣютъ самыя сбивчивыя понятія, повидимому, заимствованныя ими отъ русскихъ, точно такъ же, какъ и понятія о нечистой силѣ или чертѣ; идоловъ своихъ прячутъ въ лѣсу и выставляютъ только во время жертвоприношеній. Эти идолы имѣютъ обыкновенно человѣческую форму и закутаны въ цвѣтные лоскутки матеріи. Приношенія происходятъ въ лѣсу на вычищенной площадкѣ, гдѣ непремѣнно на южной сторонѣ стоитъ каменная скамья или столъ. Ни жрецовъ, ни колдуновъ вогулы не имѣютъ, но каждый домохозяинъ совершаетъ самъ жертвоприношеніе. Приносимое животное тутъ же убивается, сваривается и съѣдается присутствующими». «По разсказамъ многихъ, въ са-

мыхъ неприступныхъ мѣстахъ Лозьвы хранится ихъ главный идолъ. Только мужчины могутъ приближаться къ нему, женщины же подъ страхомъ смерти должны обходить это мѣсто. Одинъ разъ въ годъ всѣ вогулы-мучины собираются въ это священное мѣсто, и здѣсь торжественно приносится въ жертву лошадь, при чемъ присутствующіе пьютъ кровь этого жертвеннаго животнаго. По увѣренію многихъ, этотъ праздникъ празднуется и доселѣ» [1]). Вообще въ своихъ вѣрованіяхъ, —говоритъ другой путешественникъ, Поляковъ, — остякъ — типичный фетишистъ, олицетворяющій величайшую суть мірозданія, результаты строжайшихъ законовъ природы въ грубыхъ издѣліяхъ своихъ рукъ, въ истуканахъ». Насколько грубы и неразвиты ихъ религіозныя воззрѣнія, настолько бѣдна вообще вся ихъ духовная жизнь. «У нихъ нѣтъ никакихъ преданій, никакихъ миѳическихъ героевъ; нѣтъ у нихъ и пѣсенъ. То, что они иногда поютъ подъ музыку незатѣйливаго инструмента шангуръ, есть просто разсказы изъ собственной жизни, ничѣмъ особеннымъ не отличающіеся и даже лишенные всякой поэтической формы и содержанія». Вотъ образчикъ пѣсни, записанной Сорокинымъ: «Иду я по лѣсу зеленому, собака бѣжитъ впереди, а вотъ и большой медвѣдь лѣзетъ на дорожку, и мнѣ надо его убить. Ружье мое хорошо, я въ него попалъ и, ахъ, какъ потекла кровь!..»

Но вогулъ во всякомъ случаѣ не лишенъ здраваго смысла въ своей обыденной жизни и своихъ промыслахъ. Онъ. напр., очень ловкій, смѣтливый охотникъ, рыболовъ. Самъ придумаетъ и иногда довольно остроумные ловушки, западни, самострѣлы и пр. Умѣетъ приручить нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, напр., собаку, иногда оленя, хотя надо замѣтить, что оленеводствомъ занимаются весьма немногіе изъ нихъ, огромное же большинство — осѣдлые охотники. Такимъ образомъ они находятся еще въ стадіи звѣролововъ и до сихъ поръ не возвысились до пастушескаго состоянія. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ какъ бы осколокъ давно минувшаго прошлаго, какъ-бы застывшую на извѣстной ступени развитія переходную форму человѣческой культуры. Подобно везерскимъ троглодитамъ эпохи сѣвернаго оленя, они всеядны; кромѣ рыбъ и птицъ, они ѣдятъ и мясо хищныхъ звѣрей: лисицы, россомахи и даже волка, при чемъ часто ѣдятъ все это въ сыромъ видѣ, не употребляя ни соли, ни какой-либо другой приправы.

Мы не задавались цѣлью писать спеціальный этнографическій очеркъ этихъ племенъ, но думаемъ, что и сказаннаго достаточно, чтобы уяснить себѣ всю важность изученія ихъ не только для антрополога, но и для соціалога и для историка. Сознавая это, Казанское Общество Естествоиспытателей отправило къ вогуламъ въ 1872 г. спеціальную экспедицію для изслѣдованія ихъ образа жизни, экономическихъ условій и физическаго типа.

---

[1]) *Н. Маліевъ*. Отчетъ о вогульской экспедиціи. „Тр. Общ. Естествоисп. при Казан. унив.“, 1872 г., т. III, № 2.

Эта была первая русская экспедиція къ вогуламъ. Къ сожалѣнію, она не увѣнчалась особеннымъ успѣхомъ, по крайней мѣрѣ съ антропологической точки зрѣнія: были измѣрены (и то неполно) только 13 человѣкъ и вывезенъ одинъ черепъ. Кромѣ того, во время бывшей въ Москвѣ антропологической выставки о вогулахъ дѣлалъ докладъ инженеръ Носиловъ. Не будучи антропологомъ, онъ не могъ сообщить никакихъ интересныхъ свѣдѣній. Оригинально только отмѣченное имъ сходство этихъ инородцевъ съ цыганами. Интересно также и слѣдующее его замѣчаніе: «Безпечность вогула къ окружающему и даже къ своей собственной жизни поражаетъ всякаго наблюдателя. Его вѣчная задумчивость, странное желаніе удалиться, жить замкнуто и постоянное тяжелое душевное состояніе приводятъ наблюдателя къ тому заключенію, что вогулу далеко не свойственна окружающая природа, полуосѣдлая жизнь, что для него самыя климатическія условія являются настолько несвойственными, что акклиматизироваться онъ не могъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ» [1]). Этотъ взглядъ на вогуловъ, какъ на сравнительно недавнихъ пришельцевъ въ обитаемой ими нынѣ мѣстности, интересенъ въ томъ отношеніи, что находится въ рѣзкомъ противорѣчіи со взглядомъ другого наблюдателя, проф. Альквиста, который, какъ извѣстно, полагаетъ, что вогулы — весьма древніе поселенцы на этихъ мѣстахъ. Во время той же антропологической выставки сдѣлалъ сообщеніе по интересующему насъ вопросу и проф. Зографъ. По измѣренію одного вогульскаго семейства, привезеннаго на выставку, онъ высказалъ предположеніе, что вогулы, по крайней мѣрѣ бывшіе на выставкѣ, близки по своимъ антропологическимъ признакамъ къ самоѣдамъ и монголамъ [2]). Послѣдняя по времени антропологическая характеристика вогуловъ принадлежитъ проф. Н. М. Малієву [3]). Она основана на изслѣдованіи 13-ти живыхъ особей и 5 череповъ, хранящихся въ Петербургской Академіи Наукъ.

Близкихъ къ вогуламъ остяковъ и самоѣдовъ изучалъ итальянскій ученый Соммье [4]). Данными его мы и воспользовались для нашихъ сравненій.

Обратимся къ разсмотрѣнію краніологическихъ данныхъ, полученныхъ при измѣреніи вышеуказанной коллекціи череповъ вогуловъ.

О размѣрахъ горизонтальной окружности черепа даютъ представленіе слѣдующія цифры:

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 500) . . .	5	11	16
Средніе (501—520). .	8	8	16
Большіе (521 и б.). .	11	2	13

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Minimum	489	477	477
Maximum. . . .	540	528	540
Среднее.	518	502	510

[1]) „Антропол. выставка“, т. II.
[2]) Ibid.
[3]) *Н. Малієвъ.* Вогулы. Антропологическій очеркъ. „Русск. Антропол. Журн.“, 1901 г., № 1.
[4]) *St. Sommier.* Siriéni, Ostiacchi e Samoiedi dell'Ob. Firenze, 1887.

Слѣдовательно, у мужчинъ преобладаютъ большіе размѣры (11 изъ 24), при чемъ замѣчается болѣе или менѣе постепенный переходъ отъ малыхъ размѣровъ (5 изъ 24) черезъ средніе (8 изъ 24) къ большимъ. У женщинъ, наоборотъ, преобладаютъ малые размѣры (11 изъ 21), при чемъ большихъ размѣровъ встрѣчается очень немного (2 изъ 21) и довольно порядочно среднихъ (8 изъ 21).

Выдѣляя изъ данной серіи череповъ долихо- и брахицефаловъ, мы находимъ, что у долихоцефаловъ-мужчинъ преобладаютъ большіе размѣры, у брахицефаловъ-мужчинъ—средніе, у долихоцефалокъ-женщинъ—малые съ довольно значительнымъ процентомъ среднихъ и нѣкоторымъ количествомъ (2 изъ 12) большихъ, у брахицефалокъ же женщинъ почти исключительно малые размѣры (5 изъ 6). Такимъ образомъ, долихоцефалы обоего пола обнаруживаютъ довольно значительную наклонность къ увеличенію размѣровъ горизонтальной окружности, тогда какъ брахицефалы имѣютъ тенденцію къ уменьшенію ея, т.-е. обратно тому, что можно было предполагать à priori, такъ какъ обыкновенно брахицефальный типъ всегда характеризуется большой сравнительно горизонтальной окружностью.

Сравнивая размѣры этой окружности у вогуловъ съ размѣрами ея у другихъ народностей, находимъ: у остяковъ (по даннымъ Соммье) значительное преобладаніе у мужчинъ большихъ и среднихъ размѣровъ надъ малыми, у женщинъ — малыхъ надъ средними и большими; приблизительно то же самое наблюдается и у самоѣдовъ Соммье. У пермяковъ-мужчинъ (по Малієву) преобладаютъ большіе и средніе (6 и 5 изъ 14), у женщинъ— средніе и малые (4 изъ 11) размѣры; у монголовъ-мужчинъ (по Ивановскому [1]) преобладаютъ большіе и средніе, у женщинъ — малые.

Переходя къ методу среднихъ величинъ, а также опредѣляя предѣлы колебаній, мы находимъ, что по своей средней горизонтальная окружность вогульскихъ череповъ довольно близко подходитъ къ средней, вычисленной Соммье для остяковъ (муж. — 518, жен. — 496, общ. средн. — 509) и самоѣдовъ (муж. — 517, жен. — 495, общ. средн. — 511). Нѣсколько болѣе различаются предѣлы колебаній—у вогуловъ: муж. — 489 — 540, жен. — 477 — 528, общ. — 477 — 540; у остяковъ: муж. — 499 — 541, жен. — 474 — 510, общ. — 474 — 541; у самоѣдовъ: муж. — 493 — 545, жен. — 477 — 506, общ. — 477 — 545. Другими словами, какъ по вычисленнымъ среднимъ, такъ и по предѣламъ колебаній въ общемъ вогулы, остяки и самоѣды совпадаютъ; въ особенности это можно сказать про мужчинъ, тогда какъ вогульскія женщины нѣсколько болѣе отличаются отъ женщинъ остяцкихъ и самоѣдскихъ своимъ большимъ развитіемъ горизонтальной окружности. Что касается монгольскихъ череповъ, то мужскіе вогульскіе черепа ближе всего подходятъ къ черепамъ тарбагатайскихъ торгоутовъ

[1] *А. А. Ивановскій.* Монголы - торгоуты. Москва, 1893 г.

520), женскіе — къ черепамъ астраханскихъ калмыковъ (507). Размѣръ колебаній у монгольскихъ череповъ больше въ сторону увеличенія горизонтальной окружности.

Вертикальная окружность. У вогуловъ-мужчинъ преобладаютъ большіе размѣры этой окружности, у женщинъ — средніе и малые, при чемъ и здѣсь, какъ и въ горизонтальной окружности, долихоцефалическій типъ вноситъ тенденцію къ увеличенію размѣровъ окружности. По сравненію съ другими народностями мы замѣчаемъ болѣе всего сходства съ остяками, въ особенности по среднимъ цифрамъ: у остяковъ-мужчинъ — 370, у жен. — 353, общ. средн. — 363; далѣе слѣдуютъ самоѣды: муж.— 359, жен. — 353 (ближе подходятъ самоѣды къ вогуламъ-брахицефаламъ: муж. — 362, жен. — 353); изъ монголовъ по среднимъ величинамъ вогулы всего ближе стоятъ къ астраханскимъ калмыкамъ и почти совпадаютъ въ среднихъ числахъ съ монголами вообще (муж. — 364, жен. — 353, общ. средн. — 360).

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 350) . . .	7	8	15	Minimum	343	346	343
Средніе (351—370). .	8	9	17	Maximum. . . .	385	373	385
Большіе (371 и б.) .	10	2	12	Среднее.	365	356	361

Такимъ образомъ, черепа вогуловъ по величинѣ вертикальной окружности принадлежатъ у мужчинъ къ большимъ и среднимъ, у женщинъ—къ малымъ и среднимъ.

Поперечная окружность. У вогуловъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, рѣшительно преобладаютъ малые размѣры данной окружности; по размѣрамъ ея они всего ближе стоятъ опять къ остякамъ (съ малою окружностью 16 изъ 24 муж. и 14 изъ 21 жен.); довольно близко они подходятъ и къ самоѣдамъ (муж. — 302, жен. — 290), особенно брахицефальный вогульскій типъ (муж. — 304, жен. — 289). Что касается монгольскихъ череповъ, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить преобладаніе малыхъ размѣровъ этой окружности.

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 300) . . .	20	19	39	Minimum	266	267	266
Средніе (301—320). .	3	—	3	Maximum. . . .	322	298	322
Большіе (321 и б.). .	1	—	1	Среднее.	288	286	287

Обращаясь къ черепному указателю, мы видимъ, что какъ по рядовому расположенію, такъ и по среднимъ цифрамъ вогульскіе черепа относятся къ долихоцефаламъ — 59% (настоящихъ долихоцефаловъ — 33%, субдолихоцефаловъ—26%); брахицефаловъ среди нихъ всего 24%.

	М.	Ж.	Общ. ч.	
Долихоцефалы (до 75).	7	5	12	или 26%
Субдолихоцефалы (75,01—77,77) .	8	7	15	„ 33%
Мезоцефалы (77,78—80,00). . . .	5	3	8	„ 17%
Суббрахицефалы (80,01—83,33). .	1	4	5	„ 11%
Брахицефалы (83,34 и б.)	4	2	6	„ 13%

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Min. .	70,00	73,44	70,00
Max .	90.91	86,42	90,91
Разн.	20,91	12,98	20,31
Средн.	78,30	78,39	78,34

Еще болѣе рѣзко выраженную долихоцефалію представляютъ остяки, измѣренные Соммье. У нихъ % настоящей долихоцефаліи доходитъ до 57%, субдолихоцефаліи — до 40%; всѣхъ долихоцефаловъ, слѣдовательно, 97%; остальные 3% падаютъ на долю мезоцефаловъ; ни брахицефаловъ, ни суббрахицефаловъ не встрѣчается между ними вовсе.

Обращаясь къ сравненію съ монгольскими племенами, мы видимъ, что всѣ они—болѣе или менѣе рѣзко выраженные брахицефалы и суббрахицефалы. Что касается самоѣдовъ, то и они въ громадномъ большинствѣ случаевъ брахи- и суббрахицефалы; долихоцефаловъ между ними всего около 7% (Соммье).

Распредѣляя вогульскіе черепа по широтно-высотному указателю, мы замѣчаемъ, что между ними преобладаютъ низко-широкіе, значительно меньше средне-широкихъ; высоко-узкій встрѣтился одинъ только женскій черепъ. Ближе всего къ вогуламъ по разсматриваемому указателю стоятъ остяки, при чемъ и у нихъ, какъ и у вогуловъ, женщины отличаются большимъ количествомъ низкихъ череповъ. Самоѣды превосходятъ даже тѣхъ и другихъ, такъ какъ у нихъ черепа почти исключительно низко-широкіе. Низкіе черепа имѣютъ и монголы.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Низко широкіе (до 92,00). .	16	14	30
Средне-шир. (92,01—98,00) .	8	6	14
Высоко-узкіе (98,01 и б.). .	—	1	1

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Minimum .	76,66	84,99	76,66
Maximum .	96,85	99,99	99,99
Среднее. .	89,40	90,80	90,05

По высотно-продольному указателю значительное большинство мужскихъ череповъ относятся къ платицефаламъ; гораздо меньше между ними ортоцефаловъ и всего меньше гипсицефаловъ. У женщинъ плати- и ортоцефалія встрѣчается почти поровну; процентъ же гипсицефаліи крайне незначителенъ. Еще болѣе рѣзко выраженную платицефалію мы встрѣчаемъ у остяковъ (20 изъ 22 муж. и 14 изъ 15 жен.). Монгольскіе черепа всѣ по преимуществу ортоцефальны, выказывая нѣкоторую, иногда довольно большую (торгоуты), наклонность къ платицефаліи. Точно также ортоцефалами являются и самоѣды.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Платицефалы (до 70,0) . . .	16	9	25
Ортоцефалы (70,01—75,00) .	6	10	16
Гипсицефалы (75,01 и б.). .	2	2	4

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Minimum .	65,57	66,10	65,57
Maximum .	78,73	76,43	78,73
Среднее. .	69,38	71,05	70,17

Суммируя данныя, касающіяся разсмотрѣнныхъ трехъ важнѣйшихъ измѣреній черепа (въ длину, высоту и ширину), мы можемъ сдѣлать такую характеристику угорскихъ финновъ: они являются племенемъ длинноголовымъ по преимуществу, даже при среднихъ размѣрахъ продольнаго діаметра; ихъ черепъ—низко-широкъ и платицефаличенъ. Послѣднее обстоятельство для насъ особенно важно. Въ своемъ изслѣдованіи о финнахъ д-ръ Елисѣевъ, отрицая связь финскихъ череповъ съ болѣе древними курганными изъ сѣверной и средней Россіи, гливнымъ образомъ основывается на довольно рѣзко выраженной длинноголовости послѣднихъ, между тѣмъ какъ черепа современныхъ финскихъ племенъ онъ считаетъ короткоголовыми, съ оговоркой, впрочемъ, для вогуловъ, о длинноголовости которыхъ имѣлись и тогда уже свѣдѣнія, правда, почти ничѣмъ не подтвержденныя. Вотъ это-то и даетъ ему поводъ отрицать сходство финновъ съ древними обитателями Евр. Россіи въ сѣверной и средней ея полосѣ и принять теорію проф. Богданова, по мнѣнію котораго на этихъ мѣстахъ до прибытія туда финновъ жило какое-то длинноголовое племя. Самъ проф. Богдановъ осторожно намекаетъ, что, быть-можетъ, это племя было угорское и что, пожалуй, не совсѣмъ неправъ Европеусъ съ своей теоріей древнѣйшей дофинской (собственно западно-финской) культурой сѣверной и средней Россіи; но тѣмъ не менѣе, Елисѣевъ упорно отрицаетъ выводы Европеуса на изложенномъ выше основаніи короткоголовости современныхъ финскихъ племени и длинноголовости курганныхъ череповъ Россіи. Придерживаясь той же теоріи проф. Богданова, Елисѣевъ считаетъ, что на смѣну неизвѣстному длинноголовому населенію пришли финны и, растворившись въ его средѣ, унаслѣдовали нѣкоторый, правда, незначительный процентъ долихоцефаліи. Затѣмъ уже послѣдней колонизаціей явилась славянская. Къ этимъ-то выводамъ мы и позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько поправокъ, насколько это выяснилось изъ того матеріала, которымъ мы располагали. Во-первыхъ, брахицефалія финновъ вовсе не такая рѣзкая, какъ полагаетъ д-ръ Елисѣевъ. Просматривая каталогъ череповъ Казанскаго университета, гдѣ собраны довольно значительныя краніологическія коллекціи по всѣмъ почти финно-угорскимъ народностямъ, и составивъ сравнительную таблицу для черепного и высотно-продольнаго указателей, мы легко можемъ убѣдиться, что, напр., для чувашей процентъ длинноголовости достигаетъ значительной величины—50%, для курганныхъ мерянскихъ череповъ — 60%, для черемисъ — почти столько же; у эстовъ, слѣдовательно, у коренныхъ западныхъ финновъ число длинноголовыхъ достигаетъ 18%.

Уже это одно ясно говоритъ, что финновъ никоимъ образомъ нельзя считать характерными брахицефалами. Конечно, при современномъ состояніи нашихъ свѣдѣній, нельзя сказать съ полной достовѣрностью, унаслѣдовали ли финны примѣсь длинноголовости отъ своихъ предковъ, или пріобрѣли ее случайно, растворившись въ средѣ болѣе древняго длинноголоваго насе-

ленія Россіи, которое они смѣнили. Второе, что мы считали бы нужнымъ замѣтить, это — то, что курганные долихоцефалическіе черепа (по измѣреніямъ проф. Богданова) ничѣмъ существенно не отличаются по черепному и высотно-продольному указателямъ отъ такихъ же долихоцефаловъ современнаго финно-угорскаго населенія, — они также высокоузки и гипсицефаличны. Поэтому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ д-ра Елисѣева, что эти курганные черепа не имѣютъ ничего финскаго; скорѣе должно признать, что они не имѣютъ ничего угорскаго, такъ какъ вогулы и остяки (угра собственно) имѣютъ черепъ низко-широкій и платицефаличный, т.-е. вовсе не похожи ка курганный высокій. Не можемъ въ заключеніе не обратить вниманія на параллель между долихоцефалами-вогулами и остяками и длинноголовымъ же населеніемъ суджанскихъ кургановъ по измѣреніямъ проф. Богданова, тѣмъ болѣе, что проф. Богдановъ выразилъ мнѣніе о сходствѣ ихъ съ урало-алтайскими финнами, т.-е. съ уграми. Сравненіе среднихъ цифръ нашихъ измѣреній надъ вогулами и Соммье надъ остяками съ измѣреніями череповъ суджанскихъ кургановъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что загадочное племя, кочевавшее нѣкогда въ южнорусскихъ степяхъ, не имѣло ничего общаго съ уграми.

Черепной и высотно-продольный указатели.		Пермяки.	Мордва.	Чуваши.	Черемисы.	Вотяки.	Меря.	Хазары.	Болгары.	Тюрки.	Эсты.
Черепной указ.	Долихоцефалы	4	2	11	6	—	15	1	12	6	} 18
	Субдолихоцефалы . . .	2	1	12	4	4	3	—	9	6	
	Мезоцефалы.	5	5	8	3	3	6	4	7	9	51
	Суббрахицефалы	9	2	10	3	15	4	4	7	4	} 17
	Брахицефалы.	8	15	6	1	14	1	10	—	1	
Выс.-продол.	Платицефалы.	—	3	2	2	—	—	1	1	2	4
	Ортоцефалы	5	16	19	3	7	8	4	10	13	56
	Гипсицефалы.	23	6	23	4	25	11	14	23	10	17

Сопоставляя всѣ изложенныя нами данныя о распространеніи длинноголоваго типа въ Россіи, мы должны прійти къ заключенію, что, несмотря на всѣ указанія лингвистики, слѣдовъ угорскаго типа до сихъ поръ не найдено ни въ курганахъ средней и сѣверной Россіи, гдѣ Европеусъ констатировалъ огромную площадь съ угорскими названіями мѣстностей, ни въ южно-русскихъ степяхъ — этой обширной торной дорогѣ для всѣхъ кочевниковъ, направлявшихся изъ глубины средне-азіатскихъ степей черезъ южные отроги Урала дальше на западъ. Единственное исключеніе соста-

вляютъ т. наз. Фатьяновскіе курганы Ярославской губ., относимые граф. Уваровымъ къ каменному вѣку. Здѣсь, дѣйствительно, встрѣчаются длинноголовые, низко-широкіе и платицефальные черепа, т.-е. сходные съ угорскими черепами. Эта единственная пока и, къ сожалѣнію, не богатая матеріаломъ находка служитъ одинокимъ свидѣтельствомъ о существованіи нѣкогда, во времена отдаленныя, длинноголоваго, низко-широкаго и платицефаличнаго типа, — типа, напоминающаго современный угорскій. Но самый фактъ нахожденія этихъ череповъ въ курганахъ каменнаго или, по крайней мѣрѣ, конца каменнаго и начала бронзоваго вѣка не свидѣтельствуетъ ли о глубокой древности этого типа въ Россіи и не даетъ ли возможность предположить, что угорская культура была самой древней на русской равнинѣ и что лишь позднѣе она была смѣнена другой культурой какого-то высокоголоваго народа, быть-можетъ, и родственнаго финскимъ длинноголовымъ племенамъ? Не говоритъ ли за это сходство фатьяновскаго курганнаго населенія съ современнымъ угорскимъ и культура этого послѣдняго, недалеко ушедшая отъ давно минувшихъ временъ каменнаго вѣка?

Проф. Богдановъ, описывая фатьяновскіе черепа, говоритъ, что они не представляютъ ничего существенно отличнаго отъ курганныхъ же длинноголовыхъ череповъ мерянскихъ могилъ, хотя и не принадлежатъ къ тому же типу (мерянскому). Въ курганныхъ черепахъ Ярославской губ. находится, по его словамъ, значительное количество (около 66%) длинноголовыхъ, остальные — суббрахицефалы и мезоцефалы почти въ равной пропорціи. Считая мерю за финское племя и принимая основнымъ типомъ финскаго племени типъ брахицефальный, слѣдуетъ, такимъ образомъ, брахицефаловъ въ курганахъ Ярославской губ. отнести къ мери, а долихоцефаловъ — къ колонистамъ-не-финнамъ. Фатьяновскіе черепа сходны именно съ этими длинноголовыми ярославскими, и если они древнѣе курганныхъ, то это явится вообще доказательствомъ древности длинноголоваго типа въ Ярославской губ.,— типа, быть-можетъ, предшествовавшаго короткоголовымъ финнамъ. Таково мнѣніе по этому вопросу проф. Богданова. Къ сожалѣнію, имѣющіеся передъ нами факты никакъ не позволяютъ намъ вполнѣ согласиться съ этимъ. Во-первыхъ, фатьяновскіе черепа по своему продольно-высотному и продольно-широтному указателямъ (а также и по другимъ признакамъ) рѣзко отличаются отъ ярославскихъ курганныхъ, считаемыхъ проф. Богдановымъ за мерянскіе. Во-вторыхъ, проф. Богдановъ, раздѣляя ярославское курганное населеніе на долихо- и брахицефаловъ, прямо относитъ послѣднихъ къ мери, т.-е. къ финнамъ, а первыхъ—къ колонизаторамъ—не-финнамъ, исходя только изъ того апріорнаго заключенія, что всѣ финны—короткоголовы. Но мы уже выше высказали сомнѣніе въ такой исключительной принадлежности финновъ къ брахицефальнымъ расамъ, и во всякомъ случаѣ къ этому положенію теперь слѣдуетъ отнестись весьма осторожно, пока вполнѣ не будетъ изученъ финскій черепъ во всѣхъ мно-

гочисленныхъ развѣтвленіяхъ этого племени; руководствоваться же при опредѣленіи принадлежности какого-либо черепа къ финскимъ, имѣя одну мѣрку — брахицефалію, крайне рискованно, тѣмъ болѣе, что мерянскіе или, правильнѣе, принимаемые за таковые, черепа коллекціи Казанскаго университета выказываютъ значительную склонность къ долихоцефаліи.

Итакъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Богданова, что фатьяновскіе черепа показываютъ глубокую древность длинноголоваго типа въ Россіи, — типа, предшествовавшаго даже финской колонизаціи, мы тѣмъ не менѣе должны, съ своей стороны, прибавить, что этотъ типъ предшествовалъ не только короткоголовымъ финнамъ, но также и длинноголовому курганному населенію Ярославской губ. и, во всякомъ случаѣ, никоимъ образомъ не можетъ быть отожествленъ съ этимъ послѣднимъ. Куда же слѣдуетъ отнести этихъ высокихъ долихоцефаловъ ярославскихъ кургановъ? Были ли это племена до-финскія, или, быть-можетъ, сами длинноголовые финны — съ увѣренностью сказать пока невозможно, не рискуя удалиться въ область слишкомъ преждевременныхъ обобщеній. Когда будетъ подробно изученъ этотъ долихоцефальный типъ хотя бы современныхъ чувашей и черемисъ, на этотъ вопросъ можно будетъ дать сколько-нибудь положительный отвѣтъ. Теперь же мы беремъ на себя смѣлость только одно утверждать, что курганный длинноголовый типъ, обнаруженный многочисленными раскопками проф. Богданова, не имѣетъ ничего общаго съ угорскимъ, какъ ошибочно предполагаетъ Европеусъ, и что, напротивъ, черепа болѣе древняго каменнаго длинноголоваго типа фатьяновскихъ кургановъ имѣютъ много общихъ чертъ съ современными угро-остяцкими.

По затылочному указателю вогульскіе черепа относятся къ разряду широко-затылочныхъ, при чемъ у женщинъ очень часто встрѣчается и средне-затылочный указатель. Такую же наклонность къ широко-затылочности представляютъ и сургутскіе остяки, измѣренные Чугуновымъ (14 изъ 23), а также и тобольскіе курганные черепа (7 изъ 11).

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Узко-затылочные (до 73)	1	—	1	Minimum	71,91	74,01	71,91
Средне-затылочные (73—78)	7	10	17	Maximum	86,95	85,38	86,95
Широко-затылочные (78 и болѣе)	14	11	25	Среднее	79,65	78,91	79,29

По лобному указателю преобладаютъ черепа съ большимъ указателемъ, при чемъ у мужчинъ это выражено наиболѣе рѣзко (14 изъ 23), у женщинъ—нѣсколько менѣе (8 изъ 20), т.-е. у мужчинъ нѣсколько болѣе половины, у женщинъ—нѣсколько менѣе; остальная половина почти поровну дѣлится между малыми и средними размѣрами.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 83)	5	7	12	Minimum	76,99	80,35	76,99
Средніе (83—87)	4	5	9	Maximum	97,89	98,88	98,88
Большіе (87 и бол.)	14	8	22	Среднее	88,00	86,35	87,21

Таковъ же характеръ этого указателя и у сургутскихъ остяковъ,— 8 изъ 18 имѣютъ большой лобный указатель. Въ этомъ отношеніи обѣ эти народности рѣзко отличаются отъ курганныхъ пермскихъ и тобольскихъ череповъ, которые всѣ имѣютъ главнымъ образомъ малые размѣры этого указателя, а также и отъ современныхъ тюрко-монголовъ.

Значительное большинство череповъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, имѣетъ средніе размѣры межглазничнаго пространства.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 20)	—	5	5	Minimum	22	18	18
Средніе (21—25)	20	12	32	Maximum	28	27	28
Большіе (26 и б.)	5	3	8	Среднее	24	23	23

По межглазничному пространству наибольшее сходство обнаруживаютъ вогулы съ тюрками и монголами.

По глазничному указателю вогулы низкоорбитны (21 изъ 45), хотя по среднимъ цифрамъ ихъ слѣдовало бы отнести къ средне-орбитнымъ.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 83)	7	3	10	Minimum	77,50	75,00	75,00
Средніе (83—89)	7	7	14	Maximum	95,00	100,00	100,00
Большіе (89 и б)	11	10	21	Среднее	86,80	88,24	87,44

Ближе всего стоятъ вогулы по размѣрамъ глазничнаго указателя къ самоѣдамъ, какъ по рядовому расположенію, такъ и по среднимъ числамъ (муж.—88,76, жен.—87,08); близки также цифры, приводимыя Ивановскимъ для монгольскихъ череповъ.

Большинство вогульскихъ череповъ имѣетъ носовой указатель для мужчинъ малыхъ размѣровъ, для женщинъ — среднихъ.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 48)	13	9	22	Minimum	38,89	42,30	38,89
Средніе (48—53)	9	11	20	Maximum	55,10	55,00	55,10
Большіе (53 и б.)	2	1	3	Среднее	47,71	48,47	48,07

Приблизительно то же наблюдается у остяковъ и самоѣдовъ, и у астраханскихъ калмыковъ (по Ивановскому).

По небному указателю вогулы являются широконебными (26 изъ 40), узконебные встрѣчаются крайне рѣдко (3 изъ 40).

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 71)	1	2	3	Minimum	68,63	68,39	68,39
Средніе (71—77)	5	6	11	Maximum	97,50	100,00	100,00
Большіе (77 и б.)	17	9	26	Среднее	82,33	81,39	81,93

Лицевой указатель въ большинствѣ случаевъ малый, что указываетъ на значительное развитіе лица въ ширину.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 53)	15	11	26	Minimum	43,70	46,77	43,70
Средніе (53—57)	7	5	12	Maximum	59,39	58,67	59,39
Большіе (57 и б.)	2	2	4	Среднее	51,27	51,98	51,58

Сопоставляя цифровыя данныя этого указателя съ такими же данными у другихъ близкихъ къ вогуламъ народностей, мы можемъ убѣдиться, что остяки точно также имѣютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ широкое лицо (14 изъ 17); близки и среднія цифры у остяковъ (муж.—50,57, жен.—51,09); разсматривая лицевой указатель отдѣльно у долихо- и брахицефаловъ, мы не находимъ разницы между тѣми и другими; значительная ширина лица свойственна, слѣдовательно, какъ долихоцефальному, такъ и брахицефальному типу.

Скуловой діаметръ мужскихъ череповъ преимущественно большихъ размѣровъ (14 изъ 22), женскихъ—среднихъ (9 изъ 14).

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 110)	—	—	—	Minimum	119	115	115
Средніе (111—124)	8	9	17	Maximum	140	135	140
Большіе (125 и б.)	14	5	19	Среднее	127	123	126

Среднія величины, выведенныя нами для этого діаметра, вполнѣ совпадаютъ съ такими же величинами монголовъ-торгоутовъ (127 и 127) и нѣсколько менѣе размѣровъ астраханскихъ калмыковъ (127 и 129). Брахицефалы, какъ и слѣдовало ожидать, выказываютъ большую склонность къ скуластости. Остяки (по Чугунову) и самоѣды (по Соммье) имѣютъ еще большую скуластость: 133 для первыхъ и 130 для вторыхъ.

Щечный діаметръ у мужскихъ череповъ среднихъ размѣровъ, со значительной наклонностью къ большимъ, у женскихъ—малыхъ, съ наклонностью къ среднимъ. Наибольшее сходство по размѣрамъ этого діаметра вотяки обнаруживаютъ опять-таки съ остяками; отъ монголовъ (торгоуты: муж. 111, жен.—107, астрахан. калмыки: муж.—114, жен.—107) они значительно отличаются.

Размѣры:	Муж.	Жен.	Общ. ч.		Муж.	Жен.	Общ. ч.
Малые (до 100)	3	11	14	Minimum	97	91	91
Средніе (101—110)	15	8	23	Maximum	116	112	116
Большіе (111 и б.)	6	1	7	Среднее	107	101	104

Выдѣливши изъ всей серіи череповъ брахицефаловъ, мы получимъ для этихъ послѣднихъ цифры, очень близкія къ такимъ же монгольскихъ череповъ—113 и 114.

По хребетному указателю вогульскіе черепа относятся: мужскіе—къ узкохребетнымъ и женскіе — къ среднехребетнымъ. Брахицефалы

по этому указателю ничѣмъ не отличаются отъ долихоцефаловъ. Въ этомъ отличіе нашихъ череповъ отъ остяцкихъ, у которыхъ короткоголовому типу свойственна широкохребетность; впрочемъ, и по среднимъ цифрамъ хребетнаго указателя вогулы сильно разнятся отъ сургутскихъ остяковъ (муж.—85,22, жен.—82,17). Кромѣ того, для вогульскихъ женщинъ характерна широкохребетность при узкохребетности мужчинъ, у остяковъ—наоборотъ: среднехребетность женщинъ при широкохребетности мужчинъ; другими словами, у вогуловъ женщины имѣютъ большую ширину хребта по сравненію съ мужчинами, у остяковъ — меньшую. Въ послѣднемъ случаѣ вогулы сходны съ монголами (астраханскіе калмыки), у которыхъ также узкохребетность характеризуетъ мужчинъ, среднехребетность—женщинъ.

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Микроземы (до 82)	20	8	28
Мезоземы (82—86)	2	5	7
Мегаземы (86 и б.)	2	8	10

	Муж.	Жен.	Общ. ч.
Minimum	73,67	71,79	71,79
Maximum	90,90	92,94	92,94
Среднее	80,76	83,70	82,13

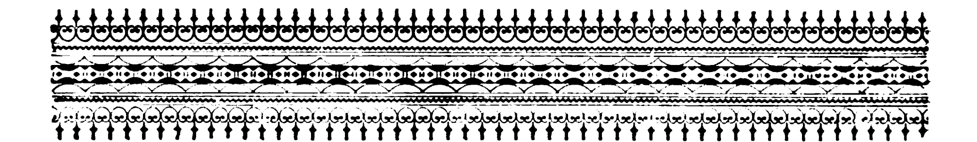
Попытаемся на основаніи разсмотрѣнныхъ краніологическихъ признаковъ вогуловъ и остяковъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Остановимся сначала на монгольскихъ признакахъ этихъ двухъ народностей. По среднимъ цифрамъ мы не замѣтимъ, конечно, особеннаго сходства; но, располагая наши черепа въ ряды и раздѣляя эти ряды на группы: большихъ, среднихъ и малыхъ величинъ, а также выдѣляя изъ данной серіи череповъ долихо-и брахицефаловъ, мы должны прійти къ заключенію, что нашъ брахицефальный типъ носитъ на себѣ значительный отпечатокъ монголизма. Само собою разумѣется, что сравнительно небольшая примѣсь этого брахицефальнаго типа исключаетъ возможность приписать этимъ двумъ племенамъ въ цѣломъ монгольское происхожденіе, но фактъ болѣе или менѣе рѣзкой обособленности этихъ двухъ типовъ не говоритъ ли въ пользу того, что современная вогульско-остяцкая раса, быть-можетъ, создалась изъ двухъ типовъ: какого-то загадочнаго длинноголоваго, неясныя указанія на который даютъ наши фатьяновскіе курганы, и брахицефальнаго—монголоиднаго; что эти два типа еще не успѣли вполнѣ слиться и своей рѣзкой обособленностью какъ бы даютъ еще изслѣдователю указаніе на самый процессъ образованія современнаго племени,—процессъ, имѣвшій мѣсто въ далекомъ прошломъ, но не законченный еще и теперь. Какъ бы то ни было, но даже и это слишкомъ неполное изслѣдованіе угорскаго типа не позволяетъ намъ вполнѣ отождествить его съ чистымъ финскимъ типомъ, хотя бы даже одной его восточной вѣтви. Этотъ типъ настолько оригиналенъ въ своихъ существенныхъ чертахъ, что по справедливости долженъ быть выдѣленъ въ особую группу—угорскую. Длинный и низкій черепъ, съ широкимъ, скуластымъ лицомъ и вообще съ ясными чертами монголизма — вотъ его краткая характеристика. Откуда пришелъ этотъ типъ, гдѣ его прародина, мы не знаемъ, но неясные слѣды его въ немногочисленныхъ находкахъ фатьянов-

скихъ кургановъ каменнаго вѣка указываютъ на его глубокую древность. Отсутствіе его въ позднѣйшихъ курганахъ какъ бы указываетъ на то, что ему пришлось уступить мѣсто другимъ, болѣе позднимъ пришельцамъ, быть-можетъ, финскаго типа. Мы должны его счесть насельникомъ до-финскаго періода и древнѣйшимъ на этихъ мѣстахъ. Сопоставленіе антропологическихъ данныхъ съ данными лингвистики даетъ намъ нѣкоторый новый ключъ къ пониманію древнѣйшей колонизаціи сѣверной Россіи. Пользуясь этими данными, мы можемъ—въ общихъ, конечно, чертахъ—набросать слѣдующую картину постепеннаго заселенія сѣвера русской равнины. Въ концѣ каменнаго и началѣ бронзоваго вѣка въ сѣверной и средней Россіи жило какое-то длинноголовое племя угорскаго типа, т.-е. съ низкимъ, длиннымъ черепомъ, съ широкими скулами, низкими орбитами, широкимъ затылкомъ и узкимъ затылочнымъ отверстіемъ. Фатьяновскіе курганы являются почти единственнымъ фактическимъ подтвержденіемъ существованія этого, или близкаго къ нему, типа. На смѣну ему появились длинноголовыя племена ярославскихъ, тверскихъ, владимирскихъ и др. кургановъ, но уже съ черепомъ высокимъ и болѣе узкимъ лицомъ, быть-можетъ, финскаго типа, быть-можетъ, какого-нибудь другого, пока намъ неизвѣстнаго. Этотъ типъ былъ, въ свою очередь, смѣненъ короткоголовымъ, уже несомнѣнно финскимъ, а длинноголовый угорскій типъ, т.-е. современные вогулы и остяки или угры нашихъ лѣтописей были оттиснуты на сѣверъ, къ притокамъ Сѣверной Двины. Въ такомъ видѣ застали русскую равнину славяне. Послѣ долгой и упорной борьбы они оттѣснили югру за Уралъ, въ тѣ мѣста, гдѣ она живетъ и понынѣ; остальныя же собственно финскія племена стали постепенно растворяться въ средѣ многочисленнаго и, вѣроятно, болѣе культурнаго славянскаго элемента. Тѣ же изъ нихъ, которые не успѣли совершенно слиться съ новыми пришельцами, были ими оттиснуты частью на сѣв.-западъ, на берега Балтійскаго моря, частью на востокъ, за Волгу и даже къ Уральскому хребту.

Что касается первоначальной родины финно-угорскаго племени, то, какъ нами было уже указано, мнѣнія финнологовъ по этому вопросу расходятся. Одни изъ нихъ выводятъ это племя изъ Азіи, другіе—изъ восточной Европы. Присутствіе многихъ монгольскихъ чертъ даже въ длинноголовомъ типѣ вогуловъ и остяковъ, ихъ близкое сходство съ самоѣдами, наконецъ, полное отсутствіе такого типа въ современномъ европейскомъ населеніи и, наоборотъ, довольно обширное его распространеніе въ сѣверной и средней Азіи,—все это говоритъ въ пользу первой, азіатской, теоріи происхожденія угро-финновъ. Наоборотъ, къ западу, къ берегамъ Балтійскаго моря, этотъ азіатскій типъ постепенно исчезаетъ, и на смѣну ему появляется другой, близкій къ арійскому. Данныя лингвистики, въ свою очередь, указываютъ на родство финскаго и арійскаго языковъ и на общность древнѣйшей культуры того и другого племени. Съ этой точки зрѣнія

финновъ слѣдуетъ считать племенемъ европейскимъ, пославшимъ лишь отдѣльныя вѣтви въ глубь Азіи, до подножія Алтая и Саяна на югѣ и до Ледовитаго океана на сѣверѣ. Быть-можетъ, здѣсь просто столкнулись два противоположныхъ теченія: одно—европейское, аріо-финское, другое—азіатское, финно-угорское, которыя, объединившись на почвѣ общаго языка, не успѣли пока еще слиться въ одинъ физическій типъ. Во всякомъ случаѣ, какъ нами выше было указано, вполнѣ отожествлять эти два физическихъ типа—финскій и угорскій—едва ли возможно. Самое названіе «финно-угровъ» должно быть отнесено исключительно къ языку, а никакъ не къ племенному типу, такъ какъ такого единаго типа нѣтъ. Угорскій типъ слишкомъ оригиналенъ, чтобы его можно было смѣшать съ финскимъ, и ему по справедливости слѣдуетъ отвести особое мѣсто. Точно также лишено, по нашему мнѣнію, всякихъ научныхъ основаній отожествленіе угровъ и нынѣшнихъ мадьяръ, потомковъ полчищъ Атиллы. По физическимъ признакамъ эти два типа совершенно различны.

И. Силиничъ.

Этническія отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ по древнимъ, преимущественно китайскимъ, историческимъ извѣстіямъ.

*(Продолженіе *).*

Г. ѢДА, ИДАНИ, ХЕФТАЛЫ, ХАЙТАЛЫ, ЯФТАЛЫ.

а) Свѣдѣнія объ ѣда „Вэй-шу“, „Чжеу-шу“, „Суй-шу“ и „Бэй-шы“.

Въ свѣдѣніяхъ «Вэй-шу» о западныхъ странахъ имѣется особая статья «Ѣда»; въ исторіи династіи Чжеу также есть такая статья, содержащая свѣдѣнія за время этой династіи (534—583 г.г., въ томъ числѣ 534—557 г.г. времени западной династіи Юань-Вэй); наконецъ, въ «Бэй-шы» статья Ѣда содержитъ свѣдѣнія какъ за время Юань-Вэй, Ци и Чжеу, такъ и за время династіи Суй. Ниже мы увидимъ, что «Вэй-шу» въ томъ видѣ, какъ теперь имѣется исторія династіи Юань-Вэй, есть лишь воспроизведеніе относящихся до этой династіи свѣдѣній «Бэй-шу». Вслѣдствіе этого я изложу нужныя свѣдѣнія объ ѣда по переводу «Бэй-шы» Іакинфа («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 177 и слѣд.), приводя, въ случаяхъ отличій, переводъ Шпехта изъ «Вэй-шу», при чемъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что китайскіе подлинники одинаковы, такъ какъ Шпехтъ никакихъ разницъ текста «Вэй-шу» отъ текста «Бэй-шы» не указалъ.

«Владѣтельный Домъ Ѣда происходитъ отъ одного рода съ Большимъ Юечжы. Другіе сказываютъ, что Ѣда есть отрасль Гаогюйскаго племени. Вначалѣ сей Домъ показался за сѣверною границею, отъ Алтайскихъ горъ на югъ, отъ Хотана на западѣ. Столицу имѣлъ въ 200 ли отъ рѣки Ухюй на югѣ, отъ Чань-ань въ 10.000 ли». По Шпехту (Journal asiatique, 1883, t. II, p.p. 339—343): Les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi; d'autres disent que c'est une branche particulière des Kao-Tché. Ils sont originaires des pays qui sont au nord de la Grande Muraille;

*) См. „Русск. Антроп. Журн.“, кн. XVII—XVIII.

et au sud du Kin-chan, d'où ils sont partis, ils vinrent, en passant à l'ouest du Khotan, établir la résidence de leur chef à 200 li au sud de la rivière Ma-hiu [1]) à 10.100 li de Tchang-ngan.

По завѣренію Шпехта, въ T'oung-Tièn, — гдѣ въ остальномъ статья объ ѣда мало отличается отъ статьи въ «Вэй-шу» редакціи Леу Шу, жившаго въ 1052—1078 г.г., въ которой она до насъ дошла и которая служитъ подлинникомъ перевода Шпехта, — есть слѣдующее: Des monts Kin-chan, ils passèrent à l'ouest du Khotan, sous le règne Wen-tch'ing-ti des seconds Weï (452—465), il y a de cela quatre-vingts à quatre-vingt-dix ans. По этому поводу Шпехтъ замѣтилъ: Le T'oung-tièn fut composé par T'ou-yeou, qui vivait au commencement de IX-e siècle; il ne peut donc reproduire dans ce passage de l'histoire des Weï que le texte non remanié de Weï-cheou (p. 340, note 2), жившаго при сѣверной династіи Ци, существовавшей съ 550 по 577 г. (p. 339, note 3). Признавшій въ виду этого, что по точнымъ извѣстіямъ «Вэй-шу», какъ они сохранились въ «Тунъ-тіенъ», ѣда двинулись отъ горъ Гинь-шань въ царствованіе «Вень-ченъ-ди» (Ērānšahr, 1901, S. 59), д-ръ Маркквартъ нашелъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что такъ какъ юань-вэйскія извѣстія объ этихъ странахъ восходятъ, какъ видно изъ показанія возраста ступы въ Пурушапурѣ, къ 8 году (правленія) Ву-динъ, т.-е. къ 550 г., то въ виду указанія «Тунъ-тіенъ» о томъ, что со времени движенія ѣда отъ Гиньшаня до составленія о семъ событіи извѣстій протекло 80—90 лѣтъ, для переселенія ѣда получаются 460—470 годы (тамъ же, Anm. 3).

Въ моихъ краткихъ свѣдѣніяхъ о «Вэй-шу» («Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 4, стр. 19) сказано, что исторія династіи Юань-Вэй «была первоначально составлена ученымъ Вэй Шеу во время династіи Ци», но «до насъ сохранилась лишь ея передѣлка, относящаяся ко времени сунской [2]) династіи». Между тѣмъ въ 1901 г., въ своей рецензіи на трудъ Маркварта Ērānšahr (J. as., 1901, t. XVIII, p. 552) и затѣмъ въ Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux (St.-Pétersbourg, 1903, p.p. 99—100) проф. Эд. Шаваннъ выяснилъ, что, какъ видно изъ біографіи Вэй Шеу, помѣщенной въ «Бэй-Ци-шу», указъ составить исторію дин. Юань-Вэй послѣдовалъ ему въ 551 г., представилъ же онъ изготовленную имъ «Вэйшу» въ 554 году и состояла она всего изъ 130 главъ (или книгъ); что въ нынѣ существующей «Вэй-шу» всего только 114 главъ, такъ что она не дошла до насъ въ томъ составѣ, какой далъ ей Вэй-шеу; что «Вэй-шу» была пересоставляема

---

[1]) Le Margus. Ma-Touan-lin écrit Ou-hiu (Oxus). Это примѣчаніе Шпехта. Съ своей стороны, считаю не лишнимъ упомянуть, что въ изложеніи этого же мѣста „Вэй-шу" у Паркера (Imp and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p. 146) рѣка названа Uhu и признается Паркеромъ за древній Охусъ.

[2]) Въ подлинникѣ опечатка „суйской" и сверхъ того упущена ссылка (кромѣ трехъ указанныхъ въ примѣч. 3 источниковъ) на статью проф. Шпехта въ Journal asiatique, 1883, t. II, p. 339, note 3.

во время династіи Сунъ и при этомъ болѣе тридцати недостающихъ (?) главъ были вновь составлены особой комиссіею ученыхъ подъ предсѣдательствомъ Фань Цу-юй; что, — какъ значится въ критическихъ примѣчаніяхъ изданія, произведеннаго въ правленіе Цянь-лунъ, — главы 102 нынѣшней «Вэй-шу», содержащей свѣдѣнія о западныхъ странахъ, не доставало въ исторіи Вэй Шеу и ее сполна списали съ главы «Бэй-шы» о западныхъ странахъ за исключеніемъ ея конца, начиная съ владѣнія Ань; и что такимъ образомъ 102 глава имѣющейся «Вэй-шу» о западныхъ странахъ не имѣетъ значенія въ качествѣ самостоятельнаго источника. Къ этому г. Шаваннъ добавилъ, подтверждая это примѣрами, что и въ видѣ копіи пользованіе данною главою «Вэй-шу» не безопасно, такъ какъ въ ней есть передѣлки текста «Бэй-шы», состоящія въ неправильномъ измѣненіи датъ событій времени другихъ династій на юань-вэйскія, и т. п. Къ этому необходимо прибавить, что по болѣе точнымъ, чѣмъ имѣвшіяся доселѣ въ европейской литературѣ, свѣдѣніямъ проф. Шаванна (Documents etc., 1903, p. 100), «Суй-шу» окончена въ 636 г., а «Бэй-шу» около 644 г. Наконецъ, по проф. Хирту (Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, B. X, 1896, S. 231), за неимѣніемъ другихъ болѣе точныхъ свѣдѣній, «Чжеу-шу» (558—581 г.г.) составлена одновременно съ «Суй-шу», время составленія которой имъ отнесено къ 629—644 г. Такъ какъ въ «Бэй-шу», въ главѣ или книгѣ ея о западныхъ странахъ, судя по имѣющимся переводамъ, воспроизведены почти буквально всѣ статьи «Суй-шу» о западныхъ странахъ, начиная съ владѣнія Канъ, въ нѣсколькихъ же изъ предшествующихъ статей, очевидно, включены свѣдѣнія, заимствованныя изъ «Суй-шу», то «Суй-шу» должна была выйти раньше «Бэй-шы», т.-е. не въ 644, а въ 636 году, какъ утверждаетъ г. Шаваннъ, а такъ какъ въ ней имѣются и свѣдѣнія, находящіяся въ «Чжеу-шу», то слѣдуетъ полагать, что и «Чжеу-шу» составлена раньше «Бэй-шы» и могла служить для нея источникомъ. Составитель «Бэй-шу» пользовался, какъ извѣстно (между прочимъ см. Шаванна Documents etc., p. 100), матеріалами, собранными его умершимъ въ 628 г. отцомъ, намѣревавшимся писать исторію Китая за то же время, а потому надо полагать, что авторъ «Бэй-шу» непремѣнно имѣлъ въ числѣ своихъ матеріаловъ какъ исторію Вэй Шеу, вышедшую въ 554 г., такъ и исторію той же династіи Юань-Вэй, составленную при суйской династіи ученымъ Вэй Дань (Іакинфъ въ «Собр. свѣд.», ч. I, «Предувѣдомленіе», стр. XVI), а также исторіи все той же династіи танскихъ ученыхъ Чжанъ Да-со и Пхэй Ань (тамъ же, стр. XVII), если онѣ были составлены до 644 г., и даже исторію дин. Юань-Вэй, которую составлялъ ранѣе Вэй Шеу ученый Tçoui-hao, какъ это видно изъ Histoire générale de la Chine de Moyriac de Mailla (Paris, 1777, t. I, Préface, p. XXXIV). Сверхъ того составитель «Бэй-шу» могъ пользоваться записками и сочиненіями, до насъ не сохранившимися, подобно тому, напр., какъ состави-

тели «Танъ-шу» включили въ свои описанія западныхъ странъ свѣдѣнія изъ «Записокъ» извѣстнаго буддійскаго паломника Сюань Цзана, какъ мнѣ приходилось уже упоминать, и изъ записокъ взятаго въ 751 г. въ плѣнъ арабами на Таласѣ Ту Хуана (см. проф. Хирта Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, S.S. 370—72), и мы объ этихъ источникахъ, вѣроятно, совсѣмъ не знали бы, если бы «Записки» Сюань Цзана не сохранились до насъ въ подлинникѣ, а изъ записокъ Ту Хуана не оказалось извлеченій въ компиляціи X вѣка T'oung-Tien.

Въ виду неуказанія въ излагающей свѣдѣнія о западныхъ странахъ главѣ или книгѣ «Бэй-шы» на источники и за отсутствіемъ какихъ-либо свидѣтельствъ объ этихъ источникахъ, мы можемъ въ настоящее время съ достовѣрностью считать источниками свѣдѣній статьи «Бэй-шы» объ ѣда только тѣ китайскія историческія сочиненія, которыя дошли до насъ, но существовали вмѣстѣ съ тѣмъ ранѣе 644 г., т.-е. до появленія «Бэй-шы». Такими оказываются, сколько мнѣ извѣстно, только «Чжеу-шу» и одновременно, по Хирту, составленная съ нею, т.-е. въ 636 г., «Суй-шу». Статья первой объ ѣда начинается слѣдующимъ образомъ, по переводу проф. Шпехта (J. asiatique, 1883, II, p. 344): «Владѣніе Ѣда (des Yé-tha) находится на западѣ отъ Юйтяни (Хотана) и въ 10 т. ли на востокъ (описка переводчика или подлинника вмѣсто «на западъ») отъ Чанъ-ань. Жители (les habitants) этой страны происходятъ отъ племени Б. Юечжы» (sont de la race des Ta-Yué-tchi).

Въ статьѣ «Суй-шу» Идань («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 203), въ переводѣ Пфицмайера Yi-tan (Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse, B. 97, 1880, S. 468) и въ переводѣ Шпехта (J. a., 1883, II, p. 346) Yi-ta, значится: «Резиденція иданьскаго владѣнія лежитъ въ 200 ли отъ рѣки Уху (Пфицмайеръ U-hu, у Шпехта les Yi-ta habitent au sud, et à 200 li environ de la rivière Ou-hiu, т.-е. Oxus). Иданьскій Домъ есть отрасль Большого Юечжы (по Пфицмайеру: Die Bewohner sind ein Stamm des Grossen Yue-tschi. По Шпехту: ils sont de la race des Grand Yué-tchi). Приведемъ, наконецъ (по переводу Іакинфа въ «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 256, и Шаванна въ Documents etc., p. 158), свѣдѣнія объ ѣда-иданяхъ «Танъ-шу», исторіи династіи, при которой ѣда прекратили историческое существованіе, исторіи, въ которой можно видѣть окончательно выработавшееся у китайскихъ историковъ мнѣніе объ этническихъ отношеніяхъ этого народа: «Домъ Идань есть отрасль Большого Юечжы, извѣстнаго еще при династіи Хань (въ изложеніи Паркера, p. 151, Yih-tah State is of the Ta Yüeh-chï seed in Han times). Большой Юечжы, вытѣсненный усуньцами (изъ бывшихъ земель сэйцевъ въ Тяньшанѣ и на его сѣверныхъ подножіяхъ), удалился на западъ, прошелъ Давань, напалъ на Дахя и покорилъ сіе владѣніе, а мѣстопребываніе утвердилъ въ городѣ Ланьшы. *Дахя* есть *Тухоло*; прозваніе владѣтеля

было *Ѣдэ* (Паркеръ: Yeh-t'ah is the King's family name). Потомки прозваніе превратили въ названіе государству, а Ѣдэ — въ *Иданъ* или *Идянъ*. Обыкновенія сходны съ дулгаскими (тюркскими). Въ срединѣ правленія Тьхянь-бао, 748, отправилъ посланника къ Двору съ данію». «Le royaume des *I-ta* (Hephthalites) est de la race des *Ta Yue-tche* de l'époque des Han; les *Ta Yue-tche*, ayant été dépouillés par les Ou-suen, traversèrent à l'ouest (le pays de) *Ta-yuan*, attaquèrent les *Ta-hia* et les asservirent; leur capitale fut la ville de *Lan-che*; les *Ta-hia* ne sont autres que le *T'ou-ho-lo* (Tokharestan). *Ye-ta* était le nom de famille du roi; ses descendants firent de ce nom de famille celui du royaume; ce nom est devenu *I-ta* par corruption; on dit aussi *I-t'ien*. Les moeurs (de ce peuple) sont les mêmes que celles des Tou-kiue (Turcs). Pendant la periode *T'ien-pao* (742 — 755), (les Hephthalites) envoyèrent (une ambassade) rendre hommage et apporter tribut».

Изъ приведенныхъ въ переводахъ текстовъ ясно, что положительное утвержденіе «Бэй-шы» о происхожденіи ѣда отъ б. юечжей уже содержалось въ составленныхъ ранѣе «Чжеу-шу» и «Суй-шу». Почерпнули ли составители «Чжеу-шу» и «Суй-шу» это заключеніе изъ свѣдѣній китайскихъ посольствъ и изъ показаній посольствъ отъ ѣда-иданей и другихъ западныхъ владѣній или изъ литературныхъ источниковъ своего и предшествующаго времени, въ томъ числѣ и изъ существовавшихъ уже нѣсколькихъ редакцій «Вэй-шу»—все это неизвѣстно. Нѣтъ, однако, никакихъ основаній не допускать, что какъ эти династійныя исторіи, такъ и первоначально составленная въ X в. «Танъ-шу», принимали въ соображеніе какъ свѣдѣнія своего времени, такъ и историческіе и литературные источники предшествующихъ династій. Если же сверхъ того не оставить безъ вниманія, что послѣ ханьскихъ династій суйская и танская обнаруживали наибольшій интересъ къ собиранію свѣдѣній о западныхъ странахъ и имѣли при томъ наибольшую къ полученію ихъ возможность,—ибо суйскій императоръ Янъ-ди (605—616 гг., правленіе Даѣ) самъ посылалъ нѣсколько посольствъ на западъ, между прочимъ въ Персію и Гибинь («Суй-шу» въ переводѣ Іакинфа въ «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 191 и 206), а танская династія возвратила подъ власть Китая нынѣшній Вост. Туркестанъ и подчинила себѣ земли западныхъ тюрковъ, ведя затѣмъ частыя и постоянныя сношенія съ странами Аральскаго бассейна, считавшимися въ вассальныхъ болѣе или менѣе къ ней отношеніяхъ,—то слѣдуетъ признать, что согласное показаніе трехъ династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей можетъ почитаться соотвѣтственнымъ дѣйствительности, до тѣхъ по крайней мѣрѣ поръ, пока не будетъ опровергнуто достаточными данными. Цитированные мною переводы нѣсколько отличны между собою, вслѣдствіе прибавки Іакинфомъ, напр., слова «Домъ», когда рѣчь идетъ о народѣ, а также употребленія французскими переводчиками выраженія, въ составъ котораго входитъ слово la race, имѣющее

разнообразныя значенія, и проч., но китайскіе подлинники, вѣроятно, очень близки между собою, если не тождественны совершенно. Наиболѣе полонъ и ясенъ текстъ «Танъ-шу», по которому ѣда признаются за потомство б. юечжей, принявшее имя ѣда отъ имени одного изъ позднѣйшихъ своихъ царей. Поэтому вмѣсто «владѣтельный Домъ Ѣда происходитъ отъ одного рода (?) съ Б. Юечжы», а также вмѣсто «les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi» и т. д. слѣдовало бы, можно думать, переводить: «ѣдасцы происходятъ отъ б. юечжы». Таковъ во всякомъ случаѣ смыслъ разсматриваемыхъ свѣдѣній четырехъ династійныхъ исторій.

Выразивъ положительно, что ѣда'сцы происходятъ отъ б. юечжійцевъ или являются потомками послѣднихъ, «Бэй-шы» приводитъ однако, не указывая источниковъ и не объясняя, кому именно оно принадлежитъ, и иное мнѣніе: «Другіе сказываютъ, что ѣда есть отрасль гаогюйскаго племени». Слѣдующая затѣмъ фраза,—въ переводѣ которой Іакинфъ и Шпехтъ, слѣдовавшій Ст. Жюльену, переводившему Матуаньлиня, сильно разнятся, а потому весьма желателенъ и необходимъ новый тщательный переводъ,— должна была входить въ составъ сказаніи «другихъ» и относиться къ ѣда, признаваемымъ за одинъ изъ родовъ или племенъ гаогюйцевъ, такъ какъ, во-первыхъ, эта фраза или фразы слѣдуютъ непосредственно за сказаніемъ «другихъ», и такъ какъ, во-вторыхъ, къ ѣдасцамъ, происходящимъ отъ б. юечжей, сѣверъ, Великая стѣна, Хотанъ не имѣютъ никакого отношенія: коль скоро ѣда происходятъ отъ б. юечжы, они являются потомствомъ народа, обитавшаго на Аму-дарьѣ, предки же ихъ, б. юечжи пришли сюда за нѣсколько вѣковъ до юань-вэйской династіи, притомъ въ то время, когда Великой Стѣны на югѣ отъ Алтая еще не было, ибо стѣна эта возведена была въ отнятыхъ Китаемъ у хунновъ земляхъ, съ которыхъ они прогнали юечжей, много лѣтъ спустя послѣ ухода юечжей въ Тяньшань и затѣмъ на Аму-дарью. Поэтому въ сказаніи о ѣда, какъ особомъ родѣ или племени гаогюйцевъ, могло бы значиться что-нибудь въ такомъ родѣ: первоначально этотъ народъ обиталъ на сѣверѣ отъ Великой Стѣны, на югѣ отъ Алтая, отсюда же перешелъ (въ нынѣшнюю его страну) на западъ отъ Хотана.

Продолжаю изложеніе статьи «Бэйшы» Ѣда по тѣмъ же переводамъ: «Владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ Бадіянь. Городъ сей есть дворецъ владѣтеля; въ окружности содержитъ около десяти ли. Въ немъ множество храмовъ и обелисковъ (т.-е. ступъ) буддійскихъ, и всѣ украшены золотомъ». По переводу Шпехта (р. 340): Leur roi faisait sa résidence dans la ville de Pa-ti-yan, qu'on nommait Ouang-ché-tching, ou la ville de la maison du roi. Cette ville avait plus de 10 li en carré; on y voyait beaucoup de temples et de tours bouddhiques, tous ornés d'or. Проф. Шаваннъ переводитъ первую фразу: Leur capitale royale Pa-ti-yen n'est autre que la ville de la résidence royale (Documents etc., 1903, p. 224,

note 5). Для сличенія привожу продолженіе статьи Ѣда изъ «Чжеу-шу» въ переводѣ Шпехта (p. 344): «Leur roi faisait sa résidence dans la ville de Pa-ti-yan, qu'on nommait Ouang-ché-tching ou la ville de la maison du roi. Cette ville avait plus de 10 li en carré». Вотъ еще изъ статьи «Суй-шу» *Идань* («Собр. свѣдѣній», 3, стр. 203): «Резиденція имѣетъ десять ли окружности. Много храмовъ и священныхъ обелисковъ, и всѣ украшены золотомъ». Оказывается, что все, относящееся къ столицѣ, склеено въ «Бэй-шы» изъ свѣдѣній «Суй-шу» и «Чжеу-шу»: «Столицу имѣлъ въ 200 ли отъ рѣки Ухюй на югѣ» взято изъ «Суй-шу» о столицѣ Идани, продолженіе же «отъ Чанъ-ань въ 10 т. ли» почерпнуто изъ «Чжеу-шу». Для правильности подобнаго соединенія свѣдѣній изъ разныхъ источниковъ необходимо, чтобы они относились къ одному и тому же предмету и притомъ приблизительно одного и того же времени. Между тѣмъ въ «Чжеу-шу», какъ увидимъ ниже, значится, что послѣднее посольство отъ Ѣда прибыло въ 558 г., а затѣмъ сношенія прекратились вслѣдствіе уничтоженія ихъ владычества тюрками; свѣдѣнія же «Суй-шу» объ Идани, видимо, относятся къ правленію Даѣ (605—616), ибо въ статьѣ этой упоминается о присылкѣ въ Китай изъ Идани единственнаго посланника именно въ это время. Свѣдѣнія «Чжеу-шу» относятся, слѣдовательно, ко времени около половины VI в., когда Ѣда имѣли могущественное царство, простиравшееся отъ Хотана до Персіи, суйскія же свѣдѣнія имѣютъ въ виду Ѣда-иданей въ началѣ VII стол., когда они составляли маленькое владѣніе, подвластное тюркамъ. Можетъ быть, столица Ѣда Батіянь не была уже безыменною столицею иданей въ суйское время. Батіянь напоминаетъ Боти въ Тухуло, столицею же иданей суйскихъ временъ могъ быть нынѣшній Гори, какъ будетъ выясняться ниже.

Далѣе читаемъ въ «Бэй-шы»: «Обыкновенія нѣсколько сходны съ дулгаскими обыкновеніями (у Паркера, p. 146, the customs are rather like those of the Turks). Братья имѣютъ одну жену. Жена мужа, не имѣющаго братьевъ, т.-е. одномужняя, носитъ шляпу съ однимъ угломъ; многомужняя же умножаетъ число угловъ по числу братьевъ; на одѣяніи нашиваетъ такое же число кистей. Остригаютъ волосы на головѣ. Языкъ жителей совершенно отличенъ отъ языковъ и жужаньскаго, и гаогюйскаго и тюркскаго» (по Паркеру, p. 147, their language is different from the speech of the Geougen, Hiqh Carts, and the various Hu). Въ кит. подлинникѣ стоитъ «ху», а это слѣдовало перевести не «тюркскаго», какъ неточно переводилъ Іакифъ, а «варваровъ», какъ у Ст. Жюльена, или «всѣхъ сѣверныхъ варваровъ», какъ видимъ у Д. М. Позднѣева («Историческій обзоръ уйгуровъ», Спб., 1889 г., стр. 37). По переводу Шпехта (p. 341): «Les moeurs des habitants se rapprochent de celles des Tou-kioue (Turcs). La coutume est que les frères aient en commun une même femme. Si un mari n'a pas de frères, sa femme porte sur la tête un bonnet qui n'a

qu'une seule corne; s'il a des frères, le bonnet prend plusieurs cornes, en proportion du nombre de ces derniers. Ils ajoutent à leurs vêtements des rubans et des cordons. Ils se coupent les cheveux ras. Leur langue n'est pas le même que celui des Jouan-jouan, des Kaotché et des autres barbares. Изъ приведенныхъ свѣдѣній особенно важны существованіе у ѣда многомужества и совершенное отличіе ихъ языка отъ языковъ жужаньскаго, гаогюйскаго и другихъ сѣверныхъ варваровъ. Совершенно особый отъ гаогюйцевъ языкъ ѣда опровергаетъ сказаніе о томъ, что они есть отрасль гаогюйцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и входящее въ составъ этого сказанія утвержденіе о приходѣ ихъ на Аму-дарью изъ Монголіи, изъ-за Великой Стѣны. Остается, слѣдовательно, въ силѣ лишь положительное утвержденіе «Бэй-шы» о происхожденіи ѣда отъ б. юечжы или, точнѣе, о томъ, что ѣда есть потомство б. юечжей. Засимъ, если языкъ ѣда былъ совершенно особый отъ тюркскаго (гаогюйцы иля гаоче были племенемъ тюркскимъ), жужаньскаго (т.-е. тунгузскаго, какъ большею частію полагаютъ) и другихъ сѣверныхъ варваровъ, то языкъ ихъ могъ быть лишь тибетскимъ, какъ и у предковъ ихъ юечжей, на что для послѣднихъ имѣются указанія, которыя будутъ приведены впослѣдствіи. Тибетизмъ ѣда-юечжей потверждается и существованіемъ у нихъ поліандріи, составляющей и въ настоящее время отличительную черту тибетскихъ племенъ, тогда какъ у остальныхъ народовъ Средней Азіи ея нѣтъ и не было, судя по отсутствію какихъ-либо на это историческихъ и бытовыхъ указаній. Такъ какъ при поліандріи женщины выходятъ изъ того приниженнаго положенія, которое составляетъ ихъ удѣлъ у народовъ моногамныхъ и полигамныхъ, то нижеслѣдующія извѣстія сирійскаго писателя третьяго вѣка по Р. X. Бардезана указываютъ на существованіе у юечжей-кушановъ поліандріи: «У бактрійцевъ, именуемыхъ кашанами, женщины украшаютъ себя мужскою одеждою и большимъ количествомъ золота и драгоцѣнностей... Онѣ ѣздятъ верхомъ и нѣкоторыя одѣваются въ платья, вышитыя золотомъ и украшенныя драгоцѣнными камнями. Эти женщины не соблюдаютъ цѣломудрія и имѣютъ прелюбодѣйныя сношенія съ своими рабами и съ прибывающими въ страну иностранцами, и мужья не воспрещаютъ имъ этого. Эти женщины ничего не боятся, потому что кушаны смотрятъ на нихъ, какъ на высоко стоящія надъ ними (существа)» и т. д. (Collection des historiens anciens et modernes de l' Arménie, etc., par Victor de Langlois, Paris, 1867, t. I, p. 84—85). Почти все это замѣчается и нынѣ въ Тибетѣ, если же Бардезанъ ничего не говоритъ о поліандріи, то это легко объясняется тѣмъ, что слухи о такой формѣ семьи не дошли до него или встрѣчены были имъ съ недовѣріемъ.

Буду продолжать статью «Бэй-шы», приводя переводъ Шпехта изъ «Вэй-шу» только въ имѣющихъ значеніе случаяхъ отличій отъ Іакинфа. «Народонаселеніе простирается до ста тысячъ душъ». Ils peuvent être au

nombre d'environ 100.000 [1]). Я думаю, что не все населеніе царства Ѣда простиралось до 100 т. д., а только численность самихъ ѣдасцевъ, да и то лишь душъ мужскаго пола. «Городовъ не имѣютъ, а живутъ въ мѣстахъ привольныхъ травою и водою, въ войлочныхъ кибиткахъ». Ils n'ont pas de villes; ils émigrent avec leurs troupeaux pour chercher des eaux et des pâturages et se font des tentes de feutre. «Лѣтомъ избираютъ прохладныя мѣста, а зимою теплыя. Жены владѣтеля отдѣльно живутъ, въ 200 и 300 ли одна отъ другой; и онъ, объѣзжая ихъ по порядку; каждый мѣсяцъ посѣщаетъ одно мѣсто, а во время зимнихъ морозовъ три мѣсяца не путешествуетъ». En été, ils se transportent dans les cantons froids; en hiver, ils recherchent les lieux tempérés. Leurs femmes habitent dans des lieux séparés, et se trouvent parfois à des distances de 200 et 300 li (de leur maris). Le roi change successivement de demeure et chaque mois il en adopte une nouvelle; pendant les froids d'hiver seulement, c'est-à-dire pendant trois mois, il n'émigre pas. Такъ какъ невѣроятно, чтобы жены всѣхъ ѣда жили въ отдѣльныхъ мѣстахъ и находились «иногда» въ разстояніи 200 и 300 ли отъ мужей, и нѣтъ примѣровъ дѣйствительнаго существованія какого-либо народа съ такимъ изумительнымъ обычаемъ, то кажется несомнѣнною ошибочность перевода проф. Шпехта: не «ихъ» жены, а только «жены владѣтеля» (какъ значится у Іакинфа и у Паркера, p. 146) жили отдѣльно не «отъ своихъ мужей», а «одна отъ другой», и т. д. «Престолъ не передается наслѣдственно, а получаетъ его способнѣйшій изъ родственниковъ. Въ семъ владѣніи нѣтъ телѣгъ, а употребляютъ носилки (по Паркеру, p. 147, no carts, only litters; по Шпехту, il n'y a pas de chariots ouverts dans ce pays, mais des chariots fermés); много лошадей и верблюдовъ. Наказанія чрезмѣрно строги. За кражу, безъ опредѣленія количества, положено отсѣченіе головы; за украденное взыскиваютъ въ десять кратъ. Умершихъ изъ богатыхъ домовъ погребаютъ въ каменныхъ склепахъ (dans un tombeau formé de pierres amoncelées), а бѣдныхъ зарываютъ въ выкопанныхъ могилахъ. Вмѣстѣ съ покойникомъ кладутъ въ могилу вещи, ношенныя имъ. Народъ жестокій и смѣлый, способный къ сраженіямъ (belliqueux). Отъ ѣдаскаго владѣтеля въ Западномъ краѣ зависятъ Кангюй, Хотанъ, Шалэ (по Шпехту, вмѣсто Cha-le въ T'oung-tièn и въ T'oung-tchi написано Sou-le, т.-е. Кашгаръ), Аньси (по проф. Шаванну это Бухара, Documents etc., 1903, p. 225 note I, но такъ какъ это мнѣніе, см. p. 137, основано единственно на томъ, что Бухара, въ 656—660 гг., переименована была въ округъ Ань-си, то оно могло быть слѣдствіемъ ошибочнаго увѣренія «Суй-шу» о томъ, что Ань, Бухара, есть «бывшее при династіи государство Аньси»; Parker, p. 147, видитъ въ Аньси персидскую сатрапію, соотвѣтствующую

[1]) У Паркера: Perhaps there are 100.000 ot them, ferocious and able to fight (p. 147).

древней Парфіи») и до тридцати другихъ мелкихъ владѣній. Ѣда считается сильнымъ государствомъ и находится въ брачномъ родствѣ съ жужаньцами». У Шпехта (р. 342): Les habitants contractèrent des mariages avec les Jouan-jouan, но вѣренъ, конечно, лишь переводъ Іакинфа: по «Бэй-шы» («Собр. свѣдѣній», ч. I, стр. 233), въ 521 г., во время смутъ у жужаней, поддавшійся было Китаю жужаньскій ханъ Поломынь «вскорѣ замыслилъ отложиться и уйти къ Идѣ: три жены у Иды были родныя сестры Поломыневы».

«Со времени правленія Тхай-ань, 455, владѣтель часто отправлялъ посланника съ дарами. Въ концѣ правленія Чженъ-гуанъ, 525, послалъ льва». У Шпехта вмѣсто 455 г. означенъ 460, а вмѣсто 525 г.—527 [1]). На самомъ дѣлѣ правленіе Тхай-ань обнимало годы 455—460, а правленіе Чженъ-гуанъ простиралось съ 520 по 525 г. (см. Visdelou въ Bibliothèque orientale d'Herbelot, t. IV, 1779, p. p. 69—70), такъ что вѣрнѣе у о. акинфа. У де-Гиня первое посольство отъ ѣда отмѣчено 456 г. (Histoire générale des Huns etc., 1756, Paris, t. I, partie I, p. 184); у Паркера также 456 (p. 147). «Со времени правленія Юнъ-си, 532, представленіе даровъ прекратилось». Правленіе это обнимало годы 532—534, какъ правильно указалъ Шпехтъ. Засимъ слѣдуютъ краткія свѣдѣнія о посольствѣ, при которомъ состояли Хой Сенъ и Сонъ Юнь, мною уже приведенныя въ «Р. Антр. Ж.», 1901 г., № 2 (стр. 35 и 36); у Паркера, p. p. 147—148, есть нѣкоторыя отличія.

На этомъ статья Ѣда въ «Вэй-шу», въ переводѣ Шпехта, оканчивается, но «Бэй-шы» продолжаетъ: «Въ двѣнадцатое лѣто правленія Датхунъ, 546, владѣтель прислалъ посольство съ мѣстными произведеніями. Во второе лѣто Фэй-ди, 553, и во второе лѣто Минъ-ди изъ дома Чжеу, 558, вмѣстѣ (къ обоимъ дворамъ, по поясненію Іакинфа, т.-е. къ дворамъ Чжеу и Ци, между которыми дѣлился Сѣверный Китай) отправилъ посольство съ дарами. Послѣ сего дулгасцы разорили владѣніе Ѣда, и поколѣнія разсѣялись, вслѣдствіе чего и представленіе даровъ прекратилось». Все это взято, видимо, изъ «Чжеу-шу», гдѣ, по переводу Шпехта (Journal asiatique, 1883, t. II, p. p. 344 — 345) говорится еще слѣдующее: «Уголовные законы и нравы жителей сходны съ тюркскими. Есть обычай, чтобы

---

[1]) По переводу Паркера, р. 147, присылка льва отнесена къ 524 г. и добавлено отсутствующее совершенно у Іакинфа и Шпехта извѣстіе о томъ, что въ 525 г. посланникъ отъ Yeh-t'ah, по имени Chu Kao-hwei, былъ избранъ на короткое время въ цари возмутившимся (противъ дин. Юань-Вэй) населеніемъ Ho-chou (часть древней страны юечжей). Вмѣсто этого у Іакинфа значится (стр. 178—179): „Въ концѣ правленія Чженъ-гуань, 525, послалъ льва. Когда посольства пришли къ возвышенной плоскости, Гуйну поднялъ бунтъ: почему левъ былъ остановленъ, и снова отправленъ уже по усмиреніи Гуйну". У Шпехта, ссылающагося на переводъ Аб. Ремюза: Vers la fin des années Tching-kouang (527), ils envoyèrent des ambassadeurs offrir un lion. Arrivés à Kao-p'ing, ils rencontrèrent les Ouan-sé et les Tcheou-nou, qui étaient en révolte et qui les retinrent prisonniers; les Tcheou-nou ayant été soumis, ils conduisirent le lion à la capitale (p. p 342—343). Въ виду полнаго противорѣчія между тремя переводами необходима повѣрка ихъ свѣдущими синологами.

братья женились всѣ вмѣстѣ на одной женѣ. Если у мужа нѣтъ братьевъ, она носитъ головной уборъ съ однимъ рогомъ (corne), если же есть братья, то нѣсколько роговъ по ихъ числу. Народъ этотъ жестокъ, храбръ, силенъ. Юйтянь (Хотанъ) и А-си (арзакиды, по Шпехту) и другія, около 20, большихъ и малыхъ владѣній были ихъ данниками».

Статья «Ѣда» оканчивается слѣдующимъ, взятымъ, очевидно, изъ «Суй-шу»: «При династіи Суй, въ правленіе Да-ѣ, 605—616, владѣтель прислалъ къ кит. Двору посольство съ мѣстными произведеніями. Отъ Ѣды до владѣнія Цао 1500, на востокъ до Гуа-чжеу 6500 ли». Тутъ упущено указанное до Цао направленіе «на югъ». Сверхъ того въ той же статьѣ «Суй-шу» Идань есть еще слѣдующія, кромѣ приведенныхъ выше, свѣдѣнія: «Строевого войска отъ 5 до 6 т. человѣкъ. Въ прежнее время, какъ въ Идани открылись безпокойствія, то дулгасцы насильственно поставили своего правителя». Въ переводѣ Пфицмайера (l. cit.) вмѣсто послѣднихъ двухъ словъ einen Vorgesetzer den Waffen, а у Паркера, p. 150, a shêh (i. e. a shad, or turkish Governor). По переводу Шаванна: Auparavant, ce royaume ayant été troublé, les Tou-kiue envoyèrent le t'ong chad Tse-k'i prendre de force le commandement de ce royaume (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 1903, p. 159, note I). Это же самое мѣсто въ переводѣ Стан. Жюльена изъ компиляціи Матуаньлиня представляется въ такомъ видѣ: A la suite de troubles qui eurent lieu anciennement chez les Yi-ta, les Tou-khioue (Turks) envoyèrent chez eux Song-yu, intendant général des troupes (tchong-ché), pour prendre de vive force le commandement du royaume (Etudes de géographie ancienne etc. par Vivien de Saint-Martin, Paris, 1850, t. I, p. 280 [1]). «Женщина, имѣющая одного мужа, носитъ шляпу съ однимъ угломъ или рожкомъ; если братьевъ много, то дѣлаетъ рожки по числу братьевъ». Въ предшествующей статьѣ «Суй-шу» Тухоло сказано, что «жители перемѣшаны съ иданьцами» и что «братья имѣютъ одну жену. Сыновья отъ нея принадлежатъ старшему брату» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 202 и 203). Это, конечно, относится къ ѣда-иданямъ, ибо у остального васеленія, иранскаго, поліандрія невѣроятна.

Кромѣ того, что составитель «Бэй-шы» могъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, взять изъ «Чжеу-шу» и изъ «Суй-шу», а также изъ реляцій Сонъ Юня и Хой Сена, которыя частію приведены будутъ ниже, остаются еще столь важныя свѣдѣнія, какъ объ отличіи языка, о численности, о посольствахъ отъ ѣда и болѣе мелкія подробности, источники которыхъ неизвѣстны. Нельзя, однако, не думать, что главными изъ этихъ источниковъ должны были быть первоначальныя «Вэй-шу» редакціи Вэй Шеу и позднѣйшихъ, потому что во время составленія «Бэй-шы» они еще существо-

[1] Въ переводѣ Шпехта (изъ „Суй-шу“) значится тоже самое; только вмѣсто Soung-yu стоитъ Tse-kie, съ поясненіемъ, что таково имя этого генерала по „Суй-шу“ и T'oung-tièn (p. 347).

вали и, конечно, должны были составить главное основаніе для статьи объ ѣда. Между прочимъ, надо думать, что и сказаніе о томъ, что ѣда есть отрасль гаогюйскаго племени и пришли на Аму-дарью изъ нынѣшней Монголіи, взято изъ одной изъ редакцій «Вэй-шу», до насъ не дошедшихъ, или изъ какого-нибудь литературнаго источника, также до насъ не сохранившагося; необходимо также обсудить, не изъ такого же ли источника или источниковъ взяты и свѣдѣнія «Тунъ-тіень» о времени ухода ѣда на Аму-дарью въ царствованіе Вень-ченъ-ди (452 — 465 гг.) и за 80 — 90 лѣтъ «до сего» (de cela).

Относительно послѣднихъ необходимо возникаетъ вопросъ: до какого же это момента за 80 — 90 лѣтъ совершилось передвиженіе гаогюйцевъ-ѣда изъ Монголіи на Аму-дарью? Въ «Бэй-Ци-шу» совсѣмъ нѣтъ отдѣла объ иностранныхъ государствахъ и народахъ (проф. Шаваннъ, Documents etc., 1903, p. 100), а такъ какъ въ «Чжеу-шу» и «Суй-шу» нѣтъ и помина о гаогюйскомъ происхожденіи ѣда и приходѣ ихъ на Аму-дарью изъ Монголіи, то сказаніе это могло быть взято въ «Бэй-шы» не иначе, какъ изъ «Вэй-шу» редакцій времени дин. Бэй-Ци (550 — 577 гг.) или изъ литературныхъ источниковъ того же времени. Но редакторы «Вэй-шу» означеннаго времени, излагая историческія свѣдѣнія за время дин. Юань-Вэй, естественно должны были, по принятымъ въ исторіяхъ предшествовавшихъ династій правиламъ, считать позднѣйшимъ предѣломъ составляемой ими исторіи 550 годъ, во второй половинѣ котораго дин. Вэй замѣнена была династіею Бэй-Ци. Можно бы поэтому допускать, хотя и безъ полной достовѣрности, что, можетъ-быть, именно по этой причинѣ возрастъ ступы въ Пурушапурѣ опредѣленъ въ статьѣ «М. Юечжы» къ году смѣны дин. Вэй династіею Ци. Однако, въ переведенномъ Шпехтомъ мѣстѣ «Тунъ-тіень» положительнаго удостовѣренія въ этомъ смыслѣ не содержится, да и при вычетѣ изъ 550 годовъ 80 — 90 лѣтъ получается 460 — 470 года, что не сходится удовлетворительно съ указаніемъ на царствованіе Вень-ченъ-ди, обнимающее 452 — 465 гг. Если допустить, какъ полагаетъ, безъ ясныхъ и достаточныхъ, однако, основаній, г. Шпехтъ, что разсматриваемыя даты взяты въ «Тунъ-тіень» изъ «Вэй-шу» редакціи Вэй-Шеу, и въ виду обнаруженной непригодности даты 550 г. предположить, что 80 — 90 лѣтъ прошли ко времени окончанія труда Вэй Шеу, т.-е. къ 554 г., то для передвиженія ѣда получаются 464 — 474 гг., но это тоже плохо соотвѣтствуетъ царствованію Вень-ченъ-ди. Не мирятся, наконецъ, получаемыя даты съ свѣдѣніями о посольствахъ отъ ѣда въ Китай, начавшихся съ 455—460 гг., по Дегиню съ 456 г.: мало вѣроятно, чтобы ѣда начали отправлять пословъ въ Китай до движенія своего на Аму-дарью или съ пути туда, когда имъ было слишкомъ много заботъ безъ не имѣвшихъ никакого политическаго значенія сношеній съ Китаемъ. Все это приводитъ къ заключенію, что какъ сказанія о происхожденіи ѣда отъ гаогюйцевъ и о переходѣ ихъ изъ Мон-

голіи на Аму-дарью, такъ и двѣ несходныя даты для этого передвиженія,— о причинахъ и обстоятельствахъ котораго свѣдѣнія совсѣмъ отсутствуютъ,— суть результатъ какихъ-нибудь не провѣренныхъ, худо понятыхъ и извращенныхъ слуховъ, дополненныхъ неудачными догадками и помѣщенныхъ безъ надлежащей критики въ какія-нибудь сочиненія второй четверти VI вѣка о западныхъ странахъ и народахъ, до насъ не дошедшія, откуда они были заимствованы въ первоначальныя редакціи «Вэй-шу» и попали отсюда въ «Бэй-шы», съ исключеніемъ явно несообразныхъ датъ, которыми, однако, не оставили воспользоваться впослѣдствіи компиляторы историческихъ и иныхъ энциклопедій, чрезъ посредство которыхъ даты эти попали въ «Тунътіень», разумѣется безъ особой провѣрки.

б) Извѣстія «Лянъ-шу» о владѣніи и народѣ Хоа.

Слѣдуя указаніямъ главныхъ династійныхъ исторій, де-Гинь признавалъ ѣда происшедшими отъ юечжей (Histoire générale des Huns etc., Paris, 1756, t. I, partie 2, p.p. LXXXIX, 378), хотя ему извѣстно было и сказаніе о томъ, что ѣда есть вѣтвь гаогюйцевъ (тамъ же, р. 42), но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ ихъ имя Getes и утверждалъ, что эти юечжи-Getes были предками тѣхъ готовъ, которые опустошали Европу подобно нѣкоторымъ ордамъ сейцевъ (Szu), также вторгшимся на западъ, гдѣ они, послѣ достаточнаго для воспринятія нравовъ сѣверныхъ народовъ времени, спустились на югъ подъ именемъ свевовъ, и т. д. (р. 326). Абель Ремюза, который сначала не прочь былъ видѣть въ юечжійцахъ монголовъ (Recherches sur les langues tartares, t. I, Paris, 1820, p. 247), а въ ѣда потомковъ сейцевъ, принадлежавшихъ къ племенамъ готовъ (тамъ же, р. 327) остановился впослѣдствіи на томъ, что да-юечжи суть массагеты, великіе готы (Nouveaux mélanges asiatiques, t. I, 1829, p. 220). Клапротъ въ своихъ Tableaux historiques de l'Asie (Paris, 1826) отнесъ юечжей къ племенамъ тибетскимъ, а ѣда считалъ ихъ потомками (р. р. 132—134, и Aperçu générale des cartes, p. p. VII, XII), въ концѣ же книги объявилъ это ошибочнымъ и сталъ утверждать, что имя юечжи слѣдуетъ произносить юети и что имена юети и ѣда напоминаютъ ютовъ или готовъ, которые прибыли съ Одиномъ въ Скандинавію, а потому возможно, что готы суть юечжи, пришедшіе изъ Центральной Азіи позже другихъ германскихъ народовъ (р. р. 287—289); вмѣстѣ съ этимъ онъ сталъ находить, что ефталиты были, вѣроятно, тюркскимъ народомъ съ князьями хуннскаго происхожденія: «быть-можетъ, это тюрки чи-лэ или телэ, которые въ это время (въ V в.) распространились до Джейхуна и Каспійскаго моря; вѣроятно, ихъ имя сохранилось въ имени хайятеле» (р. 258). Посвятившій «бѣлымъ хуннамъ или ефталитамъ византійскихъ историковъ» особое изслѣдованіе Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, отвергая гипотезы де-Гиня, А. Ремюза

и Клапрота, пришелъ, при помощи переведенныхъ Стан. Жюльеномъ изъ компиляціи Матуаньлиня китайскихъ извѣстій, къ заключенію, что юечжи племя тибетское, а ѣда-ефталиты — ихъ потомство; тибетизмъ юечжей доказывалъ онъ тѣмъ, что они первоначально обитали въ сѣверномъ Тибетѣ; что языкъ ѣда былъ совершенно отличенъ отъ языковъ тюркскихъ и монгольскихъ, а языкъ малыхъ юечжей, оставшихся въ Наньшанѣ, былъ сходенъ съ языкомъ цяновъ или тибетцевъ, и, наконецъ, что нравы и обычаи юечжей и ѣда были сходны съ тибетскими, особенно по господству поліандріи, которая во всѣ времена была отличительной чертой тибетской народности (Etudes de géographie ancienne et d'éthnographie asiatique, Paris, 1850, t. I, Sur les Huns blancs ou Ephthalites des historiens byzantins, p.p. 283 — 286, 291 — 295). Мнѣніе Вивьенъ де-Сенъ-Мартена болѣе тридцати лѣтъ пользовалось преобладаніемъ, хотя оставались еще немногіе приверженцы арійства юечжей и ѣда, какъ сэръ Хенри Роулинсонъ (Proceedings of the R. Geographical Society, 1885, p. 579: Hiyatheleh were not Turks, but Scytho-Aryans, of the same race indeed as the ancient Sacae, and were named indifferently Tokhari and Kushan), а также считающіе юечжей племенемъ тюркскимъ, какъ Вамбери («Исторія Бохары», переводъ Павловскаго, Спб., 1873, т. I, стр. 10), Girard de Rialle (Mémoire sur l'Asie centrale, son histoire, ses populations, deuxième édition, Paris, 1875, p. 36) и др.

За неимѣніемъ переводовъ на западно-европейскіе языки статей и мѣстъ династійныхъ исторій, относящихся къ юечжамъ и ѣда, Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ вынужденъ былъ довольствоваться переводами изъ компилятивнаго труда Матуаньлиня. Хотя затѣмъ появились переводы изъ династійныхъ исторій Іакинфа Бичурина («Собр. свѣд.» и пр., 1851 г.), а въ 1880 г. Wylie далъ переводы отдѣла «Цянь-Хань-шу» о западныхъ странахъ, но извѣстіями слѣдующихъ династійныхъ исторій западно-европейскимъ ученымъ, для большинства которыхъ трудъ Іакинфа недоступенъ, приходилось пользоваться чрезъ посредство переводовъ изъ компиляцій. Поэтому французскій синологъ Шпехтъ оказалъ въ 1883 г. большую услугу изученію исторіи и этнологіи юечжей и ѣда, давъ переводы извѣстій о нихъ династійныхъ исторій съ нѣкоторыми комментаріями и справками въ своихъ Etudes sur l'Asie centrale d'apres les historiens chinois. I. Indo-scythes et Ephthalites (Journal asiatique, 1883, t. II, p.p. 317 — 350). Важнѣйшими изъ данныхъ Шпехтомъ впервые переводовъ являются свѣдѣнія «Лянъ-шу» о хоа и «Чжеу-шу» объ ѣда. Шпехтъ утверждаетъ, что по даннымъ этихъ свѣдѣній «ѣда не имѣютъ ничего общагó ни по происхожденію, ни по обычаямъ, ни по своей исторіи съ юечжійцами или индоскифами» (p. 335: les Yé-tha n'ont rien de commun par leurs origines, leurs moeurs et leur histoire, avec les Yué-tchi ou Indo-Scythes). Хотя со времени появленія указаннаго труда Шпехта прошло уже болѣе двадцати

лѣтъ, но мнѣ не встрѣчалось ни опроверженія его мнѣнія, ни обстоятельнаго разбора переведенной имъ статьи «Лянъ-шу»; между тѣмъ многіе писатели, касавшіеся послѣ того исторіи средней Азіи, приняли мнѣніе Шпехта, и одинъ изъ нихъ (Mémoire sur les Huns Ephthalites etc., par Ed. Drouin, въ Le Muséon, t. XIV, 1895, p. 142) считалъ возможнымъ утверждать, что мнѣніе о происхожденіи ѣда отъ юечжей всѣми оставлено, другіе же уклонялись отъ выраженія какого-либо мнѣнія объ этническихъ отношеніяхъ юечжей и ѣда (проф. Шаваннъ, Documents etc., 1903, p. p. 158, 159, 222 —225, д-ръ Марквартъ, Eranšahr etc., 1901, 58,59 и др.

Переведенныя Шпехтомъ свѣдѣнія «Чжеу-шу» мною приведены и разсмотрѣны уже выше. Приведемъ теперь въ переводахъ Шпехта (1883 г.) и Паркера (1902 г.) и разсмотримъ свѣдѣнія «Лянъ-шу», а затѣмъ изложимъ и разберемъ мнѣнія обоихъ переводчиковъ объ этническихъ отношеніяхъ ѣда и юечжей.

Свѣдѣнія «Лянъ-шу» о хоа и критическая ихъ оцѣнка.

Свѣдѣнія эти имѣютъ заглавіе «Владѣніе Хоа» (Le royaume de Hoa). Шпехтъ дѣлаетъ при этомъ замѣчаніе (p. 335, note 2), что по «Тунъ-тіенъ» (историческая компиляція, составленная танскимъ ученымъ Ту Юй, жившимъ съ 733 по 812 г., по проф. Хирту Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, S. 3) сказано: «Въ эпоху вторыхъ Вэй», т.-е. династіи Юань-Вэй, 386—534 гг.,—поясняетъ Шпехтъ,—«ихъ называли Хоа-тюнь». Если читать,—говоритъ Шпехтъ,—два знака, изображающіе имя Hoa-tun, какъ гомофоны, къ которымъ китайцы прибѣгаютъ для указанія произношенія словъ въ своихъ словаряхъ, то вышло бы H + un, т.-е. Hun. Какъ бы то ни было,—продолжаетъ онъ,—довольно вѣроятно, что именно отъ этого имени происходитъ имя Huns, которое западные писатели давали этому народу». Но «Тунъ-тіень» не словарь, и Хоа-тюнь есть имя, а не гомофоны для произношенія по ихъ первому и послѣднему звукамъ. Затѣмъ имя, подъ которымъ сдѣлались извѣстны въ Европѣ хунны, конечно, еще до перехода ихъ черезъ Донъ около 375 г., было извѣстно китайцамъ за многіе вѣка до Р. Х. и никакого отношенія къ народцу хоа, именовавшемуся по «Тунъ-тіень», въ 386—534 гг., во время династіи Юань-Вей Хоа-тюнь, не имѣетъ и происходить отъ имени хоа или хоа-тюнь, разумѣется, не можетъ.

«Этотъ народъ есть особая вѣтвь чешы'сцевъ (Tche-sse). Въ первомъ году (правленія) Young-kien (126 г. послѣ Р. Х.) династіи Младшихъ Ханей, Pa-Hoa, слѣдуя за Бань Юномъ (Pan-Young) въ одной войнѣ на сѣверѣ, отличился (заслугами). Бань Юнъ возвелъ его въ достоинство Heou-pou-thsin-han-heou» [1]). Кромѣ ссылки на главу (или книгу) 118 «Хэу-

[1]) У Паркера (The Ephthalites Turks, by E. H. Parker, въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p p. 155—156) начало статьи „Лянъ-шу" о влад. Хуа (Hwah) передано такъ: It describes this mysterious State as being „another

Хань-шу», г. Шпехтъ никакихъ разъясненій по приведенному мѣсту не далъ. Обратившись къ переведенному Іакинфомъ изъ исторіи Младшихъ Ханей «Повѣствованію о западномъ краѣ», находимъ: «Въ первое лѣто правленія Юнъ-гянь, 126, Бань Юнъ» (тогдашній правитель китайскихъ вассальныхъ владѣній Таримскаго бассейна) «съ Гядэну, сыномъ (чешы'-скаго) восточнаго (или задняго) владѣтеля Нунки, и съ Бахуа съ отборнымъ войскомъ, разбилъ хуннускаго Хуань-князя, почему поставилъ Гядэну заднимъ владѣтелемъ, а Бахуа сдѣлалъ княземъ [1]) («Цинь-хай-хэу») въ Заднемъ Чешы» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 134). Заднее Чешы имѣло при Младшихъ Ханяхъ населеніе около 4 т. семействъ, до 15 т. душъ, но было самымъ многолюднымъ изъ 6 чешы'скихъ владѣній, занимавшихъ восточный Тяньшань и его южныя и сѣверныя подножія (тамъ же, стр. 131—133), такъ что общая цифра душъ всѣхъ чешы'сцевъ едва ли превышала 50 т. душъ. Упомянутый Бахуа былъ, вѣроятно, однимъ изъ чешы'скихъ старѣйшинъ, титулъ же циньхайскаго (если *хай* вмѣсто han у Іакинфа не ошибка) князя данъ былъ ему, вѣроятно, отъ озера Цинь-хай, которое упоминается вмѣстѣ съ Пхулэй-хаемъ (нынѣ оз. Баркуль) (тамъ же, стр. 104). Изъ свѣдѣній о чешы'скихъ владѣніяхъ въ исторіяхъ Старшихъ и Младшихъ Ханей (тамъ же, стр. 87—97 и 131—135) видно, что чешы'сцы были народомъ кочевымъ и скотоводческимъ, хотя нѣкоторая часть не чуждалась и хлѣбопашества и даже имѣла городки или селенія. Китайскія исторіи ничего не говорятъ о языкѣ и этническихъ отношеніяхъ этого народа, но по географическому положенію ихъ страны слѣдуетъ полагать, что населеніе ея было продуктомъ смѣшенія народностей тюркскихъ, тибетскихъ и иранскихъ, какъ и населеніе таримской котловины, съ бо̀льшимъ только преобладаніемъ тюркскаго элемента вслѣдствіе большей близости тюрковъ (хунновъ). Во второй четверти V вѣка, когда сѣверными сосѣдями были жужани, чешы'скія земли были завоеваны около 444—446 гг. бѣжавшимъ въ Дунь-хуанъ, послѣ покоренія юань-вэйцами около 440 г. при-наньшаньскихъ владѣній Цзюйкюй-Мугяня, братомъ Цзюйкюй-Ухоемъ, но въ 460 г. братъ и преемникъ послѣдняго Цзюйкюй-Аньчжеу былъ разбитъ и убитъ жужанями, которые поставили государемъ образовавшагося съ этого времени изъ чешы'скихъ земель владѣнія Гаочана одного изъ мѣстныхъ жите-

---

Kind of Küshï" (i. e. of ancient Hiung-nu sibjects, or Turks of modern Turfan). It goes on to say that „in the year A. D. 126 a certain Pah Hwah (apparently one of the rival Kü-shï Princes) assisted General Pan Yung (son of Pan Ch'ao) against the Hiung-nu, for which service he was recommended for a mediatzed marquisate". Я думаю, что вмѣсто Kü-shï въ кит. подлинникѣ стоитъ *чешы*, какъ и передалъ Шпехтъ и какъ значилось въ нижеприведенномъ текстѣ „Хэу-Хань-шу" въ переводѣ Іакинфа: подъ именемъ Гу-шы (Kü-shi) страна и народъ, о которыхъ идетъ рѣчь, извѣстны были до 88 г. до Р. Х., когда были покорены Китаемъ и раздѣлены на Чешы переднее и Чешы заднее („Цянь-Хань-шу" въ переводѣ Іакинфа, „Собр. свѣд.", ч. 3, стр. 36 и 89, а также перев. Wylie, p. 22).

[1]) Терминомъ „князь" Іакинфъ, повидимому, перевелъ Heou-pou, ибо хэу = князь, бу = родъ, такъ что выходитъ родовой старѣйшина или князь.

лей китайскаго происхожденія («Бэй-шы» въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. 3, стр. 148—151). Съ 80-хъ годовъ V в. Гаочанъ находился въ зависимости отъ гаогюйцевъ или отъ жужаньцевъ, враждовавшихъ между собою, смотря по тому, кто бралъ въ борьбѣ верхъ. Сохранилось отрывочное извѣстіе, что населеніе западнаго Чешы было переселено гаогюйцами въ Карашаръ «и здѣсь Ѣда покорилъ» этихъ переселенцевъ (тамъ же, стр. 152 и 192), вѣроятно, во время войны гаогюйцевъ съ ѣда или иданями, когда въ 507 г. идани убили гаогюйскаго государя Цюнки («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 253, и «Историческій очеркъ уйгуровъ» Д. Позднѣева, Спб., 1899 г., стр. 30). Послѣ покоренія гаогюйцевъ тюрками во второй четверти VI в. Гаочанъ перешелъ въ зависимость отъ тюрковъ. Всѣ эти свѣдѣнія возбуждаютъ сомнѣніе въ вѣрности невѣдомо на чемъ основаннаго утвержденія «Лянъ-шу» о томъ, что хоа (ѣда) суть вѣтвь чешы'сцевъ, тѣмъ болѣе, что крайне сомнительно, чтобы не только какая-нибудь часть чешы'сцевъ, но и весь чешы'скій народъ, никогда не бывшій ни многочисленнымъ, ни воинственнымъ, могъ покорить юечжей-кушановъ-кидаритовъ и овладѣть ихъ землями, тогда какъ этого не въ состояніи были выполнить Яздигердъ и Перозъ со всѣми силами Персіи.

Продолжаю изложеніе свѣдѣній «Лянъ-шу»: «При (династіяхъ) Вэй и Цзинь [1]) до настоящаго времени народъ хоа не имѣлъ сношеній съ Срединной имперіей. Въ 15 году (правленія) Thien-kien (516 г.), его царь Ye-ta-i-li-to [2]) началъ присылать посланниковъ, которые представляли произведенія своей страны. Въ первый годъ (правленія) P'ou-t'oung (520 г.) онъ прислалъ пословъ съ представленіемъ льва желтаго цвѣта, мѣха горностая и разныхъ вышитыхъ предметовъ изъ Персіи (Po-sse). Въ 7 году (520 г.) они снова представили подарки, въ числѣ которыхъ былъ плащъ (un manteau). Во время (династіи) Юань-Вэй они обитали въ (мѣстности) Санъ-ганъ [3]). Бывши небольшимъ народомъ подъ владычествомъ жужаней (Joui-joui) [4]), хоа постепенно сдѣлались затѣмъ большимъ и могущественнымъ (народомъ) и завоевали огромное царство, которое простиралось до владѣній (qui s'étendit jusqu'aux royaumes de) Po-sse (Персія), P'an-p'an [5]),

[1]) Династія Вэй или Цао-Вэй существовала съ 220 по 265 г., а династія Цзинь, замѣнившая ее въ южномъ Китаѣ, съ 265 по 240 г. (см. „Собр. свѣд." и пр., ч. I, стр. XXVI—XXVII).

[2]) По объясненію Шпехта, второй знакъ этого имени обыкновенно произносится tai, но онъ пишетъ ta, ибо таковымъ полагаетъ его древнее произношеніе.

[3]) Sous les Yuan-Weï (386—534) ils demeuraient à Sang-kan. По объясненію Шпехта, это рѣка, орошающая провинціи Шань-си и Це-чи-ли.

[4]) Проф. Шаваннъ передаетъ предшествующую фразу и это мѣсто такъ: Au temps où les Weï résidaient à Sang-kan, dans le nord du Chan-si, c'est-à-dire de 386 à 494, les Hoa n'étaient qu'un petit peuple soumis aux Joan-joan (Documents sur les Tou-kiue occidentaux etc., 1903, p. 222). При этомъ онъ объясняетъ справедливо: Les Weï étaient une dynastie tongouse qui, pendant plus d'un siècle, résida à Tai, sur le haut cours de la rivière Sang-kan, à l'est de Ta-t'ong-fou du Chan-si (тамъ же, note 5).

[5]) По замѣчанію Шпехта, вмѣсто этого имени въ T'oung-tièn и у Матуаньлиня значится K'o-p'an, а въ Тунъ-чжи K'o-pan-t'o. Проф. Шаваннъ полагаетъ

Ki-pin (Гибинь), Yen-ki (Карашаръ), Kieou-tse (Куча), Sou-le (Кашгаръ), Kou-me (Гумо), Yu-thien (Хотанъ), Kiu-p'an (?)» [1]). По словамъ Шпехта, послѣдняго имени въ «Тунъ-тіень» и у Матуаньлиня нѣтъ; проф. же Шаваннъ (Documents etc., p. 224) читаетъ (Tchou-) kiu-p'an (Kougiar), т.-е. это Сигюйбань или Чжугюйбо китайскихъ свѣдѣній временъ династіи Юань-Вэй, Суй и Танъ, замѣнявшее древнее Согюй и имѣвшее свою столицу не въ Кугіярѣ, какъ утверждаетъ, не указывая основаній, Шаваннъ, а на Яркендъ-дарьѣ между нынѣшними селеніями Чимду и Актамомъ, какъ выяснено уже мною («Р. Антр. Ж.», 1901 г. № 2, стр. 34 и слѣд., № 3, стр. 108 и слѣд., и стр. 131 и слѣд.).

«Страна эта», т.-е. владѣніе Хоа, «имѣетъ 1000 ли. Это страна съ умѣреннымъ климатомъ; есть горы и долины и немного деревьевъ; сѣются всѣ пять родовъ зерновыхъ хлѣбовъ. Пища населенія — изъ баранины и пшеничной муки. Животныя: левъ, двуногій верблюдъ (страусъ), дикій оселъ. У нихъ есть роговые офицеры [2]), хорошіе стрѣлки. Носятъ длинныя одежды съ короткими, обшитыми золотомъ и драгоцѣнными каменьями рукавами. Головной уборъ у женщинъ мѣховой, съ рогомъ (avec une corne), украшеннымъ золотомъ и серебромъ, высотою въ шесть футовъ и имѣющимъ форму обрѣзаннаго дерева (d'un arbre taillé). Такъ какъ женщинъ мало, то всѣ братья имѣютъ одну жену. Городовъ не имѣютъ. Живутъ въ войлочныхъ палаткахъ, которыхъ двери открываются на востокъ. Владѣтель возсѣдаетъ на золотомъ ложѣ. Ils suivent la revolution de la grande année (?). Женщинамъ дозволено принимать гостей и сидѣть съ ними. Письменъ у нихъ нѣтъ, и договоры заключаются при помощи кусковъ дерева [3]). Они имѣютъ сношенія съ сосѣдними владѣніями и отправляютъ къ нимъ пословъ. Какъ же, однако, имѣютъ они варварскія книги, писанныя на бараньихъ кожахъ, замѣняющихъ у нихъ бумагу? У нихъ нѣтъ

что слѣдуетъ, можетъ-быть, читать Ho-p'an-t'o (Ташкурганъ); см. Documents etc., p. 224, note 7.

[1]) Это мѣсто „Лянъ-шу" Шаванномъ передатся нѣсколько отлично отъ Шпехта: Les Hoa, c'est-à-dire les Hephthalites, auraient porté leurs armes non seulement en Perse, mais encore dans le Ki-pin (Kapiça), à Yen-k'i (Karachar) и т. д. (p. 224).

У Паркера (p. 156) имѣются слѣдующія отличія въ переводѣ: ... In the year 516 the King Yen-tai I-lih-t'o for the first time sent a tribute envoy; and in the year 520 a second mission was sent ... A mission was once more sent in the year 526. During the period (386—495) when the Toba Wei Dynasty (386—534) were still on the Sang-kan River (i. e., at Ta-t'ung Fu), Hwah was still petty State, and nnder the Geougen; but afterwards, gaining strength, it sent expeditions against neighbouring States, such as Persia, P'an-p'an (*sic*), Cophene..., modern Karashar, Kuche, modern Kashgar, Kumeh (near Aksu), Khotan, Kü-p'an etc., extending its domain over 1000 li (*sic*). По завѣренію Паркера (p. 158), кромѣ посольствъ 516, 520 и 526 г., упоминаемыхъ въ описаніи Hwah, въ общей части (general record) „Лянъ-шу" сказано, что царь Hwah по имени An-loh Sah-tan присылалъ посольство съ данью въ 525 г.

[2]) Des officiers des cornes, по-китайски kio-jin, какъ называлась у китайцевъ какая-то должность.

[3]) Т.-е. бирокъ. Шпехтъ указываетъ на существованіе бирокъ и у тюрковъ.

администраціи. Они боготворятъ духа неба и духа огня. Каждый день они выходятъ къ порогу двери своей, чтобы совершить жертвоприношеніе духамъ; по совершеніи, преклоняютъ колѣни и заканчиваютъ поклономъ. Умершихъ хоронятъ въ деревянныхъ гробахъ. Когда умерли отецъ или мать, сыновья разрѣзываютъ себѣ уши и избираютъ для погребенія счастливый день. Ихъ языкъ былъ понятъ однимъ переводчикомъ изъ (провинціи) Хэнань (Ho-nan) и затѣмъ съ нимъ ознакомились».

У Паркера въ остальной части перевода отличія столь часты, что привожу ее цѣликомъ (p. p. 156—157): «The territory is mild and warm, whith many mountains and rivers, trees, and various grains. The natives use parched wheat and mutton (or goat) flesh as provision. Their beast include lions, two-footed (*sic*) camels, and wild asses with horns (*sic*). The men are all good archers, and wear small-sleeved fall-length gowns, with gold and jade in theirs belts. The women wear capes, with horns of carved wood on their heads, six feet (*sic*) in lenght, ornamented with gold and silver. Women being few, brothers join in one wife. There are no cities or *towns,* felt houses serving as homes, and with doors facing east. The King sits on a golden throne, turning in the direction of the *t'ai-sai* (twelve alternate starry divisions of the sideral year), and receives guests sitting in company with his wife. They have no written caracters, but use wood as tally-signs. When they correspond with adjoining States, they employ the Hu of adjoining States to do Hu writing, sheepskin serving as paper. They have no graded officials. They serve the god of heaven and the god of fire. Every day they go out at the door and worship the god, after which they eat. Their kneeling consists of one obeisance only. In burials they use wood for coffins. Where parents die, the sons cut off an ear, and when the burying is over it is counted lucky. Their talk needs the interpreting of Ho-nan (i. e., old Yüeh-chï land or modern Ordos) men to be understand".

По поводу разногласій въ приведенныхъ переводахъ гг. Шпехта и Паркера не будетъ лишнимъ имѣть въ виду слѣдующее:

1) По словамъ Паркера (р.р. 157—158), «нѣкоторые европейскіе писатели транскрибировали вполнѣ ясныя слова (plain words) Yen-t'ai въ видѣ Yeh-t'ah на томъ основаніи, что новая «Танъ-шу» (составленная четыре столѣтія позже!) считала Yeh-t'ah эпонимнымъ именемъ (an eponymons name); тѣ же писатели сдѣлали I-lih-t'o частью передаточнаго (transmissible) титула, отождествили Hwah съ ефталитами и заставили жужаней уничтожить этихъ предполагаемыхъ ефталитовъ. Къ несчастію для такого мнѣнія, жужани никогда не проникали въ Трансоксіану, и хотя они угрожали б. юечжи, но не дѣлали этого въ отношеніи къ ефталитамъ, и (жужаньскій) ханъ Брахманъ (Поломынь), тѣснимый въ 520 г. войсками (дин.) Тоба, раз-

считывалъ прибѣгнуть къ покровительству ефталитовъ, за царемъ которыхъ находились въ замужествѣ три его сестры... Сверхъ того, ни одинъ арабскій, персидскій или армянскій писатель не упоминаетъ объ этихъ жужаньскихъ повелителяхъ грозныхъ ефталитовъ, которые сражались съ персами почти цѣлое столѣтіе». Не касаясь здѣсь мнѣній, приписываемыхъ Паркеромъ неназваннымъ писателямъ, безъ указанія—гдѣ такія мнѣнія были высказаны, я нахожу достаточнымъ замѣтить, что чтеніе Ye-tai-i-li-t'o повторено и проф. Шаванномъ въ Documents sur les Tou-kiue occidentaux (1903, p. 223). Такъ какъ въ рецензіи своей на эту книгу Шаванна, опровергая отождествленіе жужаней съ «истинными аварами», Паркеръ не возражалъ противъ правильности чтенія Ye-tai-i-li-t'o (I. and A. Q. R., 1904, April, p. 340), то можно думать, что онъ отказался отъ чтенія Yen-t'ai I-lih-t'o или не нашелъ для его поддержки убѣдительныхъ доказательствъ.

2) Совпаденіе переводовъ Паркера и Шаванна того мѣста текста, въ которомъ упоминается Санъ-гань, обнаруживаетъ несомнѣнную ошибочность перевода того же мѣста у Шпехта и выясняетъ, что текстъ «Лянъ-шу» говоритъ лишь о томъ, что во время нахожденія столицы дин. Тоба въ бассейнѣ рѣки Санъ-гань,—т.-е. въ Дай, между 386 и 494 гг.,—хоа были небольшимъ народцемъ, подвластнымъ жужанямъ, впослѣдствіи же, усилившись, они предпринимали походы противъ сосѣднихъ владѣній, каковы Персія и пр., и распространили свои владѣнія болѣе чѣмъ на 1 т. ли.

3) Хотя «роговые офицеры» Шпехта мало понятны, но «ослы *съ рогами*» Паркера совсѣмъ невѣроятны.

4) Нескладицѣ перевода Шпехта о неимѣніи у хоа письменъ при существованіи, однако, варварскихъ книгъ, писанныхъ на бараньей кожѣ, слѣдуетъ, конечно, предпочесть переводъ Паркера, по которому, хотя хуа не имѣли письменъ и употребляли бирки, но для сношеній съ сосѣдними владѣніями прибѣгали къ ихъ письменамъ, при помощи людей изъ этихъ царствъ, употребляя вмѣсто бумаги бараньи кожи.

5) Невѣроятно, чтобы сынъ по смерти отца и матери отрѣзывалъ себѣ по уху. Можетъ-быть, ефталиты дѣлали по смерти родителей надрѣзы и царапины на ушахъ, какъ тюрки, которые изрѣзывали себѣ въ знакъ скорби по родителямъ лица («Танъ-шу» въ «Собр. свѣд.», ч. I, стр. 269, и Менандръ въ переводѣ Дестуниса, стр. 421 и 422); тибетцы по смерти отца или матери обрѣзывали себѣ волосы и чернили лица («Исторія Тибета и Хухунора», ч. I, стр. 128, и переводъ Бушелля, Journal of R. A. Society, 1880, p. 443).

6) Текстъ, въ которомъ упоминается Хэнань, вѣроятно, переведенъ Паркеромъ правильнѣе, но едва ли онъ правъ, считая тутъ Хэнань за нынѣшній Ордосъ, особенно же утверждая, что Ордосъ входилъ въ составъ земель, принадлежащихъ юечжамъ (до ухода на западъ при Модэ), такъ

какъ самъ признавалъ (p. 131) территорію юечжей соотвѣтствовавшею лишь нынѣшнимъ Ша-чжеу, Су-чжеу, Гань-чжеу и Сининъ-фу. Нынѣшній Ордосъ при династіяхъ Цинь и Хань дѣйствительно назывался Хэнань, т.-е. (страна) къ югу отъ (Желтой) рѣки, но мы знаемъ изъ «Шы-цзи» и «Хань-шу», что она принадлежала не юечжамъ, а хуннамъ. Въ настоящее время имя Хэнань носитъ провинція, «занимающая южный берегъ Желтой рѣки отъ ея поворота къ восточному морю» («Собр. свѣд.», ч. 3, Геогр. указатель», стр. 84). не знаю, съ какого времени имя Хэнань присвоено этой провинціи, но для Ордоса уже въ 697 г. встрѣчается въ «Танъ-шу» именованіе Хэ-тхао, что значитъ «изгибъ или излучина Желтой рѣки» («Собр. свѣд.,» ч. 3, стр. 325, примѣч. 5). Во всякомъ случаѣ какъ въ южномъ Ордосѣ, такъ у въ западной части нынѣшней провинціи Хэнань въ первой половинѣ VI вѣка, во время дин. Лянъ, не невѣроятно существованіе остатковъ еще не вполнѣ окитаившихся хунновъ, съ одной стороны, и инородцевъ тибетскаго племени, съ другой, такъ что существованіе въ лянскую эпоху въ Хэнани потомковъ инородцевъ, понимавшихъ языкъ хоа-ѣда, едва ли можетъ рѣшить вопросъ о тюркскомъ или тибетскомъ происхожденіи этого народа.

По словамъ Паркера (p. 157), въ числѣ состоящихъ отъ Hwah въ вассальной зависимости владѣній названо въ «Лянъ-шу» нѣсколько такихъ, которыя нигдѣ и никогда болѣе не упоминаются; имя одного изъ нихъ Hu-mih-tan, о которомъ не дано никакихъ подробностей, напоминаетъ Hiu-mih, одно изъ княжествъ пяти юечжійскихъ хи-хэу ханьскихъ временъ, Hu-mih Сюань Цзана (Тамоситѣти, т.-е. Ваханъ), имя же другого Peh-t'i, находившагося «въ шести дняхъ къ востоку» (откуда—не сказано), выдается за родъ хунновъ, по поводу чего Паркеръ замѣтилъ, что такой родъ дѣйствительно существовалъ лѣтъ 700 ранѣе, но только у предѣловъ Китая [1]); описывая Хотанъ, Khavanda (Ташъ-курганъ), Персію и Куча, «Лянъ-шу» не упоминаетъ о зависимости ихъ отъ Hwah, но указываетъ, что Hwah находится на востокѣ отъ Персіи и на западѣ отъ Khavanda.

Описаніе Hwah скопировано изъ «Лянъ-шу» въ «Нань-шы» («Исторія южныхъ дворовъ», написанная тѣмъ же ученымъ, который составилъ «Бэй-шы»), но такъ какъ ни одна изъ остальныхъ династійныхъ исторій не знаетъ этой страны, о которой не упоминаютъ также ни Фа-Сянь, ни Сюань Цзанъ, ни остальные китайскіе паломники, и такъ какъ все означенное описаніе представляется апокрифическимъ и содержитъ въ себѣ больше явныхъ заблужденій, чѣмъ здраваго смысла, и «Лянъ-шу» не указываетъ своихъ источниковъ (no authority is given by the «Liang-shu»), то Паркеръ приходитъ къ заключенію, что свѣдѣнія «Лянъ-шу» о Hwah есть ничѣмъ не подтвержденная сказка (unsupported tale), происхожде-

---

1) Это Peh-t'i есть, вѣроятно, поколѣніе бай-ди, о которомъ будетъ упомянуто ниже.

ніе же ея объясняетъ слѣдующимъ предположеніемъ: во время упорной войны между Южнымъ Китаемъ и Сѣвернымъ нѣкоторые посланники изъ нынѣшняго Туркестана, — задержанные, какъ извѣстно изъ «Вэй-шу», военными дѣйствіями, — успѣли пробраться въ Нанкинъ или къ находившемуся въ походѣ лянскому императору и насказали ему или совершенно невѣдавшимъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ на дальнемъ западѣ лянскимъ чиновникамъ турусы на колесахъ; показанія ихъ чиновники и записали, какъ сумѣли (I. and Asiatic Q. Review, 1992, July, p.p. 157—159). Позднѣе (то же періодическое изданіе, 104, April, p. 340) г. Паркеръ высказалъ догадку, что основанное на слухахъ сказаніе «Лянъ-шу» о таинственной странѣ Hwah было, вѣроятно, результатомъ того факта, что столицею ефталитовъ былъ городъ Хуо (Hwoh), Варвализъ арабовъ, нынѣшній Кундузъ: оба китайскихъ знака двухъ именъ (Hwah и Hwoh) донынѣ произносятся въ Кореѣ Hwal, что именно и даетъ War или Wâl, и даже китайцы иногда называли этотъ городъ A-hwan. Паркеръ не указалъ, откуда именно почерпнулъ онъ свѣдѣніе о томъ, что городъ Хуо былъ столицею ефталитовъ, но такъ какъ писалъ онъ это въ рецензіи на Documents sur les Tou-kiue occidentaux пр. Шаванна, то можно полагать, что источникомъ послужили ему приведенныя тамъ (p. 123, note 6) слѣдующія строки изъ Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud, t. II, partie 2, p. 207: Walwâlidj est la capitale du Tokhâristan, qui fut anciennement le royaume des Hayâtilah (Ephthalites). Однако, изъ извѣстія о томъ, что Варвализъ былъ столицею Тохаристана еще не слѣдуетъ, что этотъ же городъ былъ раньше и столицею ефталитовъ; затѣмъ, какъ бы ни произносились нынѣ въ Кореѣ два китайскихъ знака, очертанія которыхъ одно отъ другого различны (см. ихъ въ той же книгѣ Шавана, p.p. 329—330), для насъ важно только ихъ китайское произношеніе, о которомъ мы можемъ судить лишь по нынѣшнимъ Хуо и Хуа, ибо прежнее произношеніе неизвѣстно.

Вслѣдствіе этого предположеніе Паркера о связи Хуа или Хоа, какъ читаютъ французскіе синологи, съ Хуо оказывается лишеннымъ основанія. Столь же неудовлетворительно обосновано мнѣніе Паркера о томъ, что описаніе Хуа въ «Лянъ-шу» есть ни чѣмъ неподкрѣпленная сказка. Указанія на источники свѣдѣній отсутствуютъ не въ одной «Лянъ-шы», а во всѣхъ династійныхъ исторіяхъ относительно большей части ихъ содержанія. Это умолчаніе объ источникахъ не лишаетъ, однако, науку возможности въ значительной части случаевъ намѣчать эти источники на основаніи свѣдѣній о пріемахъ составленія династійныхъ исторій вообще. Ошибки и заблужденія также встрѣчаются не въ одной «Лянъ-шу» и требуютъ лишь критики и разъясненій ихъ происхожденія, а не объявленія огуломъ историческихъ извѣстій сказками, когда самъ же Паркеръ призналъ свѣдѣнія «Лянъ-шу» интересными и относящимися къ ефталитамъ (p. 157).

Критическое разсмотрѣніе извѣстій «Лянъ-шу» о хоа или хуа уже начато мною выше разборомъ ханьскихъ свѣдѣній о Бахуа, на которыя сдѣлано указаніе. Теперь я закончу это разсмотрѣніе.

По о. Іакинфу, исторіи династіи Лянъ (502—556 г.г.) и замѣнившей ее династіи Чень (557—581 г.г.) составлены были Яо Сы-лянемъ, ученымъ династіи Танъ, принятымъ основателемъ этой династіи Гао-цзу (618—626 г.) на службу къ его двору («Собр. свѣд.», ч. I, стр. XIX и XX). По свѣдѣніямъ Хирта, «Лянъ-шу» составлена въ началѣ VII вѣка (Wiener Zeitschrift für die K. des M-s, B. X, 1896, S. 230); Паркеръ указываетъ 630 г. (р. 155). Хотя одному изъ лянскихъ императоровъ, Юаню (552—555 г.г.), извѣстному своимъ покровительствомъ искусствамъ, приписывается составленіе илюстрированной книги о западныхъ странахъ, которая существовала еще въ началѣ дин. Танъ, но до насъ не дошла (Хиртъ, тамъ же); однако это обстоятельство недостаточно гарантируетъ основательность и вѣрность свѣдѣній о западныхъ народахъ и странахъ у лянской династіи, потому что, будучи отдѣлены отъ нихъ тибетскими землями и владѣніями враждебныхъ царствъ сѣвернаго Китая, лянцы не имѣли для запада никакого политическаго значенія, и за посольства съ запада у нихъ, вѣроятно, по большей части выдавали себя торговцы, желавшіе воспользоваться льготами и привиллегіями посланниковъ; въ частности изъ владѣнія Хоа послѣднее посольство было при династіи Лянъ въ 526 г., слѣдовательно за 26 лѣтъ до вступленія на престолъ Юаня, такъ что свѣдѣнія объ этомъ владѣніи, если оно значилось въ приписываемой Юаню книгѣ, не были получены отъ современныхъ книгѣ посольствъ, а взяты изъ записей показаній прежнихъ посольствъ изъ Хоа или почерпнуты изъ слуховъ и разспросовъ у посольствъ изъ другихъ западныхъ владѣній царствованія Юаня. Весьма затѣмъ возможно, что, при скудости свѣдѣній, составлявшіе книгу или лишь помогавшіе ему въ ея составленіи ученые прибѣгали къ догадкамъ. Къ такимъ догадкамъ можетъ быть отнесено поставленіе владѣнія или народа хуа на Аму-дарьѣ въ генетическую связь съ чешы'скимъ старѣйшиною ханьскихъ временъ Ба-хуа на основаніи, видимо, лишь звукового сходства второго слога имени Ба-хуа съ именемъ владѣнія Хуа или Хоа, при чемъ этотъ второй слогъ имени старѣйшины обращался въ родовое названіе, безъ всякихъ, однако, въ «Хэу-Хань-шу» или иныхъ основаній. Слѣдующая послѣ указанія на Ба-хуа историческая справка о неимѣніи у Китая сношеній съ хуа во время династій Вэй и Цзинь (220—420 г.г. по Р. Х.) и свѣдѣніе затѣмъ о нахожденіи хоа подъ владычествомъ жужаней въ період 386—494 г.г. кажутся доводящими исторію хуа непрерывно до временъ дин. Лянъ (502 г.). Но это только миражъ: на самомъ дѣлѣ существованіе чешы'скаго рода хуа въ 126 г. ничѣмъ не удостовѣрено; если же такого рода у чешы'сцевъ не было, то отсутствіе свѣдѣній о сношеніяхъ съ нимъ Китая въ 220—420 г.г. ничего не доказы-

ваетъ; наконецъ, утвержденіе о нахожденіи хуа въ 386—493 г.г. подъ владычествомъ жужаней, въ видѣ маленькаго народца, не заслуживаетъ довѣрія въ виду отсутствія всякихъ объ этомъ упоминаній и свѣдѣній въ исторіи жужаней, въ свѣдѣніяхъ о владѣніи Чешы и замѣнившемъ его Гаочанѣ («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 205—240 и ч. III, стр. 147—149 и слѣд.), а также объ ѣда (тамъ же, стр. 177—179). Лянскіе хоа и юаньвэйскіе ѣда несомнѣнно тождественны, но юань-вэйскія свѣдѣнія, по большей ихъ продолжительности (лянскія лишь съ 516 по 526 г., юаньвэйскія же и замѣнившихъ ее династій съ 455 г. по 558 г.) и по возможности ихъ пополненія и повѣрки не только разспросами несравненно болѣе многочисленныхъ посольствъ отъ ѣда, но чрезъ собственныя посольства, должны быть много полнѣе и правильнѣе, а потому пользоваться предпочтеніемъ.

Откуда, однако, взялось въ «Лянъ-шу» имя хоа или хуа, а въ «Тунъ-тіень» имя хоа-тюнь, какъ бы подтверждающее правильность перваго?

Еще Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, встрѣтивъ у Матуаньлиня, въ переводѣ Абеля Ремюза, упоминаніе о Хоа (Nouveaux mélanges asiatiques, 1829, t. I, p. 243: Il y a un auteur qui pretend que ce nom de Ye-tha était primitivement celui de la famille royale du pays de Hoa, dont les habitants furent connus avant l'an 144 de J.-C., et avaient assujeti tous les royaumes voisins, la Perse... etc. [1]), узналъ въ странѣ Хоа владѣніе Хо кит. династійныхъ исторій, полагая, что обширныя завоеванія царей Хоа во II вѣкъ по Р. Х. могли быть совершены лишь царями юечжей-кушановъ, находившихся тогда въ апогеѣ своей силы (Etudes de géographie ancienne etc., Paris, 1850, t. I, p.p. 284—285). По всей вѣроятности, приведенныя свѣдѣнія, — извращенныя, особенно въ датѣ 144 г., вмѣсто 126 г. по Р. Х., самимъ Матуаньлинемъ или переводчикомъ, — были взяты изъ «Лянъ-шу». Маленькое владѣніе Хэ (такъ пишетъ это имя Іакинфъ, «Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 204, 205, 188, западно-же европейскіе синологи произносятъ Хо), имѣвшее лишь 1 т. войска и столицу въ 2 ли въ окружности, упоминается и описывается, сколько извѣстно, впервые въ «Суй-шу» и затѣмъ въ «Бэй-шы»; по нахожденію на югѣ въ нѣсколькихъ ли отъ р. Нами (Заравшана), въ 150 ли на западъ отъ Цао, лежавшаго въ сто ли на западъ отъ Кана (Самаркандъ), и въ трехъ стахъ ли на востокъ отъ вл. Малаго Ань (на сѣверѣ отъ нынѣшняго Кермине, теперь сел. Калганъ-ата, см. В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 100), вл. Хо должно было располагаться около нынѣшняго Катты-кургана, на сѣверѣ отъ него.

---

[1]) По д-ру Маркварту (Ērānšahr, 61), который считаетъ *ѣ-та-и-ли-то* за титулъ, а не имя, древнее произношеніе *ѣ-та* было Jeptah=Ephtal—имя главъ орды, *и-ли* же есть тюркское *иль* (äl). Что такое остающейся слогъ *то*—г. Марквартъ не говоритъ.

Присвоеніе имени вл. Хо царству и народу ѣда можетъ быть, думаю я, объяснено тѣмъ, что въ дѣйствительности государи ѣда никакихъ посольствъ въ лянскій Китай не отправляли, такъ какъ южный Китай для нихъ никакого политическаго значенія не имѣлъ, подъ именемъ же посольствъ отъ нихъ всѣ три раза (въ 516, 520 и 526 г.г.) являлись выдававшіе себя за посланниковъ торговцы изъ вл. Хо; они, однако, могли не скрывать, что сами они родомъ изъ находящагося въ числѣ подвластныхъ царю ѣда земель вл. Хо; по незнанію или малознанію этими торговцами китайскаго языка и по трудности имѣть въ южномъ Китаѣ переводчиковъ иранскаго нарѣчія, на которомъ они говорили, рѣчи ихъ могли быть поняты такъ, что они послы отъ царства и народа Хо, при чемъ имя Хо лянцами передано знакомъ Хоа, совершенно отличнымъ отъ знака, произносимаго Хо, имя же ѣ-та (вѣроятно, ефталъ), которымъ они называли властвующій народъ и царство, принято лянцами за имя царя, съ добавленіемъ по какому-нибудь недоразумѣнію слоговъ и-ли-то, потому что считать ѣ-та-и-ли-то за ефталитъ, по моему, невозможно, ибо это византійская форма съ спеціальнымъ конечнымъ суффиксомъ *ит,* какъ и въ *кидаритъ.*

Что касается имени *Хоа-тюнь,* то упоминаніе въ «Суй-шу» и въ повторившей ея свѣдѣнія «Бэй-шы», что владѣтель Хэ имѣлъ «проименованіе» *дунь* (у Іакинфа, по Пфицмайеру же, l. c., 471, Tün) даетъ возможность думать, что хоа-тюнь должно было означать *тюнь* (т.-е. государь, князь) вл. Хоа, потому что это тюнь не какое-то «проименованіе» или Junglingsname (у Пфицмайера), а титулъ, которымъ именовался владѣтель Хо; ясно это изъ того, что во многихъ суйскихъ описаніяхъ, вѣроятно, по общему правилу данной для нихъ программы, помѣщены эти «проименованія», въ томъ числѣ государя Босы (Персіи) *кусахо,* т.-е., конечно, *хозрой,* какъ титуловались персидскіе цари. Отсутствіе имени хоа-тюнь въ «Лянъ-шу» и въ «Бэй-шы» заставляетъ предполагать, что составленіе этого имени для ѣда-ефталитовъ изъ лянскаго *хоа* и суйскаго *тюнь* есть догадка какого-нибудь танскаго ученаго, которую и помѣстилъ въ свою компиляцію составитель «Тунъ-тіень», если она не была плодомъ его собственнаго остроумія.

Основываясь на томъ, что владѣніе Хо называлось также у китайцевъ Кю-шуан-ни-кя и было около 655 г. переименовано въ округъ Гуйшуанъ, Томашекъ утверждалъ, что истинное мѣстное имя Кю-шуан-ни-кя было Кушани-катъ, т.-е. «жилище кушановъ», а это въ связи съ переименованіемъ въ округъ Гуйшуанъ показываетъ, что именно тутъ находилось мѣстообитаніе кушанскаго племени юечжей, котораго князь Кучуку подчинилъ впослѣдстіи остальныя четыре племени юечжей и основалъ кушанскую династію. Доказательствомъ того, что юечжи овладѣли первоначально Согдіаною, и отсюда уже подчинили себѣ Тохаристанъ и т. д., считалъ онъ

то обстоятельство, что князья Кана (Самарканда) признавали себя происходившими изъ царскаго дома юечжей (Sogdiana, SS. 89—91). Изъ всего этого вѣрно, какъ значится въ «Танъ-шу», что Хо или Хэ иначе именовалось Кюйшуаннига и Гуйшанни и что оно при переименованіи западныхъ владѣній въ губернаторства, округа и т. д. «обращено въ округъ Гуйшуанъ»; тамъ же сказано, что «по восточную сторону города (должно быть столицы вл. Хэ) есть двухъ-этажное зданіе (un pavillon à étages); на сѣверной его стѣнѣ красками написаны древніе императоры Срединнаго государства (т.-е. Китая); на восточной—дулгаскіе ханы и индійскіе владѣтели; на западной—владѣтели босыскіе и фолиньскіе; владѣтель, учинивъ поклоненіе предъ ними, уходитъ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 246, и Documents etc., par Chavannes, p. 145, гдѣ послѣдняя фраза переведена: Le prince de ce pays va le matin s'y prosterner, puis il se retire). Объ этой сказкѣ достаточно замѣтить, что по своей невѣроятности она не заслуживаетъ никакого довѣрія. Не считая доказаннымъ, но и не находя невозможнымъ, что имя Хо или Хэ китайской транскрипціи есть зендское гау или *гава*, какъ предполагалъ Томашекъ (S. 96), я допускаю, что владѣніе Хо или столица его именовались также Кашаномъ (или Кашаніей мусульманскихъ писателей), но нахожу весьма мало вѣроятнымъ, чтобы имя резиденціи гуйшуанскаго или кушанскаго хи-хэу ханьскихъ временъ Хо-цзэ или Хо-цзао составилось изъ именъ владѣній Хо или Гава и Цао (S. 90). Мною уже выяснено выше, согласно даннымъ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», что Согдіаною юечжи не овладѣвали, и что она еще до прихода ихъ въ Междурѣчье подчинена была кангюйцами и осталась въ вассальныхъ къ послѣднимъ отношеніяхъ нѣсколько столѣтій послѣ завоеванія юечжами Бактріаны; поэтому противоположное предположеніе Томашека считаю я ошибочнымъ; несостоятельность же аргумента о происхожденіи княжескихъ домовъ Согдіаны отъ юечжей будетъ выяснена при обсужденіи происхожденія титула чжаову.

Мнѣнія Шпехта и Паркера о тюркскомъ происхожденіи юечжей и ѣда.

Сдѣланный выше разборъ статьи «Лянъ-шу» дѣлаетъ понятнымъ, почему «Чжеу-шу», «Суй-шу», «Бэй-шы» съ воспроизведшей ея свѣдѣнія «Вэй-шу» и, наконецъ, «Танъ-шу» оставили увѣреніе «Лянъ-шу» о происхожденіи хуа или хоа-ефталитовъ отъ чешы даже безъ упоминанія: вѣроятно, неосновательность и произвольность догадокъ «Лянъ-шу» были слишкомъ ясны и общеизвѣстны, чтобы стоило о нихъ серьезно говорить. Всѣ пять исчисленныхъ династійныхъ исторій согласно признаютъ ѣда потомствомъ юечжей и только двѣ изъ нихъ («Бэй-шы» и повторявшая ее «Вэй-шу») упомянули о существованіи сказанія о происхожденіи ѣда будто

бы отъ гаогюйцевъ, помѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ положительно опровергающее это сказаніе свѣдѣніе о томъ, что языкъ ѣда совершенно отличенъ отъ гаогюйскаго. Если г. Шпехтъ находилъ согласное утвержденіе пяти династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей ошибочнымъ, то ему, очевидно, надлежало выяснить достаточными данными эту ошибочность, указать, которому изъ несогласныхъ между собою сказаній о принадлежности ѣда къ чешы или о принадлежности ихъ къ гаогюйцамъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе, по какимъ основаніямъ, и, наконецъ, въ случаѣ признанія ѣда вѣтвью гаогюйцевъ, объяснить, какимъ образомъ это могло быть, когда языкъ ѣда былъ совершенно отличенъ отъ гаогюйскаго. Вмѣсто этого Шпехтъ ограничился слѣдующимъ (р. 340, note 1): Nous avons vu, d'après *l'Histoire des Liang*, que les Hoa devaient être une nation de race turque. Cette phrase: «les Yé-tha sont de la race des Grands Yué-tchi, etc.», doit signifier que les premiers ont demeuré dans les contrées habitées anciennement par les Yué-tchi. On trouve dans les auteurs grecs des expressions semblables. Ménandre ne dit-il pas que les Turcs se nommaient anciennement Saces? Aussi M. de St.-Martin fait remarquer (Lebeau, IX, 383) que ces sortes de synonymes dans les auteurs grecs et dans les anciens, en général, indiquent seulement que les peuples qu'ils font descendre l'un de l'autre, ont successivement dominé dans les mêmes régions. Между тѣмъ въ «Лянъ-шу», какъ приведено по переводу г. Шпехта, совсѣмъ не говорится, что хоа были «народомъ тюркскаго племени», а сказано лишь, что хоа «есть вѣтвь чешы'сцевъ»; отнесеніе чешы къ народамъ тюркскимъ и выводъ, что хоа были народомъ тюркскимъ, принадлежатъ г. Шпехту, а не «Лянъ-шу». Если и допустить, что чешы народъ тюркскій, чего Шпехтъ не доказалъ, необходимо установить вѣрность увѣренія «Лянъ-шу» о томъ, что хоа есть вѣтвь чешы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это утвержденіе представляется лишь неосновательною догадкою и опровергается свидѣтельствомъ пяти династійныхъ исторій о томъ, что ѣда принадлежатъ племени юечжей. Умолчавъ объ опровергающемъ принадлежность ѣда къ тюркскимъ народамъ свидѣтельствѣ «Бэй-шы» и «Вэй-шу» о совершенномъ отличіи языка ѣда отъ гаогюйскаго, а стало-быть и вообще отъ тюркскаго, ибо гаогюйское нарѣчіе было однимъ изъ тюркскихъ, Шпехтъ думаетъ устранить завѣреніе пяти династійныхъ исторій о происхожденіи ѣда отъ юечжей увѣреніемъ, что это завѣреніе означаетъ только то, что ѣда занимали тѣ страны, которыя раньше были обитаемы юечжами. Правильно и безспорно доказать это свое увѣреніе г. Шпехтъ могъ бы лишь приведеніемъ текстовъ каждой изъ пяти исторій, которые ясно показывали бы, что составители ихъ постоянно или хотя достаточно часто признавали народы происходящими отъ племенъ, ранѣе ихъ обитавшихъ на той же территоріи, только на основаніи такого обитанія. Недо-

статочно было бы ссылаться на примѣры въ этомъ родѣ другихъ китайскихъ историковъ, ибо и у китайскихъ историковъ бывали эпохи не только прогресса, но и регресса. Хотя г. Шпехтъ не воспользовался примѣрами китайской исторической литературы, но не трудно указать на примѣры «Дай-Цинъ-и-тун-чжи» (государственная географія дин. Цинъ, т.-е. нынѣшней, манчжурской, первое изданіе которой относится къ 1743 г.) и «Си-юй-ту-чжи» («Описаніе западнаго края», составленное особой коммиссіей, учрежденной въ 1756 г.). Составители послѣдняго сочиненія полагали, что усуни ханьскихъ временъ были предками нынѣшнихъ бурутовъ (т.-е. кара-киргизовъ), потому единственно, что послѣдніе обитаютъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали нѣкогда усуни, и имѣютъ такой же кочевой образъ жизни (Recueil de documents sur l'Asie centrale, par C. Imbault - Huart, Paris, 1881, pp. 159—161). По «Дай-Цинъ-и тунъ-чжи» усунь есть древнее имя цзунгаровъ или калмыковъ («Описаніе Чжуньгаріи» и пр., монаха Іакинфа, Спб., 1829 г., извлеченное изъ Государственной Китайской Географіи алфавитное объясненіе древнихъ мѣстъ, стр. VI и XXXVI), вѣроятно по тѣмъ же основаніямъ, по какимъ усуни признавались предками бурутовъ. Однако, промахи манчжуро-китайскихъ чиновниковъ XVIII в. не даютъ основаній полагать, что историки древнихъ династій не знали о недостаточности обитанія на однихъ мѣстахъ и сходства образа жизни для признаванія позднѣйшаго народа происходящимъ отъ древнѣйшаго и о необходимости для этого лингвистическихъ, антропологическихъ и т. д. данныхъ, въ связи съ достаточно непрерывными историческими свѣдѣніями, устраняющими возможность замѣны первоначально обитавшаго народа другими, принадлежавшими къ инымъ племенамъ, — не даютъ тѣмъ болѣе, что въ упомянутыхъ династійскихъ исторіяхъ встрѣчаются свѣдѣнія о языкахъ и о физическихъ типахъ народовъ и что перерывы въ сношеніяхъ съ западными народами были до танской династіи сравнительно незначительны.

Указаніе на Менандра (писавшаго: «Турки, въ древности называвшіеся саками, отправили къ Юстину посольство» и т. д., см. вышеуказывавшійся переводъ Дестуниса, стр. 375) едва ли удачно, потому что подъ собирательнымъ именемъ саковъ извѣстны были у персовъ (отъ которыхъ это имя проникло и на западъ) народы разныхъ племенъ, ведшихъ кочевую жизнь на сѣверѣ и сѣв.-востокѣ отъ Персіи; въ числѣ ихъ находились, кромѣ иранскихъ, и тюркскія племена канглы и сэ; истинное имя послѣднихъ было, вѣроятно, саха и оно-то, вѣроятно, обратилось у персовъ въ сака, какъ мнѣ уже приходилось высказываться. Не отвергая, что нѣкоторые западные писатели ошибочно или неосновательно присвоивали современнымъ имъ народамъ имена и происхожденіе отъ болѣе древнихъ народовъ единственно потому, что тѣ и другіе обитали въ однихъ и тѣхъ же странахъ, я не нахожу, однако, никакихъ основаній полагать, что и соста-

вители пяти династійныхъ исторій впали въ такую же ошибку относительно ѣда и юечжей.

Уклонившись отъ критической повѣрки извѣстій «Лянъ-шу» и сказанія «Вэй-шу», а также отъ выясненія, къ какому дѣйствительно племени принадлежатъ хоа-ѣда: чешыскому ли, какъ гласитъ первый источникъ, или гаогюйскому, какъ утверждаетъ второй, г. Шпехтъ настоятельно утверждаетъ, что хоа-ѣда не потомки юечжей, а совершенно особый народъ, ибо юечжи-кушаны, бывъ первоначально кочевниками, сдѣлались вскорѣ народомъ осѣдлымъ и усвоили, по крайней мѣрѣ частію, индо-эллинскую цивилизацію, тогда какъ ефталиты не имѣли монеты, остались кочевниками, по нравамъ и обычаямъ много походили на тюрковъ и практиковали поліандрію, о которой у юечжей-кушановъ не упоминается (pp. 319, 338, 349 и 350). Я уже выяснилъ выше («Р. А. Ж.», 1904 г., кн. XVII — XVIII, стр. 38), что содержащееся въ статьѣ «Цянь-Хань-шу» о б. юечжы замѣчаніе объ одинаковости «почвы, климата, вещей, обычаевъ народа и монеты» съ аньсискими относится не къ землямъ и народу юечжійскому, составлявшему менѣе трети населенія страны, а ко всей странѣ вообще и въ частности къ ея милліонному туземному иранскому населенію, къ дахясцамъ, ибо объ юечжахъ собственно сказано тамъ же, что это кочевой народъ (nation по переводу Wylie, «государство» — по неудачному выраженію Іакинфа), сходный по обычаямъ съ хуннами. Засимъ мною уже показана неосновательность мнѣнія Бойе, по которому еще при Старшихъ Ханяхъ юечжы раздѣлили между своими кланами территорію дахясцевъ на югѣ отъ Аму-дарьи, заняли города и сдѣлались осѣдлымъ народомъ: ничего подобнаго въ «Цянь-Хань-шу» нѣтъ, если же въ «Хэу-Хань-шу» говорится, что «когда Домъ Юечжы былъ уничтоженъ хуннами, то онъ переселился въ Дахя, раздѣлился на пять княжескихъ Домовъ», — это не согласно съ свѣдѣніями «Цянь-Хань-шу», которыя, какъ основанныя на свѣдѣніяхъ современныхъ, только и должны быть почитаемы вѣрными, вопреки неточностямъ и поправкамъ составителей исторіи Младшихъ Ханей черезъ нѣсколько столѣтій послѣ эпохи Старшихъ Ханей. Что юечжы продолжали вести кочевую жизнь еще въ пятомъ, а можетъ-быть, и въ шестомъ вѣкахъ, это удостовѣряется въ вышеприведенныхъ (тамъ же, стр. 53) свѣдѣніяхъ статьи о пурушапурскихъ «малыхъ юечжы», управлявшихся потомками Кидоло, гдѣ послѣ словъ объ употребленіи золотой и серебряной монеты сказано: «Перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, слѣдуя за своимъ скотомъ, подобно хуннамъ». Въ томъ, что юечжы-кушаны-ефталы сохраняли кочевой образъ жизни девять вѣковъ своего существованія въ бассейнѣ Аму-дарьи, нѣтъ ничего безпримѣрнаго, если принять въ соображеніе, что въ средѣ существующаго здѣсь нынѣ кочевого населенія, численностью и теперь превосходящаго численность юечжей, есть роды тюркскіе и арабскіе, остающіеся кочевниками болѣе тысячелѣтія.

Сходство обычаевъ юечжей и ѣда съ хунскими и тюркскими отнюдь не означаетъ, что юечжы и ѣда принадлежали къ племени хунновъ или тюрковъ, ибо объясняется тѣмъ, что у всѣхъ кочевниковъ Средней Азіи, къ какому бы племени они ни принадлежали, существуетъ значительное сходство въ обычаяхъ, зависящее отъ сходства природныхъ условій и отъ одинаковыхъ требованій скотоводческо-кочевого и родового быта. Что касается поліандріи, то вообще свѣдѣнія древнихъ китайскихъ историковъ о нравахъ и обычаяхъ иностранныхъ народовъ очень кратки. О поліандріи въ частности они ничего не говорятъ не только у отдаленныхъ юечжей, но и у тибетцевъ (см. «Исторію Тибета и Хухунора. Переводъ съ кит. монаха Іакинфа Бичурина», Спб., 1833 г., ч. I, объ обычаяхъ цяновъ до Р. Х., стр. 2, и въ танское время, стр. 237). Объ обычаяхъ «малыхъ юечжей», оставшихся около Наньшаня и попавшихъ вскорѣ подъ владычество Китая, говорится: «Одѣяніемъ, пищею и языкомъ нѣсколько сходны съ цянами и такъ же имя или прозваніе отца и матери служитъ названіемъ роду. Большихъ родовъ считается у нихъ семь; войска въ сложности около десяти тысячъ» (тамъ же, стр. 66). За неимѣніемъ китайскихъ свѣдѣній о поліандріи у юечжей, можно довольствоваться приведенными выше (стр. 123, въ «Свѣдѣніяхъ объ ѣда въ «Вэй-шу» и пр.) извѣстіями сирійца Бардезана о такомъ положеніи женщинъ у кушановъ, которое у тибетцевъ является слѣдствіемъ поліандріи. По Прокопію кесарійскому, писавшему во второй четверти VI в., «самые богатые» изъ ефталитовъ «пріобрѣтаютъ себѣ друзей, человѣкъ до двадцати и болѣе; друзья всегда обѣдаютъ вмѣстѣ съ ними, раздѣляютъ ихъ достатокъ, имѣя на него общее съ ними право. Когда же тотъ, кто пріобрѣлъ друзей, умретъ, то, по закону, и они должны быть положены въ гробъ вмѣстѣ съ нимъ живые» («Исторія войнъ римлянъ съ персами» и пр., переводъ Дестуниса, 1862, стр. 14). Такой же оригинальный обычай существовалъ, по «Танъ-шу», у туфаней (634 — 866), т.-е. тибетцевъ: «У нихъ государь заключаетъ дружество съ вельможами. Пять или шесть человѣкъ клянутся вмѣстѣ жить и умереть; по смерти же государя, сіи вельможи сами себя предаютъ смерти, чтобы вмѣстѣ быть похороненными» («Исторія Тибета и Хухунора», Бичурина, 1833, ч. I, стр. 129 и 130; то же самое въ переводѣ Bushell'я, Journal of the Royal Asiatic Society, vol. 12, 1880, p. 443).

По мнѣнію Паркера, юечжы и усуни, — которыхъ имена произносились въ древности Et-the и O-sen, такъ какъ и въ настоящее время таково произношеніе знаковъ, которыми имена эти изображались при династіи Хань, на дюжинѣ хорошо извѣстныхъ діалектовъ (въ томъ числѣ на корейскомъ и аннамскомъ [1]), — принадлежали къ племенамъ тюркскимъ, ибо

[1]) Въ книгѣ своей A Tousand Years of Tartars, 1895, p. 30, Паркеръ склоненъ былъ думать, что древнее произношеніе имени Wu-sun было Aw-sen или Orson. О степени же довѣрія, которое можно имѣть къ опредѣленію древняго

китайскіе историки причисляли ихъ къ категоріи народовъ *ху*, изъ которой строго исключались племена тибетскія (The Ephthalites Turcs въ Imperial and Asiatic Quarterly Review, 1902, July, p. 131). Въ другомъ мѣстѣ той же статьи Паркеръ опредѣляетъ ху, какъ a provokingly vague name for all Persians, Hindoos and «Tartars» (p. 135), слово же Tartar, which no European can intelligibly define, seems, in its Chinese forms, Ta-ta, Ta-ta-êrh, Ta-tsz, to belong strictly to Mongols, or to Tung-hu (i. e. Eastern Hu), who were not of Manchu race (p. 154). Всѣ эти утвержденія Паркера не подкрѣплены ни текстами, ни указаніями, по крайней мѣрѣ, на авторитеты, тогда какъ китайскіе термины для категорій инородцевъ не имѣютъ надлежащей опредѣленности и значеніе ихъ вообще спорно. Такъ, по С. Георгіевскому, инородческія племена получили «отъ китайцевъ по странамъ свѣта четыре главныхъ наименованія: *жунъ* на западѣ, *ди* на сѣверѣ, *и* на востокѣ, *мань* на югѣ» («Первый періодъ китайской исторіи», Спб., 1885, стр. 236, а также «О корневомъ составѣ кит. языка въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ», 1888, стр. 75). Іакинфъ утверждаетъ, что «древняя кит. исторія, когда слова *жунъ* и *ху* придаетъ къ племенамъ, обитавшимъ на сѣверѣ Китая, то разумѣетъ однихъ монголовъ, а когда примѣняетъ сіи названія къ народамъ на западѣ Китая, то подъ словомъ *жунъ* разумѣетъ хухэнорскихъ тангутовъ, а подъ словомъ *ху* разумѣетъ племена тюркскаго и персидскаго семейства» («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 7 и 8). По проф. Шаванну, *ху* есть désignation générale des barbares d'Occident (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, p. 329), *ди* — un nom générique des barbares du Nord (p. 368), *жунъ* — nom générique des barbares (p. 332), какъ и *мань* (p. 345), а *и* просто варвары (barbares, p. 330); въ текстахъ встрѣчаются именованія западныхъ тюрковъ «западными жунами» (p. 24) и тюркскихъ племенъ чуюе, чуми и пр. «жунами, ху и ди» (p. 61).

Въ историческихъ свѣдѣніяхъ о хуннахъ, помѣщенныхъ въ «Шы-цзи» и «Цянь-Хань-шу», терминъ *ху* встрѣчается, кажется, впервые въ 307 г., когда князь удѣла Чжао Вулинъ «ввелъ въ своихъ владѣніяхъ одѣяніе кочевыхъ ху...; онъ разбилъ на сѣверѣ поколѣнія Линьху [1]) и Лэуфань, построилъ Долгую стѣну» и т. д. (Іакинфъ «Собр. свѣд.», I, стр. 9, Wylie въ J. of Anthropol. Institute, 1874, III, p. 406). Когда династія Цинь (221 — 206 гг. до Р. X.) объединила Китай, императоръ Ши-

---

произношенія при помощи „дюжины“ нынѣшнихъ діалектовъ, можно судить по его же словамъ, предпосланнымъ произношенію Et-the и O-sen (p. 131): Jt is dangerous to lay down any absolute rule as to what foreign sounds the ancient Chinese, themselve speaking several dialects, intended to imitate when they used a given character.

[1]) Линьху, по Георгіевскому („О корневомъ составѣ кит. языка“ и пр., стр. 81 и 82), были въ 244 г. до Р. X. истреблены или вытѣснены въ южную Манчжурію, гдѣ слились съ родственными имъ корейскими племенами.

Хуанъ-ди «отправилъ на сѣверъ противъ *ху* полководца Мынъ-тьхянь» (стр. 10, p. 407). Мы знаемъ, что тогда хунны были вынуждены очистить Ордосъ и удалиться на сѣверъ отъ Желтой рѣки, пока смуты въ Китаѣ при паденіи дин. Цинь не дозволили имъ возвратиться въ прежнія земли (стр. 11, p. 407). Мы знаемъ также, что чрезъ нѣкоторое послѣ того время хуннускій шаньюй Модэ неожиданно напалъ на кочевавшихъ на востокѣ отъ хунновъ *дунъ-ху* и уничтожилъ ихъ царство, по возвращеніи же «ударилъ на западѣ на Юечжы и прогналъ его» (стр. 13, p. 409). Въ слѣдующемъ затѣмъ описаніи нравовъ, обычаевъ и пр. хунновъ во время Модэ сказано, что князья и правители западной части земель хунновъ занимаютъ «западную сторону противъ Шанъ-гюнь [1]) и далѣе на западъ до Юечжы, Ди и Кяновъ» («Собр. свѣд.», I, стр. 15). Въ переводѣ Wylie слова, отмѣченныя кавычками, переведены: the western region from Shang-keun westward as far as the Te Keang (p. 410), такъ что юежей въ этомъ переводѣ не оказывается и земли хунновъ простираются на западъ до ди и кяновъ. Я думаю, что вѣренъ тутъ текстъ и переводъ Wylie, а не Іакинфа, потому что, если Модэ прогналъ юечжей изъ прежнихъ ихъ земель, то земли хунновъ могли не доходить до удалившихся юечжей, а потому хунны граничили лишь съ ди и кянами. Терминомъ ди должны были здѣсь именоваться обитавшіе на сѣверѣ, сѣверо-западѣ и западѣ народы Кюеше (Keu-shih), Динлинъ и Гэгунь (Kih-hwang-l'ung), которые впослѣдствіи покорены были хуннами при томъ же Модэ (стр. 17, p. 411) вмѣстѣ съ владѣніями Хуньюй (Hwang-yu) и Цайли (Sin-le). Два послѣднія я опредѣлить затрудняюсь, изъ первыхъ же трехъ Кюеше кажется мнѣ возможнымъ считать за вл. Гушы, впослѣдствіи покоренное китайцами и переименованное въ Чешы; оно лежало у подножій Восточнаго Тяньшаня. Динлинами китайцы называли рыжеволосый, голубоглазый и румянолицый народъ сѣверной Монголіи, киргизской степи и южной Сибири, физическій типъ котораго еще въ танское время сохранялся у енисейскихъ кыргызовъ, говорившихъ уже по-тюркски («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 443 и слѣд.), тогда какъ съ сѣвера къ кыргызамъ прилегалъ народъ по-ма, походившій на нихъ по наружности, но говорившій особымъ языкомъ (тамъ же, 442), вѣроятно динлинскимъ, который долженъ былъ сохраниться и у потомковъ этихъ пома въ лицѣ найденныхъ русскими завоевателями Сибири на Енисеѣ ариновъ, асановъ, коттовъ и енисейскихъ остяковъ. Что же касается кяновъ, до земель которыхъ доходили земли хунновъ на западѣ въ началѣ царствованія Модэ, то это могли быть цяны или кяны, занимавшіе еще вѣроятно во время юечжей хребетъ Наньшань, такъ какъ по приводившимся мною уже не разъ кит. извѣстіямъ отставшіе

---

[1]) Нынѣ земли территорій Янъ-ань-фу и Суй-дэ-чжеу въ Шаньси („Собр. свѣд.“, Геогр. указ., стр. 101).

отъ массы юечжей при уходѣ ея на западъ малые юечжи стали жить въ южныхъ горахъ съ цянами; кромѣ того кочевники же кяны занимали окраины Тибета отъ Дунь-хуана до Хотана и Хиндукуша, начиная съ вл. Жокянъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 37, 45 и 47).

Въ письмѣ, посланномъ въ 89 г. до Р. Х., шаньюй хунновъ, взявшихъ въ предшествовавшемъ году въ плѣнъ лучшаго кит. полководца съ 50 т. войска, называлъ себя «сильнымъ *Ху*» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 55, въ переводѣ Wylie, p. 440, the formidable Hoo), чрезъ нѣсколько строкъ въ переводѣ Іакинфа значится «хунны», въ переводѣ же Wylie, p. 441, какъ, конечно, и въ подлинникѣ, стоитъ Hoo. Можетъ-быть, упомянутый шаньюй назвалъ себя «сильнымъ ху» въ виду того, что ху (начертаніе знака иное, чѣмъ у того же слова въ значеніи иноземцевъ сѣвера и запада) значитъ тигръ (судя по переводу у Wylie именованія одного полководца Hoo-ya чрезъ Tiger's teeth, p. 446). По завѣренію тибетскаго хутукты Миньчжула, китайское *ху*, представляющее собою извращеніе имени племени или народа хоръ, «если перевести по смыслу, значитъ сѣверный, а если перевести буквально, то значитъ покрышка» («Географія Тибета. Переводъ изъ тибетскаго сочиненія Миньчжулъ Хутукты. В. Васильева», Спб., 1895, стр. 32). Проф. Васильевъ съ своей стороны подтверждалъ: «Хоръ несомнѣнно древнее кит. ху, которое прилагалось ко всѣмъ народамъ, жившимъ на западѣ отъ Китая» (тамъ же, стр. 5). На основаніи довольно темныхъ извѣстій того же Миньчжула (стр. 53—55) и тибетскаго же сочиненія Бодимуръ (Geschichte der Ost-Mongolen, übersetzt von Schmidt, 1829, S. 359) можно допустить, что хорами именовались у тибетцевъ переселившіеся изъ южной Манчжуріи (изъ Ляодуна) къ Кукунору роды сяньбійцевъ, основавшіе здѣсь царство тукухуней (по имени его основателя), существовавшее до 663 г., когда оно было завоевано тибетцами («Исторія Тибета и Хухунора», пер. Іакинфа, 1833 г., ч. I, стр. 74—96 и 135). Если мы затѣмъ согласимся, что существующіе понынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прежняго царства тукухуней небольшіе народцы, именуемые у разныхъ путешественниковъ и авторовъ джахурами, широнголами, далдами и пр. (см. интересные и содержательные «Матеріалы по этнологіи Амдо и области Кукунора» Г. Е. Грумъ-Гржимайло въ «Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. О.», томъ 39, 1903 г.), суть остатки хоровъ-тукухуней-сяньбійцевъ, то ихъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать потомками дунъ-ху, такъ какъ по «Хэу-Хань-шу» сяньбійцы были отраслью дунъ-ху («Собр. свѣд.», ч. I, стр. 162). Изучавшій языкъ названныхъ народцевъ по словарямъ и образцамъ, собраннымъ Г. Н. Потанинымъ («Тангутско-тибетская окраина Китая», т. II, стр. 410—425), проф. А. О. Ивановскій призналъ языкъ этотъ монгольскимъ, но нашелъ, что въ фонетическомъ отношеніи онъ очень напоминаетъ дахурскій, при чемъ нѣкоторыя слова, сохранившіяся только въ дахурскомъ языкѣ, существуютъ и

въ немъ; затѣмъ въ него входятъ слова тибетскія, китайскія и тюркскія, очевидно заимствованныя уже впослѣдствіи. Съ своей стороны, въ виду завѣренія проф. Васильева («Исторія и древности вост. части Средней Азіи» въ «Трудахъ В. О. И. Р. Арх. О.», ч. 4, стр. 30 и 130), что дахуры ближе къ манчжурамъ, чѣмъ къ монголамъ, и что языкъ ихъ занимаетъ средину между монгольскимъ и манчжурскимъ, я полагаю, что, бытьможетъ, было бы правильнѣе считать языкъ широнголовъ-хоровъ-сяньбійцевъ не монгольскимъ, а дахурскимъ, такъ какъ по уходѣ сяньбійцевъ въ сѣверный Тибетъ пріобрѣсти имъ тамъ даурскія слова и фонетику было не у кого, тогда какъ монгольскіе элементы ихъ языка легко могли умножиться и усилиться подъ владычествомъ и вліяніемъ монголовъ со временъ Чингизъ-хана и калмыковъ съ XVII в. Такъ какъ дахуры къ манчжурамъ ближе, чѣмъ къ монголамъ, то и предки сяньбійцевъ дунъ-ху могутъ быть вѣроятнѣе почитаемы племенами тунгузскими, чѣмъ монгольскими. Въ имени хоръ я отказываюсь видѣть китайское ху, къ чему нѣтъ никакихъ основаній, и предпочитаю предполагать *дахуръ*, сокращенное въ *хуръ* и измѣненное въ *хоръ*, хотя сохранилась и близкая къ *дахуръ* форма *джахуръ*, гдѣ *да* передѣлано въ тибетское *чжа* или *джа*. Въ имени же *дунъ-ху* я готовъ видѣть сокращенное и измѣненное на китайскій ладъ имя *тунгузъ*. Въ такомъ случаѣ дунъ-ху съ именованіемъ категоріи инородцевъ ху ничего общаго не имѣло и переводу «восточные ху» не подлежитъ. По этой же причинѣ недопустимы «западные ху», сочиненные, кажется, нѣкоторыми синологами (Wylie, p. 410, note 49, а также Visdelou, Bibliothèque orient., 1779, IV, p. 48) вслѣдствіе перевода дунъ-ху «восточные ху». Паркеръ утверждаетъ (A Tousand Years of the Tartars, 1895, p. 119), что терминъ *си-ху* встрѣчается, хотя и очень рѣдко, но текстовъ или доказательствъ, по обыкновенію, не даетъ.

Выше изложенное даетъ достаточныя основанія заключить, что жунъ, ди, и, мань и, наконецъ, ху суть не этническія, а скорѣе географическаго значенія именованія категорій инородцевъ, подобныя терминамъ *скиѳы* у классическихъ народовъ и *саки* у персовъ, а потому тибетскія племена, попадавшія на сѣверо-западъ или западъ, всѣ народы которыхъ зачислялись въ категорію ху, какого бы происхожденія и языка ни были, также должны были попадать въ категорію ху [1]). Но это, конечно, не мѣшало имъ оставаться народами тибетскаго языка. Мы видѣли, что «Бэй-шы» положительно удостовѣряетъ, что языкъ ѣда совершенно отличенъ отъ языковъ жужаньскаго, гаогюйскаго и другихъ ху. Такъ почти перевелъ и Паркеръ, но въ виду невозможности вслѣдствіе этого считать ѣда и юечжей за тюр-

[1]) Такъ о „нѣсколько“ сходныхъ съ цянами (тибетцами) по языку остаткахъ юечжей въ Чжанъ-ѣ (нынѣ Гань-чжеу) у кит. историковъ (кажется, въ „Хэу-Ханьшу“) говорится, что они назывались И-цунъ-ху, т.-е. добровольно поддавшіеся инородцы („Исторія Тибета и Хухунора“, 1833 г., ч. I, стр. 66).

ковъ онъ прибѣгъ къ предположенію, что отличіе языка Ѣда отъ языковъ жужаней, гаогюйцевъ и пр., вѣроятно, произошло вслѣдствіе вліянія на него языка ихъ арійскихъ сосѣдей (р. 147: prabably affected by their Aryan surroundings). Это предположеніе ни на чемъ не основано и опровергается историческими примѣрами. Такъ тюркскія племена, водворившіяся на Аму-дарьѣ и вообще на персидскихъ земляхъ, при сельджукидахъ въ XI в., при нашествіи монголовъ въ XIII стол., при вторженіи узбековъ въ началѣ XVI в., донынѣ сохранили свой языкъ и частію даже кочевой образъ жизни. Весьма поэтому естественно, что и юечжи-Ѣда могли сохранить свой языкъ, хотя бы и тибетскій, съ I в. до Р. Х. до половины VI в. послѣ Р. Х., пока удерживали въ своихъ рукахъ владычество въ бассейнѣ Аму-дарьи.

в) **Свѣдѣнія юань-вэйскаго посольства 519—520 гг.**

Посольство, при которомъ состояли Сонъ Юнь и Хой Сенъ, доставившіе о немъ свѣдѣнія, помѣщенныя въ исторіи храмовъ въ Лоянѣ, вступило изъ владѣнія Бо-хо (Ваханъ) въ предѣлы царства Ѣда (Ye-ta) въ началѣ десятаго мѣсяца (въ декабрѣ 519 г.). Долины (les champs) обширны, горы и озера простираются за предѣлы зрѣнія. Народъ не живетъ въ городахъ, а ведетъ кочевую жизнь, въ войлочныхъ палаткахъ, слѣдуя за потоками водъ и отыскивая мѣста, обильныя травами. Лѣтомъ идутъ въ мѣстности прохладныя, зимою же ищутъ умѣренныя. Ѣда получаютъ дань со всѣхъ сосѣднихъ владѣній, числомъ около сорока, которыя простираются на югъ до Тѣлэ (Tie-le), на сѣверъ до Лай-лэ (Lai-le), на востокъ до Юйтяни (Iu-thian = Khotan), на западъ до Бо-сы (Po-sse = la Perse). Всѣ государи этихъ владѣній являются ко двору ихъ для изъявленія зависимости (переводъ Стан. Жюльена, помѣщенный въ Asie centrale, par A. de-Humboldt, Paris, 1843, t. 2, p.p. 459 — 460). Вмѣсто Tie-le въ переводахъ другихъ синологовъ значится: у Неймана (Zeitschrift für die historische Theologie, B. 3, zweites Stück, Leipzig, 1833, S. 162) Tie-lo, у Биля (Travels of Fa-hian and Sung-yun, London, 1869, p. 184) Tieh-lo, можетъ-быть, по его мнѣнію, Химотало Сюань Цзана, у проф. de Groot (Marquart's Erānšahr, 1901, S. 216) Tieh-lo, что произносилось Tiep-lo; взамѣнъ Lai-le Стан. Жюльена стоитъ: у Неймана (тамъ же) Tschi-le, у Биля (p. 185) Lae-leh, но съ замѣчаніемъ, что можно читать и Chih-leh, у проф. de Groot (S. 216) T'ik-k'in. Далѣе въ свѣдѣніяхъ того же посольства о владѣніи Гандарѣ (Kan-to-lo) сказано, что оно первоначально имѣло имя, по Нейману (S. 172) и Билю (p. 197 и поправка въ Errata) Nie-po-lo, по проф. de Groot (S. 211) Yeh-p'o-lo; что оно было опустошено ѣда'сцами, которые поставили въ немъ государемъ по Нейману Li-tschi-le, по Билю Lae-lih, по de Groot'y T'ik-lek, и что съ того времени прошло

уже два поколѣнія (Нейманъ и Биль, по de Groot'у же: schon die zweite Generation den Tron bestiegen).

При опредѣленіи правильнаго чтенія спорныхъ именъ необходимо принимать въ соображеніе несомнѣнно заимствованныя изъ отчетовъ о посольствѣ Сонъ Юня съ тов. въ «Бэй-шы» и оттуда въ существующую «Вэй-шу» свѣдѣнія о владѣніи Гандарѣ: По переводу Іакинфа («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 181), «владѣніе Кяньто лежитъ отъ Учана къ западу. Подлинное его названіе есть Ѣбо. Когда Ѣда покорилъ Кяньто, то перемѣнилъ ему названіе. Владѣтель его произошелъ изъ смежнаго владѣтельнаго Дома Чилэ, и царствуетъ уже въ третьемъ колѣнѣ». Переводъ проф. de Groot'a изъ «Вэй-шу» (Marquart's Erānšahr, 211): Das Reich Kan-t'o (Gandhāra) liegt westlich von U-čang. Ursprünglich hiess es Jeh-p'o, aber nachdem es durch die Jeh-tah niedergeworfen war, erhielt es den anderen Namen. Der Fürst ist eigentlich ein t'ik-lek; er ist der zweite regierende Fütst seines Hauses. Паркеръ, изъ «Вэй-шу», приводитъ, что Kan-t'o State (the same as Kan-to-lo, Kien-t'o-lo or Gândâhar) is west of Udyâna, and was originally called Yeh-po until the Yeh-t'ah conquered them ats changed its name. Its King was originally a Ch'ih-lêh (i. e. Tölös, or early Ouigohr) and two generation of them reigned.; there were three years war with Kipin (p. 149). Проф. Шаваннъ переводитъ изъ «Бэй-шы»: «(Le Gandhâra) était appelé primitivement *Che-po*; il fut détruit par les Hephthalites et c'est alors qu'il changea de nom. Le roi était à l'origine un *tch'e-le* (tegin); il gouverne ce pays depuis deja deux générations». Cette dernière phrase doit être sans doute entendue dans ce sens que deux rois se sont succédé sur le tron (Documents etc., 1903, p. 225, note 3).

Имѣя переводъ de Groot'a и принимая въ соображеніе, что въ китайскихъ исторіяхъ произведена ошибочная замѣна термина t'ik-kin (tigin) терминомъ T'ik-lek (проф. Шлегель въ T'oung-pao, vol. VII, 1896, p. 158 и слѣд., и Parker въ China Review, XXIV, 1900, p. 128), д-ръ Марквартъ нашелъ, что такая же ошибочная замѣна произведена въ текстѣ Сонъ Юня и въ «Вэй-шу», т.-е. вмѣсто T'ik-lek слѣдуетъ читать тигинъ, такъ что у ефталитовъ принцы именовались, какъ и у тюрковъ, тегинами. Относительно же пограничности земель ефталитовъ на югѣ съ Tiep-lo и на сѣверъ съ T'ik-kin д-ръ Маркартъ разсудилъ, что имена эти доселѣ не встрѣчались въ качествѣ именъ для странъ, но такъ какъ у Сонъ Юня тиккиномъ или тегиномъ названъ царь Гандары, находившейся на югѣ отъ земель ефталитовъ, то нашелъ возможнымъ, что имена Tik-kin и Tiep-lo попали въ текстѣ ошибочно одно на мѣсто другого, а потому, смотря и на Tiep-lo, какъ на княжескій же титулъ, полагалъ, что данное мѣсто слѣдовало бы читать: «на югѣ до Тиккина (въ Гандарѣ), на сѣверѣ до Tiep-lo» (S. 216). Въ рецензіи (Journal asiatique, 1901, No-

vembre-Décembre, p. 553) на Eranšahr Маркварта, пр. Шаваннъ замѣтилъ, что знаки Tie-le суть не только ошибочная транскрипція имени тегинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и имя народа телесовъ древне-тюркскихъ надписей, о которомъ въ «Тан-шу» сказано: «называли ихъ также Tch'e-le, изъ котораго ошибочно сдѣлали Tie-le»; многочисленные роды этихъ тѣ-лэ простирались по «Суй-шу» отъ р. Толы до границъ римской имперіи, стало-быть, должны были граничить съ землями ефталитовъ на сѣверѣ. Поэтому тѣ-лэ правильно показаны Сонъ Юнемъ на сѣверной границѣ ѣда, хотя, онъ, Шаваннъ, не можетъ выяснить, что такое Tie-lo, показанный на югѣ. Въ Documents sur les Tou-kiue occidentaux (St.-Pét., 1903, p. 225, note 5), давъ выше приведенный переводъ изъ «Бэй-шы», г. Шаваннъ писалъ: On sait que le titre turc de tegin est constamment écrit en Chinois *t'e-le*, au lieu de t'e-k'in; anciennement on se servait aussi de l'orthographie *tch'e-le* (cf. *Tse tche t'ong kien*, chap. CLXIV, p. 7 r⁰), Les mots *tch'e-le* transcrivent aussi parfois le nom du peuple Tölös (cf. *T'ang chou*, chap. CCXVII, a, p. I r⁰); mais il ne semble pas qu'il faille recourir ici à cette explication; l'interprétation *tegin* nous est en effet garantie par le texte de *Song Yun* (*Lo yang kia lan ki*, chap. V, p. 9 v⁰ et 10 r⁰): „(Le Gandhâra) était appelé primitivement royaume de Che-po-lo; il fut détruit par les Hephthalites qui nommèrent alors roi un *tch'e-kin* (tegin); depuis que celui-ci a pris le gouvernement jusqu'à maintenant, deux générations se sont déjà écoulées". Что князья Гандары дѣйствительно носили титулъ тегинъ, это, по словамъ Шаванна, подтверждается, какъ указалъ ему Сильвэнъ Леви, *Раджатарангини*, гдѣ говорится объ одномъ изъ нихъ, названномъ thakkana (tegin).

Чтеніе одного и того же имени или титула въ одномъ и томъ же мѣстѣ реляціи о посольствѣ Сонъ Юня съ тов., какъ выше приведено, у наиболѣе свѣдущихъ синологовъ различно до того, что гдѣ одинъ читаетъ Лай-лэ, другой находитъ Чи-лэ, третій Тик-кинь, четвертый Че-кинь. Изъ замѣчанія Стан. Жюльена о томъ, что Нейманъ пользовался дурнымъ изданіемъ (Journal asiatique, 1847, t. X, p. 273), и изъ объясненія Шаванна (Documents etc., p. 225, note 5), что Биль имѣлъ изданіе, гдѣ знаки, которые онъ, Шаваннъ, читаетъ tch'e-kin, даны совершенно отлично и прочитаны Билемъ Hae-lih, слѣдуетъ заключить, что существуютъ нѣсколько изданій, между собою сильно разнящихся. Такъ какъ «Исторія храмовъ въ Лоянѣ» въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ издавалась, вѣроятно, много разъ усердіемъ ревнителей буддизма и монастырей, но безъ того вниманія и точности, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ оффиціальныхъ изданій династійныхъ исторій, производившихся по правительственнымъ распоряженіямъ, то имѣющимся изданіямъ «Исторіи храмовъ въ Лоянѣ» слѣдуетъ, въ случаяхъ разнорѣчія, отдавать предпочтеніе тексту «Бэй-шы» въ тѣхъ мѣстахъ послѣдняго

которыя должны были быть заимствованы изъ реляціи Сонъ Юня, тѣмъ болѣе, что редакторы «Бэй-шы» имѣли не только возможность пользоваться древнѣйшими, еще неиспорченными, текстами реляціи, но, быть-можетъ, имѣли въ своемъ распоряженіи и какія-нибудь офиціальныя данныя юаньвэйскихъ архивовъ объ этомъ посольствѣ. Поэтому, до той по крайней мѣрѣ поры, пока существующіе тексты реляціи посольства Сонъ Юня не будутъ подвергнуты сличенію и научному изученію, при пособіи различныхъ данныхъ китайской исторіи и литературы, слѣдуетъ отдавать преимущество тексту «Бэй-шы». Вслѣдствіе этого и такъ какъ въ «Бэй-шы» имя или титулъ и т. д. посаженнаго эфталитами царя читается Іакинфомъ, Паркеромъ и Шаванномъ одинаково Чилэ, Chih-lêh и Tch' e-le, и съ ними сходится Нейманъ (если изъ Li-tschi-le отбросить лишнее Li), слѣдуетъ, согласно чтенію этого большинства свѣдущихъ синологовъ, признать правильнѣйшимъ въ «Бэй-шы», а потому и въ реляціи Сонъ Юня съ тов., чтеніе имени, титула или рода-племени посаженнаго въ Гандарѣ царя *Чилэ*. Засимъ, что касается до именъ странъ, народовъ, племенъ, или царскихъ ихъ родовъ, до которыхъ по реляціи Сонъ Юня простирались владѣнія ѣда на сѣверъ и на югъ, то, за неимѣніемъ тутъ руководства «Бэй-шы», приходится слѣдовать указаніямъ большинства свѣдущихъ синологовъ, если не встрѣтится достаточныхъ основаній для иного рѣшенія. Для имени на сѣверной границѣ должно принять чтеніе *Чилэ* согласно большинству синологовъ, которое составляется изъ Неймана (Tschi-le) Биля (Chih-leh) и Шаванна (1901 г., Tch'e-le). Для имени на южной границѣ три же синолога даютъ чтеніе *Тѣ-ло*, именно Нейманъ Tie-lo, Биль Tieh-lo и de Groot Tieh-lo, но сомнительно, чтобы такое чтеніе было правильно, потому что до сихъ поръ не оказалось ни одной страны, народа, племени или рода, царства съ подобнымъ именемъ на вѣроятныхъ южныхъ границахъ ѣда V или VI в. в., почему мнѣ кажется необходимымъ принять чтеніе Ст. Жюльена *Тѣ-лэ*, имѣвшаго, быть-можетъ, наиболѣе въ данномъ случаѣ исправное изданіе текста, такъ какъ такое имя даетъ возможность понять и объяснить причины разнообразія китайскихъ текстовъ разныхъ изданій, а также опредѣлить, кого или что означаютъ разсматриваемыя имена. Ключемъ для этого является вышеупомянутое свидѣтельство «Танъ-шу» (Собр. свѣд.», ч. I, стр. 373) о томъ, что гаогюйскія племена именовались также *чилэ* и *тѣлэ*. Ниже мною будетъ показано, на основаніи кит. историческихъ свѣдѣній, что къ VII в. племена тѣлэ простирали свои кочевки на юго-западъ до Сыръ-дарьи и что еще въ началѣ VI в. ѣда имѣли съ ними то враждебныя, то дружественныя столкновенія и отношенія, изъ чего ясно, что въ 520 г. сѣверными сосѣдями ѣда дѣйствительно были тѣлэ или чилэ, а потому чтеніе въ реляціи Сонъ Юня съ тов. чилэ оказывается соотвѣтствующимъ исторической дѣйствительности. Мы увидимъ затѣмъ, что около половины V в. обстоятельства были таковы, что допускали вѣроятность

нахожденія на службѣ у ѣда значительныхъ отрядовъ гаогюйцевъ, а потому дѣлали возможнымъ отдачу одному изъ полководцевъ или главному предводителю отрядовъ изъ чилэ-тѣлэ завоеванной Гандары въ вассальное владѣніе: имя Чилэ для перваго царя Гандары, посаженнаго ѣда, оказывается именемъ его племени—чилэ, но такъ какъ племя имѣло другое имя—тѣлэ, то въ реляціи Сонъ Юня оно употреблено для означенія Гандары этимъ именемъ при указаніи южной границы владѣній ѣда до Гандары, наименованной Тѣлэ по другому имени племени ея династіи. На пути кит. посольства, какъ видно изъ его реляціи и «Бэй-шы», зависящія отъ ѣда владѣнія доходили до Гандары, но о зависимости Гандары, хотя основатель ея династіи былъ посаженъ въ цари ея ефталитами, умалчивается, безъ сомнѣнія потому, что сдѣлавшіеся скоро вслѣдствіе своихъ завоеваній въ Индіи могущественными цари дин. хуна освободились отъ подчиненія ѣда. И это уцѣлѣвшее въ индійскихъ историческихъ памятникахъ имя *хуна* подтверждаетъ, что династія была гаогюйскаго происхожденія, ибо гаогюйцы дѣйствительно происходили отъ хунновъ, очень мало отличаясь и по языку («Бэй-шы» въ «Собр. свѣд.», ч. I, стр. 248), и въ V в. эта принадлежность ихъ къ племенамъ хунновъ не была еще забыта ни самими ими, ни другими народами Азіи.

Переводъ Іакинфа изъ статьи «Бэй-шы» о вл. Кяньто: «Владѣтель его произошелъ изъ *смежнаго* владѣтельнаго дома Чилэ»—совпадаетъ съ только-что сдѣланными мною выясненіями о томъ, что племя чилэ дѣйствительно было «смежно» съ ѣда на сѣверѣ ихъ владѣній. Я думаю, это указаніе на «смежность» есть и въ кит. текстѣ, хотя почему-то ускользнуло отъ вниманія остальныхъ переводчиковъ кромѣ Іакинфа. Переводъ Іакинфа «и царствуетъ уже въ третьемъ колѣнѣ» мнѣ кажется по смыслу совпадающимъ съ переводами Паркера и Шаванна, т.-е. гласитъ, что къ данному времени, къ 520 г., царствовалъ уже третій царь династіи, внукъ, послѣ отца и основателя династіи, дѣда.

Послѣ вышеприведеннаго (стр. 150), въ свѣдѣніяхъ о посольствѣ Сонъ Юня содержится описаніе представленія посольства царю ѣда и богатыхъ нарядовъ придворныхъ дамъ, которыя носили, между прочимъ, на головахъ рогъ длиною въ восемь и болѣе футовъ, часть котораго на три фута состояла изъ краснаго коралла (Биль, р. 186), по Нейману же, (S. 163) супруга царя носила не рогъ, а двѣ косы, одна длиною въ восемь футовъ и другая въ три фута. Подобные же головные уборы употребляли жены вельможъ, съ роговъ которыхъ висѣли кругомъ ленты (veils), образуя какъ бы балдахины. Изъ числа всѣхъ варварскихъ народовъ, это—самый могущественный. Большинство—невѣрующіе (въ Будду и его ученіе). Многіе поклоняются ложнымъ богамъ. Убиваютъ животныхъ и ѣдятъ ихъ мясо. У нихъ обиліе всякихъ драгоцѣнностей, которыя доставляются въ видѣ даней изъ всѣхъ окрестныхъ странъ. Дознано, что разстояніе страны ѣда отъ

китайской столицы превышаетъ 20 т. ли (Биль, p. 186). Такъ какъ посольство вступило въ предѣлы Вахана (Po-ho) въ средней декадѣ 9 мѣсяца (p. 183) и прибыло въ страну ѣда въ первой декадѣ 10 мѣсяца (p. 184), а въ 1-й декадѣ 11-го мѣсяца вышло уже изъ страны ѣда въ предѣлы владѣнія Бочжи, то, принимая въ соображеніе, что, при необходимости употребить дней десять на путь чрезъ Ваханъ и по крайней мѣрѣ недѣли двѣ на пребываніе при дворѣ царя ѣда, слѣдуетъ полагать, что посольство не проникало на западъ далѣе предѣловъ нынѣшняго Бадахшана. Вслѣдствіе этого разстояніе въ 20 т. ли до страны ѣда несомнѣнно значительно преувеличено. По догадкѣ Маркварта (S. 240, Anmerk. 3), 20 т. ли есть ошибка вмѣсто 10 т. ли, но вѣрнѣе думать, что не озаботившіеся собираніемъ точныхъ свѣдѣній о пройденныхъ разстояніяхъ члены посольства опредѣлили общее разстояніе въ 20 т. ли гадательно, желая большой цифрой выразить, что разстояніе дальнее. Въ заключеніе не лишне отмѣтить, что сличеніе реляціи о посольствѣ 519—520 г. г. съ свѣдѣніями объ ѣда «Бэй-шы» показываетъ, что редакторъ «Бэй-шы» помѣстилъ многія весьма важныя свѣдѣнія, совершенно отсутствующія въ реляціи упомянутаго посольства, каковы особенно извѣстія о поліандріи, объ особомъ языкѣ, о численности ѣда и пр.; его свѣдѣнія объ обычаяхъ гораздо опредѣленнѣе, въ томъ числѣ и о рогахъ на головныхъ уборахъ женщинъ, по поводу которыхъ реляція Сонъ Юня даетъ свѣдѣнія смутныя и частію мало правдоподобныя, особенно относительно длины роговъ въ восемь и болѣе футовъ, безъ всякаго при томъ объясненія столь страннаго обычая. Все это побуждаетъ полагать, что составители «Бэй-шы» пользовались, кромѣ реляціи посольства 519 г., гораздо болѣе солидными и цѣнными источниками, которые до насъ не дошли. Можетъ-быть, источниками этими служили первоначальныя редакціи «Вэй-шу» или литературные источники; и тѣ, и другіе могли пользоваться юань-вэйскими официальными данными.

г) Юань-вэйскія свѣдѣнія о столкновеніяхъ ѣда съ гаогюйцами.

Свѣдѣнія эти я извлекаю изъ историческихъ извѣстій «Бэй-шы» о хойху, какъ именовались также гагюйцы, они же чилэ и тѣлэ, въ переводѣ Іакинфа («Собр. свѣд.» и пр., ч. I, стр. 248—255), являющемся единственнымъ, кажется, переводомъ этого отдѣленія «Бэй-шы» на европейскіе языки. Поссорившись съ жужаньскимъ ханомъ Дэулунемъ, вступившимъ на престолъ въ 485 г., глава гаогюйскаго рода фуфуло Афучжило ушелъ около 487 г. на западъ, уведя съ собою свой народъ, простиравшійся свыше 100 т. кибитокъ. «По прибытіи» отъ прежняго аймака (такъ слѣдуетъ читать вмѣсто ошибочно значащихся у Іакинфа словъ «отъ передняго поколѣнія», см. Д. М. Позднѣева «Историческій очеркъ уйгуровъ», Спб., 1899 г., стр. 24) «на сѣверо-западъ, Афучжило объявилъ

себя независимымъ», вслѣдствіе чего началась съ жужанями война, въ которой Афучжило успѣшно отразилъ Дэулуня. Переселеніе на западъ (по мнѣнію Іакинфа, слѣдующаго, конечно, китайскимъ комментаторомъ, «съ вершинъ Селенги на западъ къ Иртышу») Афучжило совершилъ совмѣстно съ своимъ двоюроднымъ братомъ Цюнки, на новыхъ же мѣстахъ «они раздѣлили аймакъ и каждый управлялъ своею половиною. Афучжило жилъ на сѣверной, а Цюнки—на южной сторонѣ». Послѣ свѣдѣній о посольствѣ отъ Афучжило въ 490 г. къ юань-вэйскому двору «Бэй-шы» продолжаетъ: «Впослѣдствіи иданьцы убили Цюнки, и въ плѣнъ взяли сыновей и внуковъ его, какъ-то Мивоту и пр.» Д. М. Позднѣевъ, пользующійся «Бянь-и-дянь» (часть одной изъ большихъ историческихъ компиляцій), даетъ (стр. 30) для этихъ событій 507 г. «Послѣ Афучжило былъ государемъ Баліянъ. По прошествіи года Идань объявилъ войну гаогюйцамъ, чтобы они приняли Мивоту. Баліянъ былъ убитъ и Мивоту сдѣлался государемъ». Въ 516 г. Мивоту попался въ плѣнъ къ жужанямъ и былъ убитъ. «Народъ Мивотуева аймака ушелъ къ Иданю» (далѣе продолжаю по переводу Д. М. Позднѣева, ибо у Іакинфа видимыя несообразности) и поставилъ надъ собою правителемъ младшаго брата убитаго Ифу («Истор. очеркъ уйгуровъ», стр. 34). Ифу и преемники его продолжали воевать съ жужанями съ перемѣнными успѣхами, пока жужани не были уничтожены тюрками, которые подчинили себѣ и гаогюйцевъ («Собраніе свѣдѣній», ч. I, стр. 255, 266,267 и 271).

По мнѣнію Д. М. Позднѣева, при уходѣ изъ-подъ власти жужаней, Афучжило и Цюнъ-ци, каждый съ своею ордою, «двинулись изъ юго-восточной части степи, но, вѣроятно, въ разныя мѣста. Афу-чжи-ло, по нашему мнѣнію, ушелъ къ Байкальскому бассейну, въ плодородныя долины Толы, Орхона и Селенги, а Цюнъ-ци на западъ нагорья (?) къ Восточному Туркестану, при чемъ гдѣ-то около Алтая (Цзинь-шань) ему пришлось выдержать рядъ битвъ съ Нагаемъ» (стр. 25). Мнѣніе это представляется лишеннымъ всякихъ основаній. Въ исторіи жужаней («Бэй-шы», въ «Собраніи свѣдѣній», ч. I, стр. 221) говорится: «Въ Дэулуневыхъ владѣніяхъ гаогюйскій Афучжило съ 100,000 своего народа ушелъ *на западъ* и объявилъ себя государемъ. Дэулунь и дядя его Нагай погнались за нимъ двумя дорогами. Дэулунь пошелъ по сѣверную сторону горъ Суньги на западъ; Нагай пошелъ отъ Золотыхъ горъ (г. Позднѣевъ поправилъ: «а Нагай удалился отъ горъ Цзинь-шань»). Афучжило разбилъ Дэулуня, а Нагай въ каждомъ сраженіи одерживалъ верхъ», въ результатѣ чего жужаньскіе вельможи убили Дэулуня и возвели на престолъ Нагая. И тутъ, слѣдовательно, именно сказано, какъ и въ свѣдѣніяхъ о хойху, что Афучжило ушелъ «на западъ», а не на сѣверъ, какъ онъ долженъ былъ бы направляться, если бы ушелъ къ Байкалу. Опровергается предположеніе г. Позднѣева и тѣмъ, что только послѣ ухода на западъ, слѣдовательно на новыхъ уже мѣстахъ, Афучжило и Цюнки, которые «жили въ большомъ согла-

сіи», «раздѣлили между собою аймакъ», послѣ чего «Афучжило жилъ на сѣверѣ, а Цюнъ-ци на югѣ». Вслѣдъ за этимъ «Бэй-шы повѣствуетъ («Собр. свѣдѣній», I, стр. 252): «Дэулунь пришелъ съ войскомъ для усмиренія; Афучжило разбилъ его, почему Дэулунь съ своимъ войскомъ обратно ушелъ на востокъ», а не на югъ и не на западъ, какъ это было бы, если бы Афучжило находился около Байкала. При такой силѣ жужаней, что и соединенныя силы гаогюйцевъ не всегда въ состояніи были противостоять имъ съ успѣхомъ, раздѣленіе гаогюйцевъ на два аймака, изъ которыхъ одинъ водворился бы около Байкала, а другой на западѣ, повело бы къ тому, что оба были бы уничтожены жужанями, ибо не могли бы подать другъ другу помощи по дальности разстояній. Хотя Дэулунь и Нагай пошли на Афучжило двумя дорогами, первый по сѣверную сторону горъ Суньги на западъ, второй же отъ Алтая, но, конечно, оба войска направились на западъ, куда ушли гаогюйцы подъ предводительствомъ Афучжило съ Цюнки. Такъ какъ по «Бэй-шы» (тамъ же, стр. 209) «постоянное мѣсто» жужаньской «орды лежало противъ Дунь-хуана (нынѣ Шачжеу) и Чжанъ-ѣ (Гань-чжеу) на сѣверѣ», т.-е. между Орхономъ и Кобдо, то походъ противъ гаогюйцевъ, совершенный въ 492 г. или позднѣе, ибо предъ извѣстіями о походѣ помѣщено событіе, отнесенное къ 492 г. (тамъ же, стр. 221), Дэулунь предпринялъ, вѣроятно, по болѣе южному пути, по сѣверной сторонѣ Тянь-шаня (тутъ, по сѣверную сторону озера Пху-лэй-хай, т.-е. нынѣшняго Баркуля, гаогюйскій Мивоту былъ разбитъ жужаньскимъ ханомъ Футу, но чрезъ нѣкоторое время тутъ же Мивоту совершенно разбилъ и убилъ Футу, тамъ же, стр. 253 и 254), или по сѣверной сторонѣ одного изъ мелкихъ хребтовъ между Алтаемъ и Тяньшанемъ, тогда какъ Нагай пошелъ отъ Алтая. Вѣроятно, это раздѣленіе силъ имѣло результатомъ, что Дэулунь былъ разбитъ болѣе значительными, быть-можетъ, силами Афучжило, и долженъ былъ уйти обратно на востокъ, тогда какъ Нагай «въ каждомъ сраженіи одерживалъ верхъ», потому что, можетъ-быть, противъ него дѣйствовали малочисленные отряды гаогюйцевъ, главныя силы которыхъ были выставлены противъ Дэулуня; послѣ пораженія Дэулуня, конечно, и Нагаю пришлось поспѣшно отступить. Неосновательность гипотезы о переселеніи Афучжило къ Байкалу ясна между прочимъ, во-первыхъ, изъ отсутствія какихъ-либо свѣдѣній объ этихъ гаогюйцахъ на Байкалѣ, тогда какъ при начавшемся съ конца пятаго вѣка паденіи жужаней эти гаогюйцы несомнѣнно должны были причинять жужанямъ много хлопотъ при всякой неудачѣ въ борьбѣ ихъ съ западными гаогюйцами; во-вторыхъ, если бы Афучжило жилъ у Байкала, а Цюнки на западѣ, будучи раздѣлены жужаньскими владѣніями, то какимъ образомъ они могли отправить послѣ 490 г. одного общаго посланника къ юань-вэйскому двору, о которомъ упоминается въ «Бэй-шы» (тамъ же, стр. 252); въ-третьихъ, въ томъ же случаѣ, какимъ образомъ объявленіе

иданями войны съ требованіемъ посаженія въ государи гаогюйцевъ Мивоту могло имѣть результатомъ убіеніе преемника Афучжило Баліяна и возведеніе на его мѣсто Мивоту?

По несомнѣнности переселенія Афучжило вмѣстѣ съ Цюнки на западъ слѣдуетъ полагать, что приведенныя ими 100 т. кибитокъ должны были занять не только земли между Тяньшанемъ и Тарбагатаемъ, въ томъ числѣ бассейны Эбинъ-нора и Аяръ-нора, но также и бассейны Алакуля, а частію и Балхаша со включеніемъ долины р. Или, тѣмъ болѣе, что болѣе или менѣе значительная часть тюркскихъ родовъ, составлявшихъ владѣніе Юебань, занимавшее именно эти земли (свѣдѣнія о немъ прекращаются во второй половинѣ пятаго вѣка,—см. «Бэй-шы» въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 163—165), вѣроятно, осталась на своихъ прежнихъ земляхъ, присоединившись къ гаогюйцамъ и признавши владычество ихъ государей. При раздѣленіи переселившихся гаогюйцевъ на два аймака (сѣверный—въ вѣдѣніи Афучжило и его потомства, и южный въ управленіи Цюнки), сѣверному аймаку должны были достаться земли между восточнымъ Тяньшанемъ и Тарбагатаемъ, тогда какъ бассейны Алакуля и Балхаша съ долиною р. Или составили, вѣроятно, территорію южнаго аймака. Возможно, что гаогюйцы Цюнки, не довольствуясь доставшимися имъ землями, начали распространяться за р. Чу и до Сыръ-дарьи, пользуясь малосиліемъ мѣстныхъ кочевниковъ, являвшихся остатками сейцевъ, усуней, кангюйцевъ и хунновъ (юебаньцевъ). Со стороны ѣда-иданей, освобожденныхъ съ 484 г. послѣ гибели Пероза отъ опасности со стороны Персіи, являлось весьма благоразумнымъ дать заблаговременно отпоръ нашествію гаогюйцевъ, угрожавшихъ уже Ташкенту, который, какъ Фергана, земли по Заравшану и Харезмъ, находился, конечно, въ числѣ ихъ вассальныхъ владѣній. Военныя силы ѣда выступили вслѣдствіе этого противъ южнаго аймака гаогюйцевъ и нанесли имъ жестокое пораженіе, при которомъ убитъ былъ Цюнки и взяты въ плѣнъ его сыновья и внуки, вѣроятно, въ долинѣ р. Или, изъ которой, преслѣдуя бѣжавшихъ гаогюйцевъ, побѣдители проникли въ подвластный имъ Карашаръ, какъ уже упоминалось выше. Члены плѣннаго семейства Цюнки успѣли, однако, такъ скоро пріобрѣсти расположеніе и довѣріе иданей, что черезъ годъ они потребовали отъ гаогюйцевъ, чтобы они приняли и признали своимъ государемъ Мивоту, одного изъ плѣненныхъ. Это являлось и искусной политикой, увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ и доставившей иданямъ полную безопасность со стороны гаогюйцевъ. Страхъ, нанесенный погромомъ Цюнки, былъ такъ великъ, что сѣверные гаогюйцы убили властвовавшаго надъ ними Баліяна и признали своимъ государемъ Мивоту. Черезъ десять лѣтъ послѣ пораженія Мивоту и убіенія его жужанями, народъ его нашелъ безопасное убѣжище у иданей и, оправившись, подъ предводительствомъ брата Мивоту Ифу возвратился на свои земли, чтобы продолжать затѣмъ борьбу свою съ жужанями, пока исто-

щеніе обѣихъ сторонъ не повело къ уничтоженію жужаней и къ подчиненію гаогюйцевъ тюрками.

Въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ историческаго труда Менандра византійца уцѣлѣло отъ разсказа о покореніи эфталитовъ тюрками слѣдующее мѣсто: «Катулфъ, удержавъ эфталитскаго вождя отъ дальнѣйшаго похода, говорилъ пословицу простую, въ которой, однако-жъ, есть сила убѣжденія: въ своемъ дворѣ одна собака сильнѣе десяти чужихъ» («Византійскіе историки Дексиппъ и др.», переводъ съ греческаго С. Дестуниса, Спб., 1860 г., стр. 328). Катулфъ этотъ, какъ видно изъ другого отрывка изъ Менандра (стр. 372), есть «тотъ эфталитъ, который предалъ туркамъ своихъ единоплеменниковъ за то, что государь эфталитскій изнасиловалъ его жену». Изъ отрывковъ этихъ должно заключить, что для борьбы съ нашествіемъ тюрковъ ефталитскій царь намѣревался, быть можетъ, слѣдуя удачной политикѣ своего предка съ гаогюйцами, выступить за сѣверные предѣлы своего государства, т.-е. за Сыръ-дарью, въ долины рѣкъ Чу и Или, чтобы тамъ дать первоначальный отпоръ угрожающему врагу, котораго армія, на границахъ своей страны, быть-можетъ, не сразилась бы съ тѣмъ мужествомъ отчаянія, которое должна была выказать при боѣ въ странѣ ефталитовъ, гдѣ пораженіе влекло за собою вѣроятность совершеннаго ея истребленія.

Выясненіе, согласно «Бэй-шы», что въ 520 г. царствовалъ уже третій царь, внукъ основателя династіи чилэ, посаженной въ Гандарѣ иданями, а также вышеуказанныя данныя надписи Сканда Гупты 470-го приблизительно года, упоминающей о столкновеніяхъ этого царя съ хуна, въ связи съ другими надписями и монетами, кажутся показывающими, что династія чилэ царствовала въ Гандарѣ гораздо ранѣе, чѣмъ произошли столкновенія ѣда съ гаогюйцами Цюнки и Афучжило, которые притомъ и переселились на западъ позже 487 г. Но если гандарскіе чилэ происходили не изъ рода фуфуло, это не устраняетъ возможности и вѣроятности принадлежности ихъ къ одному изъ гаогюйскихъ родовъ, обитавшихъ въ сосѣдствѣ съ ѣда ранѣе фуфуло. По свѣдѣніямъ «Бэй-шы», «предки гаогюйцевъ составляли двѣнадцать родовъ», которыхъ приведены и имена, между прочимъ тулу, дабо и фуфуло. «Бэй-шы» не даетъ никакихъ свѣдѣній о другихъ родахъ, ограничившись замѣчаніемъ, что «поколѣніе фуфуло покорено было жужаньцами», и сообщивъ вышеприведенныя извѣстія объ отложеніи «фуфулоскаго Афучжило» съ его двоюроднымъ братомъ Цюнки. Но въ «Суй-шу» есть болѣе подробныя свѣдѣнія о родахъ гаогюйцевъ съ указаніями мѣстъ ихъ обитанія. Хотя дин. Суй, времени которой принадлежатъ эти свѣдѣнія, ущестовала съ 581 до 618 г., такъ что данныя ея исторіи относятсяко времени болѣе чѣмъ на столѣтіе позднему эпохи основанія династіи чилэ въ Гандарѣ, но многія изъ гаогюйскихъ племенъ, конечно, существовали уже въ юань-вэйскія времена, хотя и не попали въ исторіи династіи

Юань-Вэй. Суйскія свѣдѣнія о родахъ тѣлэ воспроизведены, по завѣренію проф. Шаванна (Doc. etc., p. 122, note) въ «Бэй-шы», но почему-то отсутствуютъ въ «Собраніи свѣдѣній» и пр. Іакинфа. Полнѣйшее, повидимому, изъ нихъ извлеченіе дано Д. М. Позднѣевымъ въ его «Историческомъ очеркѣ уйгуровъ» (Спб., 1899 г., стр. 38—40), но было уже сдѣлано ранѣе Дулиттлемъ въ его A Vocabulary and Handbook of the Chinese Language, vol. II); изложилъ также эти свѣдѣнія, но съ пропускомъ многихъ родовыхъ именъ, проф. Хиртъ (Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, 1899, SS. 37—40) и перевели нѣкоторые изъ нихъ отрывки, съ полезными комментаріями Kurakichi Shiratori (Keleti Szemle, 1902, pp. 131—133) и проф. Шаваннъ (Doc., pp. 122, 123, note, 311). По этимъ суйскимъ свѣдѣніямъ тѣлэ'скіе роды разсѣяны были на обширномъ пространствѣ отъ Байкала едва не до предѣловъ Фолини (Византійской имперіи), но ближайшею къ Идани ихъ группою должны быть почитаемы тѣ роды, которые кочевали на берегахъ рѣки А-дэ (у Хирта A-tö, по K. Sh. A-tek или Ya-tek-Yak-sat), которую Хиртъ и Дулиттль считаютъ за Волгу, а K. Sh. за Яксартъ; по-моему, это Сыръ-дарья, такъ какъ рѣка Адэ показана съ обитающими на ней родами «на сѣверѣ отъ вл. Канъ», т.-е. Самарканда. Затѣмъ для насъ здѣсь представляетъ значеніе суйское упоминаніе въ числѣ родовъ группы, обитавшей «на юго-западѣ отъ Гинь-шаня», т.-е. Алтая, рода *чжилэ*, названнаго у г. Позднѣева, тогда какъ проф. Хиртъ изъ числа четырехъ именъ, данныхъ Позднѣевымъ, привелъ только одно, потому что ограничивался тѣми родовыми именами, которыя считалъ возможнымъ отождествить съ извѣстными изъ другихъ своихъ источниковъ. Хотя изображенія первыхъ слоговъ именъ чи-лэ и чжи-лэ различны (см. у Позднѣева на стр. 37 и 39), но весьма возможно и вѣроятно, что это есть лишь послѣдствіе записыванія разными лицами одного и того же имени въ разныя притомъ времена. Поэтому я считаю вѣроятнымъ, что это транскрипціи одного и того же родового имени, изъ существованія же рода чилэ въ суйское время заключаю, что онъ существовалъ и ранѣе, въ юань-вэйскую эпоху. Такъ какъ по завѣренію «Танъ-шу» гаогюйцы назывались въ юань-вэйское время чилэ («Собр. свѣд.», ч. 1, стр. 373, (Ckavannes, Docum. etc., p. 87), то можно думать, что такое имя получили они вслѣдствіе преобладанія въ то время рода чилэ надъ прочими одноплеменными родами. Имѣло мѣсто это временное преобладаніе или нѣтъ, идани, имѣя гаогюйцевъ сосѣдями на Сыръ-дарьѣ, вѣроятно, также и въ продолженіе V вѣка входили съ ними въ враждебныя или дружелюбныя столкновенія, какъ и въ началѣ VI столѣтія. Мы видѣли, что въ «Бэй-шы» численность ѣда опредѣлена въ 100 т.; если это цифра только душъ мужескаго пола, то и въ такомъ случаѣ собственныя силы ихъ были недостаточны для многолѣтней борьбы съ персами, даже при сборахъ ополченій изъ вассальныхъ владѣній, ибо боевая

годность и стойкость такихъ ополченій весьма сомнительны. Вслѣдствіе этого можно съ увѣренностью полагать, что идани прибѣгали къ содержанію наемныхъ войскъ изъ среды сосѣднихъ тюрковъ, какъ это дѣлали впослѣдствіи владѣвшіе тѣми же странами саманиды, караханиды, газневиды, хорезмъ-шахи и пр. Возможно также, что въ числѣ отрядовъ, набранныхъ изъ родовъ тѣлэ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ пятаго вѣка для войнъ съ Персіею, находился на службѣ у ѣда значительный отрядъ изъ племени чилэ, подъ начальствомъ одного изъ старѣйшинъ этого рода; что отрядъ этотъ принималъ участіе въ предпринятыхъ иданями завоеваніяхъ на югѣ отъ Хиндукуша, и что, наконецъ, вождь отряда чилэ, въ награду за свою службу, получилъ отъ царя ѣда часть завоеванныхъ земель, именно Гандару, въ вассальное владѣніе, обратившееся съ теченіемъ времени, при немъ или его преемникѣ, въ независимое царство, сдѣлавшееся потомъ, благодаря завоеваніямъ въ Пенджабѣ и на Индѣ, могучимъ царствомъ *хуна*.

д) Кидаритская династія въ Гибини.

Юань-вэйскія свѣдѣнія о посольствѣ 519—520 гг. и о гаогюйцахъ дали возможность съ достаточною вѣроятностью установить, что династія хуна, владѣвшая по индѣйскимъ надписямъ и пр. Гандарою, Пенджабомъ, Кашмиромъ и, быть-можетъ, Синдомъ, основана была гаогюйцемъ или чилэ, которому идани отдали въ вассальное владѣніе завоеванную ими Гандару. Объ отношеніяхъ этой династіи хуна къ основанной въ Пурушапурѣ сыномъ Кидоло кидаритской династіи прямыхъ свѣдѣній пока не имѣется, какъ нѣтъ такихъ свѣдѣній и о самой кидаритской династіи позже статьи «Бэй-шы» о малыхъ юечжахъ въ Пурушапурѣ, но, исходя изъ извѣстій Аль-Бируни о томъ, что брахманской династіи, у которой газневиды отняли ея владѣнія въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи и за Индомъ, предшествовала древняя династія тибетскаго происхожденія, къ числу государей которой принадлежалъ построившій знаменитую вихару въ Пурушапурѣ Каника, д-ръ М. А. Штейнъ, — извѣстный уже новымъ изданіемъ «Раджа-тарангини» и переводомъ этой исторіи царей Кашмира на англійскій языкъ, — призналъ этого Канику за Канишку, который на монетахъ имѣлъ титулъ shâhō и shâhōnanō shâhō, и заключилъ, что государи кабульской древней династіи, носившіе, по Аль-Бируни, титулъ shâhiyas, принадлежали къ династіи большихъ юечжей или кушановъ, властвовавшей въ Индіи, послѣ паденія же ея замѣненной потомствомъ кушанскаго царя Кидоло, основавшаго около 430 г. царство малыхъ юечжей въ Пурушапурѣ; государемъ кидаритской династіи былъ и царь, найденный Сюань Цзаномъ въ Капишѣ; существованіе Михиракулы (т.-е. царства династіи хуна) не устраняло существованія царства династіи малыхъ юечжей, такъ какъ отношенія

этого царства на западѣ отъ Инда (т. е. западные предѣлы его владѣній въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, въ средней и верхней части котораго могло продолжать существовать царство кидаритовъ или династіи кабульскихъ шаховъ) совершенно неизвѣстны (Festgruss an Rudolf von Roth zum Doctor-Jubiläum 24 August 1893 von seinen Freunden und Schulern, Stuttgart, 1893, SS. 195—202, Zum Geschichte der Çahis von Kâbul). Помѣщенная на первыхъ трехъ страницахъ (195—197) небольшой статейки случайнаго сборника гипотеза д-ра Штейна не обратила вниманія, котораго она вполнѣ заслуживаетъ[1]), отчасти вслѣдствіе появленія въ мало извѣстномъ юбилейномъ сборникѣ, отчасти же вслѣдствіе чрезвычайной краткости изложенія и отсутствія детальной ея разработки и обоснованія. Между тѣмъ, если использовать имѣющіеся въ настоящее время историческіе матеріалы по этому предмету, многихъ изъ которыхъ д-ръ Штейнъ совершенно не касался, то окажется, что гипотеза его достигаетъ одной изъ высшихъ степеней вѣроятности, какія доступны для историческихъ изслѣдованій въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ достаточныхъ прямыхъ и несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ, а потому, по необходимости, приходится выяснять и разрѣшать темныя историческія проблемы на основаніи преданій и сказаній, подкрѣпляемыхъ, однако, съ своей достовѣрности различными историческими данными, хотя и не составляющими сами по себѣ прямыхъ свидѣтельствъ. Это я и попытаюсь сдѣлать въ намѣченныхъ для настоящаго изслѣдованія предѣлахъ, но вдаваясь въ мелочи и прибѣгая преимущественно къ китайскимъ извѣстіямъ, но не отказываясь обращаться и къ другимъ источникамъ, когда это возможно и необходимо.

Китайскія извѣстія о Гибини суйскаго и танскаго временъ.

Изъ приведенныхъ выше («Р. А. Ж.», 1904, №№ 1 и 2, стр. 63) юань-вэйскихъ свѣдѣній о Гибини, относящихся, вѣроятно, ко времени около 442 г., несмотря на отсутствіе въ нихъ политическихъ и этническихъ данныхъ, можно, однако, заключить, что Гибинь была тогда особымъ

---

[1]) Рецензія покойнаго Эдм. Друэна въ Journal asiatique (1894, t. III, pp. 378—381) дала ошибочное и невыгодное для статьи Штейна понятіе о ней, такъ какъ Друэнъ помѣстилъ собственныя неосновательныя мнѣнія и предположенія, не озаботившись ясно отличить свои личныя догадки отъ мнѣній Штейна. Такъ Друэнъ сочинилъ двѣ брахманскихъ династіи въ Кабулѣ, изъ которыхъ первая основана была будто бы въ 641 или 643 гг. брахманомъ Чачемъ, а вторая въ 850 г., когда Лага-турманъ былъ свергнутъ брахманомъ Калларомъ. Столь же произвольно и безъ всякихъ же указаній на основанія и источники Друэнъ отождествлялъ Барха-тегина сказанія Аль-Бируни съ Кидоло и утверждалъ, что потомство его царствовало только въ продолженіе двухъ вѣковъ, и т. д.

государствомъ, занимавшимъ, судя по теплому климату и пр., нижнее и среднее теченіе Кабулъ-дарьи, такъ какъ 800 ли или восемь дней пути съ востока на западъ (отъ Инда до перевала Джигделика между Джелальабадомъ и Кабуломъ около 280 верстъ)обнимаютъ раіоны Пишавера и Джелаль-абада. Во всякомъ случаѣ юань-вэйскія свѣдѣнія о Гибини 442 г. относились ко времени до завоеваній Кидоло на югѣ отъ Хиндукуша, которыя не могли не касаться хотя части Гибини, а потому обойти ихъ молчаніемъ въ этихъ свѣдѣніяхъ было едва-ли возможно. Въ 520 г., т.-е. менѣе 80 лѣтъ послѣ юань-вэйскаго посольства въ Гибинь и Индію, новое посольство, при которомъ состояли Сонъ Юнь и Хой Сенъ, нашло Гандару и столицу ея Пурушапуру въ обладаніи третьяго царя династіи Чилэ или хуна; этотъ царь въ 520 г. велъ войну съ Гибинью изъ-за границъ съ нею, и армія его уже три года занималась этой войною (переводъ Биля, 1869 г., p.p. 197—198, по переводу же Неймана, S. S. 172—173, царь этотъ своимъ злымъ и свирѣпымъ нравомъ и невѣріемъ въ ученіе Будды, которому слѣдовало населеніе страны, вызвалъ возстаніе народа; возмутившіеся удалились на границы Гибини; съ того же времени, какъ они взялись за оружіе, прошло уже три года). Такимъ образомъ Гибинь существовала и въ 520 г. при Михиракулѣ, сильнѣйшемъ государѣ дин. хуна, при которомъ произошло и паденіе ея. Этимъ паденіемъ, хотя оно послѣдовало вслѣдствіе вѣроятной коалиціи индійскихъ царей, естественно должна была воспользоваться и враждовавшая съ хуна Гибинь. Дѣйствительно въ «Суй-шу» оказывается описаніе довольно значительнаго владѣнія Цао, въ которомъ сказано, что «это при династіи Хань было владѣніе Гибинь». О. Іакинфъ какимъ-то образомъ упустилъ помѣстить въ своемъ переводѣ суйскаго «Повѣствованія о западномъ краѣ» («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 190—206) описаніе Цао, можетъ-быть, потому, что описаніе это цѣликомъ повторено въ «Бэй-шы» и дано имъ въ переводѣ изъ послѣдней (стр. 189). Но имѣется переводъ Пфицмайера изъ «Суй-шу» (Sitzungsberichte der Wiener Akademie, ph.-hist. Klasse, Bd. 97, 1880, S. 473), совершенно почти сходный съ іакинфовскимъ переводомъ изъ «Бэй-шы», и переводъ Аб. Ремюза изъ Матуаньлиня, весьма мало отличающійся, такъ что въ тождествѣ статей «Суй-шу» и «Бэй-шы» не можетъ быть сомнѣнія, а потому я буду цитировать переводъ Іакинфа, указывая два другихъ лишь въ случаѣ серьезнаго различія. Въ этомъ описаніи владѣнія Цао говорится, что «въ срединѣ правленія Да-ѣ, 610, было оттуда посольство съ данію», такъ что источникомъ суйскихъ свѣдѣній могли служить показанія этого посольства, но въ предисловіи къ вышеупомянутому суйскому повѣствованію есть свѣдѣніе о томъ, что при томъ же императорѣ Янъ-ди, котораго правленіе именовалось Да-ѣ (605—616 г.г.), были отправлены сановники Вэй Цзѣ и Ду Хинъ-мань, которые, «по прибытіи въ Гибинь, получили агатовую чашу» (стр. 191), а потому свѣдѣнія о Цао-Гибини суйцы могли имѣть и отъ

собственнаго посольства на западъ [1]). Въ описаніи владѣнія Цао значится, что оно «лежитъ отъ Луковыхъ горъ на сѣверъ» (у Пфицмайера, im Norden des Tsung-ling, у Аб. Ремюза по Матуаньлиню, p. 210, au sud-ouest des Montagnes Bleues). Такъ какъ въ томъ же суйскомъ описаніи владѣнія Цао сказано, что отъ него «на сѣверъ до Фаньянь 700» ли (у Аб. Ремюза, Fan-yen, у Пфицмайера, Fang-tsching), и сверхъ того въ суйскихъ же описаніяхъ владѣній Тухоло (Тохаристанъ) и Идани говорится, что отъ перваго на югъ до владѣнія Цао 1700 ли и отъ второго 1500 («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 203), то при такихъ разстояніяхъ на югъ отъ Баміана въ 7 дней пути, отъ Тохаристана (Балха или Кундуза) въ 17 и отъ Идани въ 15, Цао могло находиться не иначе, какъ на югѣ отъ Хиндукуша, въ долинѣ Кабулъ-дарьи, а потому въ «Суй-шу» и въ механически воспроизведшей ее «Бэй-шы» несомнѣнна ошибка, и вмѣсто «на сѣверъ» отъ Луковыхъ горъ слѣдуетъ читать «на югѣ» или, какъ у Матуаньлиня, «на югс-западѣ». Переведя изъ «Танъ-шу» «Владѣніе Гибинь при династіи Суй называлось Цао», проф. Шаваннъ настоятельно увѣряетъ, что это утвержденіе «Танъ-шу», отсутствующее въ первой редакціи этой исторіи, совершенно ошибочно (est absolument erronée), ибо а) суйское царство Цао находилось на сѣверѣ отъ Цунлина, тогда какъ Гибинь «Танъ-шу» лежала на югѣ, и б) «Бэй-шы», помѣстившая описаніе царства Цао, даетъ, однако, и описаніе царства Гибинь, изъ чего слѣдуетъ, что если Цао на сѣверѣ Цунлина тождественно съ Гибинью ханьскихъ временъ, то оно не имѣетъ ничего общаго съ Гибинью временъ Суй и Танъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не соглашается съ д-ромъ Маркквартомъ, отождествлявшимъ суйское Цао съ Цаогюйчжа Сюань Цзана: суйское Цао лежало на сѣверѣ отъ Цунлина, Цаогюйчжа же (Забулистанъ) находилась на югѣ отъ Хиндукуша (Documents sur les Tou-kiue occidentaux etc., 1903, p. 130, note 2). Но изъ помѣщенія въ «Бэй-шы» юань-вэйскаго описанія Гибини и суйскаго описанія Цао не слѣдуетъ, что это два царства разныя, ибо мы имѣемъ въ «Бэйшы» много примѣровъ помѣщенія свѣдѣній объ одной и той же странѣ подъ разными именами: ея юань-вэйская Сивиньгинь тождественна съ ея же суйскимъ Каномъ, юань-вэйскій Чешы одно и тоже съ суйскимъ Гаочаномъ и т. д. Отстаиваніе нахожденія Цао на сѣверѣ отъ Цунлина несостоятельно не только потому, что г. Шаваннъ не въ состояніи былъ указать, гдѣ же тамъ обрѣтался Цао, но и потому, что такое помѣщеніе непримиримо съ положеніемъ, намѣченнымъ для Цао въ отношеніи Фаньяна, Тухоло и Идани. Г. Шаваннъ повторилъ здѣсь то же упущеніе, какъ при ошибочномъ пріуроченіи цянь-ханьской Гибини къ Кашмиру, когда онъ

[1]) По словамъ проф. Хирта, названные сановники посланы были въ страны по Оксу и въ Индію за рѣдкостями и буддійскими книгами, но изъ свѣдѣній ихъ сохранились до насъ только отрывки (Nachworte zu Inschrift des Tonjukuk, S. 38).

не обратилъ должнаго вниманія на положеніе Гибини относительно Наньду (Читралъ), Б. Юечжы и Угѣшаньли (см. «Р. Антр. Ж.», 1900 г., № 3) стр. 66 и слѣд.).

Въ суйскихъ свѣдѣніяхъ о владѣніи Цао, ханьской Гибини, значится, что «владѣтель прозывается Чжаову; прозименованіе ему Шуньда. Онъ происходитъ изъ рода капскаго владѣтеля». Ниже суйскія свѣдѣнія о титулѣ чжаову будутъ разсмотрѣны подробно и выяснится, что это есть тибетское слово *чжаву*, значащее князь, государь, и что титулъ этотъ естественно носили юечжійскіе цари; ношеніе этого титула царемъ Цао-Гибини показываетъ, что онъ принадлежалъ къ юечжійско-кидаритской династіи, а совсѣмъ не къ роду канскаго владѣтеля, какъ ошибочно гласили суйскія свѣдѣнія о всѣхъ государяхъ, носившихъ титулъ чжаову. «Резиденція имѣетъ четыре ли въ окружности. Войска около 10,000 человѣкъ». «Сія страна много производитъ рису, проса, бобовъ, пшеницы, изобилуетъ слонами, лошадьми» и пр., между прочимъ «каменнымъ медомъ», т.-е. засохшимъ сокомъ сахарнаго тростника, какъ объяснилъ это Ст. Жюльенъ (Mémoires sur les contrées occidentales etc., t. I, p. 105).

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ суйскаго посольства 610 года, слѣдовавшій изъ Баміана (тамъ же, p. 36) Сюань Цзанъ нашелъ по переходѣ черезъ Хиндукушъ царство Kia-pi-che, со столицею въ 10 ли въ окружности (p. 40), откуда, сдѣлавъ около 600 ли въ восточномъ направленіи (p. 55), достигъ царства Lam-po (Ламганъ), и изъ него, пройдя на юго-востокъ около 100 ли и переправясь черезъ большую рѣку (Кабулъ-дарью), прибылъ въ царство (p. 96) Na-kie-lo-ho (по Вивіену де Сенъ-Мартенъ, тамъ же, t. 2, p. 306, Нагаракъ въ округѣ нынѣшняго Джелальабада, въ 2-хъ льё на С.-В. отъ Хидды), откуда чрезъ 500 ли пути (p. 104) пріѣхалъ въ царство Kien-t'o-lo (Гандара), т.-е. въ тогдашнюю столицу его Pou-lou-cha-pou-lo (Пурушапура). Всѣ эти владѣнія, всего съ десятокъ царствъ, подвластны были царю Кяпише, изъ касты (t. I, p. 41) кшатріевъ (de la race T'sa-li). Такъ какъ царскіе роды Индіи, въ томъ числѣ и происходящіе отъ иностранныхъ завоевателей, числились въ кастѣ кшатріевъ (p. 81), то и царь Кяпише могъ принадлежать къ роду юечжей-кушановъ. Кромѣ земель отъ Снѣжныхъ горъ (Хиндукушъ), слѣдовательно начиная съ бассейновъ Горбенда и Пенджшира, внизъ по Кабулъ-дарьѣ до Инда, царю Кяпише подчинялось (t. II, pp. 183 — 184) и лежавшее на югѣ царство Fa-la-na (нынѣ Банну или Бану).

По свѣдѣніямъ же Сюань Цзана (тамъ же, pp. 186 — 189), къ владѣніямъ царя Кяпише должно было на западѣ прилегать царство Цаогюйчжа(Tsao-kiu-tch'a), которое называли также Цаоли (Tsao-li); тогдашній государь, усердный буддистъ, «наслѣдовалъ длинному ряду предковъ». По положенію и имени столицы (Ho-si-na = Газна) царство Цаогюйчжа соотвѣтствуетъ Забулистану персо-арабскихъ писателей. По Сюань Цзану же

(тамъ же, р. 190), въ 500 ли на сѣверъ отъ Цаогюйчжа находилось еще небольшое царство Fo-li-chi-sa-t'ang-na, съ царемъ тюркскаго племени, ревностнымъ буддистомъ, и со столицею Хубина (Hou-pi-na). Въ «Танъ-шу» объ этомъ владѣніи нѣтъ никакихъ свѣдѣній кромѣ одного мѣста, гдѣ въ трехъ съ половипою строчкахъ помѣщено («Собр. свѣд»., ч. 3, стр. 249) сокращеніе извѣстій Сюань Цзана (t. 2, pp. 189 — 190).

За-то въ «Танъ-шу» имѣются собственныя свѣдѣнія о Гибини и Забулистанѣ. Въ статьѣ о Гибини (Іакинфъ, ч. 3, стр. 236 — 238 и переводъ Шаванна въ Documents sur les Tou-kiue occ., 1903, pp. 130—134) сказано, что «владѣтель живетъ въ городѣ Сюсянь и постоянно находится въ зависимости отъ Большого Юечжы (по Шаванну, il est toujours soumis aux Ta Yue-tche). Страна жаркая и влажная. Жители ѣздятъ на слонахъ. Держатся буддайскаго закона». Такъ какъ первое посольство изъ Гибини показано засимъ во второмъ году царствованія перваго императора дин. Танъ, въ 619 г., лишь за 11 или 12 лѣтъ до путешествія Сюань Цзана, то постоянная зависимость отъ несуществовавшихъ уже много вѣковъ б. юечжей, да и столица Сюсянь, близкая по имени къ Сюньсянь ханьскихъ временъ, представляются анахронизмами. Слѣдующее посольство изъ Гибини упоминается въ правленіе Чженъ-гуань (627 — 649 гг.); за присланныхъ съ нимъ лошадей отправленному въ Индію китайскому послу поручено было отвести гибиньскому владѣтелю богатые подарки. Слѣдующее посольство отмѣчено 642 г. «Жители сего владѣнія сказываютъ, что первый предокъ ихъ владѣтеля назывался Хинъѣ и родъ его продолжается въ двѣнадцатомъ колѣнѣ». Подобнымъ образомъ перевелъ и Шаваннъ (p. 131: Les gens de ce pays rapportaient tous que le premier ancêtre du roi s'appelait Hing-ye et que, jusqu'au roi actuel Ho-hie-tche, le pouvoir s'était transmis à travers douze générations), но утверждаетъ (note 4), что по тексту первой изъ имѣющихся двухъ редакцій «Танъ-шу» этотъ отзывъ населенія относится не къ 642 г., а къ 658 г., когда китайцы собирали свѣдѣнія для переименованія владѣній запада. «Въ третье лѣто правленія Хянь-кинъ, 658, владѣнія его переименованы областью Сюсянь». Въ географическомъ отдѣлѣ «Танъ-шу», гдѣ между прочимъ содержатся исчисленія намѣстничествъ, губерній и округовъ, учрежденныхъ послѣ покоренія земель западныхъ тюрковъ въ 658 г., значится gouvernement de Sieou-sien, établi dans la ville de Ngo-ho du royaume de Ki-pin; ce gouvernement régissait dix (у Шаванна, p. 70, note, опечатка deux, тогда какъ названо десять округовъ) arrondissements: 1) округъ Pi-cho, учрежденный въ городѣ Lo-man, 2) Yn-mi въ г. Tsien-na, 3) Po-lou въ г. Ho-lan, 4) Long-tche въ г. I-hen, 5) Ou-i въ г. Sai-pen-ni-lo-se, 6) Lo-lo въ г. Lan-kien, 7) T'an-t'o въ г. Pan-tche, 8) Ou-li въ г. Pou-peng, 9) Mo въ г. Hou-hoan, 10) Hiuen-tou (Passages suspendus) въ г. Pou-lou-kien. Такъ какъ имена губерній лишь

иногда даны изъ древнихъ именъ мѣстныхъ странъ, народовъ и городовъ, извѣстныхъ исторически, при чемъ пріуроченія произведены были часто неправильно, имена же округовъ почти всегда произвольны, хотя и архаичны, то опредѣленія мѣстонахожденія округовъ возможны лишь по именамъ городовъ, въ которыхъ помѣщены окружныя управленія. Шаванну удалось узнать изъ именъ этихъ городовъ два: въ г. Lan-kien нынѣшнюю область Кабулистана Ламганъ и въ имени округа Pan-tche имя рѣки Пянджширъ (p. 227). Г. Ngo-ho мнѣ кажется соотвѣтствующимъ Na-kie-lo-ho Сюань Цзана, т.-е. это Ненкъ-нагаръ «Записокъ» султана Бабера, Нагара Птолемея, около нынѣшняго Джелальабада. Названіе Сюсянь для царства Гибинь есть, видимо, имя древней, ханьскихъ временъ, столицы Гибини Сюньсянь, переиначенное въ Сюсянь. Можетъ быть, и въ дѣйствительности мѣстопребываніе царя Гибини около 658 г. находилось около Джелальабада, истиннаго центральнаго пункта бассейна Кабулъ-дарьи.

Далѣе въ статьѣ «Танъ-шу» Гибинь упоминается въ 719 г. посольство изъ Гибини и пожалованіе императоромъ ея владѣтелю титула «Гэлодачжы Дэлэ», Ko-lo-ta-tche t'e-k'in (tegin de l'Arokhadj, по Шаванну). «Впослѣдствіи (dans la suite, въ 739 году, по старой «Танъ-шу») Усань Дэлэ (Ou-san t'e-k'in cha, по Шаванну), состарившись, просилъ у кит. императора дозволенія передать престолъ сыну Фолинь-Гипо. Императоръ согласился». Въ 745 г. «сына его Бофу-чжунь пожаловалъ государемъ владѣній Гибинь и Учанъ». Въ 758 г. «онъ прислалъ посланника съ дарами». Этимъ кончается описаніе Гибини въ «Танъ-шу».

Въ «Танъ-шу» почему-то совсѣмъ не упоминается о посольствѣ изъ Гибини 750 г. и объ отвѣтномъ китайскомъ посольствѣ, но о немъ сохранились свѣдѣнія въ Дорожникѣ Укона, переведенномъ и снабженномъ комментаріями гг. Шаванна и Леви (Journal asiatique, 1895, Septembre-Octobre, pp. 341 — 384). Просившее о помощи (вѣроятно, противъ арабовъ) гибиньское посольство имѣло во главѣ двухъ сановниковъ, одного изъ которыхъ звали Сабо-*таканъ*, тарханъ должно быть, извѣстный тюркскій титулъ. Отвѣтное китайское посольство въ мартѣ 753 г. прибыло въ Кяньтоло (Гандара), гдѣ находилась восточная столица Гибини, въ которой царь ея жилъ зимою, пребывая лѣтомъ въ Гибини (p. 349), т.-е. въ западной ея части. Царь принялъ посольство съ почетомъ, послѣ чего оно отправилось въ обратный путь. Находившійся въ свитѣ Уконъ по болѣзни долженъ былъ остаться, по выздоровленіи же принялъ обѣты буддійскаго монаха, провелъ много лѣтъ въ странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ и монастырямъ Гандары, Кашмира и Удіяны или Учана, и возвратился въ Китай лишь въ 790 г. Въ числѣ монастырей Гандары онъ упоминаетъ основанные сыномъ и женою царя тюрковъ (p. 357). По мнѣнію Шаванна, вышеупомянутый Усань-тегинъ-ша тождественъ съ Тегинъ-ша, сыномъ

тюркскаго царя, основавшимъ монастырь въ Гандарѣ, причемъ ша есть титулъ шахъ, который носили цари Кабула (Doc., p. 132, note 3).

Цаогюйчжа Сюань Цзана описывается въ «Танъ-шу» подъ именемъ Сѣи («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 257, Doc., pp. 160—161). «Владѣніе Сѣи (Sie-yu) лежитъ отъ Тухоло на юго-западъ; собственно называется Цаогюйчжа и Цаогюй; во время правленія Хянъ-кинъ, 656—660, называлось Хэдалочжы (по мнѣнію Шаванна, Ho-ta-lo-tche, peut-être faut-il lire Ta-lo-ho-tche = Tarokhadj, pour Arokhadj). Императрица Ву-хэу дала ему нынѣшнее названіе. На востокъ до Гибини, на сѣверо-востокъ до Фаньянь считается по 400 ли; на югѣ граничитъ съ Индіею (P'o-lo-men), на западѣ съ Босы, на сѣверѣ съ Хушигянію. Владѣтель имѣетъ пребываніе въ городѣ Хосина (Hou-si-na), а временемъ въ городѣ Асони (le roi a aussi pour capitale la ville de A-so-ni). Владѣнія его содержатъ около 7000 ли въ окружности... Проводятъ ключи для орошенія полей. Въ семъ владѣніи вмѣстѣ живутъ и Дулгасцы (Tou-kiue), и Гибиньцы, и Тухолосцы. Гибиньцы набирали здѣсь ратниковъ для войны съ Даши», т.-е. арабами. «Въ первое лѣто правленія Цзинъ-юнь, 710, владѣтель прислалъ посольство съ данію, а послѣ сего онъ призналъ себя вассаломъ Гибини» (по Матуаньлиню, въ переводѣ Ab. Rémusat, N. mél. asiatiques, 1829, t. I, p. 213, depuis cette époque, ils se joignirent à ceux de Kipin; по Шаванну, puis il s'asservit le Ki-pin). Въ 720 г. «Сынъ неба грамотою облекъ владѣтеля въ царское достоинство» (по Шаванну: le Fils du Ciel conféra par brevet le titre de roi à Tcha-k'iu-eul, hie-li-fa du Ho-ta-lo-tche). «До средины правленія Тьхянь-бао, до 748 (pendant la période t'ien-pao, 742—755), нѣсколько разъ присылалъ посольства съ дарами».

Газна не совсѣмъ подходитъ для столицы Сѣюя, потому что Фаньянь, т.-е. Баміанъ, отъ нея находится на С.-С.-З., а не на С.-В., и Гушигянь, т.-е. Гузганъ, нынѣшнее Меймене, расположена отъ нея не на сѣверѣ, а на сѣверо-западѣ. Но если бы мы стали искать для столицы Сѣюя мѣстность на западъ, т.-е. на Хельмендѣ, то хотя оріентація можетъ оказаться болѣе подходящей, за-то разстояніе въ 400 ли на востокъ до столицы Гибини окажется недостаточнымъ. Между тѣмъ возможно, что полученныя распросными путями показанія о положеніи сосѣднихъ владѣній относительно Хосины ошибочны или неточны.

Въ виду извѣстія статьи Сѣюй о томъ, что это владѣніе подчинило себѣ послѣ 710—711 г. Гибинь, проф. Шаваннъ находитъ, что въ статьѣ Гибинь неточно говорится о пожалованіи въ 719 г. титула тегина Арохаджа царю Гибини: слѣдовало сказать, напротивъ, что тегинъ Арохаджа получилъ титулъ царя Гибини; необходимость такой поправки подтверждается однимъ извѣстіемъ энциклопедіи Tch'e fou yuen koei (Doc., p. 132, note I). Въ этомъ сборникѣ, изданномъ въ 1013 г. (тамъ же,

p. 199, note I), говорится, что въ 720 г. императоръ пожаловалъ чрезъ отправленнаго посланника le titre de roi du royaume de Sie-yu à Tche-k'iu-eul, hie-li-fa du Ko-ta-lo-tche, et le titre de roi du royaume de Ki-pin au tegin du Ko-ta-lo-tche (p. 161, note 1). По г. Шаванну (тамъ же), изъ этого текста слѣдуетъ, что кит. правительство этими титулами офиціально признало недавнія завоеванія Забулистана: повидимому, овладѣвъ Гибинью, царь Сѣюя поставилъ во главѣ этого государства одного изъ своихъ братьевъ или сыновей, имѣвшаго титулъ тегина; титулъ же хѣлифа, который носилъ царь Забулистана, объясняется тѣмъ, что этотъ тюркскій титулъ присвоенъ былъ западно-тюркскимъ Тунъ Шеху-ханомъ всѣмъ вассальнымъ владѣтелямъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, — добавляетъ къ этому Шаваннъ, — что въ докладѣ императору 724 г. царь Сѣюя даетъ себѣ титулъ тегина (Doc., 1903, p. 161, note I). Если бы это замѣчаніе было вполнѣ вѣрно, то, очевидно, объясненіе Шаванна пожалованія въ 720 г. царю Гибини титула тегина Коталочжы поставленіемъ въ главы Гибини брата или сына царя Сѣюя, имѣвшаго титулъ тегина, оказалось бы весьма сомнительнымъ, но въ дѣйствительности, судя по данному переводу (тамъ же, p. p. 205 — 206), въ докладѣ отъ имени царя Сѣюя 724 г. владѣтель Сѣюя просто называетъ свое царство Сѣюемъ, а себя царемъ его, титула же тегина совсѣмъ не употребляетъ. Титулъ тегина встрѣчается лишь въ невходящемъ въ составъ самаго доклада предисловіи изъ трехъ строкъ, въ которомъ сказано, что въ 724 г. «тегинъ царь Сѣюя» (le tegin roi du royaume de Sie-yu) прислалъ посла, который présenta une requête conçue en ces termes». Содержаніе приведеннаго за симъ доклада, ходатайства или челобитной заключается въ томъ, что въ предшествовавшемъ году китайская царевна (выданная, по Шаванну, за царя Тибета въ 707 г. и умершая потомъ въ 740 г.) прислала съ своими двумя китайцами къ царю Кашмира запросъ: приметъ ли онъ ее, если она успѣетъ бѣжать (изъ Тибета, у котораго въ это время началась война съ Китаемъ) и искать у него убѣжища? Царь Кашмира отвѣтилъ ей утвердительно, но по недостаточности своихъ войскъ, въ случаѣ нападенія тибетцевъ, обратился къ царю Сѣюя съ просьбою о присылкѣ вспомогательныхъ войскъ. Увѣдомивъ царя Кашмира, что съ радостью исполнитъ его желаніе, царь Сѣюя довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императора, пояснивъ, что царство Сѣюй лежитъ въ 1500 ли отъ царства Кашмиръ и что послѣднее находится въ семи дняхъ пути отъ мѣстопребыванія царевны. Пользовавшійся переводами изъ «Танъ-шу» проф. de Groot'a, близкими къ переводамъ Шаванна, д-ръ Маркартъ полагаетъ, что Гибинь сохранила особыхъ своихъ государей и послѣ подчиненія своего Цаогюйчжѣ между 710 и 720 годами, но государи эти были назначаемы изъ собственной семьи царя Цаукуты, на что какъ будто указываетъ титулъ тегина Коталочжи, или въ Гибини была оставлена прежняя династія, признавшая верховенство Цаогюйчжи; въ послѣднемъ случаѣ

титулъ Коталочжи-тегинъ выражалъ зависимость правителя Гибини отъ царя Коталочжи (Erānšahr, 1901, S.S. 190—191).

Мы видѣли, что, по переводу Іакинфа, владѣтель царства Сѣи послѣ 710 г. «призналъ себя вассаломъ Гибини», и что это извѣстіе подтверждается Матуаньлинемъ, по которому сѣюйцы въ это время «присоединились къ гибиньцамъ». Шестому отдѣленію третьей части «Собранія свѣдѣній и пр.», гдѣ помѣщена статья «Сѣи», предпослано (стр. 207) предъувѣдомленіе: «Сіе отдѣленіе извлечено изъ «Исторіи династіи Тханъ», источникъ же Матуаньлиня не выясненъ. По переводу Шаванна изъ новой «Танъ-шу», наоборотъ, Сѣюй подчинилъ себѣ Гибинь; сходится съ этимъ и переводъ профессора de Groot'a (Eranšahr; S. 290): zwischen 710 und 720 wurde Ki-pin von Tsau kü-tscha unterworfen). Такъ какъ гг. Шаваннъ и de Groot упустили выяснить, что говорится въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ первой или старой редакціи «Танъ-шу», то я считаю себя въ правѣ предполагать, что Іакинфъ и Матуаньлинь слѣдовали тексту старой «Танъ-шу» или инымъ надежнымъ источникамъ, руководствуясь указаніями китайскихъ ученыхъ комментаторовъ, которые остались гг. Шаванну и de Groot'у неизвѣстными. Ненадежность въ данномъ случаѣ текста новой «Танъ-шу», составленной между 1044 и 1060 годами, возможна потому, что редакторы ея могли подчиниться вліянію свѣдѣній и документовъ энциклопедіи Че-фу-юань-гуй, изданной въ 1013 г., тогда какъ, по завѣренію проф. Шаванна, давшаго переводъ отрывковъ изъ этого сборника, китайскій текстъ ихъ часто ошибоченъ (p. 199, note I), какъ это, впрочемъ, будетъ отчасти видно и изъ нижеслѣдующаго. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что кромѣ недосмотровъ и ошибокъ со стороны составителей Че-фу-юань-гуй могли быть вовлекавшія ихъ въ заблужденіе недоразумѣнія и промахи въ самыхъ архивныхъ документахъ, служившихъ источниками, между прочимъ, по причинѣ путаницъ, легко возможныхъ вслѣдствіе произвольныхъ переименованій иностранныхъ владѣній. Въ географическомъ отдѣлѣ «Танъ-шу», въ числѣ 16 губерній, учрежденіе въ которыхъ округовъ и уѣздовъ поручено было въ 661 г. кит. чиновнику Ванъ Минъ-юаню (Doc., p. 156, note 3), третьею значится Тяо-чжи, въ царствѣ Хоталочжи, съ помѣщеніемъ управленія въ городѣ Fou-pao-che-tien и съ раздѣленіемъ на девять округовъ (тамъ же, p. p. 69, 70, note). Именъ округовъ, все архаическихъ или вымышленныхъ, я не привожу, управленія же ихъ были помѣщены въ четырехъ городахъ, именно Hou-wen, Tsan-heou-che-tien, Ou-li-nan, Ho-sa-ta и на территоріяхъ пяти родовъ (tribu): Kiu-che, Ngo-hou, I-lan, Houo-hen и Folang (Chavannes, Documents sur les T. o., 70, note). Изъ именъ родовъ мнѣ кажутся тюркскими илянъ (змѣя) и буранъ (Folang) или бурханъ (одинъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ нынѣшняго племени гильджи, древнихъ каладжей). Д-ръ Марквартъ предполагаетъ, что городъ Hou-wen тождественъ съ Hou-pi-na Сюань Цзана и находился около нынѣшняго Ка-

була (S. 228), но эти предположенія сомнительны. Такимъ образомъ пріуроченія столицы и всѣхъ девяти округовъ пока не сдѣланы, можетъ-быть потому, что географія страны хезарейцевъ на западъ отъ Газны намъ немногимъ извѣстнѣе до сихъ поръ, чѣмъ китайцамъ. Выше было уже приведено, что императрица Ву-хэу (684—705 гг.) дала той же странѣ имя Сѣюй, которое и сохранилось до прекращенія сношенія династіи Танъ съ западомъ. Такъ какъ произвольныя китайскія офиціальныя имена для западныхъ владѣній могли въ послѣднихъ оставаться неизвѣстными или забываться, то при веденіи записей объ иностранныхъ посольствахъ въ завѣдующемъ пріемомъ ихъ учрежденіи (хунъ-лу-сы) случались, вѣроятно, нерѣдкія недоразумѣнія и путаницы, выяснить которыя впослѣдствіи, при обработкѣ архивныхъ свѣдѣній, было не всегда возможно.

По поводу титула владѣтеля Коталочжи - Сѣюя тегинъ необходимо имѣть въ виду, что хотя на самомъ дѣлѣ въ китайскихъ текстахъ вездѣ значится те-ле, а не те-гинь (Doc., p. 225, note 3: on sait que le titre turc de tegin est constamment écrit en Chinois t'e-le au lieu de t'e-k'in), но тѣмъ не менѣе г. Шаваннъ вмѣсто теле употребляетъ вездѣ терминъ тегинъ, утверждая, что въ обѣихъ транскрипціяхъ находится титулъ тегинъ (p. 367: en réalité, sous les deux transcriptions, c'est toujours le titre tegin qu'on retrouve). Такъ какъ второй слогъ слова те-ле и те-гинь отличается не только произношеніемъ, но и изображеніемъ, ибо въ знакѣ гинь или к'инь имѣются двѣ добавочныя черточки, отсутствующія въ знакѣ ле; такъ какъ далѣе у всѣхъ китайскихъ историковъ стоитъ теле (Hirth's Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk, S. 47, Anmerk. I: in allen Historiken steht t'ö-lö = töre), и такъ же значилось во всѣхъ переводахъ европейскихъ синологовъ до недавняго времени, то для чтенія тегинъ вмѣсто теле необходимы достаточно солидныя основанія. Между тѣмъ, начали такое чтеніе единственно вслѣдствіе того, что въ найденныхъ въ 1889 г. на Орхонѣ Ядринцевымъ памятникахъ оказались и въ китайскихъ текстахъ именованія Кюе-тегиномъ лица, которое въ «Танъ-шу» названо Кюе-теле. Фактъ этотъ китайцамъ былъ очень давно извѣстенъ и нѣкоторые ученые еще во время династіи Юань, въ XIII — XIV стол., утверждали, что теле «Танъ-шу» ошибочно и что слѣдуетъ писать и читать тегинь (см. переведенный проф. Васильевымъ отрывокъ изъ Мэн-гу-ю-му-цзи въ «Очеркахъ сѣверо-западной Монголіи» Г. Н. Потанина, вып. 4, Спб., 1883 г., стр. 840 и 841, а также La stèle funéraire de Kiueh.—Thegin, par Devéria, въ T'oung-Pao, 1891, p.p. 229 — 231), но мнѣніе это успѣха не имѣло [1]). Дѣйствительно, если, какъ значится въ «Танъ-шу», у тюрковъ «сыновья и младшіе братья хана именовались те-ле» (проф. Шаваннъ, въ Doc., p. 164,

[1]) См., между прочимъ, Д. Позднѣева „Историч. очеркъ уйгуровъ", 1899, стр. 96, примѣч. 1.

note 3, пишетъ tegin, но приведенные имъ тутъ же знаки произносятся те-ле и въ переводѣ этого самаго мѣста у Стан. Жюльена, въ Journal asiatique, 1864, t. IV, p. 201, стоитъ Te-le), то китайцы имѣли основаніе именовать Кюль-тегина Кюе-теле, потому что онъ былъ младшимъ ханомъ братомъ хана, хотя бы онъ именовался у тюрковъ и Кюль-тегиномъ. Я думаю, что проф. Шлегель совершенно основательно выяснилъ, что терминъ тегинъ могъ быть присвоенъ каждому храброму воину (полководцу), титулъ же теле = töre носили лишь сыновья и братья хана (Tögin et Töre, въ T'oung-pao, 1896, t. VII, p.p. 158—160), почему и до настоящаго времени у киргизъ-казаковъ потомки хановъ именуются тӧре. Отвергая такимъ образомъ общую замѣну термина теле китайскихъ текстовъ терминомъ тегинъ, я, однако же, въ виду возможности случайныхъ смѣшеній двухъ терминовъ этихъ вслѣдствіе нѣсколько сходнаго начертанія второго ихъ знака, допускаю возможность исправленія текстовъ, замѣны термина теле титуломъ тегинъ въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимость такой замѣны имѣетъ достаточныя основанія. Такъ, въ виду отсутствія какихъ-либо причинъ приписывать царямъ Каталочжи - Сѣюя тюркское происхожденіе и считать ихъ сыновьями или братьями хановъ, я полагаю, что цари эти не могли носить титулъ теле, присвоеніе же имъ титула тегина, вслѣдствіе нахожденія въ числѣ ихъ подданныхъ тюрковъ, которые должны были составлять и важную часть ихъ войска, весьма возможно, если этотъ титулъ давался храбрымъ воинамъ и полководцамъ. Выше уже приведено извѣстіе «Танъ-шу» о томъ, что во владѣніи Сѣи «вмѣстѣ живутъ и дулгасцы, и гибиньцы, и тухолосцы», и что «гибиньцы набирали здѣсь ратниковъ для войны съ Даши», т.-е. съ арабами. Подъ гибиньцами разумѣлись, конечно, восточно-иранскія племена, обитавшія въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, и остатки индо-арійцевъ, прошедшихъ долиною Кабулъ-дарьи въ Индію. Тухолосцами, т.-е. тохаристанцами, названы тутъ, вѣроятно, какъ ранцы бассейна Аму-дарьи, такъ и ѣда-иданьцы, ибо, послѣ покоренія тюрками Тухоло, въ немъ «жители» (т.-е. коренное иранское населеніе) были «перемѣшаны съ иданьцами» («Суй-шу» въ «Собраніи свѣдѣній», ч. 3, стр. 202). Что касается тюрковъ («дулгасцы» Іакинфа), то у китайцевъ, повидимому, не было свѣдѣній, когда и откуда появились эти тюрки на югѣ Хиндукуша; взамѣнъ есть свѣдѣнія персо-арабскихъ писателей о найденныхъ арабами во время завоеванія Сагистана и окрестныхъ странъ тюркскихъ племенахъ, которыя въ большинствѣ извѣстій называются каладжами, нѣкоторые же авторы упоминаютъ и гузовъ. Эти тюрки признавались поселившимися здѣсь въ глубокой древности, но сохраняли свой языкъ, обычаи и кочевой образъ жизни еще въ X в. (см. эти извѣстія у д-ра Маркварта въ Eranšahr, S. S. 250—253). Впослѣдствіи каладжи объавганились и составляютъ нынѣ многолюднѣйшее изъ авганскихъ племя кильджіевъ или гильджіевъ, гильзаевъ (см. мой очеркъ «Англо-индійскій

Кавказъ», Спб., 1900 г., стр. 25 — 28), первоначальное же водвореніе ихъ въ бассейнѣ озера Заре слѣдуетъ, съ наибольшей вѣроятностью, относить ко II в. до Р. Х.: это тѣ саки, которые, какъ полагалъ Гутшмидъ, дали свое имя нынѣшнему Сеистану. Эти саки, какъ извѣстно изъ отрывочныхъ историческихъ извѣстій, которыя я не буду здѣсь приводить, то признавали надъ собою власть парфянъ, а потомъ сасанидовъ, то дѣлались независимыми; вмѣстѣ съ тѣмъ они временами играли значительную роль не только въ бассейнѣ Хильменда, но также въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи и даже въ долинѣ Инда. Благодаря этимъ-то тюркамъ, нѣкоторые роды которыхъ находились въ числѣ подданныхъ царей Сѣюя и составляли часть его войска, придворныхъ и сановниковъ, и могло, вѣроятно, появиться и утвердиться именованіе царей Коталочжи тегинами, присвоенное, быть-можетъ, тюркскими воинами одному изъ царей за его храбрость и военные подвиги и обратившееся потомъ въ общій титулъ его преемниковъ. Этотъ титулъ тегина для царей Газны такъ прочно укрѣпился, что его стали носить въ X в. и отнявшіе у мѣстной династіи страну Газны Альпъ-тегинъ, Бильгятегинъ и Себукъ-тегинъ, основатель династіи газневидовъ: всѣ трое были изъ тюрковъ-рабовъ и возвысились, благодаря воинскимъ подвигамъ. Если такимъ образомъ мѣстнымъ титуломъ царей Сѣюя - Коталочжи (Арохаджа арабовъ, Арахозіи грековъ) былъ титулъ тегинъ, то сохранившееся въ «Танъ-шу» извѣстіе о пожалованіи вслѣдствіе посольства 719 года царю Гибини титула тегина Коталочжи не можетъ быть правильно объясняемо и понимаемо иначе, какъ послѣдствіе подчиненія Сѣюя Гибини, а потому долженъ быть почитаемъ правильнымъ и текстъ старой «Танъ-шу» или вообще тотъ китайскій историческій текстъ, которому слѣдовали Іакинфъ и Матуаньлинь въ статьѣ о Сѣюѣ, говоря, что послѣ 710 г. вл. Сѣюй подчинилось или присоединилось къ Гибини. Текстъ новой «Танъ-шу», говорящій о подчиненіи Гибини Сѣюю, есть, вѣроятно, ошибочное измѣненіе этого болѣе древняго и правильнаго текста, произведенное подъ вліяніемъ текстовъ энциклопедіи Че-фу-юань-гуй. Ясно это изъ того, что въ текстѣ Іакинфа о пожалованіи владѣтелю Сѣюя царскаго достоинства не было имени царя и титула хѣлифы Коталочжи. Такъ какъ имя Че-кію-ёль и титулъ хѣлифа Коталочжи оказываются въ энциклопедіи, изданной въ 1013 г., то составители новой «Танъ-шу», оконченной въ 1060 г., почерпнули это изъ нея, а именно изъ первой половины выше приведеннаго въ переводѣ Шаванна текста, гласящаго, что въ 720 г. былъ пожалованъ «титулъ царя владѣнія Сѣюй Чекіюёл'ю, хѣлифѣ Коталочжи». А такъ какъ въ продолженіи этого текста говорилось: «и титулъ царя владѣнія Гибини тегину Коталочжи», то, усмотрѣвъ изъ другого мѣста той же энциклопедіи, что царь Сѣюя именовалъ себя тегиномъ, и разсудивъ, что хѣлифа и тегинъ Коталочжи есть одно и то же лицо, составители «Танъ-шу», вѣроятно, рѣшили исправить прежній текстъ о подчиненіи Сѣюя Гибини въ обратномъ смыслѣ,

ибо пожалованіе хѣлифѣ и тегину Коталочжи титула царя Гибини возможно было лишь при подчиненіи Гибини Сѣюю, а не обратно. Между тѣмъ, въ виду сохраненнаго въ «Танъ-шу» извѣстія о пожалованіи владѣтелю Гибини послѣ посольства 719 г., можетъ-быть, не въ томъ же году, а въ слѣдующемъ 720 г., титула тегина Коталочжи, слѣдуетъ полагать, что во второй половинѣ вышеприведеннаго текста Че-фу-юань-гуй случилась описка или ошибка: слѣдовало сказать «и царю владѣнія Гибинь титулъ тегина Коталочжи», а не «и титулъ царя вл. Гибини тегину Коталочжи».

Персо-арабскія свѣдѣнія о столкновеніяхъ мусульманъ съ владѣльцами Кабула.

Приведя изъ новой «Танъ-шу» извѣстіе о подчиненіи, между 710 и 720 гг., Гибини Сѣюю, д-ръ Марквартъ замѣтилъ (Erānšahr, 290), что извѣстіе это совпадаетъ съ арабскими свѣдѣніями о возвышеніи могущества замбиля. По назначеніи Котейбы бенъ Муслима,—продолжаетъ Марквартъ,—намѣстникомъ Харасана и Сагистана, Котейба поручилъ управленіе Сагистаномъ своему брату Амрѣ. Послѣдній потребовалъ, чтобы замбиль вносилъ дань монетой; когда же тотъ объявилъ, что можетъ уплачивать дань лишь произведеніями страны, какъ опредѣлено было договоромъ съ Хаджаджемъ, то Котейба открылъ противъ него въ 92 г. Х. (710—711 г. по Р. Х.) военныя дѣйствія. Однако, при возобновленіи замбилемъ просьбы о принятіи дани натурою, Котейба на это согласился и возвратился въ Хорасанъ. При слѣдующихъ намѣстникахъ замбиль уплачивалъ до калифата Мансура дань большею частію исправно. Источниками этихъ свѣдѣній показаны Марквартомъ Беладори и Якуби.

Чтобы выяснить, дѣйствительно ли арабскіе историки даютъ свѣдѣнія, подтверждающія мнѣніе Маркварта о подчиненіи Гибини Сѣюю послѣ 710 г., необходимо ознакомиться съ мусульманскими извѣстіями о столкновеніяхъ арабовъ съ владѣльцами Кабула и Газны. Эти извѣстія давно уже собраны и переведены Рено и Эллiотомъ (Mémoire géographique, historique et scientifique sur l'Inde etc., par M. Reinaud, въ Mémoires de l'Académie des Insriptions et Belles-Lettrs, t. 18, partie deuxième, Paris, 1849. The History of India, as told by its own historians. Edited from the postumous papers of the late sir H. M. Elliot, by prof. John Dowson, London, 1867, vol. I, 1869, vol. II), а недавно пересмотрѣны и дополнены д-ромъ Марквартомъ (въ Erānšahr, 1901). Я приведу, возможно короче, самое необходимое.

По Беладори, который считается наиболѣе достовѣрнымъ изъ историковъ арабскихъ завоеваній, Седжестанъ (или Сакастанъ, Сагистанъ) покоренъ былъ при халифѣ Османѣ (644—656 гг. по Р. Х.) въ 30 г. Х.

(650—1 г. по Р. Х.) Рабіемъ б. Зіядъ; при Османѣ же намѣстникъ Седжеетана Абдэррахманъ б. Самра подчинилъ Даверъ, Бостъ и Забулъ (Rawlinson въ «Journal of the R. Geogr. S,. 1873, vol. 43, p. 292, Erānšahr, 37), но во время внутреннихъ у арабовъ смутъ при калифѣ Али (656—661 гг.) земли эти отложились; при халифѣ Моавіи (661—680 гг.) Седжестанъ былъ снова покоренъ и вторично назначенный намѣстникомъ Абдрахманъ бенъ Самра снова подчинилъ Даваръ-и-Заминъ, Бостъ и Забулъ, а затѣмъ осадилъ и взялъ Кабулъ (Reinaud, p. 172, Marquatr's Erānšahr, 37, 255, Elliot, II, 414—415); однако владѣлецъ кабульскій (названный у Беладори Ретбилемъ, см. В. В. Григорьева «Кабулистанъ и Кафиристанъ», 1867, стр. 835) призвалъ войска изъ Индіи и вынудилъ мусульманъ удалиться изъ Кабула, проникъ въ Забулистанъ и Аль-Рохаджъ и овладѣлъ городомъ Бостомъ и страною Даваръ; несмотря на это, когда стали приходить вспомогательныя къ мусульманамъ войска, онъ просилъ мира и обязался платить ежегодную дань въ 1 м. дирхемовъ (Mémoire sur l'Inde, par Reinaud, p. 178). Послѣднія событія д-ръ Маркварть, по Беладори же, излагаетъ такъ, что по смерти Абдрахмана б. Самура (670 г.) шахъ Кабула воспрянулъ духомъ и выгналъ мусульманъ изъ своей страны, а зунбиль овладѣлъ Забулистаномъ и Аль-Рохаджемъ до Боста; онъ былъ разбитъ и преслѣдуемъ до Аль-Рохаджа преемникомъ Абдрахмана Рабіемъ и заключилъ съ преемникомъ послѣдняго Обайдуллахомъ б. Абу-Бакра договоръ, по которому обязался платить дань 1 м. дирхемовъ въ дань какъ за занятыя имъ земли, такъ и за Кабулъ (Erānšahr, 37). Во время послѣдовавшихъ въ халифатѣ междоусобій царь Кабула пересталъ платить дань; тогда, въ 64 г. Х. (683 по Р. Х.), губернаторъ Седжестана Абдъ-аль-Азисъ пошелъ на него, побѣдилъ и убилъ; война продолжалась при преемникѣ убитаго, но и тотъ вынужденъ былъ возобновить платежъ дани (Mémoire sur l'Inde, pp. 178—179, Elliot, II, p. 416). По д-ру Маркварту, ссылающемуся на Беладори и Табари, по смерти халифа Язида б. Моавіи (64 г. Х., 683—4 по Р. Х.), жители Кабула возмутились и взяли въ плѣнъ Абу-Обаида б. Зіяда; тогда выступилъ противъ нихъ Язидъ б. Зіядъ и далъ имъ сраженіе при *Газна*, но погибъ съ большею частію войска. Замѣчая, что подъ Ганзою нечего разумѣть кромѣ Газны, Маркварть приводитъ, по Беладори, что во время послѣдовавшихъ у арабовъ междоусобицъ (между оммейядами и поставленнымъ въ Меккѣ халифомъ Абдаллахомъ аз-Зубаиръ (64—73 гг. Х.) могущество зунбиля такъ возрасло, что онъ угрожалъ арабамъ даже въ Зарангѣ, но во время вышеназваннаго халифа Абдаллаха онъ былъ убитъ однимъ арабомъ около Заранга (Erānšahr, 37). Въ 80 г. Х. (699 г. по Р. Х.) походъ правителя Седжестана Убейдъ-ул-Лаха кончился тѣмъ, что арабы были окружены войсками владѣльца Кабула (Ренбеля) и частію погибли въ бою, частію избавились отъ плѣна лишь цѣною выкупа въ 300 (или 700) т. дирхе-

мовъ; въ слѣдующемъ году преемникъ этого правителя Абдрахманъ б. Мохаммедъ б. Ашатъ дѣйствовалъ осторожно, но успѣшно, когда же Хаджаджъ остался его дѣйствіями недовольнымъ, то возмутился и нашелъ убѣжище у владѣльца Кабула, который, однако, согласился выдать его Хаджаджу (В. В. Григорьевъ, тамъ же, стр. 835 и 836, Elliot, vol. II, p. p. 416—417, и Reinaud, p. 179). По Вейлю, слѣдовавшему Табари, около 79 г. Х. (съ 20 марта 698 до 9 марта 699 г. по Р. Х.), führte Ubeid Allah Ibn Abu Bekrah (вновь назначенный Хаджаджемъ въ намѣстники Седжестана) ein Heer gegen Zenbil, ein allgemeiner Name für den König der Turkomanen, hier aber besonders der Fürst von Kabul und dem zwishen Herat und Kabul gelegenen Lande. Zenbil lockte ihn immer weiter in sein Land, bis er ihn von seinen Truppen umzingelt hatte, die ihm den Rückzug abschnitten. Ein kleiner Theil des Heeres unter Schareih Ibn Hani ward abgerieben und ein anderer capitulirte mit Aufopferung von 300,000 Dirham (Geschichte der Chalifen, etc., von D-r Gustav Weil, Erster Band, Mannheim, 1846, S.S. 448—449). Къ сожалѣнію, д-ръ Маркувартъ не далъ перевода или полнаго изложенія извѣстій Беладори по этому предмету; повторивъ (S. 249) уже приведенное имъ (S. 37) извѣстіе о заключеніи замбилемъ договора съ Убаидъ-аллахомъ б. Абу Бакра, какъ за свою страну, такъ и за Кабулъ, онъ высказалъ мнѣніе, что, обязуясь данью и за непринадлежащій ему Кабулъ, замбиль желалъ пріобрѣсти у арабовъ обладаніе Кабуломъ [1]), и затѣмъ говоритъ: Ob und auf welche Weise dem Zambil seine Absichten auf Kabul glückten, wird uns nicht ausdrücklich berichtet. Es ist zweifelhaft, ob er bei Beladori... wo Ubaid-allah b. Abu Bakra in einem Engpass in der Nähe von Kabul von den Feinden abgeschnitten wird und diese von Zambil Zuzug erhalten, als Herrscher oder bloss als Bundesgenosse derselben gedacht ist (S. 269). Выше мною уже приведены свѣдѣнія Маркварта о столкновеніяхъ замбиля съ Кутейбою въ 710—11 гг. и о томъ, что затѣмъ до халифа Мансура (754 г.) замбиль, по Беладори и Якуби, платилъ дань исправно. Въ 162 г. Х., когда, по исторіи Якуби, халифъ Аль-Махди (158—169 гг. Х., 775—785 по Р. Х.) отправлялъ посольства для привлеченія въ подданство иностранныхъ государей, на первыхъ мѣстахъ въ числѣ послѣднихъ стояли шахъ, царь Кабула, по имени Хингиль, ширъ, царь Баміана, замбиль, царь Сагистана, и пр.; по Беладори, замбиль Сагистана регулярно уплачивалъ дань намѣстникамъ халифовъ Аль-Магди и Рашида (786—809 гг.), но подчиненность Кабулъ-шаха, по словамъ Маркварта, была болѣе или менѣе сомнительна, какъ доказываетъ это предпринятый при Рашидѣ по распоряженію намѣстника его Фадля б. Яхъя въ 792 г. походъ на его

[1]) А развѣ не могъ замбиль дѣйствовать въ качествѣ уполномоченнаго отъ Кабулъ-шаха въ относящейся до послѣдняго части договора?

владѣнія (Eranšahr, 291). По краткому изложенію В. В. Григорьева (стр. 836), въ этотъ походъ были завоеваны и присоединены къ владѣніямъ халифовъ города Пенджгиръ, Перванъ и Горбендъ. Д-ръ Маркварть далъ переводъ всего относящагося сюда отрывка географическаго труда Якуби, оконченнаго въ 891 г. (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 8), съ своими комментаріями (Erānšahr, 277 и слѣд.) Къ сожалѣнію, по отсутствію въ именахъ городовъ и лицъ діакритическихъ точекъ и невозможности поэтому читать ихъ съ достовѣрностью, главное же по темнотѣ текста, происшедшей, вѣроятно, вслѣдствіе смутности свѣдѣній самого Якуби по этому предмету, переведенный отрывокъ не представляетъ никакихъ данныхъ для выясненія отношеній Кабулъ-шаха къ арабамъ и мѣстонахожденія его столицы, которой имя хотя и дано, но доселѣ не прочитано. По мнѣнію г. Маркварта, походъ при Фадлѣ не произвелъ никакихъ измѣненій въ отношеніяхъ Кабулъ-шаха къ арабамъ (S. 291). По Беладори, Аль-Мансуръ, въ бытность намѣстникомъ Хорасана (809—813 гг.), потребовалъ, чтобы Кабулъ-шахъ впредь платилъ двойную дань; за отказъ онъ взялъ Кабулъ, и царь его обратился въ мусульманство (Mémoire sur l'Inde, p. 196). Но въ другомъ мѣстѣ Беладори говоритъ только о посылкѣ войска противъ Кабула, объ обращеніи же царя въ мусульманство умалчиваетъ (тамъ же, p. 197); по Табари, передъ началомъ войны съ халифомъ Аминомъ (811 г.) Мамунъ жаловался своему везиру, что ему приходится начать войну въ самый неблагопріятный моментъ, когда сосѣдніе владѣтели замышляютъ выйти изъ повиновенія, и, между прочимъ, царь Кабула готовится совершить набѣгъ на прилегающія къ его владѣніямъ мѣстности Хорасана; везиръ посовѣтовалъ ему послать подарки кабульскому царю и предложить ему заключеніе договора, на который онъ охотно согласится, относительно же другихъ сосѣдей употребить подобныя же мѣры (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ», ч. 2, стр. 207): въ виду этихъ извѣстій, свѣдѣніе объ обращеніи Кабулъ-шаха въ исламъ можетъ быть и ошибочно. По росписанію податей, которыя собирались намѣстникомъ Абуль-Аббасомъ б. Тахиромъ въ 211 и 212 гг. Х. (826—827 гг. по Р. Х.), съ Кабула было назначено 2.000,500 дирхемовъ и 2 т. рабовъ изъ тюрковъ-гузовъ (Bibliotheca geograph. arabicorum, t. VI, 1889, p. 27). Въ 870—1 г. Якубъ б. Лейтъ, идя чрезъ Балхъ и Баміанъ, гдѣ разграбилъ буддійскій храмъ, овладѣлъ Кабуломъ и плѣнилъ замбиля (Erānšahr, 292, у Reinaud, p. 209, «самого царя», у В. В. Григорьева, стр. 837, «самого владѣльца кабульскаго»). Въ 896 г. войска Амра б. Лейта разрушили идоловъ въ индійскихъ храмахъ рустака (волости) Логаръ (рѣка и долина между Газной и Кабуломъ); противъ нихъ выступилъ Камалу, раджа Индустана, но мусульманскія войска получили сильныя подкрѣпленія изъ Хорасана (Erānšahr, 296). Послѣ пораженія и плѣненія Амра весною 900 г. Исмаиломъ саманидомъ владѣнія его перешли къ саманидамъ. Въ 962 г. возвысившійся изъ тюрковъ-рабовъ саманидскій военачальникъ Альпъ-тегинъ, вынужден-

ный оставить постъ намѣстника Хорасана, удалился въ Газну, низложилъ мѣстнаго владѣльца (котораго д-ръ Марквартъ находитъ возможнымъ считать потомкомъ плѣненнаго Якубомъ б. Лейтомъ замбиля, S. 298) и положилъ начало самостоятельному государству, въ которомъ Себукъ-тегинъ, сдѣлавшійся эмиромъ Газны въ 977 г., основалъ династію газневидовъ, началъ отнимать у индійскихъ государей Кабулистана земли ихъ на правой сторонѣ Инда, сынъ же его Махмудъ (998 — 1030 гг.) совершилъ обширныя завоеванія въ Индіи.

По отзыву Маркварта, арабскія свѣдѣнія о Кабулѣ во всѣхъ отношеніяхъ поверхностны, темны и неопредѣленны, такъ что изъ нихъ нельзя извлечь ничего точнаго о границахъ этого царства, а также и о политическихъ его отношеніяхъ къ царству халифовъ (S. 248). Замѣчая, что у Беладори зунбиль появляется какъ deus ex machina, тогда какъ въ предыдущей строчкѣ шла рѣчь о Кабулъ-шахѣ (S.S. 248—249), д-ръ Маркварть привелъ изъ Табари сказаніе Саифа, по которому, во время халифа Моавіи, шахъ (Кабула?) бѣжалъ отъ своего брата, по имени Зунбиля, въ сагистанскій городъ, именуемый Амулемъ (Забуломъ—полагаетъ Маркварть), подъ защиту Сальма б. Зіяда, который въ то время былъ намѣстникомъ Сагистана; но по смерти Моавіи, во время внутреннихъ смутъ у арабовъ, шахъ возмутился и завладѣлъ Амулемъ; зунбиль же, страшась его, укрѣпился въ томъ мѣстѣ, гдѣ и теперь находится, но, не довольствуясь этимъ, сталъ тѣснить нашихъ (арабовъ), покушался на Зарангъ и осаждалъ его, пока не пришли подкрѣпленія изъ Басры (Erānšahr, 38). Признавая, что въ сказаніи этомъ невѣрно утверждается, что Сальмъ былъ намѣстникомъ во время Моавіи, ибо на самомъ дѣлѣ Сальмъ былъ намѣстникомъ при халифѣ Язидѣ (680—681 гг.) и внутреннія смуты начались у арабовъ по смерти Язида, а не Моавіи, Маркварть усматривалъ также въ сказаніи Саифа путаницу: не шахъ, а зунбиль бѣжалъ отъ своего брата шаха (S. 38), но тѣмъ не менѣе находилъ это сказаніе удостовѣряющимъ, что царство замбиля, по крайней мѣрѣ сначала, было особое отъ царства Кабулъ-шаха, какъ это подкрѣпляется и означеніемъ (Якуби) въ исчисленіи царей, подчинявшихся въ 778 г. калифу Аль-Махди, на-ряду съ царемъ Кабула шахомъ Хингилемъ царя Сагистана замбиля (S. 248). Вмѣстѣ съ тѣмъ это послѣднее обстоятельство, а также наслѣдованіе первому зунбилю второго князя того же имени, и плѣненіе въ Кабулѣ Якубомъ б. Лейтомъ замбиля приводятъ Маркварта къ заключенію, что замбиль не имя, а титулъ, какъ ябгу у тюрковъ, или родовое, а не личное именованіе, что подтверждается извѣстіемъ Масуди о томъ, что каждый царь, который въ этой части индійской земли (именно въ Бостѣ, Газнинѣ, Багнинѣ и Заминъ-и-Даварѣ) властвовалъ, назывался замбилемъ (249); по Ибнъ-Хордадбеху, царь Сагистана, ар-Рухаджа и Заминъ-и-Давара имѣлъ титулъ замбиль; по приведенному Ибнъ-Халликаномъ свидѣтельству, царь тюрковъ въ пограничной

области Сагистана и три другихъ мѣстныхъ князя, которые были убиты Якубомъ бинъ Лейтомъ, всѣ носили титулъ замбиля; по одному извѣстію Табари, относящемуся къ событіямъ 79 г. Х., воины замбиля были изъ тюрковъ и самъ замбиль, сообразно этому, часто титуловался царемъ тюрковъ (S. 250).

Вслѣдствіе разнообразія или отсутствія діакритическихъ точекъ титулъ, который Маркварть читаетъ зунбиль или замбиль, другими учеными читался Zentil, Zenbil, Ratbyl, Zenbyl, Rateil, Ratpeil, Ratbal, Rantal, Ratpil, Zantil, Reteil, Ratteil, Retpeil, Vittel, Ratna-pala, Rutun-pal и т. д. (Elliot, vol. II, p. 417). По мнѣнію проф. Нöльдеке, произношеніе (Aussprache) зунбиль или замбиль для имени князей Забула невѣроятно (Zeitschrift der D. M. G., 1902, Bd. 56, S. 434). [1]) При неизвѣстности, такимъ образомъ, правильнаго чтенія и языка, которому данный титулъ принадлежитъ, приходится оставить его въ числѣ неразрѣшенныхъ еще загадокъ. Мнѣ кажется, однако,—въ виду нѣсколькихъ арабскихъ свидѣтельствъ о томъ, что титулъ этотъ носили цари Сагистана и нѣсколькихъ сосѣднихъ областей,—достаточно яснымъ, что онъ присваивался лишь владѣльцамъ земель бассейновъ озеръ Заре и Абъ-Истаде, но не распространялся на бассейнъ Кабулъ-дарьи. По этой, быть-можетъ, причинѣ титулъ этотъ не дошелъ до китайскихъ историковъ, ибо прямыя упоминанія о сношеніяхъ съ Сѣюемъ имѣются лишь за время съ 710 по 742—755 гг., тогда какъ съ Гибинью сношенія велись съ начала дин. Танъ, съ 619 г. до 759 г.; свѣдѣнія о Сѣюѣ, между прочимъ, и о титулѣ царя его, естественно, должны были оказываться менѣе полными и подробными, чѣмъ о Гибини. Я думаю, что цари Гибини, Кабулъ-шахи, не носили титула замбиля или подобнаго, упоминаніе же у арабскихъ историковъ ретбиля или зунбиля и т. п. въ Кабулѣ объясняется тѣмъ, что источниками этихъ упоминаній служили сагистанскіе или сосѣдніе арабы или мусульмане, привыкшіе именовать мѣстныхъ царей ретбилями или зунбилями и распространявшіе тотъ же титулъ на языческаго же государя Кабула или Гибини: въ самомъ дѣлѣ, именованіе владѣльца кабульскаго ретбилемъ встрѣчается у Беладори въ разсказѣ о войнѣ, которую арабы вели со стороны Сагистана, стало-быть, источниками свѣдѣній служили сеистанцы; равнымъ образомъ главная часть войска и самъ Якубъ б. Лейтъ, плѣнившій въ Калулѣ «замбиля», были сеистанцами; напротивъ, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ у арабскихъ историковъ владѣлецъ Кабула названъ шахомъ, источники были хорасанскіе или балхскіе, изъ тѣхъ странъ, гдѣ царь кабула именовался шахомъ, какъ у подвластнаго ему населенія долины Кабулъ-дарьи и въ Индіи.

[1]) По Раверти, не дающему основаній этого мнѣнія, титулъ правителя Кабула былъ шахъ, Ренбель же, Зентиль, Зенбиль и пр. были именемъ династіи; правильнымъ произношеніемъ считаетъ онъ Ретенъ-палъ или Ринъ-палъ (Notes on Afghanistan etc., by Major Rowerty, London, 1880, p. 62).

Здѣсь, и вообще для уясненія отношеній арабовъ къ Кабулу, слѣдуетъ имѣть въ виду, что силъ арабскаго племени, затратившаго часть этихъ силъ на завоеванія въ сѣверной Африкѣ, хватило въ Азіи только на покореніе и омусульманеніе земель, занятыхъ семитами (Сирія, Месопотамія) и иранцами. Какъ въ Индіи арабы не могли распространиться за предѣлы Синда, такъ и въ бассейнѣ озера Заре они прочно утвердились лишь въ персидской части Сагистана и должны были довольствоваться взиманіемъ дани съ владѣльцевъ сосѣднихъ земель, занятыхъ тюрками (халаджи) и иранскими племенами, смѣшанными съ индійцами или находившимися подъ индійскимъ вліяніемъ. Горныя страны между Хератомъ на западѣ и Кабуломъ на востокѣ, и Таликаномъ съ Баміаномъ на сѣверѣ и, наконецъ, Сагистаномъ и Газною на югѣ, занятыя воинственными горными племенами, происходившими, вѣроятно, отъ объираненныхъ аборигеновъ, не были покорены ни арабами, ни саманидами и оставались частію языческими до временъ газневидовъ, конечно, потому, что подчиненіе ихъ потребовало бы значительнаго количества войскъ, огромныхъ расходовъ и долгаго времени безъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Вѣроятно, по такой же трудности и невыгодности, халифы и ихъ намѣстники, а потомъ и саманиды довольствовались полученіемъ отъ владѣльцевъ Кабула дани. Отказываясь отъ принужденія замбиля къ платежу дани монетою вмѣсто продуктовъ, Кутейба въ 710—711 г. мотивировалъ этотъ отказъ тѣмъ, что «страна эта для арабовъ несчастлива, Абдаллахъ б. Умайя и Ибнъ Абу Бакра, и не одни, погибли уже здѣсь прежде, и мы не обезпечены отъ сожженія хлѣба и фуража въ видѣ военной хитрости, къ какимъ замбиль имѣетъ обыкновеніе прибѣгать» (Ērānšahr, 290: Da riet Qotaiba seinem Heere die Naturallieferungen anzunehmen, «denn es ist eine unselige Gegend, und Abdallah b. Umaiya und Ibn Abu Bakra und mehr als einer sonst sind da zu Grunde gegangen, und wir sind nicht vor der Kriegslist sicher, die Zambil anzuwenden pflegt, das Getreide und Futter zu verbrennen». So liess man es dabei bewenden und Qotaiba kehrte nach Chorasan zurück). Очевидно, Котайба имѣлъ тутъ въ виду несчастливый походъ Убеидъ-ул-Лаха б. Абу Бакра (см. выше), который окруженъ былъ войсками Зентбиля, владѣльца Кабула, завлекшими арабовъ въ ущелье между Кабуломъ и Джигдаликомъ (Раверти Notes on Afghanistan, p. 62); тутъ, слѣдовательно, ренбелемъ или замбилемъ названъ не владѣлецъ Забулистана, а владѣлецъ Кабула, Кабулъ-шахъ. Трудно думать, чтобы Кутейбу могла устрашать война съ однимъ замбилемъ Забулистана (о Кабулъ-шахѣ въ приводимыхъ Марквартомъ свѣдѣніяхъ, S. 290, совсѣмъ не упоминается), потому что Кутейба, какъ намѣстникъ Хорасана и Сагистана, располагалъ большими силами, и владѣнія замбиля Забулистана не были ограждены никакими серьезными естественными препятствіями, ибо путь къ Газнѣ лежалъ изъ Сагистана по долинамъ Хельменда, Аргандъ-аба, Тарнака и рѣки

Газны, какъ видно изъ приводимыхъ Маркквартомъ извѣстій Беладори о походѣ Абдрахмана б. Самура при Моавіи (въ 43 г. Х., т.-е. 663—4 г. по Р. Х., какъ утверждаетъ Раверти, Notes on Afghanistan, p. 62): Взявъ приступомъ Бостъ (нынѣ, по Роулинсону, l. c, p. 293, Kileh-Bist, т.-е. Кала-Бистъ, при впаденіи Аргандъ-аба въ Хельмендъ), Абдрахманъ «пошелъ на Разанъ, жители котораго бѣжали, почему онъ занялъ его; отсюда онъ двинулся на Хушшакъ, населеніе котораго сдалось на капитуляцію; потомъ прибылъ онъ въ ар-Рухаджъ, гдѣ нашелъ отпоръ, но одержалъ верхъ и завоевалъ (эту страну); затѣмъ двинулся онъ въ Забулистанъ, гдѣ встрѣтилъ сопротивленіе, такъ какъ страна эта (ранѣе покоренная, потомъ) отложилась, но онъ завоевалъ (ее), набралъ (много) плѣнныхъ и пошелъ на Кабулъ, населеніе котораго отложилось, и завоевалъ его» (Ērānšahr, 255). Хотя, такимъ образомъ, Абдрахману б. Самура удалось взять Кабулъ и вынудить Кабулъ-шаха платить дань и хотя и впослѣдствіи отъ платежа дани этой владѣтели Кабула освободиться не могли, тѣмъ не менѣе дальнихъ походовъ во владѣнія Кабулъ-шаха арабы не предпринимали послѣ пораженія, нанесеннаго Обеидъ-ул-Лаху въ горной мѣстности между Кабуломъ и Джигдаликомъ, гдѣ впослѣдствіи, въ 1842 г., истреблена была авганами англійская армія, отступавшая изъ Кабула въ Джелальабадъ. Если бы арабы успѣшно одолѣли сопротивленіе въ ущельяхъ и на перевалахъ между Кабуломъ и Джелальабадомъ, имъ предстояло, чтобы проникнуть въ долину Пишавера, пройти Хайберское ущелье. Между тѣмъ, если для арабовъ «почти не существовали трудности степныхъ походовъ, то къ горной войнѣ они привыкли только съ большимъ трудомъ и очень неудачно дѣйствовали даже на такихъ перевалахъ, которые для современныхъ войскъ не представляютъ никакихъ затрудненій» (В. В. Бартольдъ «Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія», Спб., 1900, стр. 185). Положеніе же Кутейбы осложнялось тѣмъ обстоятельствомъ, что при такомъ начальникѣ, какъ Хаджаджъ, ему даже въ случаѣ лишь замедленія въ войнѣ могла угрожать участь Абдрахмана б. Ашата, особенно если онъ не испросилъ разрѣшенія на требованіе дани монетою вмѣсто платежа натурою, какъ согласился Хаджаджъ, можетъ-быть, въ вознагражденіе Кабулъ-шаха за выдачу Абдрахмана [1]).

Во всякомъ случаѣ, если бы походъ Кутейбы 710 — 711 г. и предпринятъ былъ противъ замбиля Забулистана, какъ думаетъ Маркквартъ, а

---

[1]) По Табари, разсказы объ участи Абдэррахмава разнорѣчивы. По нѣкоторымъ, вслѣдствіе обѣщанія Хаджаджа простить дань на семь лѣтъ и угрозы въ случаѣ неисполненія требованія отправить противъ него войско, зенбиль послалъ Хаджаджу голову Абдэррахмана; по другимъ, онъ умеръ отъ болѣзни; по-третьимъ, будучи отправленъ въ Седжестанъ, Абдэррахманъ во время пути бросился въ пропасть (Weil, Geschichte der Chalifen etc., I, 464—465).

не противъ Кабулъ-шаха, какъ полагаю я [1]), отказъ Кутейбы отъ своего требованія и отъ непріязненныхъ дѣйствій ни мало не свидѣтельствуетъ о какомъ-либо усиленіи могущества замбиля Забулистана, а истекалъ изъ другихъ мотивовъ, а потому не можетъ служить подтвержденіемъ утвержденія новой «Танъ-шу» о подчиненіи послѣ 710 г. Гибини Сѣюю. Напротивъ, легкодоступность Забулистана движеніямъ въ предѣлы его мусульманскихъ войскъ изъ Сагистана, съ одной стороны, и большая отдаленность Гибини въ соединеніи съ возможностью успѣшной обороны вслѣдствіе горной природы страны и полученія вспомогательныхъ войскъ изъ Индіи и отъ сосѣднихъ горныхъ народовъ, съ другой стороны, дѣлаютъ невѣроятнымъ, при существованіи столь сильнаго врага, какъ арабы, подчиненіе слабому Сѣюю гораздо болѣе способной противодѣйствовать общему врагу Гибини. Что касается сказанія Саифа, которое, какъ полагаетъ Маркваргъ, объясняетъ образованіе особаго отъ царства Кабулъ-шаха, Гибини, владѣнія замбиля Забулистана, Сѣюя, то это нескладное соединеніе смутныхъ и извращенныхъ слуховъ о бѣгствѣ какого-то шаха предъ какимъ-то зунбилемъ, въ какой-то городъ Амуль, во время Моавіи, но при намѣстникѣ Сальмѣ, который въ дѣйствительности назначенъ былъ на эту должность по смерти Моавіи, не заслуживаетъ ни довѣрія, ни серьезнаго вниманія, тѣмъ, болѣе, что существованіе Цаогюйчжи или Цао-ли (Заула, Завула) удостовѣрено еще въ 643—644 г. Сюань Цзаномъ, возвращавшимся изъ Индіи чрезъ это владѣніе до завоеванія арабами Сагистана и говорящимъ, что тогдашній царь наслѣдовалъ длинному ряду предковъ, изъ чего ясно, что Забулъ, какъ особое владѣніе, имѣлъ особый царскій домъ, свою династію уже многіе десятки, а, можетъ-быть, и сотни лѣтъ.

Извѣстія Аль-Бируни о тибетской династіи царей Кабула. Заключительные выводы и соображенія о кидаритахъ и отношеніяхъ ихъ къ ефталитамъ и хуна.

По словамъ Аль-Бируни [2]), «индійцы имѣли царей, пребывавшихъ въ Кабулѣ, тюрковъ, которые, говорятъ, были тибетскаго происхожденія» (of Tibetan origin). О первомъ изъ нихъ, Бархатекинѣ, Аль-Бируни сообщаетъ смутное и неинтересное преданіе, которое приводить безполезно.

---

[1]) Именованіе Кабулъ-шаха въ извѣстіяхъ о походѣ Кутейбы зенбилемъ можетъ быть объяснено тѣмъ, что снаряженіе для этого похода производилось, по Табари, въ Седжестанѣ: въ 92 г. Х. ging Kuteiba nach Sedjestan und rüstete sich zu einem Feldzüge gegen Zenbil, der es aber zu keinem Kriege kommen liess (ibid., 510).

[2]) Alberuni's India, an English Edition, by dr. Edw. Sachau, London, 1888, vol. II, p.p. 10—13. Прежніе переводы: Reinaud въ Journal asiatique, 1844, Septembre-Octobre, p.p. 289—291, и въ Mémoire sur l'Inde (Mémoires de l'Académie des Inscriptions etc., t. XVIII, partie II, 1849), p. p. 73 et suiv. Sir H. M. Elliot, History of India, as told by its own historians, London, 1869, vol. II, p. p. 9—13.

Бархатекинъ носилъ тюркскую одежду и оружіе, и управлялъ Кабуломъ «съ титуломъ шахія Кабула (shâhiya of Kâbul). Царство оставалось въ управленіи его потомковъ поколѣній, сказываютъ, около шестидесяти (The rule remained among his descendants for generations, the number of which is said to be about sixty). Къ несчастію, индійцы не обращаютъ большого вниманія на историческій ходъ вещей; они не озаботились о сохраненіи свѣдѣній о хронологической послѣдовательности ихъ царей, когда же отъ нихъ настоятельно требуютъ свѣдѣній (по этому предмету), то, не зная что говорить, они всегда принимаются передавать ходячіе разсказы. Поэтому и мы должны сообщить читателямъ преданія, которыя получили отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я слышалъ, что родословіе (the pedigree) этого царскаго рода, написанное на шелку, существуетъ въ крѣпости Нагаркотъ, и очень желалъ ознакомиться съ нимъ, но по разнымъ причинамъ сдѣлать этого мнѣ не привелось. Въ рядѣ этихъ царей былъ Канікъ, тотъ самый, который, говорятъ, построилъ пишаверскую вихару» (буддійскій монастырь). О немъ, затѣмъ, Аль-Бируни и приводитъ легендарный разсказъ, не представляющій здѣсь для насъ никакого интереса. Послѣдній царь этой тибетской династіи (of this Tibetan house) Лага-турманъ дурнымъ своимъ нравомъ и поведеніемъ возбудилъ жалобы народа, почему везиръ его брахманъ Калларъ заключилъ его въ цѣпи и посадилъ въ тюрьму, а управлять сталъ самъ. Этотъ Калларъ и сдѣлался основателемъ брахманской династіи, существовавшей до временъ Аль-Бируни и лишенной своихъ владѣній Себукъ-тегиномъ и сыномъ его Махмудомъ. По Аль-Бируни, послѣ Каллара царствовали Самандъ, Камалу, Бхимъ, Джайпалъ, Анандапалъ, Тароджанапалъ; послѣдній былъ убитъ въ 412 г. Х. (1021 г. по Р. Х.), а его сынъ Бхимпалъ пять лѣтъ позже.

Сочиненіе Аль Бируни объ Индіи составлено или точнѣе редактировано въ маѣ—августѣ 1030 г., въ Газнѣ, во время смутъ, послѣдовавшихъ за смертію султана Махмуда. По нахожденію своему при дворѣ газневидовъ, Аль-Бируни имѣлъ возможность собрать болѣе или менѣе вѣрныя свѣдѣнія о предшествовавшихъ газневидамъ владѣтеляхъ Кабула при помощи и на основаніи сообщеній пребывавшихъ въ Газнѣ и являвшихся въ столицу газневидовъ по дѣламъ индусовъ и лицъ другихъ народностей бассейна Кабулъ-дарьи. Разумѣется, при отсутствіи иныхъ источниковъ, кромѣ устныхъ разсказовъ и преданій, свѣдѣнія Аль-Бируни могли быть наиболѣе вѣрны лишь относительно брахманской династіи, послѣдніе цари которой были современниками Себукъ-тегина и Махмуда, завоевавшихъ ихъ владѣнія, именно Джайпалъ и его преемники. Изъ предмѣстниковъ Джайпала существованіе Бхима и Саманда подтверждается монетами съ ихъ именами и притомъ того же типа, какъ монеты Анандапала (В. В. Григорьева «Кабулистанъ» и пр., стр. 842, 843 и 848); сверхъ того, по Раджатарангини, жена кашмирскаго царя Ксемагупты (950—956 гг.) была внучкою

Бхимы, сахія Удабхандхапуры (Stein, Zur Geschichte etc., 200). Выше былъ, по мусульманскимъ извѣстіямъ, упомянутъ раджа Индустана, Камалу, выступавшій въ 896—897 гг. противъ войскъ Амра б. Лайта за разрушеніе индійскихъ храмовъ въ долинѣ Логара; отождествляя этого Камалу съ третьимъ царемъ брахманской династіи у Аль-Бируни того же имени, д-ръ Штейнъ указалъ, что въ Раджатарангини же разсказывается, что предпринимавшій при кашмирскомъ царѣ Гопалаварманѣ (901 — 903 гг.) походъ противъ сахи Удабхандхапуры министръ Прабхакарадева отнялъ у этого мятежнаго сахи его царство и отдалъ его Тораманѣ, сыну Лалліи, давъ ему имя Камалука, а объ упомянутомъ Лалліи, при сказаніи о царствованіи кашмирскаго царя «Самкаравармана (883 — 901 гг.), говорится, что въ столицѣ его Удабхндахапурѣ находили вѣрное убѣжище цари, лишившіеся своихъ владѣній; при этомъ положеніе царства Лалліи между владѣніями дарада (можетъ-быть, нынѣшніе дарды на верхнемъ Индѣ) на сѣверѣ и турушка (тюрковъ) на югѣ сравнивалось съ положеніемъ Аріаварты между горами Хималайскими на сѣверѣ и горами Вхиндійскими на югѣ. Д-ръ Штейнъ находилъ возможнымъ принимать Лаллію за Каллара Аль-Бируни, безыменнаго же сахи, царство котораго было отдано Тораманѣ, за Саманда Аль-Бируни (S.S. 198—200). Признавая вѣроятнымъ, что низверженіе послѣдняго царя древней династіи Лагатурмана его министромъ брахманомъ Калларомъ или Лалліей было результатомъ нашествія Якуба б. Лайта на Кабулъ и недостаточности, повидимому, выказанной Лагатурманомъ при оборонѣ энергіи, д-ръ Марквартъ нашелъ, что Камалука Раджатарангини, получившій это имя въ 901—903 гг., не могъ быть Камалу 896 — 897 гг. мусульманскихъ историковъ, если держаться редакціи и перевода этого мѣста у Штейна; съ своей стороны онъ принялъ предложеніе проф. Керна читать данное мѣсто Раджатарангини съ замѣною двухъ буквъ другими и переводить: «послѣ того онъ (министръ Прабхакарадева) отнялъ царство у мятежнаго сахи по имени Камалука и отдалъ это царство Тораманѣ, сыну Лалліи»; Камалу или Камалука могъ въ 896—897 г. выступать противъ войскъ Амра, а въ 901 г. подвергнуться лишенію царства, отданнаго кашмирскимъ министромъ Тораманѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ можно, по мнѣнію Маркварта, допустить, что Камалу, отнявшій престолъ у состоявшаго вассаломъ Кашмира Саманда, старшаго сына Лалліи, принадлежалъ къ лишенной Лалліею трона тибетской династіи, Торамана, же возстановленный кашмирскимъ министромъ, былъ членомъ династіи Лалліи, и хотя онъ упущенъ у Аль-Бируни, но у послѣдняго между Самандомъ и Бхимомъ могъ быть пропускъ (Ērānšahr etc., 1901, S. 297). Если принять въ соображеніе, что Лаллія могъ обратиться въ Каллара у переписчиковъ, то окажется, что имена царей брахманской династіи Аль-Бируни подтверждаются монетами или извѣстіями Раджатарангини и мусульманскихъ писателей, притомъ въ той же послѣдовательности. Такъ какъ Камалу дѣйствовалъ

противъ войскъ Амра въ 896 г., а нашествіе Якуба б. Лайта, взятіе имъ Кабула и плѣненіе его царя совершились около 871 г., то для сверженія плѣненнаго царя или его преемника, можетъ-быть, около 880 г., т.-е. послѣ смерти Якуба, совершившейся въ 879 г., и на царствованія Лалліи и Саманда имѣлся достаточный періодъ времени съ 880, положимъ, года до 895 или 896 г. Лаллія, упоминаемый въ царствованіе кашмирскаго Самкаравармана (883—891 гг.), во всякомъ случаѣ занималъ престолъ Кабула въ началѣ царствованія Самкаравармана, т.-е. нѣсколько лѣтъ послѣ 883 г., такъ что правленіе его продолжалось болѣе десяти лѣтъ, т.-е. достаточное для утвержденія его династіи время.

Давъ оказывающійся такимъ образомъ вѣрнымъ списокъ царей брахманской династіи, Аль-Бируни, естественно, не могъ составить подобнаго списка царей тибетской династіи, замѣненной брахманскою за полтора столѣтія до 1030 г., такъ какъ ему не удалось воспользоваться сохранявшейся еще въ Нагаркотѣ родословной, распросныя же сказанія и преданія, конечно, были для этого совершенно недостаточны. Было бы неосновательно, однако, отвергать собранныя Аль-Бируни свѣдѣнія о предшествовавшей брахманской тибетской династіи, о ея племенномъ происхожденіи [1]), продолжительности существованія и принадлежности къ этой династіи строителя знаменитой вихары пишаверской Каника, т.-е. Канишки, столь извѣстнаго по монетамъ надписямъ, литературѣ буддизма и сказаніямъ китайскихъ паломниковъ. Кажущееся у Аль - Бируни на первый взглядъ страннымъ именованіе древней кабульской династіи тюркскою, при тибетскомъ ея происхожденіи, можетъ быть объяснено съ достаточной удовлетворительностью. Во-первыхъ, персо-арабскіе писатели, предшествовавшіе Аль-Бируни, а подъ ихъ вліяніемъ и самъ онъ, по скудости и смутности свѣдѣній о странахъ Средней Азіи на сѣверъ и востокъ отъ мусульманскихъ владѣній, представля-

[1]) По мнѣнію Паркера, приписывающаго, какъ мы видѣли уже, юечжамъ и ефталитамъ тюркское происхожденіе, Albiruni's „report“ that they were of Tibetan origin is probably founded on the Chinese statement that some of their ways were like Tibetan ways, and that polyandry existed amongst them; also that they fled from Hiung-nu westwards along the nord edge of the Tibetan territory, and some of them took service as Tibetans officials (I. and Asiatic Quarterly Review, 1904, January, p. 143). Китайскія династійныя исторіи, сколько извѣстно, ничего не говорятъ о сходствѣ обычаевъ юечжей-ѣда съ тибетскими; единственное упоминаніе о подобномъ сходствѣ относится къ нѣкоторому подобію одѣянія, пищи и языка оставшихся на китайскихъ земляхъ юечжей (такъ называемыхъ малыхъ юечжей) съ таковыми же цяновъ, какъ мною уже было приводимо (см. выше стр. 145). О поліандріи у тибетцевъ прямыхъ упоминаній также нѣтъ (см. выше тамъ же). О бѣгствѣ юечжей отъ хунновъ на западъ по сѣверной окраинѣ тибетскихъ земель у кит. историковъ также нѣтъ ничего, какъ и о состояніи юечжей на службѣ у тибетцевъ въ качествѣ должностныхъ лицъ. Все это, повидимому, лишь предположенія самого Паркера, основаній которыхъ онъ не указалъ. Но если бы у кит. историковъ и было что-нибудь подобное, это не давало бы права утверждать, что свѣдѣнія эти были доступны Аль-Бируни. Изъ сохранившихся до насъ двухъ сочиненій его (Alberuni's India, 1888, и The Chronologie of Ancient Nations, 1879, въ переводахъ Edw. Sachau), напротивъ, вполнѣ ясно, что никакого знакомства съ китайскою исторіею, литературою и языкомъ Аль-Бируни не имѣлъ.

ли себѣ эти страны занятыми тюрками и считали и тибетцевъ племенемъ тюркскимъ (см. В. В. Григорьева «Восточный или Китайскій Туркестанъ», вып. 2,1873, стр. 200 и слѣд.); повидимому, именно вслѣдствіе этого Аль-Бируни зачислялъ народъ, властвовавшій въ Гилгитѣ и сосѣднихъ странахъ верхняго Инда, съ царемъ, носившимъ титулъ Бхатъ-шаха, въ число народовъ тюркскихъ, тогда какъ властителями этихъ странъ въ то время были, по всей вѣроятности, тибетцы (см. «Р. А. Ж.», 1901, №№ 3 и 4, стр. 157 [1]); во-вторыхъ, несмотря на тибетское происхожденіе, древняя династія кабульскихъ царей могла быть названа тюркскою потому, что позднѣйшіе государи ея носили тюркскіе титулы и имѣли часть войскъ, а вслѣдствіе этого и часть сановниковъ, придворныхъ и должностныхъ лицъ изъ тюрковъ. По «Танъ-шу», западно-тюркскій Тунъ-шеху-ханъ (618 — 628 или 630) покорилъ въ числѣ другихъ царствъ запада Персію и Гибинь, далъ царямъ покоренныхъ владѣній титулъ сылифа (hie-lifa) и отправилъ тутуней (t'ou-t'oen) имѣть надзоръ за ними и собирать подати («Собраніе свѣдѣній», ч. 1, стр. 346, и Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occ., p. 52). Вѣроятно, фактическая зависимость Гибини отъ западныхъ тюрковъ прекратилась по смерти Тунъ-шеху-хана, вслѣдствіе почти непрерывныхъ у нихъ смутъ и паденія ихъ могущества, но номинально Гибинь еще долго считалась тюркскимъ правителемъ (джабгу) Тохаристана въ нѣкоторой подчиненности. Такъ въ 718 г., когда Тохаристанъ находился уже во власти арабовъ, братъ джабгу Пуло-тегинъ, четырнадцать лѣтъ уже состоявшій на службѣ при китайскомъ дворѣ, добиваясь повышенія въ чинахъ соотвѣтственно значенію брата, увѣрялъ, что джабгу подчинены 212 царей и правителей разныхъ странъ, въ томъ числѣ царь Сѣюя и царь Гибини, имѣющіе по 200 т. ч. войска, царь Хоттала и т. д. (Documents sur les T. o., pp. 200 — 203). Но десятокъ лѣтъ фактической зависимости Гибини отъ западныхъ тюрковъ не могъ повести къ прочному отуреченію гибиньской династіи, двора и войска. Это отуреченіе должно было находится въ связи съ приведенными уже выше свѣдѣніями «Танъ-шу» о томъ, что гибиньцы набирали для войны съ арабами ратниковъ въ Сѣюѣ и что населеніе послѣдней страны состояло изъ тюрковъ, гибиньцевъ и тохаристанцевъ. Тюрками этими могли быть, какъ я уже выяснялъ, лишь каладжи Истахри и др. мусульм. писателей X вѣка, потомки водворившихся во II в. до Р. Х. саковъ. Какъ впослѣдствіи каладжи составляли значительную часть войскъ газневидовъ, такъ и ранѣе они, оказывается, служили въ войскахъ тибетской династіи,

---

[1]) Въ переводѣ Захау (vol. I, p. 207) важнѣйшее изъ цитированныхъ мною по Рено мѣстъ таково: Leaving the ravine by which you enter Kashmir and entering the plateau, then you have for a march of two more days on your left the mountains of Bolor and Shamîlan. Turkish tribes who are called Bhattavaryân. Their king has the title Bhatta-Shâh. Their towns are Gilgit, Aswira, and Shiltâs, and their language is the Turkish.

достигали, разумѣется, высшихъ военныхъ и придворныхъ должностей и могли постепенно, но прочно, ввести тюркскіе титулы, вооруженіе и одежду и т. п. въ войскѣ и при дворѣ, особенно въ VII—IX стол., когда древняя кабульская династія вынуждена была, для борьбы съ мусульманами, набирать бо́льшую, быть-можетъ, часть своихъ войскъ изъ каладжей, отличавшихся воинственностью и храбростью, конечно, болѣе, чѣмъ индійцы и таджики. Тюркская одежда и вооруженіе послѣднихъ царей тибетской династіи даютъ объясненіе, почему преданія представляли и основателя династіи Барха-тегина одѣтымъ и вооруженнымъ, какъ тюрки. Хотя каладжамъ не пришлось завладѣть царской властью въ Гибини, и сверженіе тибетской династіи выпало на долю брахмана Лалліи, но тѣ *турушка*, съ которыми, по Раджатарангини, граничили владѣнія Лалліи на югѣ, были, вѣроятно, каладжи, завладѣвшіе, можетъ-быть, долиною Курама и Банну, которые во время Сюань Цзана подвластны были царю Каписы-Гибини. Тюркскій царь Фолишисаданны, владѣнія, находившагося, повидимому, въ верховьи Кабулъ-дарьи и въ вершинѣ Хильменда, былъ, вѣроятно, изъ каладжей.

По «Дорожнику Укона», китаецъ этотъ, по прибытіи около 763 г. изъ Кашмира въ «городъ» Гандары, жилъ въ монастырѣ царя Жу-ло-ли, носившемъ имя его основателя, потомка древняго царя Ki-ni-tch'a (т.-е. Канишки); повидимому, городъ этотъ былъ Пурушапура, потому что тамъ же, въ числѣ другихъ обителей, упоминается обладавшій костью изъ черепа Будды монастырь при ступѣ царя Ki-ni-tch'a (Journal asiatique, 1895, Sept.-Oct., p. 356), такъ что память о Канишкѣ и его потомкахъ, царяхъ Гибини, еще во время Укона сохранялась. Уконъ упоминаетъ еще въ томъ же городѣ монастырь T'e-k'in-li, основанный сыномъ тюркскаго царя, и монастырь хатуни (k'o-tun), жены тюркскаго царя (p. 357), Этого Текин-ли, читая уже Тегин-ша, Шаваннъ находитъ возможнымъ, согласно предложенію Маркварта, отождествлять съ царемъ Гибини Усань-тегин-ша (Doc., p. 198), у Іакинфа Усань-дэлэ. Такъ какъ титулъ тегинъ могъ употребляться и у тюрко-гаогюйской династіи хуна, то съ своей стороны я полагаю, что монастыри Те-кин-ли или Тегинъ-ша и хатуни, какъ и монастыри сына царя тюрковъ Ye-li-t'e-le и катуни (K'o-toen) въ Кашмирѣ (pp. 354—355) могли быть основаны членами династіи хуна, ибо хотя царь Гандары 520 г. представленъ у Сонъ Юня и Хой Сена противникомъ буддизма, какъ подтверждаетъ и Сюань Цзанъ, имѣвшій преданія о Михиракулѣ, какъ о гонителѣ буддистовъ (Mémoires etc., I, pp. 190—191), но его предмѣстники и члены семьи могли имѣть къ ученію Будды иное отношеніе.

Вычисляя время основанія тибетской династіи Кабула Аль-Бируни и полагая на каждое изъ 60 поколѣній ея существованія по 14 лѣтъ, сэръ Хенри Элліотъ находилъ, что, если признать 850-й годъ датою ея пре-

кращенія, то начало ея придется около Р. Х., если же считать по 16 лѣтъ на поколѣніе, то основаніе ея приблизится къ 125 г. до Р. Х., ко времени паденія греко-бактрійскаго царства (History of India, II, pp. 409—410). Д-ръ Маркварть для опредѣленія начала царствованія основателя гибиньской династіи Хинъ-ѣ, послѣ котораго до царя Хо-хе-чже, царствовавшаго въ 658 г., престолъ передавался 12 поколѣній въ его родѣ, припринималъ поколѣнія за царствованія и находилъ, полагая на каждое по 18 лѣтъ, что начало царствованія сына Кидоло въ Пурушапурѣ восходитъ къ 440 году (Ēransahr, 285). Если взять на поколѣніе или царствованіе среднюю изъ принятыхъ двумя названными изслѣдователями цифръ, т.-е. 16 лѣтъ, то 12 поколѣній или царствованій составятъ 192 года, т.-е. отъ 658 г. это уведетъ къ 466 г., но изъ этой цифры слѣдуетъ еще исключить начало царствованія Хо-хе-чже, который могъ до 658 г. занимать престолъ уже лѣтъ 8: въ такомъ случаѣ начало царствованія Хинъ-ѣ относится къ 458 г., т.-е. сходится съ опредѣленною мною датою похода Кидоло и завоеваній его на югѣ отъ Хиндукуша (см. выше «Р. А. Ж.», 1904, №№ 1 и 2, стр. 64—65), чѣмъ подтверждается правильность счета по 16 лѣтъ на поколѣніе или царствованіе. Принявъ тотъ же счетъ въ 16 лѣтъ въ основаніе для опредѣленія начала древней тибетской династіи свѣдѣній Аль-Бируни, мы получимъ на 60 поколѣній или царствованій (16×60) 960 лѣтъ, т.-е., относя прекращеніе этой династіи ко времени около 880 г., мы найдемъ, что началась она около 80 года до Р. Х. Мы не имѣемъ точныхъ данныхъ для выясненія съ какого времени Кабулъ былъ покоренъ юечжійцами, но по «Цянь-Хань-шу» въ числѣ названныхъ тамъ пяти юечжійскихъ хи-хэу или пограничныхъ князей-правителей былъ хи-хэу (княжества или области) Гао-фу (Kao-foo), имѣвшій пребываніе въ городѣ того же имени («Собр. свѣд.», III, стр. 55, Wylie, J. A. I., X, p. 41), который почти всѣми принимается за Кабулъ. Такъ какъ отдѣлъ «Цянь-Хань-шу» о западныхъ странахъ составленъ главнымъ образомъ на основаніи описанія, составленнаго въ 74—39 гг. до Р. Х., какъ значится въ предисловіи къ этому отдѣлу (тамъ же, стр. 37, p. 23), то, очевидно, въ эти года Гаофу-Кабулъ находился уже во власти юечжей, попасть же въ ихъ руки могъ онъ не ранѣе смерти Митридата II Великаго, который царствовалъ съ 123 по 84 г. до Р. Х., при преемникѣ его Артабанѣ II, когда междоусобія у парфянъ могли дать возможность юечжамъ захватить часть парфянскихъ восточныхъ земель, именно Кабулъ, овладѣніе которымъ и могло такимъ образомъ совершиться около 80 г. до Р. Х. Если есть что-нибудь вѣрное въ увѣреніи «Хэу-Хань-шу» о томъ, что Гаофу было подвластно Аньси (парфянамъ) и попало въ руки юечжей при Кіоцзюкю («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 119), то лишь фактъ (вторичнаго) покоренія Гаофу при Кіоцзюкю: послѣ покоренія около 80 г. до Р. Х. и несомнѣннаго нахожденія подъ властью юечжей между 79—39 гг., до Р. Х. Гаофу

могъ быть отнятъ парфянами и вторично завоеванъ юечжійцами при Кіоцзюкю послѣ 45 г. по Р. Х., если держаться предположительной хронологіи В. А. Смита. Мы знаемъ затѣмъ, что Кіоцзюкю, кромѣ Гаофу въ верхней части бассейна Кабулъ-дарьи, завоевалъ и Гибинь, занимавшую низовья того же бассейна, а сынъ его покорилъ Индію, что какъ Дахя, такъ и Гибинь, Гаофу и Тянь-чжу (Индія) продолжали находиться подъ владычествомъ юечжей-кушановъ въ эпоху трехъ царствъ въ Китаѣ (220 — 280 гг. по Р. Х.) и что паденіе владычества кушановъ въ Индіи послѣдовало въ первой половинѣ IV в., когда изъ значительной части ихъ земель за Индомъ образовалась имперія Чандра Гупты, но бассейнъ Кабулъ-дарьи, можетъ-быть, продолжалъ находиться во владѣніи потомковъ Кіоцзюкю во второй половинѣ того вѣка или въ части ея. Во всякомъ случаѣ Фа-Сянь въ началѣ V в. нашелъ въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи лишь мелкія, повидимому независимыя одно отъ другого, владѣнія. Между тѣмъ, юечжы-кушаны на сѣверѣ отъ Хиндукуша, подъ властью ли вѣтви потомковъ Кіоцзюкю или иной династіи, продолжали сохранять свои тамошнія владѣнія, вѣроятно, распространивъ ихъ на сѣверъ до Сыръ-дарьи и на западъ, между границами Персіи и Сыръ-дарьею, до Каспійскаго моря. Послѣ многолѣтней и трудной борьбы съ Персіею, продолжавшейся почти все царствованіе Яздигерда II, убѣдившись, вѣроятно, въ невозможности распространить свои владѣнія на счетъ Персіи, кушанскій царь Кидоло или Кидаръ, воспользовавшись безопасностью своихъ владѣній со стороны персовъ во время междоусобной войны между двумя сыновьями Яздигерда, предпринялъ съ своимъ закаленнымъ въ предшествовавшей борьбѣ съ персами войскомъ походъ за Хиндукушъ для завоеванія бывшихъ владѣній кушановъ. Едва онъ успѣлъ покорить пять мелкихъ царствъ, лежавшихъ не къ сѣверу (какъ значится въ китайскихъ источникахъ нашихъ), а къ сѣверо-западу и западу отъ Гандары [1]), какъ извѣстія о враждебныхъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ Пероза, въ 459 г. утвердившагося на престолѣ, должны были побудить его возвратиться на сѣверъ, оставивъ для управленія завоеванными землями своего сына въ Пурушапурѣ. Такъ какъ, по Приску, персы еще въ 464 г. домогались отъ римлянъ субсидій на войну свою съ уннами-кидаритами, надъ которыми, по свѣдѣніямъ византійскаго посла Константія, собраннымъ въ 464 г., царствовалъ уже Кунха, то слѣдуетъ полагать, что отецъ его Кидоло долженъ былъ возвратиться изъ-за Хиндукуша около 460 г., ибо для отпора съ его стороны возобновившему прекращенную по смерти Яздигерда войну Перозу, для смерти затѣмъ Кидоло, для заключенія потомъ наслѣдовавшимъ ему Кунхою мира съ Перозомъ на условіи выдачи

[1]) Этими пятью царствами въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи могли быть: 1) нынѣшняя пишаверская область на югѣ отъ Кабулъ-дарьи, 2) нынѣшняя джелальабадская область, 3) Легманъ, 4) бассейнъ Горбендской и Пянджширской рѣкъ и 5) вершины Кабулъ-дарьи и Хельменда.

послѣднимъ сестры въ замужество за Кунху, для выполненія этого условія, для обнаруженія совершеннаго при этомъ Перозомъ обмана, для мести со стороны Кунхи, за которою послѣдовало возобновленіе войны въ 464 г., если не ранѣе, потребно было года по меньшей мѣрѣ три-четыре до 464 года. Д-ръ Маркварть по сходству имени Хинъ-ѣ (Hing-giët, по de Groot'у) готовъ считать юнаго Кунху за оставленнаго Кидаромъ въ Фулэуша въ 440 г. сына и затрудняется лишь тѣмъ, какъ могъ тотъ же Хинъ-ѣ наслѣдовать отцу около 465 г. въ Хорасанѣ (S. 285). Затрудненія относительно 440 и 465 гг. устраняются, если завоеванія Кидоло за Хиндукушемъ произведены около 458 г., а смерть Кидара послѣдовала около 461 г., и если сынъ Кидоло Хинъ-ѣ, оставленный въ Пурушапурѣ, есть особое лицо отъ сына же Кунхи, наслѣдовавшаго отцу на сѣверѣ Хиндукуша. Поэтому я полагаю, что, несмотря на отдаленное сходство именъ Хинъ-ѣ, основатель кидаритской династіи Гибини, и Кунха, наслѣдовавшій Кидару на сѣверѣ Хиндукуша, были лица разныя, хотя одинаково сыновья Кидоло. Я считаю затѣмъ вѣроятнымъ, что, прославившись своими побѣдоносными войнами съ Перозомъ, Кунха оставилъ своему народу, взамѣнъ имени кидаритовъ, утвердившагося вслѣдствіе долгаго и славнаго царствованія его отца Кидара, новое имя *ефтал*'овъ, по своему имени или прозвищу. Что имя это дѣйствительно появилось и утвердилось во время царствованія Кунхи, ясно изъ этого, что Прискъ, послѣднія извѣстія котораго доходятъ до 468 г., употреблялъ еще имя унновъ-кидаритовъ, тогда какъ у Лазаря Парбеци уже является имя хефталовъ, а у Прокопія исключительно имя унновъ-ефталитовъ. Имѣемъ мы, наконецъ, и прямое историческое извѣстіе: въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ исторіи Ѳеофана византійца, въ которомъ разсказано о началѣ въ Византіи шелководства, затѣмъ говорится, что «царь Юстинъ впослѣдствіи показалъ туркамъ» (вѣроятно, тюркскимъ посланникамъ, третьей четверти VI вѣка) «рожденіе и работу сихъ (шелковичныхъ) червей и тѣмъ изумилъ ихъ, потому что турки въ то время занимали торговые города и порты сировъ (китайцевъ), прежде обладаемые персами. Послѣ того, какъ царь эфталитовъ, *Эвталанъ*, отъ котораго и народъ получилъ свое имя, побѣдилъ Пероза, персы потеряли эти мѣста. Ими уже владѣли эфталиты, но вскорѣ послѣ того турки побѣдили ихъ въ сраженіи и отняли у нихъ тѣ мѣста» («Византійскіе историки Дексиппъ» и другіе, перев. съ греческаго Спир. Дестуниса, Спб., 1860, стр. 493). Хотя источники приведенныхъ свѣдѣній Ѳеофана неизвѣстны, но отъ другого византійскаго историка Менандра мы знаемъ, что въ началѣ 4-го года царствованія Юстина, въ 568 г., въ Византію прибыло посольство отъ тюрковъ, отправленное царемъ послѣднихъ Дизабуломъ и имѣвшее во главѣ начальника подвластныхъ тюркамъ согдантовъ тархана Маніаха, съ просьбою о союзѣ и дружбѣ противъ персовъ, которые препятствовали согдантамъ продавать шелкъ на западъ

чрезъ Персію (тамъ же, стр. 370 и слѣд.). Такъ какъ посольство это доставило подарки, «состоявшіе изъ немалаго количества шелку» (тамъ же, стр. 373), и имѣло бесѣды съ Юстиномъ, между прочимъ сообщивъ, на его вопросы, о полномъ покореніи тюрками эфталитовъ, вынужденныхъ платить имъ дань (стр. 374), то возможно, что свѣдѣнія Ѳеофана восходили къ источнику, основанному на сообщеніяхъ Маніаха или другихъ членовъ означеннаго посольства. Если Эвталанъ былъ побѣдителемъ Пероза, погибшаго въ 484 г., то можно съ большою вѣроятностю полагать, что то былъ Кунха сказаній Приска, по относящимся къ 465 г. извѣстіямъ котораго Кунка, при заключеніи мира съ Перозомъ по смерти отца, былъ «очень молодъ и не имѣлъ еще дѣтей» («Сказанія Приска панійскаго», перев. Дестуниса, стр. 91), а потому, конечно, могъ пережить Пероза, сдѣлавшись притомъ послѣ гибели Пероза властелиномъ не только Самарканда, Бухары, Бейкенда, но, быть-можетъ, на время, и персидскихъ Херата, Мерви-руда и Мерва, т.-е. всѣхъ торговыхъ городовъ и рынковъ Средней Азіи, чрезъ которые шла торговля китайскимъ шелкомъ, которымъ средне-азіатскіе торговцы, съ согдійцами во главѣ, снабжали западную Азію и Европу. Истинная основная форма именъ Эвталанъ, эвталитъ и т. д. есть, всего вѣроятнѣе, *ефталъ* или *яфталъ*, какъ можно заключить изъ транскрипціи *хепталк* у Лазаря Парбеци, соотвѣтственно *кушанк* отъ *кушан* въ единствен. числѣ, и изъ существованія въ сѣверо-западной части Бадахшана мѣстности *Ефталъ* или *Яфталъ*. По свѣдѣніямъ пандита Манфуля (J. of R. Geographical Society, vol. 42, 1872, p. 441), Yaftâl есть одно изъ четырехъ административныхъ отдѣленій файзабадскаго округа (остальныя три: Файзабадъ, Аргу и Шива), отдѣляется отъ Файзабада низкою цѣпью горъ и представляетъ собою плодородную и густо заселенную гористую мѣстность, населеніе которой состоитъ изъ таджиковъ. Къ этому можно прибавить, изъ свѣдѣній почти того же времени (къ концу 1860-хъ годовъ) бадахшанцевъ Мухаммеда-Наби и Мирза-Джана (I. and A. Q. Review, 1894, July, p. 175), что Yaftâl этотъ лежитъ на востокѣ отъ Рага и на сѣверѣ отъ г. Файзабада и что таджикское его населеніе говоритъ на персидскомъ языкѣ, какъ и таджики Рага, Рустака и другихъ мѣстностей сѣверо-западнаго Бадахшана. Эта самая мѣстность упоминается въ «Запискахъ» султана Бабера (Mémoires, traduits par A. Pavet de Courteille, Paris, 1871, t. I, p. 464), гдѣ говорится о томъ, что беки Батахшана, изгнавшіе въ 912 г. Х. (1507 г. по Р. Х.) изъ этой страны правившаго ею брата Бабера Насиръ-мирзу, собрали для того войска свои въ долинѣ р. Кокчи, въ направленіи Ефтеля (Yeftel) и Рага. Объ этомъ же Яфталѣ находимъ у Якута (писалъ въ 1223 по Р. Х.), что Yaftal — городъ, расположенный на границѣ Тохаристана, и что отсюда былъ родомъ Насръ-аль-Яфтали, который былъ однимъ изъ главныхъ эмировъ Хорасана, какъ упоминается въ лѣтописяхъ этой страны по поводу

его столкновеній съ племенемъ Карабуль въ области Балха (Dictionnaire géograph., hist. et littéraire de la Perse, extrait de... Yaqout, par M. Barbier de Meynard, Paris, 1861, p. 612).

Молчаніе свѣдѣній Аль-Бируни о первомъ перерывѣ властвованія юечжей надъ Кабуломъ до вторичнаго завоеванія при Кіоцзюкю и затѣмъ о второмъ перерывѣ послѣ паденія имперіи кушановъ, во второй половинѣ IV и первой V в., легко и естественно объясняется неполнотою устныхъ преданій, хотя въ числѣ ихъ отдаленныхъ источниковъ могли быть и письменные историческіе памятники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, относясь къ начавшемуся за десять слишкомъ столѣтій до Аль-Бируни владычеству юечжей въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, преданія эти не могли сохранить такихъ сравнительно малыхъ подробностей, какъ смѣны династій собственно-юечжійской на кушанскую и послѣдней на кидаритскую. Что же касается отношеній кидаритовъ къ хуна, кратковременное владычество которыхъ также не попало въ свѣдѣнія Аль-Бируни, то слѣдуетъ между прочимъ имѣть въ виду, что именно при гаогюйскомъ происхожденіи династіи хуна и при раздѣленіи владѣній Кидара между двумя его сыновьями отношенія эти наиболѣе легко понятны и объяснимы. Какъ оставленный въ Фулэуша сынъ Кидара Хинъ-ѣ сдѣлался по смерти отца самостоятельнымъ государемъ кидаритскихъ владѣній на югѣ отъ Хиндукуша, такъ находившійся при Кидарѣ Кунха, которому во время возобновленной Перозомъ войны привыкли повиноваться войска и управители на сѣверѣ отъ Хиндукуша, сталъ по смерти отца государемъ сѣверныхъ владѣній Кидара. Конечно, одинъ изъ братьевъ былъ узурпаторомъ въ глазахъ другого, который считалъ себя наслѣдникомъ всѣхъ владѣній отца. Въ результатѣ мы должны предполагать естественныя съ обѣихъ сторонъ отчужденіе и непріязнь, не дошедшія, однако, до междоусобной войны, такъ какъ наиболѣе сильный изъ братьевъ, Кунха, поглощенъ былъ заботами объ оборонѣ противъ нападеній Пероза. Съ теченіемъ времени непріязненныя чувства должны были смягчиться, хотя вполнѣ дружественныхъ сношеній, вѣроятно, не установилось. При такихъ обстоятельствахъ завоеваніе Кунхою, во время одного изъ мирныхъ перерывовъ войнъ съ Перозомъ, по примѣру отца, горныхъ владѣній въ мѣстностяхъ нынѣшняго Читрала, а также Удіяны (въ бассейнѣ Свата) и Гандары, и отдача имъ послѣдней, въ видѣ вассальнаго владѣнія, состоявшему въ его войскахъ съ значительнымъ отрядомъ своихъ родовичей гаогюйскому вождю рода чилэ не представляются невозможными и невѣроятными. Гандара [1]),

[1]) Гандары упоминаются еще Геродотомъ и Страбономъ, но опредѣленное указаніе на ихъ страну даетъ Птолемей (кн. VII, гл. I), помѣщая гандаровъ между р. р. Суастомъ (нынѣ Сватъ) и Индомъ. Такъ какъ, по Птолемею же, Суастъ былъ притокомъ р. Коаса, который соотвѣтствовалъ во всякомъ случаѣ нынѣшней Кабулъ-дарьѣ въ нижнемъ ея теченіи, то южною границею страны гандаровъ, т.-е. Гандары, должна была служить Кабулъ-дарья, такъ что долина Пишавера на югѣ отъ Кабулъ-дарьи въ составъ Гандары собственно не входила.

по точному содержанію относящихся до завоеванія Кидаромъ на югѣ отъ Великихъ горъ пяти царствъ китайскихъ свѣдѣній, не была покорена Кидаромъ [2]) и не находилась поэтому въ числѣ земель, доставшихся оставленному въ Пурушапурѣ сыну, а потому завоеваніе ея не могло почитаться явно враждебнымъ противъ кидаритовъ дѣйствіемъ. Можно затѣмъ съ вѣроятностью полагать, что получившій Гандару на правахъ вассала гаогюйскій правитель, а затѣмъ и его преемникъ воздерживались отъ враждебныхъ дѣйствій и покушеній на владѣнія брата своего верховнаго государя и долго направляли свои усилія на завоеванія на лѣвомъ берегу Инда. Во всякомъ случаѣ существованіе сильной Гибини, т.-е. царства въ бассейнѣ Кабулъ-дарьи, которое, очевидно, являлось царствомъ потомковъ сына Кидоло Хинъ-ѣ, удостовѣряется извѣстіями Сонъ Юня и Хой Сена о войнѣ третьяго царя хуна съ Гибинью, начатой уже за три года до 520 г. изъ-за границъ между двумя государствами; 700 слоновъ этого царя («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 181, Neumann, S. 173, Beal, p. 197), конечно, пріобрѣтены были имъ или его предмѣстникомъ въ предшествовавшихъ войнахъ за Индомъ.

Признавъ сначала, на основаніи перевода Биля, что къ 520 г. со времени покоренія Гандары ефталитами прошло два поколѣнія, и полагая на поколѣніе по 25 лѣтъ, д-ръ Маркквартъ находилъ, что при вычетѣ этихъ 50 лѣтъ изъ 520 получается 470 г., какъ дата завоеванія Гандары (Ērānsahr, S. 58); при этомъ, въ виду близости 470 г. ко времени основанія царства М. Юечжы сыномъ Кидоло, онъ задавался оставшимся безъ разрѣшенія вопросомъ: не смѣшалъ ли Сонъ Юнь ѣда съ юечжійцами? Позднѣе, на основаніи перевода проф. de Groot'а, по которому въ 520 г. въ Гандарѣ царствовалъ лишь второй государь со времени завоеванія, г. Маркквартъ сталъ считать поколѣніе въ 30 лѣтъ и заключилъ, что покореніе Гандары совершилось около 480 г. (S. 212). Полагая, что относящіеся сюда китайскіе тексты имѣютъ тотъ смыслъ, что въ 520 г. въ Гандарѣ царствовалъ преемственно по прямой линіи третій государь дина-

---

Однако политическія границы нерѣдко не совпадаютъ съ этническими, а потому Пурушапура иногда оказывалась въ составѣ Гандары и тогда столицею Гандары являлись то Пурушапура, то истинная столица собственно Гандары Удабхандапура, нынѣ Ундъ на западномъ берегу Инда. Имя и, вѣроятно, потомки гандаровъ сохранились къ настоящему времени въ лицѣ рода gandari или gandhari, числящагося въ составѣ авганскаго племени сафи; родъ этотъ, по свѣдѣніямъ Белью, насчитываетъ около 3 т. семей и обитаетъ въ ханствѣ Навагай между р. Кунаромъ и горами Баджаура (A Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, by H. W. Bellew, Woking, 1891, p. 63).

[2]) См. „Р. А. Ж“, 1904 г., книжки XVII — XVIII, стр. 52, гдѣ приведены переводы Іакинфа и Шпехта, по которымъ Кидоло „покорилъ пять государствъ лежащія отъ Гантоло къ сѣверу“. Поэтому считаю ошибочнымъ изложеніе Поркера, по которому Кидоло завладѣлъ Kan-t'o-lo with four other states to the north of it (J. and A. Quarterly Review, 1902, July, p. 145).

стіи хуна (см. выше стр. 154), и имѣя затѣмъ въ виду, что царь 520 г. занималъ престолъ уже болѣе трехъ лѣтъ, такъ какъ уже три года велъ войну съ Гибинью, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу лучшимъ считать на каждое царствованіе, какъ было принято для опредѣленія датъ начала тибетской династіи Кабула и кидаритской Гибини, по 16 лѣтъ. Два царствованія по 16 лѣтъ и 3 года третьяго составляютъ въ сложности 35 лѣтъ. По вычетѣ этой цифры изъ 520 получимъ 485 годъ. Такъ какъ смерть Сканда Гупты предположительно относятъ ко времени около 480 г., и государь этотъ имѣлъ уже столкновенія съ хуна, то начало династіи хуна въ Гандарѣ не можетъ быть относимо ко времени позже 470 — 480 г. или по крайней мѣрѣ позже 475 — 480, вслѣдствіе чего приходится полагать, что Михиракула въ 520 г. царствовалъ уже не три года, а 8 — 13 лѣтъ.

Мы видѣли, что по Сонъ Юню и Хой Сену прежнее имя Гандары до завоеванія ея ефталитами было, по разнымъ чтеніямъ синологовъ, Nie-po-lo, Yeh-p'o-lo (стр. 150), въ сокращенныхъ же формахъ (стр. 150) Ueh-p'o, Che-po. Въ статьѣ Ал. Кеннингама Ephthalites or White Huns (Transactions of the Ninth International Congress of Orientalists, London, 1893, vol. I, pp. 222 — 244), въ виду Jaüvla въ надписи Торамана и Jabubla или Jabuvla на его монетахъ, утверждалось, что страна называлась сначала по имени завоевателей Jabula = Ye-po-lo, т.-е. родовымъ именемъ Торамана, которое было тождественно съ именемъ страны Забулъ, Забулистанъ древнихъ мусульманскихъ писателей (p. 233); населеніе страны Забула говорило на языкѣ, называвшемся Zaüli. Jabula же слѣдуетъ читать значащееся въ Чачъ-намэ (мусульманская исторія Синда, составленная въ VIII в. послѣ взятія арабами Мультана) имя происходившаго отъ раджи Кашмира правителя города (Мультана) Jibawin или Jabüin, построившаго знаменитый храмъ богу солнца съ идоломъ изъ краснаго золота (p.p. 233, 226, 228), такъ какъ царемъ Синда во время построенія этого храма въ 505 г. былъ Торамана, четыре преемника котораго властвовали въ Синдѣ до низложенія послѣдняго изъ нихъ брахмановъ Чач'емъ, основателемъ найденной арабами въ Синдѣ династіи (p.p. 228, 241); прямое доказательство тому, что царями Синда были до Чача, т.-е. предположительно до 643 г., бѣлые хунны, Кеннингамъ видитъ въ извѣстіи цитированнаго Элліотомъ (History of India, etc., II, p. 418) мусульманскаго писателя Khâki Shirâzi, по которому въ 22 году Хиджры (начинался съ 30 ноября 642 г. по Р. Х.) послѣ Седжистана былъ подчиненъ арабами и Мекранъ, правитель котораго былъ и правителемъ Синда, и име-

---

[1]) На стр. 62 книжки XVII — XVIII „Р. Антропологич. Ж." пораженіе маухаріевъ отнесено по недосмотру ко времени „около 535 г.", слѣдовало же: „около 565 г."

новался на языкѣ страны Zambil'емъ: въ послѣднемъ свѣдѣніи Кеннингамъ усмотрѣлъ достаточное основаніе для утвержденія, что Janbula монетъ было вѣрною индійскою формою скифскаго Zanbol или Zabul, ибо индійскіе алфавиты не имѣютъ z (p. 243). Считая безъ всякихъ основаній индійское именованіе хуна транскрипціею китайскаго имени народа жуань-жуань (Jwan-Jwan or Yuan-Yuan) и ссылаясь на китайскихъ писателей, ни именъ которыхъ, ни извѣстій не привелъ, Кеннингамъ отождествилъ ефталитовъ съ жужанями и утверждалъ, что вторженіе въ Персію при Бахрамѣ V Гурѣ сдѣлалъ, въ 428 будто бы году, жужаньскій ханъ Татань (Tâtâ), который и былъ пораженъ и убитъ около Мерва; что съ Яздигердомъ II воевалъ съ 443 г. до 451, вынудивъ его въ 456 г. удалиться изъ своихъ владѣній на югъ отъ Окса, жужаньскій ханъ Уди (Uti) и т. д. (p. p. 223—224). Хорасанъ и Забулистанъ были, по его мнѣнію, захвачены ефталитами послѣ пораженія и смерти Пероза въ 483 г. (p. 240), индійскіе же *хуна* суть вѣтвь этихъ бѣлыхъ хунновъ (p. 224), водворившихся въ концѣ V вѣка на Индѣ подъ предводительствомъ Lae-lih Сонъ Юня, которому наслѣдовалъ Торамана и за нимъ Михиракула (228). Что касается кидаритовъ, которыхъ Кеннингамъ признаетъ происходящими отъ кушанскаго царя Ki-to-lo = Kidara, оставившаго около 425—440 гг. своего сына въ Пишаверѣ, то, по его предположенію, кидариты эти были вытѣснены ефталитами Лай-ли въ концѣ V в. въ сосѣднія страны, вѣроятно частію на востокъ отъ Инда въ Shāh-dhêri и Mansera, на западѣ отъ Кашмира, частію же въ Ясинъ и Читралъ на западъ отъ названной рѣки (см. статью Кеннингама въ Numismatic Chronicle, 1893, p. p. 115, 190, которую, за неимѣніемъ названнаго изданія въ доступныхъ мнѣ библіотекахъ, цитирую по V. A. Smith въ J. of A. S. of Bengal, 1894, vol. 63, Part I, p. p. 179, 183). Гипотеза покойнаго генерала Кеннингама о тождествѣ ефталитовъ съ жужанями совершенно неосновательна и не можетъ быть принята по непримиримости ея съ свѣдѣніями китайскихъ историковъ, по которымъ это были два народа, обитавшіе въ особыхъ одинъ отъ другого странахъ, одинъ на Аму-дарьѣ, другой въ Монголіи, и говорившіе на совершенно особыхъ языкахъ. Въ частности, изъ историческихъ свѣдѣній о жужаняхъ, помѣщенныхъ въ «Бэй-шы», извѣстно, что жужаньскій Датань, который, по Кеннингаму, будто бы убитъ былъ въ 428 г. въ бою съ Бахрамомъ Гуромъ, въ дѣйствительности «занемогъ и умеръ» въ 430 г. послѣ неоднократныхъ пораженій, нанесенныхъ ему китайскимъ императоромъ Тхай-ву-ди (переводъ Іакинфа въ «Собр. свѣд.» и пр., ч. I, стр. 214), наслѣдникъ же его Уди, послѣ тяжкихъ погромовъ отъ того же императора, умеръ въ 445 г. (тамъ же, стр. 217). Хотя послѣ гибели Пероза въ 484 г. границы ефталитскихъ земель, можетъ быть, немного и подвинулись на западѣ, но никакихъ данныхъ въ подтвержденіе предположенія о захватѣ ефталитами Забулистана не имѣется. Мнѣніе Кеннингама о томъ,

что хуна Гандары были вѣтвью ефталитовъ, также не имѣетъ никакихъ основаній. Предположеніе объ изгнаніи ефталитами потомковъ Кидоло изъ Гандары за Индъ и въ Читралъ съ Яссиномъ, основанное, быть-можетъ, на случайномъ и притомъ весьма отдаленномъ сходствѣ имени Кидаръ съ сказаніями о происхожденіи рода нынѣшнихъ правителей Читрала отъ какого-то Шахъ-Катура, брата Шахъ-Хушвахта, предка царскаго дома Яссина (Биддельфъ «Народы, населяющіе Гиндукушъ», переводъ П. Лессара, Асхабадъ, 1886, стр. 81), опровергается свѣдѣніями посольства 520 г. и «Бэй-шы» о нахожденія владѣній Бочжи и Шеми, соотвѣтствующихъ нынѣшнему Читралу, въ зависимости отъ ѣда-ефталитовъ («Собр. свѣд.», ч. 3, стр. 180), помимо другихъ данныхъ, которыя мною приведены были о судьбахъ кидаритовъ выше.

Д-ръ Маркварть находилъ сначала, что Кеннингамъ правильно призналъ Джаувла надписи Тораманы и Джанбула, Джабувла и пр. монетъ родовымъ именемъ Ērānšahr, 39), но затѣмъ пришелъ къ заключенію, что лучше держаться авторитета китайскихъ историковъ, у которыхъ Yeh-p'o-lo есть имя страны Гандары до завоеванія ея ефталитами (тамъ же, 247), находя, однако, при помощи амойскаго и кантонскаго діалектовъ, древнимъ произношеніемъ этого имени Ǧebbul, Ǧabbul, т.-е. Ǧabul [1]). Проф. Шаваннъ, который хотя и не отвергаетъ пользованія діалектами для опредѣленія древняго произношенія китайскихъ письменныхъ знаковъ, но лично къ этому пользованію почти не прибѣгаетъ, передаетъ прежнее имя Гандары въ «Бэй-шы» и Исторіи храмовъ въ Лоянѣ, въ видѣ Che-po и Che-po-lo, и рѣшаетъ вопросъ о происхожденіи этого имени такимъ образомъ, что это есть древнее санскритское имя народа *сиби*, такъ какъ Сюань Цзанъ (Mém., I, 122—123) пріурочиваетъ къ Гандарѣ легенду о царевичѣ Суданѣ (соотвѣтствующемъ Висвантарѣ санскритскихъ текстовъ); между тѣмъ сутра о царевичѣ Суданѣ (въ японской Трипитакѣ) говоритъ, что царевичъ этотъ былъ сыномъ царя страны Che-po, тогда какъ санскритская Джатакамала выясняетъ, что Вивсантара былъ сыномъ царя сибійцевъ (des Çibis); однако Шаваннъ добавилъ потомъ, что читаетъ Che, а не Ye, вслѣдствіе употребленія знака Ye въ сутрѣ о царевичѣ Суданѣ, гдѣ употребленъ знакъ Che (отличный, какъ видно по изображенію, отъ знака, который читается Ye), и говоритъ: cependant l'identification reste hypothétique (Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 1903, p.p. 225, note 3, 322).

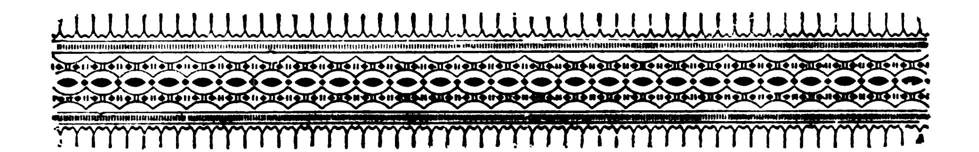
---

[1]) Еще проф. В. П. Васильевъ задавался вопросомъ: «Какимъ образомъ жаргоны провинцій Фу-цзяня и Кантона, вошедшихъ въ составъ Китая гораздо позже, населенныхъ инородцами, считать оригиналомъ для подлиннаго кит. произношенія?" („Очеркъ исторіи кит. литературы" въ „Всеобщей исторіи литературы", подъ ред. В. Корша, Спб., 1880, т. I, стр. 436). Въ настоящее время, кромѣ южныхъ діалектовъ, все болѣе усиливается примѣненіе для той же цѣли корейскаго и японскаго языковъ.

Имена царскихъ родовъ, племенныя, народныя могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ именами странъ и государствъ, но вообще не встрѣчаются въ качествѣ царскихъ титуловъ; поэтому трудно допустить, чтобы царскій титулъ замбиль могъ быть тождественнымъ съ именами Джаувла, Забулъ и т. п., если это имена царскаго рода или племени, какъ полагалъ Кеннингамъ. Обращеніе проф. Шаванномъ Ye-po въ Che-po, причемъ третій слогъ имени lo отбрасывается, представляется сомнительнымъ, тѣмъ болѣе, что дѣйствительное существованіе въ Гандарѣ народа сиби нуждается въ подтвержденіяхъ помимо буддійскихъ легендъ. Поэтому вопросъ о вышеприведенныхъ именахъ приходится считать пока неразрѣшеннымъ.

Н. А. Аристовъ.

Некрологи.

Проф. Адольфъ Бастіанъ. 24/11 февраля скончался въ Port of Spain на о-вѣ Тринидатѣ, въ больницѣ, заслуженный профессоръ этнологіи, директоръ Берлинскаго этнографическаго музея (Museum für Völkerkunde) и одинъ изъ основателей и дѣятелей Берлинскаго Общества антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи и нѣмецкаго Африканскаго Общества, т. с. Адольфъ Бастіанъ. Умеръ онъ въ возрастѣ 78 лѣтъ, что не мѣшало ему, однако, до конца быть плодовитымъ писателемъ и неутомимымъ путешественникомъ.

Родился Б. 26-го іюня 1826 года въ Бременѣ и былъ сыномъ состоятельнаго купца. По окончаніи гимназіи онъ поступилъ на юридическій факультетъ, затѣмъ сталъ слушать лекціи по философіи и естествознанію и, наконецъ перешелъ на медицинскій факультетъ, на которомъ, въ Прагѣ, и получилъ въ 1850 г. степень доктора. Ранѣе онъ былъ студентомъ въ Іенѣ, Гейдельбергѣ и Вюрцбургѣ и, обладая живой, отзывчивой натурой и большими способностями, умѣлъ, повидимому, соединять усидчивыя занятія съ юношескимъ весельемъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ членомъ студенческихъ корпарацій, въ Іенѣ — Sachsen, въ Гейдельбергѣ—Vandalen, но въ то же время успѣлъ поглотить массу книгъ и извлечь изъ нихъ много данныхъ для своихъ послѣдующихъ этюдовъ.

Въ 1851 г., въ возрастѣ 25 лѣтъ, Б. поступилъ судовымъ врачемъ на одинъ торговый пароходъ и отправился въ Австралію. Что побудило его къ этому путешествію — неизвѣстно, но, судя по тому, что его извѣстное сочиненіе «Der Mensch in der Geschichte» (1860) посвящено памяти А. фонъ-Гумбольдта, при чемъ въ посвященіи онъ говоритъ, что многимъ обязанъ ободряющимъ словамъ этого ученаго, «находившагося уже на закатѣ своихъ дней», можно думать, что въ этомъ случаѣ играли немаловажную роль совѣты А. фонъ-Гумбольдта, который, какъ извѣстно, интересовался въ своихъ путешествіяхъ не одной природой, но и культурными особенностями посѣщенныхъ, имъ странъ. Съ другой стороны, на направленіе научной дѣятельности Бастіана, направленной, главнымъ образомъ, къ собиранію матеріаловъ по психологіи и

соціологіи народовъ, имѣла, повидимому, немаловажное вліяніе философія извѣстнаго тогда Гербарта, который въ своей этикѣ исходилъ не отъ извѣстныхъ непреложныхъ нравственныхъ аксіомъ, а доказывалъ «пассивность» духовной жизни особи, развивающейся въ извѣстной общественной обстановкѣ, подъ вліяніемъ «народной воли», что особенно наглядно видно при изученіи мысли и нравственности менѣе культурныхъ и болѣе примитивныхъ народовъ.

Путешествіе Бастіана продолжалось нѣсколько лѣтъ. Изъ Австраліи онъ отправился въ Америку, посѣтилъ Перу, Мексику, Вестъ-Индію, затѣмъ поѣхалъ въ Батавію, Китай, Индію и, наконецъ, попалъ въ Африку, гдѣ прожилъ всего дольше въ Санъ-Сальвадорѣ (Ангола). Всюду главнымъ предметомъ его наблюденій была не природа, а люди, и именно ихъ духовная сторона — языкъ, бытъ, вѣрованія, понятія, преданія, миѳы и т. д. По возвращеніи въ Европу Б. скоро опубликовалъ первый результатъ своего путешествія: «Ein Besuch in San-Salvador» (1859), въ которомъ далъ обстоятельный очеркъ быта и духовной жизни ангольскихъ негровъ, ранѣе обращавшихъ на себя вниманіе только какъ матеріалъ, пригодный для эксплоатаціи и обращенія въ рабство. Въ слѣдующемъ, 1860-мъ, году появился въ печати громадный трудъ Бастіана «Der Mensch in der Geschichte», обратившій на себя общее вниманіе историковъ и психологовъ необыкновенной эрудиціей его автора. Сочиненіе это состоитъ изъ трехъ томовъ: первый носитъ названіе «Die Psychologie als Naturwissenschaft», второй — «Psychologie und Mythologie», третій — «Politische Psychologie». Во всѣхъ трехъ томахъ 1520 страницъ довольно мелкаго шрифта. Въ этомъ сочиненіи Б. доказываетъ, что человѣческій духъ долженъ быть изучаемъ съ естественно-исторической точки зрѣнія и естественно-историческимъ методомъ, какъ продуктъ природы. Не человѣкъ думаетъ, а нѣчто думаетъ въ человѣкѣ, и это нѣчто слагается изъ различныхъ воздѣйствій окружающей среды, окружающаго общества на индивидуальный духъ, являющійся продуктомъ индивидуальнаго мозга. Психологія можетъ быть построена научно только на этнической основѣ, какъ психологія народовъ; нужно изучать психологическіе законы, пути, по которымъ шло развитіе мысли; нужно забыть укоренившіяся традиціи, признанныя аксіомы и приступить къ собиранію фактовъ духовной жизни путемъ ихъ наблюденія на различныхъ ступеняхъ культуры, у различныхъ народовъ, и подвергать затѣмъ сравнительному анализу отдѣльныя проявленія мысли, чувства и воли. Въ книгѣ Бастіана сгруппированы по отдѣламъ весьма интересныя группы фактовъ, напр. объ языкѣ жестовъ, о способахъ выраженія, о фетишизмѣ, о неизвѣстномъ и зломъ богѣ; варіаціи понятій о добрѣ и злѣ; касты, ордаліи, крестъ, элементы магіи, понятія о душѣ, почитаніе иконъ; миѳы о чудесномъ рожденіи, воскресеніи, возрожденіи; культъ умершихъ, почитаніе мощей, психическія эпидеміи и т. д. и т. д., съ приведеніемъ данныхъ о самыхъ различныхъ народахъ, отъ наиболѣе первобытныхъ до историческихъ, такъ какъ и у послѣднихъ оказываются еще широко распространенными пережитки далекаго прошлаго

Опубликовавъ свой обширный трудъ, для составленія котораго требовалось, очевидно, многіе годы литературныхъ изученій, Бастіанъ отправился въ новое путешествіе, продолжавшееся также нѣсколько лѣтъ (пять). На этотъ разъ онъ отправился въ Бирму, гдѣ, воспользовавшись насильственнымъ задержаніемъ его въ Манделэ, сошелся съ мѣстными бонзами и собралъ богатый матеріалъ по философіи буддизма; затѣмъ онъ посѣтилъ Сіамъ, Камбоджу, Японію, Китай, проѣхалъ чрезъ Монголію и Сибирь и побывалъ на Кавказѣ. Результатомъ этого путешествія явилось сочиненіе «Die Völker des oestlichen Asiens», 1866—71 (6 томовъ), заключающее въ себѣ цѣнные матеріалы для психологіи и этнологіи народовъ юго-востока и востока Азіи. Послѣ того Бастіанъ на нѣсколько лѣтъ основался въ Берлинѣ. Въ 1866 г. онъ выступилъ доцентомъ по этнологіи въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ въ 1871 г. получилъ званіе экстраординарнаго профессора. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занялъ мѣсто завѣдующаго этнографическимъ отдѣленіемъ Берлинскихъ королевскихъ музеевъ и сталъ принимать участіе въ дѣятельности Берлинскаго Географическаго Общества (въ которомъ одно время состоялъ предсѣдателемъ) и въ дѣятельности основаннаго въ концѣ 60-хъ годовъ Берлинскаго Общества антропологіи, этнологіи и первобытной исторіи, начавшаго издавать, подъ редакціей Р. Вирхова и Гартмана, журналъ «Zeitschrift für Ethnologie». Въ 1871—72 гг. Бастіанъ опубликовалъ свои «Ethnologische Forschungen» (2 тома), а въ 1873 г., въ качествѣ одного изъ учредителей «Нѣмецкаго Общества для изслѣдованія экваторіальной Африки» (позже принявшаго названіе «Afrikanische Gesellschaft»), выступилъ съ предложеніемъ организовать большую экспедицію въ Лоанго, которая и была осуществлена Обществомъ при участіи нѣсколькихъ ученыхъ («Die deutsche Expedition an der Loango-Küste» $18^{74}/_{75}$). Съ основаніемъ отдѣльнаго Этнографическаго музея Бастіану открылась новая дѣятельность—по собиранію коллекцій для этого музея въ различныхъ частяхъ Свѣта. Въ 1875—76 гг. онъ путешествовалъ, по порученію музея, въ южной и средней Америкѣ (Экуадоръ, Колумбія, Перу, Гватемала, Антиллы), откуда вывезъ многія коллекціи и матеріалы для своего труда: «Die Kulturländer des alten Amerika», 1878 (2 т.). Въ 1878—80 гг. онъ посѣтилъ Индію, Индо-Китай, Малайскій архипелагъ, сѣверную и восточную Австралію, Фиджи, Гаваи, Калифорнію и Юкатанъ, также отчасти въ музейскихъ цѣляхъ, отчасти для собиранія этнологическихъ данныхъ. На Гаваи, пользуясь содѣйствіемъ короля Калаката, Б. могъ воспользоваться записями священныхъ преданій туземцевъ, которыя онъ затѣмъ обработалъ въ этюдѣ «Die heilige Sage der Polynesier» (1881). Нѣсколько позже имъ были изданы: «Zur Kenntniss Hawadis» (1883) и «Beiträge zur vergleichenden Psychologie» (анализъ воззрѣній на душу у разныхъ народовъ). Въ 1886 г. Б. занялъ мѣсто директора Берлин. этнограф. музея, что не мѣшало ему выпускать почти ежегодно новые труды. Укажемъ его «Zur Lehre von den geographischen Provinzen» (1886); «Die Welt in ihrer Spiegelungen unter d. Wandel des Völker-

gedankens» (1887, съ атласомъ изъ 24 табл.); «Die Rechtsverhältnisse bei den verschiedenen Völker der Erde»; «Allerlei aus Volks-und Menschenkunde» (1888, 2 тома); «Der Buddismus in seiner Psychologie», «Der Menschengedanke durch Baum und Zeit»; «Ueber Klima und Acclimatisation nach ethnischen Gesichtspuncten» (1889) и др. Въ 1889—91 гг. Бастіанъ путешествовалъ по Кавказу, Арменіи, Туркестану, Индіи, Австраліи, въ 1896—97 гг.—по Малайскому архипелагу. Всего онъ провелъ около 20 лѣтъ въ путешествіяхъ, посвящая промежуточные годы усиленнымъ литературнымъ занятіямъ. Не далѣе, какъ въ 1903—904 гг., имъ выпущенъ былъ новый трудъ «Die Lehre vom Denken» (2 т.), послѣ чего онъ отправился въ новое и послѣднее свое путешествіе въ Америку.

Число напечатанныхъ сочиненій Бастіана очень велико, и всѣ они свидѣтельствуютъ о необыкновенно обширной его эрудиціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они недостаточно обработаны и часто представляютъ только груды плохо связанныхъ между собою фактовъ и мыслей. Самъ Бастіанъ сравнивалъ себя съ рабочимъ, таскающимъ въ тачкѣ камни для постройки будущаго зданія, и въ этомъ сравненіи есть много вѣрнаго. Это не былъ, во всякомъ случаѣ, художникъ-архитекторъ, способный сосредоточиться на извѣстной опредѣленной, ясной идеѣ и развить ее гармонично, не теряясь въ деталяхъ. Обширная эрудиція и масса собранныхъ фактовъ, можно сказать, давили Бастіана и затрудняли ему свободу выбора и гармоничное распредѣленіе матеріала. Читать сочиненія Бастіана очень трудно, почти невозможно; безчисленные ряды данныхъ, цитатъ, мало связанныхъ между собою, не даютъ возможности оріентироваться, и въ нихъ иногда съ трудомъ можно отыскать извѣстную идею, опредѣленную послѣдовательность, сколько-нибудь ясные выводы. Для справокъ труды Бастіана также неудобны: въ нихъ нѣтъ алфавитныхъ указателей, иногда нѣтъ и оглавленія; читать приходится обыкновенно безъ точнаго указанія источниковъ; факты понабраны во всевозможныхъ литературахъ, но безъ достаточной критики; изложеніе тяжелое, мѣстами трудно понятное. Вообще, даже ученые нѣмцы, изъ поклонниковъ Бастіана, сознаются, что читать его мудрено, и немногіе, вѣроятно, могли осилить хотя бы нѣкоторые изъ его большихъ трудовъ. Что касается до направленія, внесеннаго Бастіаномъ въ этнологію, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ былъ не единственный піонеръ въ этомъ дѣлѣ. Почти одновременно съ появленіемъ его сочиненія «Der Mensch in der Geschichte» вышелъ 1-й томъ «Антропологіи» Вайтца и первыя книжки журнала «Zeitschrift für Völkerpsychologie», основаннаго Lazarus'омъ и Steinthal'емъ. Несмотря на всю свою эрудицію, Бастіанъ не былъ такимъ новаторомъ въ этнологіи, какъ, напр., Б. Тайлоръ, который, основываясь на данныхъ, собранныхъ Клеммомъ, Вайтцемъ и Бастіаномъ, оживилъ ихъ плодотворной идеей эволюціи и внесъ тѣмъ самымъ въ исторію первобытной культуры плодотворный методъ сравнительнаго изученія.

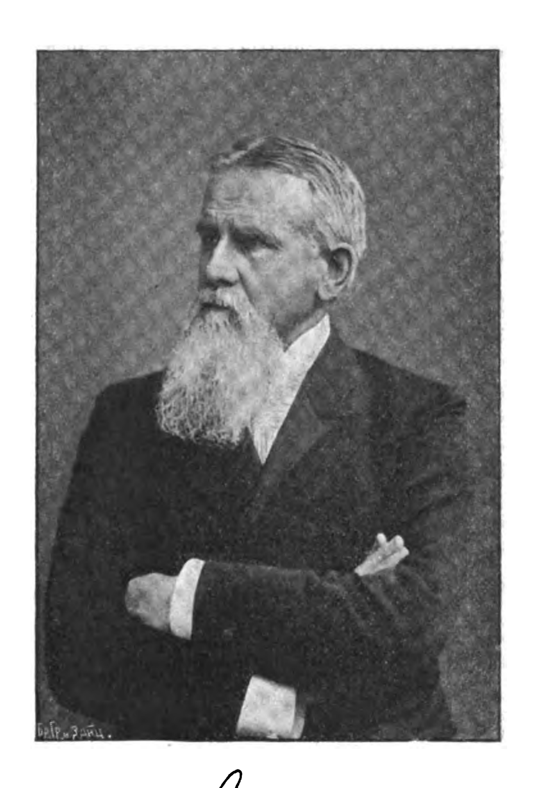
Бастіанъ умеръ заслуженнымъ профессоромъ, но читалъ онъ сухо, скучновато, и его способъ изложенія не могъ привлечь къ нему многихъ слушателей. Какъ директоръ музея, онъ обогатилъ его многими цѣнными, осмысленно собранными этнографическими коллекціями, но онъ не принималъ особенно близкаго участія собственно въ музейской дѣятельности, въ описаніи коллекцій, въ практическихъ занятіяхъ по ознакомленію съ ними студентовъ и т. д. Различными отдѣлами Берлинскаго музея завѣдуютъ ученые спеціалисты, которые всего обстоятельнѣе знакомы съ этими отдѣлами и могутъ выступать самыми компетентными ихъ истолкователями. Притомъ Бастіанъ большую часть времени проводилъ у себя въ кабинетѣ, и иногда исчезалъ на нѣсколько лѣтъ изъ Европы. Съ другой стороны, складъ его ума былъ таковъ, что отъ него трудно было получить краткій и ясный отвѣтъ на какой-нибудь научный вопросъ. Одинъ фактъ вызывалъ у него другой, одна мысль цѣплялась за другую, и вмѣсто прямого отвѣта на вопросъ получалась вереница данныхъ и сложное философское построеніе, въ концѣ-концовъ расплывавшееся въ туманной философской дали.

Въ общественной жизни Бастіанъ отличался замкнутостью. Одинокій, онъ былъ вѣчно погруженъ въ свои думы и занятія, мало обращалъ вниманія на свой костюмъ, рѣдко съ кѣмъ сходился ближе и не любилъ говорить о себѣ и своихъ путешествіяхъ. Вообще онъ представлялъ собою своеобразный типъ ученаго, преданнаго исключительно наукѣ, путешествіямъ и кабинетнымъ занятіямъ и стремившагося проникнуть возможно глубже въ сложный и трудно постижимый духовный міръ человѣка, какъ онъ открывается въ народной мысли и фантазіи, въ вѣрованіяхъ, миѳахъ, преданіяхъ, міровоззрѣніи. Онъ хотѣлъ подойти къ этому міру безъ предвзятыхъ идей, понять его возможно объективнѣе изъ сопоставленія данныхъ наблюденія, но данныхъ этихъ оказалось такъ много, они были такъ разнообразны, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ было такъ много аналогичнаго у разныхъ народовъ и на различныхъ ступеняхъ культуры, что чѣмъ болѣе расширялся кругъ этихъ данныхъ, тѣмъ труднѣе было въ немъ оріентироваться безъ опредѣленной руководящей идеи и безъ логически послѣдовательнаго анализа и синтеза. По различнымъ вопросамъ исторіи культуры и психологіи народовъ наука, однако, обязана Бастіану такими обширными сводками данныхъ, и всѣ его труды свидѣтельствуютъ о такомъ горячемъ стремленіи внести научный анализъ въ область наиболѣе сложныхъ явленій духовной коллективной жизни человѣчества, что имя Бастіана останется навсегда связаннымъ съ исторіей психической антропологіи, какъ одного изъ выдающихся піонеровъ въ этой обширной области знаній.

Д. Анучинъ.

Проф. Фридрихъ Ратцель. 10 августа (27 іюля) 1904 г. скоропостижно скончался на 60 году жизни, отъ разрыва сердца, въ Аммерландѣ, на берегу Штарнбергскаго озера, и похороненъ въ дер. Мюнзингѣ знаменитый

нѣмецкій ученый, пріобрѣвшій себѣ всемірную извѣстность своими классическими трудами въ областяхъ географіи, антропогеографіи и этнографіи, профессоръ Лейпцигскаго университета Фридрихъ Ратцель. Не обычный путь привелъ Фр. Ратцеля на университетскую каѳедру. Сынъ бѣдныхъ родителей (отецъ его служилъ швейцаромъ въ Карлсруэ,), Фр. Ратцель, по окончаніи гимназическаго курса въ Карлсруэ, изъ-за недостатка средствъ къ продолженію образованія, вынужденъ былъ нѣкоторое время прослужить фармацевтомъ (въ Эйхерсгеймѣ, Мёрсѣ и Рапперсвилѣ) и, скопивъ въ этой должности небольшую сумму денегъ, могъ осуществить свою мечту поступить въ университетъ. Сначала онъ слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, а затѣмъ въ Іенѣ и Берлинѣ. Во время пребыванія въ указанныхъ университетахъ Ратцель интересовался главнымъ образомъ зоологіей; на зоологическую тему была представлена имъ и докторская диссертація («Beiträge zur anatomischen und systematischen Kenntniss der Oligochaeten»), защищенная въ 1866 г. въ Гейдельбергѣ. Вопросы зоологіи не переставали интересовать Ратцеля и по окончаніи университетскаго курса, и онъ продолжалъ работать въ этой области въ Монпелье и Сеттъ, подъ руководствомъ Шарля Мартина. Въ то же время необходимость заработка заставила его принять предложеніе «Кёльнской Газеты» и, въ качествѣ ея корреспондента, совершить рядъ поѣздокъ по Зап. Европѣ, преимущественно по берегамъ Средиземного моря. Въ результатѣ этихъ поѣздокъ явилась серія блестящихъ фельетоновъ Ратцеля въ «Кёльнской Газетѣ» («Zoologische Briefe vom Mittelmeer», собранныя потомъ въ «Wandertage eines Naturforschers»). Возгорѣвшаяся въ 1870—71 г. франко-германская война едва не лишила Германію ея будущаго знаменитаго ученаго: Фр. Ратцель, принявшій участіе въ этой войнѣ, въ качествѣ волонтера, въ рядахъ 14 баденскаго армейскаго корпуса, былъ тяжело раненъ въ голову и оправился только послѣ продолжи-

тельнаго лѣченія въ лазаретахъ и то не окончательно,—всю жизнь вслѣдствіе этой раны его безпокоили головныя боли. По выздоровленіи Ратцель снова отдается научнымъ занятіямъ, работая на этотъ разъ въ Мюнхенѣ по геологіи и палеонтологіи у проф. Циттеля. Пребываніе въ Мюнхенѣ и близкое знакомство съ Морицомъ Вагнеромъ, выдвинувшимъ ученіе о миграціяхъ организмовъ, оказало несомнѣнное вліяніе на ходъ и направленіе будущихъ работъ молодого ученаго. Но недостатокъ матеріальныхъ средствъ вновь прерываетъ кабинетныя и лабораторныя занятія Ратцеля, и онъ, по вторичному предложенію «Кёльнской Газеты», ѣдетъ въ Америку. Посѣтивъ Сѣв.-Американскіе Соединенные Штаты, Мексику и Антильскіе острова, Ратцель печатаетъ въ командировавшей его газетѣ многочисленный рядъ интересныхъ фельетоновъ, знакомящихъ съ его наблюденіями и впечатлѣніями въ посѣщенныхъ имъ странахъ. Фельетоны эти впослѣдствіи также были изданы отдѣльными книгами: «Städte-und Kulturbilder aus N. Amerika» (Leipzig, 1876, 2 тома), «Aus Mexiko. Reiseskizzen aus den Jahren 1874 u. 75». (Breslau, 1878), «Die neuen Handelswege und Handelsplätze in H. Indien»; особенную извѣстность получило его обширное сочиненіе «Die Vereinigten Staaten von Nord-Amerika», въ 2 томахъ, явившееся самымъ обстоятельнымъ трудомъ о Соединенныхъ Штатахъ въ западно-европейской литературѣ и не утратившее своего значенія и до настоящаго времени. По возвращеніи изъ этого путешествія, Ратцель вскорѣ же былъ приглашенъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ геофафіи въ Мюнхенскій политехникумъ, и въ 1876 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ этого политехникума. Число курсовъ, прочтенныхъ Ратцелемъ за время профессорства въ политехникумѣ, было весьма обширно и свидѣтельствуетъ объ его энергичной работѣ: онъ читалъ общее землевѣдѣніе, географію Азіи, Америки, Африки, Австраліи и полярныхъ странъ, колоніи Европы, коммерческую географію, методику географіи, народовѣдѣніе, антропогеографію, основы политической географіи, обзоръ главнѣйшихъ географическихъ открытій и путешествій и др. Въ Мюнхенѣ Ратцель оставался до 1886 г.; въ этомъ году онъ, вслѣдствіе перехода проф. Ф. фонъ-Рихтгофена изъ Лейпцигскаго университета въ Берлинскій, былъ приглашенъ ординарнымъ профессоромъ въ Лейпцигскій университетъ, въ которомъ оставался до самой смерти. Лейпцигскій періодъ дѣятельности проф. Ратцеля былъ особенно продуктивенъ: помимо чтенія въ университетѣ разнообразныхъ курсовъ по географіи, антропогеографіи и этнографіи, всегда привлекавшихъ въ его аудиторію многочисленныхъ слушателей, имъ изданы за время пребыванія въ Лейпцигѣ, всѣ его наиболѣе капитальные труды, какъ-то: «Anthropogeographie oder Grundzüge der Anwendung der Erkunde auf die Geschichte» (1-ый томъ относится еще къ Мюнхенскому періоду и изданъ въ Штуттгартѣ въ 1882 г., 2-ой томъ появился черезъ 10 лѣтъ, а 2-ое изданіе 1-го тома — черезъ 12 лѣтъ), «Völkerkunde» (сначала вышло въ 3-хъ томахъ, а потомъ было переработано въ 2-томное изданіе), „Politische Geographie“, „Die Erde und das Leben“, „Der Staat und sein Boden geographisch betrachtet“

и др. [1]). Труды проф. Ратцеля, отличающiеся блестящимъ изложенiемъ, обширной эрудицiей и широкими обобщенiями, одинаково цѣнны какъ для географiи, такъ и для этнографiи; въ той и другой они оставили глубокiй слѣдъ. Въ работахъ Ратцеля эти двѣ области знанiя сильно сближаются между собою. Въ своихъ этнографическихъ изслѣдованiяхъ Ратцель первенствующее значенiе придаетъ географическимъ и историческимъ условiямъ развитiя народовъ. Человѣкъ въ его работахъ не оторванъ отъ земли, а тѣсно и неразрывно связанъ съ нею. Законы соотношенiй между человѣкомъ и природою являются у Ратцеля тѣмъ центральнымъ пунктомъ, къ которому по преимуществу направлены всѣ его изслѣдованiя.

На долю пишущаго эти строки выпало высокое счастье слушать въ 1894—95 г. въ Лейпцигѣ лекцiи проф. Ратцеля, участвовать въ его семинарiи, пользоваться въ нѣкоторыхъ научныхъ работахъ его цѣнными совѣтами и указанiями и потомъ, по оставленiи Лейпцига, не прекращать съ нимъ письменныя сношенiя. Человѣкъ поразительной доброты, всегда готовый оказать, какую только можетъ, помощь нуждающемуся въ ней, на рѣдкость мягкiй и деликатный со всѣми, обращающимися къ нему, съ удивительною способностью вселять и укрѣплять въ своихъ ученикахъ любовь къ наукѣ и глубокую вѣру во всемогущую силу знанiя и, раскрывая передъ ними широкiе научные горизонты, заставлять ихъ итти все далѣе и далѣе, Фр. Ратцель едва-ли въ комъ-либо, имѣвшемъ счастье узнать его, могъ оставить иное чувство, кромѣ чувства самаго глубокаго уваженiя и самой искренней признательности. За многое, очень многое сердечное тебѣ спасибо, дорогой, незабвенный учитель!

Ал. Ивановскiй.

Максъ Бартельсъ. 22 октября 1904 г. умеръ послѣ продолжительной и мучительной болѣзни извѣстный антропологъ, долголѣтнiй секретарь Берлинскаго Антропологическаго Общества Максъ Бартельсъ, едва успѣвши пережить шестой десятокъ лѣтъ. Онъ родился въ 1843 г. въ Берлинѣ, тамъ же получилъ среднее и высшее образованiе по медицинскому факультету и тамъ же занимался до конца дней своихъ частной врачебной практикой. Выступивъ на арену научной дѣятельности въ то время, когда антропологiя, какъ наука, только зарождалась, Бартельсъ всю свою жизнь остался вѣрнымъ традицiямъ старой школы и одинаково умѣло и добросовѣстно работалъ во всѣхъ областяхъ антропологiи, какъ въ доисторической археологiи, такъ и въ физической антропологiи и этнологiи. Нельзя, впрочемъ, сказать, что онъ не облюбовалъ себѣ извѣстной специальности, такъ какъ всѣ его работы весьма близко соприкасаются къ медицинѣ. На поприще физической антропологiи онъ выступилъ съ строго

[1]) Подробный перечень трудовъ Фр. Ратцеля см. въ приложенiи къ статьѣ *Б. Ѳ. Адлера* о Ратцелѣ въ „Землевѣдѣнiи", 1904 г., кн. III.

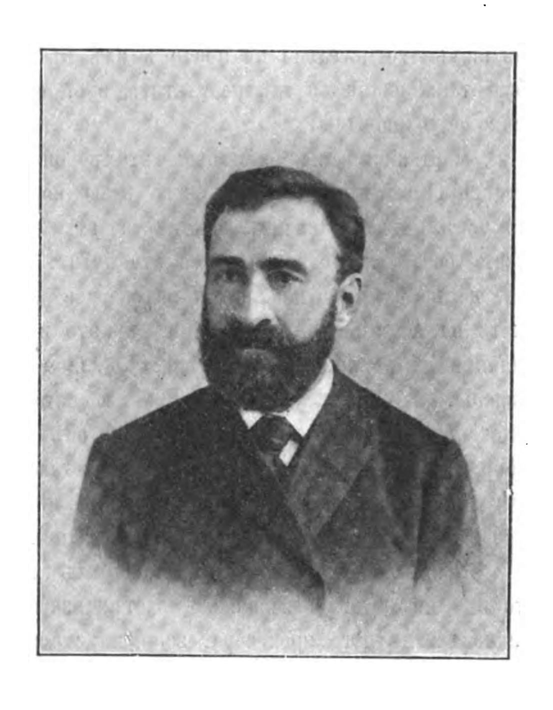

обоснованными и детально разработанными трудами о чрезмѣрной волосатости у человѣка (Ueber abnorme Behaarung beim Menschen. „Zeitschrift f. Ethnologie", XIII) и о хвостатыхъ людяхъ (Die geschwänzten Menschen. „Arch. f. Anthr.", XV). Въ 1887 г. вышло подъ редакціей Бартельса, вслѣдствіе смерти автора, извѣстное сочиненіе Плосса: „Das Weib in der Natur- und Völkerkunde", выдержавшее съ тѣхъ поръ еще шесть изданій и переведенное почти на всѣ европейскіе языки, въ томъ числѣ и на русскій. Такой колоссальный успѣхъ, выпавшій на долю строго научнаго сочиненія, уже самъ по себѣ говоритъ о достоинствахъ его. Несмотря на то, что послѣднія изданія этой книги настолько разнятся отъ перваго, что она можетъ быть разсматриваема, какъ самостоятельный трудъ Бартельса, онъ, однако, не хотѣлъ выставлять своего имени рядомъ съ именемъ автора и приписывалъ себѣ только трудъ по переработкѣ и изданію. Такая скромность въ наши дни заслуживаетъ особеннаго уваженія; впрочемъ, всѣ знавшіе лично покойнаго особенно высоко цѣнили въ немъ эту черту его характера, а также постоянную его готовность помочь коллегѣ совѣтомъ и дѣломъ. Съ 1889 г. Бартельсъ состоялъ секретаремъ Берлинскаго Антропологическаго Общества, и если, по справедливому выраженію теперешняго его предсѣдателя Lissauer'а, Вирховъ былъ главой этого Общества, то Бартельсъ былъ его душой. Онъ завѣдывалъ, главнымъ образомъ, печатаніемъ трудовъ этого Общества и его фотографической коллекціей. Почти въ каждомъ томѣ „Zeitschrift für Ethnologie" появлялось нѣсколько крупныхъ и мелкихъ статей его по различнымъ вопросамъ. Въ 1893 г. вышелъ его объемистый трудъ: «Die Medicin der Naturvölker». Тутъ Бартельсу приходилось все разрабатывать самому и рыться по первоисточникамъ, разбросаннымъ по обширному полю этнографической литературы, такъ какъ до него не было монографической разработки этого вопроса. Слѣдуетъ еще упомянуть, что Бартельсъ принималъ также дѣятельное участіе въ Берлинскихъ Обществахъ „Verein für Volkskunde" и „Verein der Sammlung für deutsche Volkskunde", предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ.

С. Вайсенбергъ.

Н. М. Мартьяновъ. Три года тому назадъ на страницахъ «Русскаго Антропологическаго Журнала» мы вкратцѣ обрисовали картину постепеннаго, въ теченіе 25 лѣтъ, развитія Минусинскаго мѣстнаго музея по поводу четвертьвѣковаго юбилея этого музея и его основателя, Николая Михайловича Мартьянова. О самомъ юбилярѣ мы упоминали тогда очень мало, не смѣя итти наперекоръ его желанію—не говорить о немъ. Нынѣ этого скромнаго работника не стало, и на насъ лежитъ обязанность выполнить тотъ пробѣлъ, который тогда долженъ былъ быть допущенъ, и обрисовать того беззавѣтнаго труженика, который положилъ начало Минусинскому музею и въ теченіе 28 лѣтъ руководилъ имъ.

Обыкновенно когда умираетъ какой-нибудь общественный дѣятель, создатель какого-нибудь общественнаго учрежденія, общество, оплакивая его потерю, находитъ утѣшеніе въ томъ, что на стражѣ созданнаго имъ учрежденія станутъ послѣ его смерти люди, органически связанные съ этимъ учрежденіемъ, которые будутъ дальше вести начатое покойнымъ дѣло, не допустятъ паденія его... Такъ бываетъ обыкновенно, такъ какъ обыкновенно учрежденія, достойныя вниманія общества, существуютъ и развиваются въ центрахъ культуры и цивилизаціи. Положеніе Минусинскаго музея совершенно иное. Если Минусинскъ пользуется нынѣ всеобщей извѣстностью, то только потому, что его сдѣлалъ таковымъ Мартьяновъ. Если Минусинскій музей привлекаетъ въ Минусинскъ путешественниковъ всего міра, то это опять-таки заслуга этого необыкновеннаго человѣка. При такихъ условіяхъ прежде всего является вопросъ, откуда взялся у подножія Саянскихъ горъ этотъ необыкновенный человѣкъ, что толкнуло его въ глухую, а для многихъ и понынѣ еще полную ужаса Сибирь?

Мартьяновъ родился въ маленькомъ литовскомъ городкѣ, въ семьѣ крайне незажиточной, и чуть-ли не съ первыхъ лѣтъ жизни испыталъ на себѣ всѣ невзгоды необезпеченнаго существованія. Ему, съ раннихъ лѣтъ отличавшемуся поразительной любознательностью, пришлось, за отсутствіемъ средствъ, оставить гимназію. Но эти первыя испытанія не сломили, а, наоборотъ, какъ-бы закалили его. «Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ»... Поступивъ ученикомъ въ аптеку, Н. М. увлекся впервые собираніемъ растеній и проводилъ цѣлые часы, собирая не только лѣчебныя растенія для аптеки, но и много другихъ, ничего общаго съ лѣчебными не имѣющихъ. Это увлеченіе не было преходящимъ. Когда онъ въ 1866 г. выдержалъ экзаменъ при медико-хирургической академіи въ Петербургѣ на степень помощника аптекаря и переѣхалъ на мѣсто въ Царское Село, онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ продолжалъ свои ботаническіе сборы, постоянно свѣряя собранные имъ гербаріи съ гербаріями ученыхъ Обществъ столицы. Тогда же Н. М. впервые началъ собирать и минералогическія коллекціи. Эти занятія оставили неизгладимый слѣдъ на

всей его жизни. Четыре года пребыванія въ Царскомъ Селѣ сдѣлали изъ Мартьянова вполнѣ подготовленнаго къ дѣлу естествоиспытателя.

Въ 1872 г. М. держитъ экзаменъ на провизора, а въ 1873 г. переѣзжаетъ въ Казань, гдѣ печатаетъ первые свои труды по ботаникѣ и заводитъ знакомство съ людьми, всецѣло преданными наукѣ. Тутъ-то впервые Н. М. пришлось познакомиться съ идеей мѣстныхъ музеевъ, основываемыхъ E. Groult во Франціи и пропагандируемыхъ В. Коховскимъ въ Россіи. Эта идея, какъ извѣстно, во многихъ не встрѣчала сочувствія. Противники ея опасались, что собранныя въ провинціальныхъ музеяхъ коллекціи, за невозможностью обработать ихъ на мѣстѣ, не будутъ имѣть значенія, а сосредоточеніе ихъ въ провинціи повліяетъ отрицательно на притокъ ихъ въ столицы, гдѣ онѣ могли-бы быть обработаны научно и гдѣ результаты этой обработки могли бы быть своевременно опубликованы.

Мартьяновъ не раздѣлялъ этихъ опасеній. Энергичный, настойчивый, предпріимчивый, онъ рѣшилъ эту идею воплотить въ жизнь. Ясно сознавая, что успѣхъ дѣла зависитъ отъ мѣста, гдѣ будетъ учрежденъ музей, что работа будетъ болѣе плодотворна, если это будетъ мѣсто совершенно не изслѣдованное, но во всѣхъ отношеніяхъ интересное для науки, Н. М. собирался переѣхать на Амуръ. Полученное имъ въ это время приглашеніе отъ врача А. В. Малинина переѣхать въ Минусинскъ для завѣдыванія аптекой измѣнило это рѣшеніе. Убѣдившись, что долина южнаго Енисея во всѣхъ отношеніяхъ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, какія онъ ставилъ мѣстности, въ которой собирался основать музей, Мартьяновъ согласился на переѣздъ въ Минусинскъ. Подготовившись соотвѣтственно, захвативъ съ собой книги и всевозможныя пособія, онъ двинулся въ невѣдомую Сибирь.

Врядъ-ли кто-либо изъ тогдашнихъ жителей Минусинска подозрѣвалъ, что въ лицѣ этого невзрачнаго, застѣнчиваго, мягкаго въ обращеніи и совершенно незамѣтнаго провизора, въ Минусинскъ пріѣхалъ человѣкъ, которымъ будетъ со-временемъ гордиться этотъ городъ. Но если бы кто-нибудь уже тогда обратилъ вниманіе на то, что уже на слѣдующій день онъ былъ на посту, что, не отдохнувъ даже съ дороги, онъ отправился въ поле за сборомъ растеній; если бы замѣтили, какъ Мартьяновъ внимательно чуть-ли не съ перваго дня разспрашивалъ обо всемъ, какое вниманіе обращалъ даже на всякую мелочь, имѣющую отношеніе къ краю, какъ охотно онъ шелъ навстрѣчу всѣмъ, нуждающимся въ его услугахъ, какъ онъ умѣлъ ладить съ людьми и снискивать всеобщее расположеніе и,—что самое главное,—какъ этотъ человѣкъ умѣлъ безъ устали работать,—если-бы кто-нибудь обратилъ на все это вниманіе, сразу могъ-бы предсказать уже тогда, что Минусинскъ обогатился такимъ «чудо-человѣкомъ» (какъ Мартьянова многіе называли впослѣдствіи), какого трудно встрѣтить даже въ культурныхъ центрахъ. Къ чести минусинцевъ надо отмѣтить, что среди нихъ нашлись люди, которые на первыхъ же порахъ сумѣли оцѣнить этого необыкновеннаго человѣка, дружно откликнулись на его

зовъ и помогли ему въ осуществленіи его завѣтной идеи. Съ этого момента личная жизнь Мартьянова слилась всецѣло съ жизнью созданнаго имъ музея. Мы не будемъ говорить о постепенномъ развитіи этого учрежденія,—интересующіеся этимъ вопросомъ найдутъ необходимыя указанія въ нашемъ «Двадцатипятилѣтіи Минусинскаго мѣстнаго музея» и въ статьѣ по поводу юбилея музея въ «Рус. Антр. Журн.» за 1902 годъ. Здѣсь же отмѣтимъ, что Мартьяновъ осуществилъ завѣтную мечту E. Groult. Созданный имъ музей сталъ «обществомъ взаимнаго страхованія», въ которое всякій вложилъ частичку своего труда и доброй воли, получая взамѣнъ то, что вложили другіе. «Общество положило основаніе музею и библіотекѣ»,— высказалъ М. въ день закладки зданія музея,—«оно же и найдетъ въ своей средѣ лицъ, которыя не позволятъ намъ уподобиться бѣдняку, уныло взирающему на забитыя окна и двери своей начатой постройки». И эти надежды, возлагаемыя на общество, никогда не обманывали Мартьянова. Но какъ же онъ работалъ, чтобы всего этого достичь! Я зналъ его въ теченіе семи лѣтъ. Работая подъ его руководствомъ и рука-объ-руку съ нимъ, я удостовѣряю, что другого такого труженика мнѣ не пришлось видѣть. Больной, не будучи уже въ состояніи разогнуть спины, онъ продолжалъ работать по 14 часовъ въ сутки. Болѣзнь все болѣе и болѣе подтачивала его организмъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ онъ ужъ отъ времени до времени долженъ былъ бросать работу. Это его мучило, и въ промежуткахъ между двумя припадками страшной боли онъ снова принимался за работу; отдавая себѣ ясно отчетъ въ томъ, что дни его сочтены, онъ какъ бы торопился съ работой... Врачи его отправили въ Крымъ... Чувствуя, что конецъ близокъ, онъ вернулся въ Минусинскъ, желая умереть тамъ, гдѣ въ теченіе 28 лѣтъ работалъ. Но и тутъ онъ продолжалъ работать... Смерть застала его за приведеніемъ въ порядокъ гербарія долины южнаго Енисея. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, но всякій разъ, какъ вспомнишь объ этой тяжелой утратѣ, съ трудомъ миришься съ мыслью о томъ, что уже нѣтъ Мартьянова, нѣтъ этого не знающаго отдыха труженика...

„Какое сердце биться перестало,
Какой свѣтильникъ разума погасъ!"..

Ф. Конъ.

Критика и библіографія.

Д. Н. Анучинъ. Японцы (антропологическій и этнологическій очеркъ). «Землевѣдѣніе», 1904 г., кн. III.

По своему племенному и расовому составу населеніе Японіи слѣдуетъ признать довольно однороднымъ. За исключеніемъ Формозы и Пескадорскихъ острововъ, гдѣ живутъ, главнымъ образомъ, китайцы и малайцы въ количествѣ $2^1/_2$ мил., а также острова Езо и Курильскихъ, гдѣ сохранились еще остатки айновъ (около 30-ти тысячъ), все остальное коренное населеніе представляетъ лишь мѣстныя, второстепенныя отличія. Такъ, многіе наблюдатели указывали на существованіе среди японцевъ двухъ типовъ: одного—болѣе тонкаго, благороднаго, встрѣчающагося преимущественно среди высшихъ классовъ, другого — болѣе грубаго, распространеннаго въ массѣ народа. Первый типъ болѣе высокаго роста, съ продолговатымъ лицомъ, прямымъ разрѣзомъ глазъ, тонкимъ, прямымъ носомъ, умѣренно развитыми скулами и вообще съ чертами лица красивыми, даже съ европейской точки зрѣнія. Второй типъ отличается меньшимъ ростомъ, широкимъ, плоскимъ и скуластымъ лицомъ, узкими, нерѣдко косо поставленными глазами, прикрытыми у внутреннихъ угловъ складкой верхняго вѣка, приплюснутымъ носомъ, желто-бурымъ цвѣтомъ кожи, прямыми, черными волосами, слѣдовательно, съ признаками рѣзко монголоидными. Вообще надо предполагать, что населеніе Японіи сложилось изъ нѣсколькихъ племенныхъ элементовъ, еще не вполнѣ слившихся, что подверждается до извѣстной степени и данными археологіи, а также и языка. Но все же эти различія не настолько глубоки и значительны, чтобы создать разнородныя племенныя отличія.

Археологическія находки ясно указываютъ, что Японія пережила свой каменный вѣкъ, характеризуемый, помимо издѣлій изъ камня и кости, также и кучами раковинъ въ родѣ «кухонныхъ остатковъ» Даніи и особыми круглыми и четыреугольными ямами съ культурнымъ слоемъ въ нихъ, очевидно, остатками юртъ и становищъ. Такъ какъ эти остатки особенно часто встрѣчаются на островѣ Езо, то ихъ приписываютъ какому-то неизвѣстному народу, жившему тамъ до айновъ, что находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе и въ преданіяхъ самихъ айновъ.

По нѣкоторымъ подробностямъ въ этихъ разсказахъ многіе изслѣдователи склонны видѣть въ нихъ эскимосовъ, переселившихся сюда изъ Америки черезъ цѣпь Алеутскихъ острововъ, Камчатку и Курильскіе острова; напротивъ того, другіе считаютъ насельниковъ «каменнаго вѣка» прямыми предками теперeш-

нихъ айновъ, распространенныхъ тогда гораздо болѣе къ югу, чѣмъ теперь. Впрочемъ, на нѣкоторую связь съ Америкой указываютъ и антропологическія наблюденія надъ типами современныхъ японцевъ. Такъ, многіе авторитетные наблюдатели, напр., проф. Бельцъ, отмѣчаютъ, что весьма часто среди современныхъ японцевъ встрѣчаются физіономіи, поразительно напоминающія индѣйцевъ Сѣв. Америки; даже сами японцы часто бываютъ поражены этимъ сходствомъ. Но этотъ американскій элементъ, если его, дѣйствительно, признать, относится, во всякомъ случаѣ, къ временамъ очень древнимъ, доисторическимъ. Иное дѣло—элементъ айнскій, примѣсь котораго въ современномъ типѣ японскаго населенія врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что по многимъ даннымъ слѣдуетъ признать, что въ прежнія времена айны были распространены по всему японскому архипелагу, быть-можетъ, не исключая и Формозы, да и въ настоящее время помѣси между японцами и айнками довольно часты на сѣверѣ, а въ прежнія времена онѣ должны были происходить и еще чаще, особенно принимая во вниманіе болѣе широкое распространеніе этого типа къ югу. Въ общихъ чертахъ современные изслѣдователи принимаютъ въ сложеніи японской народности три наслоенія, не подлежащихъ особому сомнѣнію: только что упомянутое айнское, монгольское, пришедшее съ материка Азіи (корейско-манджурское) и малайское (съ примѣсью, быть-можетъ, негритосовъ). Участіе послѣдняго элемента, т.-е. малайскаго, повидимому, не подлежитъ сомнѣнію; оно доказывается какъ антропологическими измѣреніями, такъ и данными языка и этнографіи. Таково, напр., нахожденіе въ японскомъ языкѣ многихъ малайскихъ словъ и корней, а также звуковое вліяніе малайскаго языка на японскій; таковы многія черты быта, особенно въ прежнее время, въ родѣ распространенной постройки жилищъ на водѣ на сваяхъ или подробностей въ нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ и театральныхъ представленіяхъ. Распространеніе низшаго грубаго типа въ современномъ населеніи также приписывается малайскому вліянію. Какъ смѣлые моряки, малайцы распространялись по островамъ почти всего Тихаго океана и отчасти Индѣйскаго; они заселили также Филиппины, Формозу, откуда имъ легко было уже перебраться черезъ архипелагъ Ліу-Кіу и на японскій, тѣмъ болѣе, что при этомъ разселеніи имъ благопріятствовало теплое теченіе Куро-Сиво, идущее съ юга. Присутствіе среди малайскаго типа примѣси негритосовъ дало поводъ предполагать существованіе ея и въ современномъ японскомъ населеніи. Тѣмъ не менѣе, опредѣляющее значеніе японской народности далъ, несомнѣнно, монгольскій элементъ, пришедшій изъ Китая и Кореи. Съ этимъ элементомъ связывается и образованіе Японскаго государства, хотя нѣкоторые изслѣдователи и полагаютъ, что древнѣйшей стадіей его могла быть и малайская. Этотъ корейско-манджурскій элементъ не можетъ, однако, считаться типично-монгольскимъ, такъ какъ въ образованіи обѣихъ половинъ принимали участіе многіе элементы: тунгусы, сѣверные китайцы и даже индѣйскіе дравиды. Этотъ типъ считается въ Японіи наиболѣе благороднымъ и красивымъ, въ которомъ всегда видѣли идеалъ красоты и японскіе художники. Онъ особенно распространенъ среди японской знати, хотя, напр., нынѣшній императоръ скорѣе является представителемъ другого, плебейскаго типа. Нѣкоторые изслѣдователи видятъ въ представителяхъ этого благороднаго типа потомковъ завоевателей, создавшихъ современное государство, но другіе, напротивъ того, связываютъ основаніе Японской имперіи съ имиграціей изъ Южнаго Китая, основываясь, между прочимъ, и на древнихъ миѳахъ и легендахъ. Но отсюда еще нельзя заключить, что эти пришельцы были китайцы. Южный Китай — не коренная родина китайскаго племени, образовавшагося въ долинѣ рѣки Хуанъ-хэ;

здѣсь же китайскія хроники упоминаютъ многія инородческія племена, которыя лишь постепенно были покорены китайцами и восприняли ихъ культуру. Можетъ-быть, это были племена, родственныя бирманцамъ и ассамцамъ, а, можетъ-быть, даже и нѣкоторымъ народностямъ Индіи.

Суммируя все вышесказанное въ образованіи японскаго элемента, можно различить цѣлыхъ пять наслоеній: первое — это полумиѳическіе предшественники айновъ, быть-можетъ, американскаго происхожденія; второе—айны; третье — малайцы, пришедшіе съ юга (и негритосы?); четвертое — корейско-манджурскій элементъ и, наконецъ, пятое—пришельцы изъ Южнаго Китая, но, очевидно, не китайцы, а представители какаго-то особаго племени, населявшаго эти мѣста въ до-китайскій періодъ, родственнаго ассамцамъ и бирманцамъ. Къ этимъ основнымъ элементамъ слѣдуетъ присоединить еще и позднѣйшую, продолжающуюся и до сего дня колонизацію китайцевъ и корейцевъ.

И. Силиничъ.

Prof. D. v. Hansemann. Ueber die rachitischen Veränderungen des Schädels. „Zeitschrift für Ethnologie“, 1904, Heft III u. IV.

Рахитъ, несмотря на значительное его распространеніе, съ патолого-анатомической стороны до послѣдняго времени не былъ изученъ достаточно хорошо: многія измѣненія, зависящія отъ совершенно другихъ моментовъ, приписывались рахиту. Болѣе точное изученіе болѣзни стало возможно лишь послѣ того, какъ былъ установленъ фактъ, что и животныя также подвержены этой болѣзни. Она отмѣчается у многихъ животныхъ, съ дѣтства попавшихъ въ неволю, особенно же у обезьянъ. Проф. Hansemann, тщательно изучившій этотъ вопросъ на значительномъ числѣ объектовъ, пришелъ къ заключенію, что почти у всѣхъ обезьянъ, попавшихъ въ неволю съ дѣтства, развивается болѣе или менѣе сильно выраженный рахитъ. У обезьянъ, особенно высшихъ, рахитъ выражается такъ же, какъ и у человѣка, въ двоякомъ характерѣ процесса— въ пораженіяхъ въ области хрящей (Knorpelrachitis) и въ пораженіяхъ, идущихъ со стороны надкостницы (Periostrachitis). У человѣка преобладаютъ явленія перваго типа, у обезьянъ же гораздо рѣзче выражены явленія періостальнаго рахита; впрочемъ, рахитическія пораженія черепа и у человѣка представляютъ также, конечно, явленія второго типа, такъ что рахитическія измѣненія черепа у обезьянъ по существу тѣ же, что и у человѣка, лишь болѣе рѣзко выраженныя. Давая разростанія кости со стороны надкостницы, рахитъ ведетъ къ утолщенію черепныхъ костей, довольно равномѣрно распространенному, можетъ-быть, развѣ нѣсколько болѣе выраженному въ лобной части черепа по сравненію ея съ темянною частью. При этомъ разростаніе никогда не идетъ со стороны внутренней надкостницы черепа, т.-е. твердой мозговой оболочки, такъ что всѣ разростанія такого рода, особенно имѣющія форму вздутій и экзостозовъ, приписываемыхъ нерѣдко рахиту, навѣрное, не рахитическаго происхожденія. Тщательныя изслѣдованія обезьяньихъ, а частью и человѣческихъ рахитическихъ череповъ привели автора къ убѣжденію, что разростаніе костей черепа даже и въ области швовъ (начало процесса обычно съ центра костей) никогда не ведетъ къ настоящему костному зарощенію швовъ, — они приходили лишь въ очень тѣсное соприкосновеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ рахитъ всегда поражаетъ обѣ половины черепа вполнѣ симметрично, такъ что ни синостозы, ни сколіозы черепа рахиту не могутъ быть приписываемы. Наиболѣе характерны для человѣка тѣ формы рахитическаго

черепа, которыя получаются при т. наз. кранiо-табесъ—измѣненiя конфигурацiи размягченнаго черепа. Это—прежде всего значительное уплощенiе затылочной части черепа, доходящее иногда до такой степени, что область перехода задней части черепа въ боковыя принимаетъ не дугообразную, а замѣтно угловую форму. Эта форма зависитъ, главнымъ образомъ, отъ продолжительнаго лежанiя на спинѣ слабыхъ рахитическихъ дѣтей, при значительной, конечно, мягкости костей. Молодыя рахитическiя животныя не лежатъ слишкомъ много или лежатъ во всякомъ случаѣ въ другихъ положенiяхъ, и уплощенiя затылочной части черепа у нихъ не наблюдается. Компенсаторно подъ давленiемъ растущаго мозга у человѣка, при уплощенiи затылка, развивается замѣтное выступанiе впередъ лобной части черепа, такъ что лобъ выдается какъ бы въ видѣ балкона («Balkonköpfe»). Такая голова даетъ ортогнатизмъ, тѣмъ болѣе рѣзкiй, что ему способствуетъ и задержка развитiя и верхней и нижней челюстей. Послѣднее явленiе обусловливаетъ и у животныхъ, особенно обезьянъ, развитiе «моськообразности». Надо, впрочемъ, сказать, что у самихъ мосекъ, кингъ-чарльсовъ и нѣкоторыхъ другихъ породъ собакъ характерная конфигурацiя морды (равно какъ и кривыя ноги у таксъ) совсѣмъ не зависитъ отъ рахита. Рахитическiя вздутiя часто локализируются въ надбровныхъ дугахъ и въ прилежащей къ носу области черепа, что даетъ развитiе рѣзкаго углубленiя между лбомъ и спинкою носа.

Послѣ этихъ общихъ опредѣленiй характера рахитическаго процесса и зависящихъ отъ него измѣненiй въ конфигурацiи головы, проф. Hansemann даетъ свои заключенiя относительно неандертальскаго черепа. Вирховъ указываетъ на утолщенiе кости и на небольшую выпуклость въ области передняго родничка, какъ на признаки патологическiе и спецiально рахитическiе. Hansemann же думаетъ, что въ этомъ черепѣ вообще лишь съ нѣкоторой натяжкой можно говорить о собственно патологическихъ признакахъ, такъ какъ большая часть его особенностей сводится къ травматическимъ дефектамъ, къ возрастнымъ измѣненiямъ кости. Существуетъ, дѣйствительно, нѣкоторое утолщенiе кости, но оно никакъ не можетъ быть отнесено на счетъ рахита, такъ какъ оно носитъ характеръ разростанiя съ *внутренней поверхности* кости (чего при рахитѣ не бываетъ,—фактъ Вирхову не извѣстный) и неравномѣрно. Извѣстно, что конечности остатковъ неандертальскаго человѣка носятъ слѣды обезображивающаго артрита (arthritis deformans). Этотъ артритъ—болѣзнь пожилого возраста, съ рахитомъ не связанная. Не опредѣляя ближе натуры этого заболѣванiя, Hansemann указываетъ на частую находку у субъектовъ съ arthritis deformans и небольшихъ утолщенiй черепныхъ костей нерѣдко въ видѣ экзостозовъ и въ общемъ какъ разъ такого же характера, что и у неандертальскаго человѣка. Но этого рода измѣненiя приходятъ въ позднемъ возрастѣ и на форму черепа не влiяютъ никоимъ образомъ. Развитiе надбровныхъ дугъ и выпуклости въ области передняго родничка, по мнѣнiю Hansemann'a, имѣютъ значенiе расовыхъ или индивидуальныхъ особенностей. Тѣ же самые признаки отмѣчаются и на черепѣ антропопитека Dubois. Самъ Hansemann могъ отмѣтить при помощи рентгеновской фотографiи на черепѣ одного изъ своихъ знакомыхъ г. Т. совершенно тѣ же особенности. Интересенъ тотъ фактъ, что и у г. Т. отмѣченное выгибанiе черепа въ области передняго родничка совпадаетъ, какъ и у неандертальца и у антропопитека, съ рѣзкимъ развитiемъ надбровныхъ дугъ. Относительно выступанiя надбровныхъ дугъ надо сказать, что оно едва ли можетъ быть связываемо съ рахитомъ, такъ какъ даже у обезьянъ, у которыхъ этотъ признакъ самъ по себѣ рѣзко выраженъ, самыя

крайнія степени развитія рахита не дѣлаютъ больныхъ индивидуумовъ чѣмъ-либо въ этомъ отношеніи отличающимися отъ здоровыхъ. Выступаніе надбровныхъ дугъ не стоитъ ни въ какомъ отношеніи съ величиною лобныхъ пазухъ (Schwalbe); при рахитѣ лобныя пазухи развиваются неправильно, нерѣдко одна изъ нихъ совсѣмъ отсутствуетъ; у г. Т., судя по рентгеновской фотографіи, онѣ умѣренны по величинѣ, правильны.

Общіе выводы Hansemann'а сводятся, такимъ образомъ, къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: въ неандертальскомъ черепѣ вообще немного паталогическаго, и то, что есть, не можетъ быть отнесено на долю рахита и связано съ процессами, имѣющими мѣсто въ зрѣлыхъ лѣтахъ и на конфигурацію черепа не вліяющими. Особенности формы неандертальскаго черепа—особенности расовыя или индивидуальныя, но не патологическія.

В. В. Воробьевъ.

Ernst Unger. Geschwänzte Menschen und ihre Entwickelungsgeschichte. „Zeitschrift für Ethnologie“, 1903, Heft II u. III.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько новыхъ изслѣдованій о хвостатыхъ людяхъ; изъ нихъ особенно цѣнны тѣ, въ которыхъ не только описываются сами ампутированные придатки, но обращается вниманіе и на отношеніе ихъ къ позвоночному столбу. Случаи хвостовидныхъ придатковъ описаны недавно Kohlbrugge, Harrison'омъ, Hagenbach'омъ и Зерновымъ; къ нимъ Unger присоединяетъ и свой случай. Всѣ эти авторы, какъ и прежде занимавшіеся этимъ вопросомъ, стремятся разрѣшить вопросъ: имѣется ли здѣсь дѣло съ настоящимъ образованіемъ хвоста въ атавистическомъ смыслѣ, не слѣдуетъ ли смотрѣть на хвостатыхъ людей съ точки зрѣнія ученія Дарвина, какъ на возвратъ къ прошлому, или это случайное явленіе, скорѣе пороки развитія, вызванные какими-либо патологическими причинами? Harrison держится перваго толкованія, тогда какъ Kohlbrugge и Зерновъ являются положительными противниками теоріи атавизма. Unger, съ своей стороны, для рѣшенія вопроса старается сопоставить данныя исторіи развитія и наблюденія надъ хвостатыми людьми; онъ, во-первыхъ, разсматриваетъ, чему учитъ насъ исторія развитія объ образованіи хвоста у человѣческихъ зародышей, и, во-вторыхъ, ищетъ связь между этими данными и тѣми, которыя наблюдаются у хвостатыхъ людей. Rosenberg, Ecker и His первые занимались анатоміей хвостовиднаго придатка у зародыша. У зародыша въ 3 mm. длины имѣется не сегментированный хвостовый бугорокъ (зачатокъ); у зародышей въ 4—6 mm. находятъ уже настоящій хвостъ съ сегментами, изъ которыхъ ясно выражены 2—3. У зародыша въ 9 mm. хвостъ достигаетъ своего наивысшаго развитія; длиною онъ 2 mm., т.-е. равняется почти четвертой части всей длины тѣла; число сегментовъ равняется восьми, иногда и больше. Это доказываетъ, что у человѣка вначалѣ имѣется большее количество копчиковыхъ позвонковъ; число это непостоянно; часто они едва только обозначены, и потомъ какъ бы разсасываются и пропадаютъ, прежде чѣмъ достигаютъ полнаго развитія; поэтому послѣдній копчиковый позвонокъ является замѣстителемъ многихъ всосавшихся сегментовъ. Съ исчезновеніемъ этихъ непостоянныхъ сегментовъ хвостовый придатокъ расчленяется на основную часть, собственно хвостъ, содержащій еще сегменты, и свободный, не сегментированный конецъ, представляющій изъ себя хвостовую нить. Спинной мозгъ, однако, продолжается до конца хвостовой нити, аполняя послѣднюю остатками мезодермы. У зародышей въ 15 mm. начинается

разростаніе позвоночника въ ширину; образуется очень замѣтный хвостовый бугорокъ; затѣмъ позвоночникъ начинаетъ сгибаться; хвостовая нить, лежащая вначалѣ въ концѣ позвоночника, начинаетъ постепенно передвигаться вверхъ по задней поверхности, а вмѣстѣ съ нею приподнимаются и сопутствующія ей группы клѣтокъ и остатки соединительной ткани, которыми она была прикрѣплена къ концу копчика, т. наз legamentum caudale, и остатки спинного мозга, вначалѣ имѣвшаго форму тонкой трубки (filum terminale), затѣмъ исчезающей. У зародышей въ 25 ст. длины уже отмѣчаются тѣ явленія, которыя мы видимъ у новорожденныхъ: исчезаетъ хвостовая нить; на ея мѣстѣ кожа образуетъ небольшое углубленіе (позднѣе fovea coccygea), расположенное на высотѣ 2—4 копчиковыхъ позвонковъ, впослѣдствіи лежащее еще немного выше. Между этимъ углубленіемъ и позвоночникомъ находится кистообразное пустое пространство — остатокъ спинного мозга, окруженное соединительною тканью; въ этой ткани заложены концы arteria sacralis и nervus sympathicus.

Итакъ, во-первыхъ, человѣческій зародышъ обладаетъ вполнѣ развитымъ хвостомъ, имѣющимъ 8, а иногда и больше сегментовъ; во-вторыхъ, нижняя часть хвоста не содержитъ позвонковъ и называется хвостовой нитью, часть же хвоста съ позвонками имѣетъ ихъ всего 5, которые у сформировавшагося человѣка образуютъ копчиковую ткань; послѣдній изъ этихъ 5 сегментовъ образовался изъ четырехъ всосавшихся; въ-третьихъ, вначалѣ хвостовая нить лежитъ на продолженіи отъ позвоночника, постепенно затѣмъ поднимается вверхъ.

Зерновъ и Kohlbrugge подробно высказываются противъ предположенія, что хвостовидные придатки у человѣка—признаки атавизма. Въ случаѣ Зернова (24-лѣтній мужчина) образованіе въ 6 mm. длины, слегка завитое спиралью, располагалось на высотѣ 2-го крестцоваго позвонка. Позвоночникъ на своей задней поверхности былъ расщепленъ; наблюдалась т.-наз. spina bifida. Вмѣстѣ съ Зерновымъ Unger полагаетъ, что этотъ случай не можетъ быть разсматриваемъ какъ образованіе хвоста,—здѣсь, очевидно, наблюдается новообразованіе, которое такъ часто встрѣчается при spina bifida. Въ случаѣ Kohlbrugge у дѣвочки 10-ти мѣсяцевъ съ острова Явы, во всѣхъ отношеніяхъ нормальной, на нижнемъ концѣ туловища находилось новообразованіе, длиною въ 12 ст.; въ немъ было 3 косточки; отходило это образованіе не отъ конца позвоночника, но было подвижно и прикрѣплялось нѣсколько выше. Здѣсь былъ не настоящій хвостъ, такъ какъ таковой долженъ былъ бы быть продолженіемъ копчика, а не лежать по близости отъ него. Крестецъ изогнутъ впередъ, копчика нѣтъ; свободный конецъ позвоночника образуется, слѣдовательно, крестцовою костью, позвонки крестца не закрыты; на щели расположена небольшая косточка, къ которой прикрѣпленъ хвостъ; 3 косточки въ хвостѣ и кость, къ которой прикрѣпленъ хвостъ, Kohlbrugge считаетъ за недостающіе 4 позвонка. Новообразованіе заключаетъ въ себѣ много нервовъ и сосудовъ и—что особенно замѣчательно—спинные мышцы расположены на хвостѣ въ различныхъ направленіяхъ. Сопоставляя все вышеизложенное, Unger говоритъ, что выясняются три возраженія противъ атавистическаго взгляда на хвостовидные придатки: 1) въ хвостовидныхъ придаткахъ никогда не находили настоящихъ позвонковъ или образованій, похожихъ на нихъ; 2) эти придатки никогда не располагались на продолженіи оси позвоночника, но всегда выше, на задней поверхности копчика и даже крестца, и 3) такія новообразованія встрѣчаются и на другихъ частяхъ тѣла. Итакъ, эти образованія можно разсматривать, какъ пороки развитія, которые въ особенности встрѣчаются у лицъ и съ другими пороками развитія.

Зерновъ говоритъ: «Всѣ авторы, которые имѣли случай наблюдать хвостовидные придатки у взрослыхъ, одинаково свидѣтельствуютъ о чрезвычайно подавленномъ моральномъ состояніи, въ которомъ находились эти субъекты по поводу своего уродства; со стороны анатомовъ не гуманно, не имѣя твердаго убѣжденія въ томъ, что хвостовидные придатки человѣка есть образованіе тероморфное, поддерживать заблужденіе темныхъ людей и тѣмъ увеличивать нравственный гнетъ, который несутъ на себѣ субъекты, имѣющіе это обидное уродство».

Вначалѣ было сказано, что у зародышей имѣются зачатки значительно большаго количества позвонковъ, чѣмъ у новорожденнаго (38, иногда 39 вмѣсто 34). Это увеличеніе числа позвонковъ остается очень недолго, пока зародышъ достигаетъ длины 14 mm.; поэтому, надо предположить, что онъ сильно долженъ былъ бы отстать въ своемъ развитіи, если бы сохранилъ до внѣутробной жизни хвостовые позвонки эмбріональнаго происхожденія. Хвостовая нить вначалѣ является продолженіемъ позвоночника, позднѣе она приподнимается по спинной поверхности позвонка; однако, не исключена возможность и того, что эта нить можетъ остаться въ томъ же положеніи и даже разовьется, причемъ можетъ отходить отъ спинной поверхности дальше копчика, иногда даже отъ крестца. Хвостовидныя образованія на другихъ частяхъ тѣла разнятся по строенію отъ таковыхъ же на нижнемъ концѣ позвоночника тѣмъ, что состоятъ только изъ кожи и соединительнотканныхъ тяжей.

Unger заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Итакъ, если, по нашему мнѣнію, эти возраженія не выдерживаютъ критики, то уже не будетъ дѣломъ настроенія (какъ выразился Вирховъ) вопросъ о томъ, нужно ли здѣсь считаться съ теоріей развитія (эволюціи), — наоборотъ, мы должны съ логической необходимостью заключить, что хвостовидные придатки должны быть разсматриваемы, какъ пережитокъ нормальнаго эмбріональнаго органа, и что въ концѣ-концовъ образованіе хвоста у человѣка возможно такъ же, какъ и у остальныхъ позвоночныхъ».

К. Бари.

Dr. S. Wateff. Contribution à l' étude anthropologique des Bulgares. „Bull. et Mém. de la Société d' Anthropologie de Paris", 1904, № 4.

Въ настоящей статьѣ авторъ излагаетъ главнѣйшіе результаты своихъ антропологическихъ изслѣдованій болгаръ, основанные на громадномъ матеріалѣ: изслѣдовано около 40 тыс. солдатъ, болѣе 300 тыс. учащихся, 1.323 череповъ и, кромѣ того, произведены подробныя измѣренія 177 мужчинъ, 275 женщинъ и 50 дѣтей. Главная задача автора — опредѣлить областныя измѣненія типа болгаръ. Ростъ болгаръ въ общемъ средній (муж.—1.665, жен.—1.567 mm.); особей высокаго роста встрѣчено среди изслѣдованныхъ 30%, а низкаго—10%. Высокій ростъ доминируетъ на Ю. и С.-В. Болгаріи, низкій — въ центрѣ сѣверной Болгаріи. Что касается пигментаціи, то господствующимъ является брюнетическій типъ (50%), блондиновъ всего только 5%. Брюнетическій типъ особенно рѣзко выраженъ на С.-В.; на З. и въ Македоніи онъ представленъ сравнительно слабо; блондины чаще встрѣчаются на С.-З. и Ю.-В., также въ Македоніи; въ центрѣ Болгаріи они совсѣмъ отсутствуютъ. Цвѣтъ глазъ у 18% голубой, у 59% — карій и 23% — сѣрый. Волосы на головѣ у 70% темнаго цвѣта и у 30% — свѣтлаго. Кожа у 65% бѣлая, у 35% — смуглая. Глазная щель въ большинствѣ случаевъ горизонтальна (65%); внѣшній край

ея приподнятъ у 31°/₀ и опущенъ у 5°/₀. Съ приподнятымъ внѣшнимъ краемъ глазная щель встрѣчается чаще всего на С.-З. и очень рѣдко на С.-В., Ю.-В. и Ю. По головному указателю большинство (77°/₀)—мезоцефалы; сравнительно немного брахицефаловъ и еще меньше долихоцефаловъ. Брахицефалы наиболѣе часты на С.-З. и очень рѣдки на Ю.; долихоцефалы, наоборотъ, часто встрѣчаются на Ю., рѣже на Ю.-З. и еще рѣже на С. По высотному указателю болгары — гипсицефалы (51°/₀) или ортоцефалы (44°/₀); хамэцефаловъ очень немного (5°/₀). Гипсицефалы занимаютъ С., ортоцефалы и хамэцефалы — Ю.-З. Болгаріи. Форма лица преимущественно овальная; отклоненія отъ этой формы чаще наблюдаются въ сторону удлиненнаго лица, нежели широкаго. Наиболѣе длиннолицые встрѣчаются на Ю. и очень рѣдки они на С., гдѣ господствуютъ хамэпрозопы. При комбинаціяхъ формъ черепа и формъ лица первое мѣсто по количеству занимаютъ брахицефалы-хамэпрозопы; есть нѣкоторое число и брахицефаловъ-лептопрозоповъ; очень мало встрѣчается долихоцефаловъ-лептопрозоповъ и еще меньше долихоцефаловъ-хамэпрозоповъ. Брахицефалы-лепто-или хамэпрозопы обычны на С., долихоцефалы-лепто-или хамэпрозопы — на Ю.; С.-З. Болгаріи занимаетъ промежуточное мѣсто между тѣми и другими. Горизонтальная окружность головы болгаръ не особенно велика, — въ среднемъ она равна у живыхъ 545 mm. (на муж. черепахъ — 514, на женскихъ — 493). Самою большою горизонтальною окружностью обладаетъ населеніе юго-западной Болгаріи (548 и 519 mm.), самою малою—населеніе южной (544 и 511). Вѣсъ мозга равенъ въ среднемъ у мужчинъ 1.388 gr., у женщинъ — 1.260 gr. У населенія Македоніи вѣсъ мозга больше (1.395 gr.), нежели у центральныхъ болгаръ (1.362 gr.). Деревенскіе жители имѣютъ вѣсъ мозга большій, чѣмъ горожане.

Ал. Ивановскій.

Dr. C. H. Stratz. Was sind Juden? Eine ethnographisch-anthropologische Studie. Wien und Leipzig, 1903.

Въ своей небольшой, популярно изложенной брошюрѣ, цѣль которой — отвѣтить на вопросъ: «что такое евреи», авторъ даетъ сначала нѣсколько важнѣйшихъ литературныхъ и историко-этнографическихъ данныхъ, затѣмъ подробнѣе касается антропологической стороны вопроса, при чемъ иллюстрируетъ ее рядомъ очень хорошихъ фотографій, сообщающихъ брошюрѣ особую цѣну. Не претендуя на исчерпывающій характеръ, не вездѣ будучи одинаково убѣдительной, брошюра д-ра Штратца можетъ принести извѣстную пользу для нѣкотораго ознакомленія съ поставленнымъ выше вопросомъ.

А. Элькиндъ.

Dr. Arthur Ruppin. Die Juden der Gegenwart. Eine socialwissenschaftliche Studie. Berlin, 1904.

Новая работа д-ра Руппина, уже заявившаго себя на поприщѣ статистическаго изученія евреевъ, является весьма цѣннымъ трудомъ въ томъ же направленіи, но построеннымъ по значительно болѣе широкому и разностороннему плану. Изложенію физическихъ особенностей отдана лишь одна, сравнительно небольшая глава, вся же остальная часть книги посвящена обзору культурно-историческихъ вліяній, изслѣдованію движенія населенія, характери-

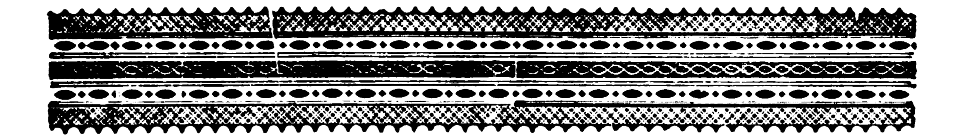
стикѣ различныхъ проявленій внутренней жизни евреевъ, статистикѣ развитыхъ среди нихъ профессій и ремеслъ, моральной статистикѣ. Въ заключительныхъ отдѣлахъ излагается современное положеніе евреевъ.

А. Элькиндъ.

Dr. Heinrich Singer. Allgemeine und spezielle Krankheitslehre der Juden. Leipzig, 1904.

Настоящее сочиненіе представляетъ, по словамъ автора, опытъ расовой патологіи евреевъ. Первыя главы содержатъ краткій антропологическій очеркъ. Съ третьей авторъ переходитъ къ анализу патологическихъ факторовъ, удѣляя каждому самостоятельную главу. Сюда отнесены имъ въ послѣдовательномъ порядкѣ данныя о рождаемости евреевъ въ бракѣ и внѣ брака, количество мертворожденій, общія отношенія смертности, дѣтская смертность, относительная убыль еврейскаго населенія въ Пруссіи, распространенность среди евреевъ инфекціонныхъ болѣзней, сахарной болѣзни, нервныхъ, душевныхъ, глазныхъ болѣзней, отношеніе евреевъ къ алкоголизму, глухо-нѣмотѣ, гемофиліи, самоубійству. Изъ этого перечня можно судить о разнообразіи содержанія работы д-ра Зингера, являющейся существеннымъ дополненіемъ къ вышеназванному труду Руппина и, подобно послѣднему, заслуживающей полнаго вниманія со стороны всѣхъ интересующихся демографіей евреевъ.

А. Элькиндъ.

Извѣстія и замѣтки.

Присужденіе д-ру А. А. Сухареву преміи имени А. П. Разцвѣтова. Въ годичномъ засѣданіи, 15-го октября 1904 г., Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи присудило премію имени А. П. Разцвѣтова д-ру А. А. Сухареву на основаніи слѣдующаго отзыва секретаря Антропологическаго Отдѣла, прив.-доц. А. А. Ивановскаго: «Книга А. А. Сухарева, носящая заглавіе: «Казанскіе татары. Опытъ этнографическаго и медико-антропологическаго изслѣдованія» (Спб., 1904 г.), представляетъ диссертацію на степень доктора медицины, защищенную авторомъ въ текущемъ году въ Военно-Медицинской Академіи. По своему содержанію книга г. Сухарева можетъ быть подраздѣлена на 4 части. Въ «Введеніи» авторъ даетъ обзоръ существующей литературы по антропологіи казанскихъ татаръ, представленной немногочисленными краніологическими изслѣдованіями. Въ слѣдующемъ за «Введеніемъ» «Историческомъ очеркѣ» авторъ старается прослѣдить смѣну тѣхъ народностей, которыя населяли въ разное время Камско-Волжскій край, и болѣе подробно останавливается на различныхъ историческихъ моментахъ въ жизни той этнической группы, которая впослѣдствіи была объединена подъ именемъ «казанскихъ татаръ». Въ «Этнографической части», основанной какъ на литературныхъ данныхъ, такъ и на собственныхъ многолѣтнихъ наблюденіяхъ автора (земскаго врача Казанскаго у.), дается обстоятельное описаніе быта современныхъ татаръ Казанской губ.; въ этой же части авторъ подробно разсматриваетъ вопросъ о заболѣваемости и смертности татаръ, пользуясь въ послѣднемъ случаѣ статистическими данными за 10-лѣтній періодъ, обнимающій 1891—1900 гг. 4-ый «Антропологическій очеркъ» занимаетъ большую часть книги и посвященъ обработкѣ собраннаго авторомъ антропологическаго матеріала. По подробной программѣ (мало отличающейся отъ программы, выработанной нашимъ Антропологическимъ Отдѣломъ) авторомъ изслѣдованы 137 муж. и 80 жен.; къ этому присоединены данныя о ростѣ 8.695 призывныхъ татаръ и для сравненія съ ними 3.134 великоруссовъ, 288 черемисовъ, 71 вотяка и 797 чувашей (также призывного возраста). Главнѣйшіе описательные и измѣрительные признаки разсмотрѣны каждый въ отдѣльности, причемъ прослѣжено возрастное и половое измѣненіе ихъ. Въ заключеніе, суммируя изученные признаки, авторъ даетъ общую характеристику средняго физическаго типа казанскихъ татаръ, отдѣльно мужчинъ и женщинъ. Къ книгѣ приложена цифровая таблица индивидуальныхъ антропометрическихъ величинъ. До появленія книги г. Сухарева въ русской антропологической литературѣ совершенно отсутствовали антропометрическія

данныя о казанскихъ татарахъ. Изслѣдованія автора являются первыми и пока единственными, дающими возможность судить о физическихъ особенностяхъ этой народности. Въ особую заслугу автора должно быть поставлено изслѣдованіе значительнаго числа женщинъ-мусульманокъ, измѣрительными данными о которыхъ такъ бѣдна антропометрія. Въ виду этого я полагаю, что авторъ антропологическаго изслѣдованія казанскихъ татаръ и татарокъ вполнѣ заслуживаетъ присужденія ему преміи имени почетнаго члена Общества А. П. Разцвѣтова».

Д-ръ А. А. Сухаревъ пожертвовалъ присужденную ему Обществомъ премію, въ размѣрѣ 200 рублей, на изданіе «Русскаго Антропологическаго Журнала».

Присужденіе А. Н. Абрамову золотой медали имени А. П. Разцвѣтова. Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ своемъ годичномъ засѣданіи, 15-го октября 1904 г., присудило А. Н. Абрамову золотую медаль имени А. П. Разцвѣтова на основаніи слѣдующаго отзыва президента Общества и предсѣдателя Антропологическаго Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина: «Работа А. Н. Абрамова о географическомъ распространеніи различныхъ формъ носового отверстія (apertura pyriformis) основана на просмотрѣ около $2^1/_2$ тыс. череповъ въ Антропологическомъ музеѣ. Основываясь на данныхъ Топинара, Мингазини и др., авторъ принимаетъ четыре установленныхъ типа aperturae pyriformis, прибавляетъ къ нимъ еще 5-й, установляемый имъ на основаніи собственныхъ наблюденій, и затѣмъ старается опредѣлить, какъ часто встрѣчаются всѣ эти типы на черепахъ различныхъ расъ и племенъ. Къ сожалѣнію, въ музеѣ имѣется очень мало африканскихъ череповъ, а также и американскихъ, вслѣдствіе чего работа г. Абрамова касается по преимуществу череповъ европейскихъ (особенно съ территоріи Россіи) и азіатскихъ племенъ. Основываясь на ихъ просмотрѣ, авторъ могъ изслѣдовать распредѣленіе различныхъ формъ нижняго края носового отверстія и установить тотъ фактъ, что т. наз. forma antropina свойственна по преимуществу Европѣ и бѣлой расѣ, а остальныя увеличиваются въ частотѣ, чѣмъ далѣе къ востоку и юго-востоку, причемъ т. наз. clivus nasoalveolaris (2-я форма его) преобладаетъ въ Австралазіи (Австралія, Нов. Гвинея, Зондскіе острова). Выводы эти выражены въ рядѣ таблицъ и картъ. Трудъ г. Абрамова долженъ былъ занять не мало времени и заслуживаетъ признательности со стороны Антропологическаго Отдѣла. Года два тому назадъ А. Н. Абрамову была присуждена отъ Общества серебряная медаль за его работу о башкирахъ. Новый трудъ его доказываетъ, что г. Абрамовъ продолжаетъ работать успѣшно въ области антропологіи. Принимая это во вниманіе, Отдѣлъ могъ бы поощрить дѣятельность г. Абрамова въ разрабатываемой имъ области знаній присужденіемъ ему золотой медали имени А. П. Разцвѣтова».

Новѣйшія антропологическія изслѣдованія въ Россіи. Минувшимъ лѣтомъ были произведены антропологическія изслѣдованія: *А. Н. Джаваховымъ*—300 карталинцевъ Горійскаго уѣзда и 40 армянъ, *С. М. Лепетюкомъ* и г. *Чавчанидзе* — 58 имеретинъ Рачинскаго и Кутаисскаго у., *С. Д. Масловскимъ*—97 горскихъ татаръ Нальчикскаго окр., Терской обл., *А. Л. Здроевскимъ* — 200 бѣлоруссовъ Дисненскаго у., Виленской губ., *П. А. Піонтковскимъ*—117 бѣлоруссовъ Гомельскаго у., Могилевской губ., *А. И. Колмогоровымъ*—80 зырянъ Енисейской губ., *А. Н. Абрамовымъ*—128 башкиръ Осинскаго и Бирскаго у., Уфимской губ.; *А. А. Арутиновъ* собираетъ для Антропологическаго музея Московскаго университета коллекцію мозговъ представителей различныхъ народностей Кавказа (собрано пока 50 мозговъ); *К. А. Бари* закончилъ работу о скуловой кости въ анатомо-антро-

пологическомъ отношеніи, основанную на изученіи 565-ти различныхъ череповъ Антропологическаго музея Московскаго университета.

XIII-ый международный конгрессъ по антропологіи и доисторической археологіи состоится въ 1906 г. въ Монако. Организаціонный комитетъ составляютъ: почетный президентъ Albert Gaudry, президентъ Dr. E. T. Hamy, почетные вице-президенты: Émile Cartailhac и Edouard Piette, вице-президенты: Marcellin Boule и Dr. L. Capitan, генеральный секретарь Dr. R. Verneau, помощникъ генеральнаго секретаря Dr. G. Papillault, секретарь аббатъ Breuil, казначей Henri Hubert. Со справками по поводу конгресса слѣдуетъ обращаться къ генеральному секретарю, Dr. R. Verneau (61, rue de Buffon, Paris).

Статистика Японіи. Въ послѣднемъ ежегодникѣ японскаго статистическаго бюро начальникъ послѣдняго, Ганабуза, приводитъ слѣдующія статистическія данныя объ Японіи. Собственно Японія (безъ Формозы и Пескадорскихъ острововъ) занимаетъ 382. 416 кв. клм. На этомъ пространствѣ живутъ 43.763.855 чел.; на 1 кв. клм. приходится 114,6 чел. Если прибавить къ населенію собственно Японіи населеніе Формозы и о-вовъ Пескадоресъ, то общее количество населенія Японіи выразится цифрою 46.228.822 чел. Городское населеніе преобладаетъ въ Японіи надъ сельскимъ, — перваго 86,4%, тогда какъ втораго только 13,6%. Такой рѣзкій перевѣсъ объясняется тѣмъ, что большинство городовъ Японіи не что иное, какъ большія деревни, гдѣ жители занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Мужское населеніе (22.074.242 чел.) въ Японіи преобладаетъ надъ женскимъ (21.689.613 чел.): 100 мужчинъ приходятся на 98,3 женщинъ Коэффиціентъ рождаемости составляетъ 3,27, коэффиціентъ смертности — 2,32.

Русское Антропологическое Общество при Петербургскомъ университетѣ имѣло въ истекшемъ осеннемъ полугодіи одно засѣданіе (29 окт. 1904 г.). Прочитанъ былъ докладъ д-ра *Ѳ. А. Бялынецкаго-Бирули*: „Головной указатель славянъ, летто-литовцевъ и др. на основаніи измѣреній русскихъ солдатъ". Произведя громадное число измѣреній (3.640) надъ гвардейцами, изъ которыхъ 3.269 было славянъ (велико,-бѣло-и малороссовъ), летто-литовцевъ— 118 чел. и т. д., докладчикъ ограничился только головнымъ указателемъ; остальныя измѣренія и соотношенія пока имъ не разработаны, хотя, кромѣ ширины и длины головы, онъ измѣрилъ ростъ, вѣсъ тѣла, опредѣлилъ цвѣтъ волосъ и глазъ и т. д. Изъ массы славянъ докладчику удалось выдѣлить слѣдующія этническія группы: 2.763 русскихъ (великоруссовъ изъ нихъ—1.473 ч., бѣлоруссовъ—594 ч., малороссовъ— 525 ч.), сибиряковъ— 116 ч., 1-го болгарина и 505 поляковъ. На основаніи измѣреній головного указателя докладчикъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) у русскихъ славянъ преобладаетъ брахицефалія, при чемъ у малороссовъ 65,5% брахицефаловъ, у бѣлоруссовъ — 47,73% и, наконецъ, у сибиряковъ — 38,07%. Мезоцефалическій типъ одинаково частъ у всѣхъ четырехъ названныхъ представителей славянъ. Долихоцефаловъ среди малороссовъ лишь 11,98%, бѣлоруссовъ—27,93%, великоруссовъ—28,59% и сибиряковъ—36,87%. 2) Поляки въ отношеніи головного указателя приближаются къ малороссамъ: изъ нихъ брахицефаловъ было 59,19%, а долихоцефаловъ — 18,59%. Изъ видовъ брахицефаліи преобладаетъ суббрахицефалія. 3) Изъ летто-литовцевъ у литовцевъ преобладаетъ (насколько позволяетъ дѣлать выводы малое число измѣреній) брахицефалія, при чемъ у летувисовъ — сходство съ бѣлоруссами, а у жмудяковъ — близость къ полякамъ. У латышей — рѣзкое преобладаніе до-

лихоцефаліи, что сближаетъ ихъ съ скандинавами и сосѣдями-эстонцами. Остальные результаты, добытые докладчикомъ, не претендуютъ на безусловную научность, такъ какъ число измѣренныхъ особей слишкомъ недостаточно. Докладъ вызвалъ оживленный обмѣнъ мнѣній, при чемъ указывалось на то, что, не примѣняя при этой массѣ измѣреній географическаго метода, т.-е. не нанося на карту данныя, трудно говорить о долихоцефаліи и пр. русскихъ и т. д., когда типъ этотъ въ географическихъ предѣлахъ являетъ рядъ измѣненій и переходовъ. Докладчикъ находилъ, что основанія для подобной сортировки по губерніямъ и т. д., въ видѣ удовлетворительной этнографической карты, у него не было, а показанія самихъ солдатъ насчетъ ихъ мѣста родины и національности, особенно въ области бѣлорусской и литовской, были очень запутаны и сбивчивы. Кромѣ того, указывалось и на односторонность самого матеріала, такъ какъ наблюденія производились исключительно надъ гвардейцами, т.-е. надъ наиболѣе рослымъ населеніемъ. Передъ докладомъ предсѣдатель просилъ почтить память скончавшихся членовъ Общества: почетнаго члена проф. Ратцеля въ Лейпцигѣ и д. чл. проф. И. Н. Смирнова въ Казани. Затѣмъ было доложено собранію о поступленіи въ даръ отъ г. Бекетова 40 череповъ изъ Алушты, нѣкоторые изъ которыхъ носятъ явные слѣды деформаціи. Коллекція въ настоящее время передана для обработки д-ру Фридолину. Въ данное время печатается «Ежегодникъ» Общества вмѣсто издававшихся ранѣе «Протоколовъ». Въ него войдутъ, на-ряду съ антропологическими работами, статьи по этнографіи и фольклору.

Антропологическій Отдѣлъ Общества Любителей Естествознанія имѣлъ въ осеннемъ полугодіи 1904 года четыре засѣданія (25 сент., 4 окт., 27 ноября и 18 дек.), въ которыхъ были сдѣланы слѣдующія 9 сообщеній: *А. Н. Абрамова*—О формахъ Apertura pyriformis, *Я. Д. Галая*—Антропологическій очеркъ великоруссовъ Старицкаго у., Тверской губ., *К. И. Завойскаго*—Медицина и врачи въ Маньчжуріи, *Н. В. Кирилова* — Китайская медицина, *А. И. Колмогорова*—Финны Финляндіи, *П. Г. Статкевича* — Полителія у мужчины, *Е. М. Чупурковскаго* — 1) Къ вопросу о сходствѣ половыхъ признаковъ у различныхъ расъ и 2) О варіаціи и соотношеніяхъ нѣкоторыхъ признаковъ въ связи съ вопросомъ о возникновеніи расовыхъ различій и *А. Д. Элькинда* — Гигіена и вырожденіе (по воззрѣніямъ Gruber'a, Kossmann'a и Bleuler'a).

Труды Антропологическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Томъ XVIII, вып. 1—3, подъ редакціей Д. Н. Анучина, Н. В. Гильченко и А. А. Ивановскаго. Москва, 1897 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: Анатолій Петровичъ Богдановъ (съ портретомъ).—*А. Г. Рождественскій*—Величина головы человѣка въ ея зависимости отъ роста, пола, возраста и расы (съ 5-ю графич. таблицами).—*Н. В. Гильченко*—Матеріалы для антропологіи Кавказа. Кубанскіе казаки.—*А. Д. Элькиндъ*—Привислинскіе поляки.—*Н. А. Янчукъ*—Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о литовскихъ татарахъ. — *А. А. Арутиновъ*—Къ антропологіи кавказскаго племени удинъ.—*Н. П. Константиновъ-Щипунинъ* — Къ краніологіи древняго населенія Костромской губ. — *Д. Н. Анучинъ*—Е. А. Покровскій, К. Н. Иковъ и А. М. Раевская (некрологи.)—Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

Томъ XIX, подъ редакціей Д. Н. Анучина и А. А. Ивановскаго. Москва, 1899 г. Цѣна 3 руб.

Содержаніе: *Р. Л. Вейнбергъ*—О строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ (съ 20 рис.).—*М. И. Лутохинъ*—Историческій обзоръ литературы о расовыхъ отличіяхъ таза.—*П. А. Минаковъ*—Новыя данныя по изслѣдованію волосъ изъ древнихъ могилъ и отъ мумій (съ 1 раскраш. табл.).—*П. А. Минаковъ*—Ненормальная волосатость (съ 3 рис.).—*В. В. Воробьевъ*—Матеріалы къ антропологіи великорусскаго населенія нѣкоторыхъ уѣздовъ Рязанской губ. (съ 9 діаграм.),—*В. И. Васильевъ*—Размѣры черепа и лица по отношенію къ возрасту и росту у учащихся въ школахъ Серпуховскаго у., Московской губ. (съ 4 діаграм.).—*Н. В. Гильченко*—Вѣсъ головного мозга и нѣкоторыхъ его частей у различныхъ племенъ, населяющихъ Россію.—*А. А. Ивановскій* — Къ вопросу о различіяхъ формъ глазной щели. — *П. А. Минаковъ* — О формѣ и цвѣтѣ волосъ изъ кургановъ Ср. Россіи.—*А. Д. Элькиндъ*—О черепныхъ типахъ проф. Серджи въ связи съ черепнымъ указателемъ (съ 4 діагр.). — *А. Д. Элькиндъ* — Замѣтка о черепахъ изъ еврейскихъ катакомбъ въ Римѣ (съ 1 рис.).—*Д. Н. Анучинъ*—Памяти Г. Д. Филимонова и Г. де-Мортиллье.—*А. А. Ивановскій*—Секція антропологіи XII-го международнаго съѣзда врачей (съ 6 рис.). — Протоколы засѣданій Антропологическаго Отдѣла.—Отзывы о трудахъ, представленныхъ въ Отдѣлъ для соисканія премій и золотой медали по антропологіи.

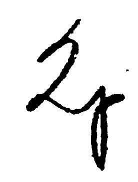
Томъ XX: В. В. Воробьевъ — Наружное ухо человѣка. Москва, 1901 г. Цѣна 3 руб.

Томъ XXI: А. Д. Элькиндъ—Евреи (сравнительно-антропологическое изслѣдованіе, преимущественно надъ польскими евреями). **Съ 6 діагр. и 70 рис. въ текстѣ. Москва, 1903 г. Цѣна 4 руб.**

Томъ XXII: А. А. Ивановскій—Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Москва, 1904 г. Цѣна 3 руб.

Русскій Антропологическій Журналъ.

1900 — 1903 г.г. (кн. I—XVI): *Ь. Ѳ. Адлеръ* — Происхожд. и пересел. народовъ съ географич. точки зрѣнія,—Луки и стрѣлы Сѣв. Азіи; *Д. Н. Анучинъ*— Бѣглый взглядъ на прошлое антропологіи и на ея задачи въ Россіи,— Аномал. швы и кости мозгов. черепа человѣка по изслѣдов. проф. Ранке (3 рис.),—Объ останкахъ германцевъ въ торфяникахъ Шлезвига (4 рис.),—Р. Вирховъ (2 порт. и 2 рис.), — О задачахъ и методахъ антропологіи (13 рис.),—Новыя антроп. діаграммы (5 черт.); *Н. А. Аристовъ* —Этнич. отношенія на Памирѣ и въ прилегающихъ странахъ; *А. А. Арутиновъ* — Къ антроп. айсоровъ; *К. А. Бари* — Варіаціи въ скелетѣ современ. человѣчества и ихъ значеніе для рѣшенія вопроса о происхожд. и образов. расъ; *И. О. Баронасъ* — Къ антроп. литов. племени; *Н. В. Берви* — Обработка антропол. наблюденій при помощи теоріи вѣроятностей,—О методѣ изслѣдованія ископ. и соврем. череповъ (8 черт.); *Р. Л. Вейнбергъ* — Къ вопросу объ исполин. ростѣ (3 рис.), — Новѣйшіе успѣхи въ области антроп. костной системы (3 рис.), — Эсты (12 рис.), — Анатом. особенности первобыт. человѣка (6 рис.), — Къ анатоміи нёбнаго валика (2 рис.),—Женщина, какъ племен. типъ (3 рис.), — Къ ученію о формѣ мозга человѣка (10 рис.); *Г. И. Вильга* — Зубы въ антроп. отнош. (12 рис.); *В. В. Воробьевъ* — Великоруссы (6 рис.),—О соотнош. между главнѣйшими размѣрами головы и лица человѣка и его ростомъ (6 діагр.), — Наружное ухо человѣка (6 рис.), — Объ антропол. изученіи славян. насел. Россіи,—Астрахан. калмыки, — Нѣск. данныхъ по антроп. великорус. женщины; *Э. Гёршельманъ* — Формы грудной железы у эстонокъ; *К. И. Горощенко*—Сойоты (1 рис.); *И. Э. Дзержинскій* — Поляки Ново-Александр. у., Любл. губ.; *Н. Л. Зеландъ* — Къ антроп. зап.-сибир. крестьянина, — О темпераментѣ; *А. А. Ивановскій*—Д. Н. Анучинъ (портр.),— Езиды, — Полож. человѣка въ ряду животныхъ, — Евреи (10 рис.), — Классиф. человѣч. расъ I. Деникера,—Зубы у различ. человѣч. расъ, — Карлики и пигмеи, — Объ антропол. изученіи инородч. насел. Россіи, — Киргизы Средн. орды (4 рис.), — Опытъ антроп. классиф. насел. Россіи; *С. А. Королевъ* — Астрах. калмыки (4 рис. и 3 діагр.); *Д. А. Коропчевскій* — Кинъ и его руководства по этнологіи; *Д. П. Косоротовъ* — О ритуал. поврежденіяхъ у скопцовъ; *А. Н. Красновъ* — Объ антроп. изслѣд. и измѣр. въ Харьков. и Валков. у.,—Матеріалы для антроп. рус. народа (4 табл. рис.); *К. М. Курдовъ* — Кюринцы (4 рис.); *Е. И. Луценко* — Къ антроп. характеристикѣ алтайскаго племени теленгетъ (11 рис.); *И. И. Майновъ* — Помѣсь русскихъ съ якутами (4 рис.); — Два типа тунгусовъ (4 рис.), — Якуты (7 рис.); *Н. М. Маліевъ* — Вогулы (2 рис.); *С. Д. Масловскій* — Гальча; *М. В. Милославскій* — Лобныя пазухи въ связи съ краніол. признаками (12 рис.); *П. А. Минаковъ* — Волосы въ антропол. отношеніи (4 рис.), — Ногти человѣч. руки (1 рис.), — Мозгъ Г. Гельмгольца (2 рис.), — Значеніе антропологіи въ медицинѣ, — О посѣдѣніи волосъ (2 табл. рис.); *Д. П. Никольскій* — О чукчахъ Колымскаго окр.; *А. Н. Рождественскій* — Къ антроп. бѣлоруссовъ Слуцк. у., Минск. губ.; *В. Н. Розановъ* — Гинекомастія (5 рис.), — Полимастія и полителія (2 рис.); *И. П. Силиничъ* — Къ краніологіи сойотъ; *Л. Д. Синицкій* — Географич. будущность европ. расъ,—Біолог. корни человѣч. общества; *Ю. Д. Талько-Грынцевичъ* — Древніе обитатели Центр. Азіи, — Польская антроп. литература (2 портр.), — Поляки (14 рис.),— Къ антроп. Забайкалья и Монголіи (21 рис.); *Е. М. Чепурковскій* — Къ антроп. рус. женщинъ; *А. Д. Элькиндъ* — Евреи (25 рис. и 4 діагр.) и др.

Русскій Антропологическій Журналъ,

издаваемый Антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла А. А. Ивановскаго (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 года, предсѣдателя Отдѣла, проф. Д. Н. Анучина), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая въ 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Б. Ѳ. Адлеръ, проф. Д. Н. Анучинъ, Н. А. Аристовъ, А. А. Арутиновъ, К. А. Бари, проф. Н. В. Берви, С. А. Вайсенбергъ, пр.-доц. Р. Л. Вейнбергъ, пр.-доц. Г. И. Вильга, Ѳ. К. Волковъ (Парижъ), пр.-доц. В. В. Воробьевъ, Н. В. Гильченко, К. И. Горощенко, І. Е. Деникеръ (Парижъ), пр.-доц. А. А. Ивановскій, Ф. Я. Конъ, проф. Д. П. Косоротовъ, проф. А. Н. Красновъ, К. М. Курдовъ, Е. Н. Луценко, И. И. Майновъ, А. Н. Максимовъ, проф. Н. М. Маліевъ, С. Д. Масловскій, проф. П. А. Минаковъ, проф. Л. Г. Нидерле (Прага), Д. П. Никольскій, И. Н. Пантюховъ, Л. О. Перфильевъ, проф. М. А. Поповъ, А. Т. Рождественскій, В. Н. Розановъ, проф. И. А. Сикорскій, Н. П. Силиничъ, Л. Д. Синицкій, Ю. Д. Талько-Грынцевичъ, проф. А. Н. Таренецкій, граф. П. С. Уварова, пр.-доц. А. С. Хахановъ, Е. М. Чепурковскій, пр.-доц. С. М. Чугуновъ, проф. Л. Х. Штида (Кенигсбергъ), А. Д. Элькиндъ, Н. А. Янчукъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 р. 50 к. (двойной—3 р.)

Съ требованіями обращаться: Москва, Политехническій музей, въ Антропологическій Отдѣлъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, или: Москва, Историческій музей, секретарю Антропологическаго Отдѣла А. А. Ивановскому.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 112401713